

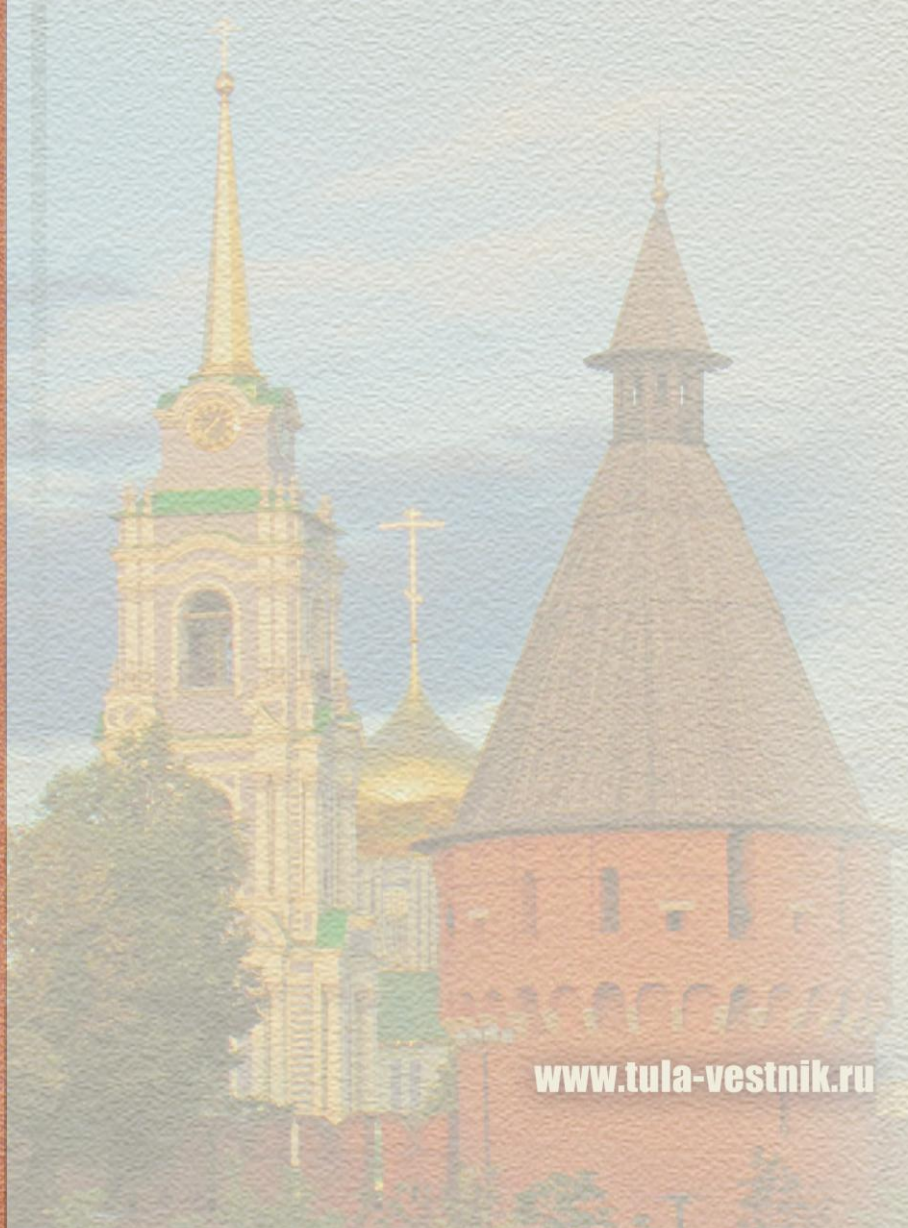
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025

ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 1 (21)

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 1 (21)

**Тула
2025**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 1 (21)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-1

Дата выхода в свет: 03.04.2025 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор

Е. П. Мартынова

Заместитель

главного редактора –
доктор филологических наук,
профессор

Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук

Н. А. Биленко

Технический редактор –
кандидат исторических наук
М. О. Сафронова

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук ВАК
Минобрнауки РФ (по специальностям:
5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. –
Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология,
антропология и этнография, 5.9.5. –
Русский язык. Языки народов России,
5.9.8. – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им.
Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано
Роскомнадзором 13.11.2020 г.
Регистрационный номер:
ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2025

© Авторы статей, 2025

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 31-20-34

Электронный адрес:

history@tsput.ru

Издатель:

ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».

Адрес издателя:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 35-14-88

Электронный адрес:

info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

История древнего мира

- Безруков А. В., Улитин В. В., Кучеренко Е. С.* Военно-политические факторы и греко-варварская торговля: проблемы сопоставления данных письменных и археологических источников (на примере Прикубанья и междуречья Волги и Урала) **8**

- Куликова Ю. В.* Варварские вторжения как фактор изменения идентичности Римской империи III века **20**

Политическая история

- Семеева С. А.* Отношение к анархическому терроризму в России в начале XX века **38**

- Богачёв Н. В.* Деятельность Международного женского секретариата Коминтерна в нацистской Германии в 1933–1939 гг. **49**

- Зайцев Н. А.* Деятельность политотделов МТС и совхозов Центрального Черноземья по организации женского труда в колхозах (1933–1934 гг.) **56**

- Морозова П. А.* От формального равенства к неформальному лидерству: Ленинградская студия телевидения в контексте межрегиональных связей в 1960-е гг. **66**

Этнология и антропология

- Вигет Д. А.* «Те, кому нет препятствий»: маячки в культурном ландшафте юганских ханты **76**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Актуальные вопросы русистики

- Коренева А. В., Рыжкова И. В.* Концепт «Север» и его восприятие российскими студентами (на примере обучающихся Мурманска и Санкт-Петербурга) **89**

- Губанов С. А.* Когнитивно-семантические основы эпитетации в текстах М. Цветаевой **101**

- Карпова А. М.* Электронный художественный текст как объект лингвистического исследования: проблема определения и типологии **111**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выпуск 1 (21)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-1

Праско М. В. Внутридискурсивная вариативность
издательской аннотации в диахронном аспекте:
фактор идеологического компонента содержания **122**

Дмитриева Е. В. Компьютерная терминология
как феномен современной языковой картины мира **134**

Романов Д. А. «Воспоминания» В. В. Вересаева как
лингвистический и лингводидактический источник **146**

Актуальные вопросы теории языка

Поречная В. И. Характеристики позиционного глагола
«сидеть» в составе гиперболы **159**

Горохова Ю. В. Миромоделирование
англоязычного дискурса прессы **172**

Тимошенко И. В. Изучение референции именных
выражений в английском, французском, португальском
и русском языках при помощи постпереводческого
анализа **192**

Вишневац В. Трудности, возникающие при обучении
морфологии русского языка в сербскоязычной
аудитории **209**

РЕЦЕНЗИИ

Рязанов С. М. Взгляд историка: рецензия на монографию
К. А. Ситникова «Уездная полицейская стража
Российской империи в 1903–1917 гг.
(на примере Воронежской губернии)» **221**
(М.: Проспект, 2024. 287 с.)

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 1 (21)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-1

Released on April 03, 2025

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Technical editor

PhD in History
M. O. Safronova

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.

Mass media are registered in Federal
Service for Supervision of
Communications, Information Technology
and Mass Media
on November 13, 2020.
Registration number
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University, 2025

© Authors of articles, 2025

**Address of the founder
and the editorial office:**

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34

E-mail address: history@tsput.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88

E-mail address:
info@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Ancient History

Bezrukov A. V., Ulitin V. V., Kucherenko E. S. Military and
Political Factors and the Greco-Barbarian Trade: Issues of
Comparing Data from Written and Archaeological Sources
(on the Example of the Kuban Region and the Interfluvium of
the Volga and the Ural) **8**

Kulikova Yu. V. Barbarian Invasions as a Factor in Changing
the Identity of the Roman Empire in the Third Century **20**

Political History

Semeeva S. A. Attitude to Anarchist Terrorism in Russia at
the Beginning of the 20th Century **38**

Bogachyov N. V. The Activities of the Comintern
International Women's Secretariat in Nazi Germany
in 1933–1939 **49**

Zaytsev N. A. The Activities of the Machine and Tractor
Station Political Departments and State Farms of the Central
Black Earth Region on the Organization of Women's Labor in
Collective Farms (1933–1934) **56**

Morozova P. A. From Formal Equality to Implicit Leadership:
The Leningrad Television Studio in the Context of
Interregional Relations in the 1960s **66**

Ethnology and Anthropology

Wiget D. A. “Those Who Have no Barriers”: Mayachkas in the
Cultural Landscape of the Yugan Khanty **76**

LINGUISTICS

Current Issues in Russian Language Studies

Koreneva A. V., Ryzhkova I. V. The Concept of the North
and Its Perception by Russian Students (On the Example
of Students from Murmansk and St. Petersburg) **89**

Gubanov S. A. Cognitive-Semantic Bases of Epithetation
in the M. Tsvetaeva's Texts **101**

Karpova A. M. Electronic Literary Text as an Object of
Linguistic Research: the Problem of Definition and Typology **111**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Issue 1 (21)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-1

Prasko M. V. The Intra-Discursive Variability of the Publisher's Annotation in the Diachronic Aspect: the Factor of the Content Ideological Component **122**

Dmitriyeva E. V. Computer Terminology as a Phenomenon of the Modern Linguistic Worldview **134**

Romanov D. A. "Memories" by V. V. Veresaev as a Linguistic and Linguo-Didactic Source **146**

Topical Research on the Theory of Language

Porechnaya V. I. Characteristics of the Positional Verb "to Sit" as a Part of Hyperbole **159**

Gorokhova Yu. V. World Modeling of the English-Language Press Discourse **172**

Timoshenko I. V. Studying the Reference of Noun Phrases in English, French, Portuguese and Russian Using Post-Translation Analysis **192**

Visnjevack V. Difficulties in Teaching Russian Morphology to a Serbian-Speaking Audience **209**

REVIEWS

Ryazanov S. M. The Historian's View: a Review of the Monograph by K. A. Sitnikov 'Uezd Police Guards of the Russian Empire in 1903–1917 (on the Example of Voronezh Governorate)' (Moscow, Prospekt publ, 2024, 287 p.) **221**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,

доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,

кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,

доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,

доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсø, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Mosckow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromso, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

История древнего мира

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 8–19.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 1 (21). P. 8–19.

Научная статья

УДК 94(3)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-8-19>

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ГРЕКО-ВАРВАРСКАЯ ТОРГОВЛЯ: ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДАННЫХ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИКУБАНИЯ И МЕЖДУРЕЧЬЯ ВОЛГИ И УРАЛА)

**Андрей Викторович
Безруков¹**

**Владислав Всеволодович
Улитин²**

**Елизавета Сергеевна
Кучеренко³**

^{1,3} Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

¹ Магнитогорск, Россия, buonogiorno@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-1243-2188>

² Кубанский государственный университет

² Краснодар, Россия, ulitin_vladislav@yahoo.com

² <https://orcid.org/0000-0002-6470-7668>

³ Магнитогорск, Россия, fryday.lizok@gmail.com

Аннотация. Целью исследования является характеристика проблем сопоставления данных письменных и археологических источников при изучении воздействия военно-политических факторов на греко-варварскую торговлю на примере Прикубанья и междуречья Волги и Урала как ближней и дальней варварской периферии античного мира соответственно. Выделены и охарактеризованы четыре группы проблем. Первая группа связана с отражением информации, касающейся динамики торговли и динамики военно-политических событий. Вторая группа – проблемы, связанные с датировкой событий военно-политического характера и изменений в торговле на основе археологического материала. Третья группа – проблемы локализации топонимов и этнонимов и этнокультурной атрибуции археологических памятников и культур. Четвертая группа – проблемы установления вероятных причинно-следственных связей между действием военно-политических факторов и динамикой торговли.

Общие проблемы сопоставления данных археологических и письменных источников по охарактеризованным четырем группам связаны со спецификой различных их категорий, степенью и особенностями отражения в них информации о динамике торговли и военно-политических событиях, и процессах. Особенности и возможности сопоставления, выявляемые для каждого из регионов, Прикубанья и междуречья Волги и Урала, связаны со спецификой определенного круга письменных и археологических источников, степенью и особенностями отражения в них информации «военного» и «торгового» характера. На них, в свою очередь, влияли различия между этими регионами этнического, географического, хозяйственно-культурного, военно-политического характера, а также в степени и характере их вовлеченности в античную торговлю и военно-политические события в античном мире.

Ключевые слова: Прикубанье, междуречье Волги и Урала, греко-варварская торговля, военно-политические факторы, меоты, сарматы, проблемы сопоставления данных письменных и археологических источников, IV в. до н. э. – II в. н. э.

Для цитирования: Безруков А. В., Улитин В. В., Кучеренко Е. С. Военно-политические факторы и греко-варварская торговля: проблемы сопоставления данных письменных и археологических источников (на примере Прикубанья и междуречья Волги и Урала) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 8–19. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-8-19>

Сведения об авторах: А. В. Безруков – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, проспект Ленина, 38;

В. В. Улитин – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149;

Е. С. Кучеренко – студент Института Гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, проспект Ленина, 38.

© Безруков А. В., Улитин В. В., Кучеренко Е. С., 2025

Scientific Article

UDC 94(3)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-8-19>

**MILITARY AND POLITICAL FACTORS AND THE GRECO-BARBARIAN TRADE:
ISSUES OF COMPARING DATA FROM WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES
(ON THE EXAMPLE OF THE KUBAN REGION AND THE INTERFLUVE
OF THE VOLGA AND THE URAL)**

Andrey V. Bezrukov ¹

Vladislav V. Ulitin ²

Elizaveta S. Kucherenko ³

^{1,3} Nosov Magnitogorsk State Technical University

¹ Magnitogorsk, Russia, buonogiorno@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-1243-2188>

² Kuban State University

² Krasnodar, Russia, ulitin_vladislav@yahoo.com

² <https://orcid.org/0000-0002-6470-7668>

³ Magnitogorsk, Russia, fryday.lizok@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to characterize the issues of comparing written and archaeological sources in studying the impact of military and political factors on the Greco-Barbarian trade using the example of the Kuban region and the interfluvium of the Volga and the Ural as the near and far barbarian periphery of the ancient world, respectively. Four groups of issues are identified and characterized. The first group is associated with the reflection of information on the dynamics of trade and the dynamics of military and political events. The second group includes issues associated with dating military and political events and changes in trade based on archaeological material. The third group includes issues of localizing toponyms and ethnonyms and ethnocultural attribution of archaeological sites and cultures. The fourth group includes issues of establishing probable cause-and-effect relationships between the action of military and political factors and the dynamics of trade.

The general issues of comparing data from archaeological and written sources for the four groups described are related to the specifics of their various categories, the degree and features of the reflection of information on the dynamics of trade and military and political events and processes. The features and possibilities of comparison revealed for each of the regions, the Kuban region and interfluvium of the Volga and the Ural, are related to the specifics of a certain range of written and archaeological sources, the degree and features of the reflection of information of a "military" and "trade" nature. They, in turn, were influenced by the differences between these regions of an ethnic, geographical, economic-cultural, military-political nature, as well as the degree and nature of their involvement in ancient trade and military and political events in the ancient world.

Keywords: Kuban region, interfluvium of the Volga and the Ural, Greco-Barbarian trade, military and political factors, Meotians, Sarmatians, issues of comparing data from written and archaeological sources, 4th century BC – 2nd century AD.

For citation: Bezrukov, AV, Ulitin, VV & Kucherenko, ES 2025, 'Military and Political Factors and the Greco-Barbarian Trade: Issues of Comparing Data from Written and Archaeological Sources (on the Example of the Kuban Region and the Interfluvium of the Volga and the Ural)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 8–19, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-8-19> (in Russ.)

Information about the Authors: Andrey V. Bezrukov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University, 38, Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000, Russia;

Vladislav V. Ulitin – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Kuban State University, 149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russia;

Elizaveta S. Kucherenko – Student of the Institute of Humanities Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University, 38, Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000, Russia.

Среди групп факторов, воздействовавших на греко-варварскую торговлю, одними из важнейших были военно-политические. Проследить это влияние возможно на основе сопоставления динамики торговли и военно-политической динамики и установления вероятных взаимосвязей между ними. Это предполагает обращение к письменным и археологическим источникам обеих «тематических» групп, «торговой» и «военной», методика изучения каждой из которых, в свою очередь, имеет свои особенности [8; 36; 35], и сопоставление их данных. В статье рассмотрены проблемы сопоставления данных письменных и археологических источников при изучении воздействия военно-политических факторов на греко-варварскую торговлю на примере Прикубанья и междуречья Волги и Урала как ближней и дальней варварской периферии античного мира соответственно.

Для сопоставления выбраны категории источников, характеризующие период с IV в. до н. э. по II в. н. э. в истории этих регионов. Он представляет особый интерес и наибольшие возможности с точки зрения изучения как военно-политической динамики, так и торговых связей. Категории источников анализируются с использованием методов их сопоставления, а также историко-сравнительного, хронологического, системного методов и результатов статистического анализа. Особенности характера важнейших аспектов, связанных с торговлей и военно-политическими факторами, позволяют выделить четыре группы проблем.

Первая группа связана с отражением информации о динамике торговли и изменениях военно-политической обстановки в письменных и археологических источниках. Изучение динамики торговли подразумевает поиск и анализ по данным источников информации об участниках торговли, товарах, ее характере, ареалах производства, обмена и потребления товаров, эмпориях, торговых путях, объемах и периодах торговли.

В письменных источниках содержится ценная информация о варварских товарах, не отражающаяся археологически: рабы и кожи, доставляемые кочевниками (Strab. XI, 2, 3) [9, с. 175, 183], рабы-меоты и рабы-сарматы средиземноморских надписей [13, №№ 91–98, 108, 109, 111, 113–115; 7, с. 68], пути и способы поступления которых (а для сарматов и регионы происхождения) не вполне ясны [15, с. 309; 27, с. 93–94]. Список кочевнических товаров нуждается в пополнении [9, с. 175]. Сведения об участниках торговли чаще либо слишком общие (европейские и азиатские кочевники – посетители Танаиса, сопоставляемые с сарматами [27, с. 318–319]), либо отрывочные: верхние аорсы, игравшие посредническую роль в караванной торговле «индийскими и вавилонскими товарами» (Strab. XI, 5, 8) [27, с. 327], пантикапейский купец Хрестион, умерший в земле сираков (КБН 142) [18, с. 163; 32]. Сохранились и косвенные данные письменных источников о торговле с земледельцами-меотами и их зерновых ресурсах: сообщения Страбона о Фанагории как эмпории (Strab. XI, 2, 10) [18, с. 282] и о дани, получаемой Митридатом из областей близ Синдики и Таврики (Strab. VII, 4, 6) [1, с. 342–344]. Косвенную информацию дают и характеризующие боспорский хлебный экспорт в Афины почетные декреты (IG II 212; Syll. 370) и сведения Демосфена и Страбона (Dem. XX, 32; Strab. VII, 4, 6) [19, с. 111–117], поскольку меотское зерно могло поступать на средиземноморские рынки от имени Спартокидов [29, с. 131].

В археологическом материале категории варварского экспорта фиксируются лишь косвенно – в виде согласующихся с краткими данными письменных источников о хозяйстве племен (Strab. XI, 1, 2, 4; 5, 8) свидетельств развития земледелия, скотоводства, рыболовства у оседлых меотов [15, с. 248–259] и скотоводства у сарматов Прикубанья и междуречья Волги и Урала [2, с. 20–25]. Из категорий античного импорта античными авторами отдельно упоминаются только вино и одежда (Strab. XI, 2, 3) [9, с. 175, 183], что подтверждает заметную роль их как товаров, приобретае-

мых сарматами дальней периферии. Остальной широкий круг античных товаров мог входить в «прочие принадлежности культурного обихода» (Strab. XI, 2, 3) [9, с. 175, 183].

По археологическим данным фиксируется большинство категорий античного импорта и товаров [9, с. 184–186; 18, с. 265–267], за исключением не сохранившихся в земле товаров из органических материалов. Наличие массового античного импорта служит подтверждением и варварского экспорта в ответ на него. Сопоставление с данными письменных источников категорий античного импорта требует определенного их отбора, поскольку не все они поступали торговым путем [8, с. 22–23; 37, с. 329–330; 18, с. 263–264]. Кроме того, очень вероятно, что вино на дальнюю периферию в основном поступало в не сохраняющейся в земле мягкой таре [9, с. 186; 2, с. 67].

Свидетельство Страбона о торговле в Танаисе характеризует греко-варварскую торговлю в Северном Причерноморье как основанную на натуральном обмене [9, с. 174, 183]. Находки монет и монетные клады свидетельствуют о наличии на меотских территориях также денежного обращения [3; 4, с. 64–65]. Сведения Страбона о Пантикапее, Фанагории и Танаисе как эмпориях (Strab. XI, 2, 10) дополняют открытые при раскопках следы других эмпориев на территории варварских поселений [18, с. 283].

Труды античных авторов молчат о движении товаров в Прикубанье, но содержат прямую информацию об участии верхних аорсов в караванной торговле на транскавказском пути (Strab. XI, 5, 8) [27, с. 327]) и косвенную о функционировании северной ветви Великого Шелкового пути [28, с. 200–202]. Археологические данные не дают однозначный ответ о соотношении использования речных и сухопутных магистралей в Прикубанье [31, с. 173–179], но позволяют предполагать использование караванных путей кочевниками междуречья Волги и Урала [9, с. 177–178].

Динамика торговли практически не находит отражения в письменных источниках, за исключением отдельных количественных (Dem. XX, 32; Strab. VII, 4, 6) и отчасти проблематичных для оценки данных по боспорскому хлебному экспорту и затем длительного, но красноречивого молчания о нем, сведений о «чередовании» ввоза и вывоза зерна в Понт в более позднее время (Polyb. IV, 38–45) [19, с. 117]. В большинстве случаев изменения реконструируются по археологическим данным, для ближней периферии достаточно детально, позволяя проследить кризисные явления в греко-меотской торговле на основе сокращения объемов импорта, разнообразия его состава, ареала его распространения [18, с. 268–282], тезаврации кладов [1, с. 343–344], нарушения или прекращения денежного обращения в эмпориях [3, с. 162].

Изучение военно-политической динамики подразумевает поиск и анализ по данным источников информации об участниках событий, ареалах военных действий и военно-политической напряженности, действии военно-политических факторов, их временных рамках, масштабах, результатах и последствиях. Военно-политические конфликты всегда были предметом особого внимания со стороны письменных источников [35, р. 117], их различные категории особенно хорошо известны в связи с историей Прикубанья в античную эпоху. Сохранились редкие упоминания о прямом воздействии военных событий на состояние торговли (деятельность купца Формиона на Боспоре ок. 328 г. до н. э. (Dem. XXXIV, 8) [22, с. 160–164]; римская блокада Боспора 65–63 гг. до н. э. (Plut. Pomp. 39) [23, с. 132, 134]).

Военные события недостаточно отражены в археологических данных [35, р. 117]. Выявляются свидетельства нападений (разрушение фортификационных сооружений [21, с. 265], пожары [34, с. 225–235; 33, с. 66], наконечники стрел, ядра [32, с. 417]), а также непосредственного участия воинов в военных действиях: трофеи [37, с.

329–330]; предметы вооружения, связанные с пребыванием представителей племен на службе у правителей античных государств [26, с. 262]; следы боевых травм у воинов в погребениях, выявляемые методами антропологии [16, с. 169]. Не оставили материальных следов деятельность пиратских племен в Черном море и борьба античных правителей с ними [7, с. 124], военные нападения на торговые суда, морская блокада Боспора Киммерийского 65–63 гг. до н. э. [12, с. 141, 144].

Напротив, такие важные военно-политические факторы, как миграции [11; 17], либо слабо, либо вообще не фиксируются письменными источниками. В отсутствии прямых сведений о переселении племен на территорию Прикубанья и междуречья Волги и Урала у античных авторов упоминание ими новых областей и народов, походов из нового ареала обитания, а также имен некоторых вождей (Polyb. XXV, 2, 2) [28, с. 48, 142, 159–163, 187–203] помогает реконструкции миграций. Китайские источники помогают проследить цепочки событий, приводившие к миграциям кочевников сарматского мира [28, с. 11–12, 200].

По миграциям археология предоставляет, во-первых, свидетельства прямого характера. Междуречье Волги и Урала, и Прикубанье затронули полные или частичные эмиграции [17, с. 278–279, рис. 73]. Они фиксируются по таким важным признакам, как уменьшение количества или исчезновение памятников данной культуры в прежнем ареале и увеличение в новом, археологические памятники нового (в сравнении с прежним) населения, появление комплексов с отличным от характерного для прежнего населения погребальным обрядом и погребальным инвентарем. Были засвидетельствованы миграции сарматов на запад из Южного Приуралья [28, с. 129, 100, 161], достижение Прикубанья мощной волной конца III – начала II в. до н. э. сарматских племен [21, с. 267; 33, с. 48], а также менее масштабное переселение части меотов на реку Кирпили, а позднее – в дельту Дона [15, с. 334–335; 33, с. 65–67].

Во-вторых, это следы дестабилизации военно-политической обстановки, военных конфликтов и их последствий, которые могут быть связаны с миграциями, но могут, конечно, отражать и военные конфликты иного типа. Исчезновение ряда меотских памятников в Восточном Приазовье было сопоставлено с приходом в Восточное Приазовье волн сарматского населения [33, с. 48]. Наконец, в-третьих, это антропологический материал, играющий решающую роль при выявлении миграций, их направленности [28, с. 18, 130].

Археологические данные дают возможность для примерной реконструкции вероятных маршрутов миграций и их датировки. Нарастание военной напряженности и военной активности слабо и выборочно отражается в нарративной традиции и, напротив, выявляется данными археологии – по изменениям в количестве и доле погребений с оружием [21, с. 265], комплексе вооружения варварских племен [10, с. 95–96; 24, с. 26], строительству фортификационных сооружений [21, с. 265], появлению памятников или комплексов, связанных с новым населением, тезаврации кладов [12, с. 107].

При сопоставлении данных письменных и археологических источников, характеризующих торговую и военно-политическую динамику, для обоих регионов являются наиболее актуальными проблемы реконструкции номенклатуры варварских товаров и их роли в боспорском экспорте, соотнесения военно-политических конфликтов с археологическим материалом и отсутствия материальных следов некоторых из них, надежного обоснования связи археологических свидетельств миграций с данными письменных источников, реконструкции полного контекста роста военной напряженности.

Для ближней периферии наиболее важными также остаются проблемы определенной гипотетичности списка товаров (помимо зерна), поставлявшихся меотами, выявления способов и путей поступления рабов-меотов на Боспор, полного списка

греческих эмпориев и распределения ролей между ними, соотношения использования натурального обмена и денежного обращения, речных магистралей и грунтовых дорог.

Для дальней периферии актуальными после сопоставления остаются проблемы установления регионов, из которых происходили рабы-сарматы, способов и путей их поступления, более полного списка сарматских товаров, времени существования и маршрутов северной ветви Великого Шелкового и транскавказского пути, роли сарматов междуречья Волги и Урала в экспорте рабов и шкур, степени употребления ими вина, отсутствия дробной динамики торговли, слабого освещения участия сарматов региона в военно-политических событиях в античном мире, более ограниченного в сравнении с ближней периферией круга свидетельств о военно-политической динамике.

Значение следующих двух групп проблем определяется необходимостью хронологической и пространственной привязки для сопоставления торговой и военно-политической динамики. Ко второй группе относятся проблемы, связанные с датировкой событий военно-политического характера и изменений в торговле на основе археологического материала. Данные античных письменных источников позволяют достаточно точно датировать важнейшие военные конфликты и сражения, а миграции и пиратские нападения – в лучшем случае в широких пределах.

Датировка по данным археологии военно-политических событий и процессов, а также изменений в торговле, как и археологических комплексов, касающихся и ближней, и дальней варварской периферии, опирается, прежде всего, на узко датируемые категории античного импорта. Важную роль при этом играют и стратиграфические наблюдения [21, с. 265]. Более-менее точная датировка на основе письменных источников может быть осуществлена очень редко (прямое указание Страбона (Strab. XI, 2, 3) о разгроме Полемоном Танаиса, разрушения в этом городе со следами пожара и частичное его оставление жителями) [34, с. 225–235]. Динамика торговли, основанная на анализе даже наиболее узко датируемых категорий массового античного импорта, все же предполагает использование достаточно широких в сравнении с событиями, известными по письменным источникам, хронологических отрезков (например, амфоры обеспечивают датировку комплексов с точностью до 10–15 лет) [36, р. 95].

Основная хронологическая проблема при сопоставлении данных письменных источников и археологического материала – различные по продолжительности временные отрезки. В отличие от ближней периферии на дальней, представленной только погребальными памятниками сарматов, нет достаточного количества узко датируемых предметов массового античного импорта, важных для реконструкции надежной динамики торговли и военно-политической динамики.

Третью группу составляют проблемы локализации топонимов и этнонимов и этнокультурной атрибуции археологических памятников и культур. В письменных источниках отсутствует точное и детальное описание местоположения ряда поселений и областей, связанных с событиями, имевшими заметные военно-политические последствия [12, с. 91–95, 270]. Это приводит к различным вариантам локализации, что хорошо видно на примере сиракской Успы (Tas. Ann. XII, 16–17) [30, с. 15–16]. В частности, существуют и проблемы локализации мест сражений, которые к тому же чаще всего не оставляют материальных следов [35, р. 117]. Вероятное наличие ошибок или неточностей в источниках оставляет возможность нескольких вариантов интерпретации, как это произошло с воинами царя Арифарна (Diod., XX, 22–24) [12, с. 91–92; 14, с. 48–55; 28, с. 134–137, 147–148].

Проблемы этнокультурной атрибуции археологических памятников сопряжены с наличием культурных влияний и многокомпонентностью этнического состава

населения. Дискуссионными остаются вопросы о населении, оставившем самую раннюю группу сарматских памятников в Прикубанье, об этнокультурной принадлежности памятников Zubовско-Воздвиженской группы и Золотого Кладбища [28, с. 107–110, 135–137, 147–148, 191–194, 203]. Таким образом, проблемы локализации и этнокультурной атрибуции связаны во многих случаях с невозможностью надежного и единственно верного сопоставления данных письменных и археологических источников.

К четвертой группе относятся проблемы установления вероятных причинно-следственных связей между действием военно-политических факторов и динамикой торговли. Хронологическая и пространственная связь еще не гарантирует полностью связь причинно-следственную, вследствие, во-первых, возможности частого синхронного действия на торговлю многих факторов (и не только военно-политических), роль которых следует проверять; во-вторых, необходимости надежно зафиксировать военно-политические (и, возможно, также и торговые) контакты между предполагаемыми участниками событий и наличия веских оснований, чтобы говорить о принципиальной зависимости изменений в торговле в регионе от изменения военно-политической ситуации (прямой или опосредованной). Достаточно убедительно установлена связь между началом оттока сарматского населения с территории Восточного Приазовья и постепенным угасанием жизни на большинстве кирпильских меотских городищ и военными действиями Полемона I [33, с. 67, 69].

Археологические источники часто не позволяют однозначно идентифицировать нападающую (или угрожающую) сторону и выявить тип военного конфликта. Например, существуют разные варианты интерпретации исчезновения крупных меотских археологических памятников в конце IV – начале III в. до н. э.: укрепление сарматского влияния в Прикубанье [21, с. 265–266] или политика Боспорского царства [33, с. 47–48; 6, с. 74]. На основе только следов разрушений или возведенных для защиты сооружений без редких дополнительных свидетельств невозможно однозначно идентифицировать виновников событий. Так, находки каменных ядер от метательных машин в Танаисе [34, с. 227–228] показывают связь его разрушения в конце I в. до н.э. с внутригосударственным конфликтом – действиями Полемона I. Своеобразие оборонительной системы (рва с внутренней стороны вала) на некоторых меотских городищах могло быть связано с тактикой ведения боя против конницы кочевников [20, с. 191].

При выявлении причин изменений в торговле основными остаются проблемы их зависимости от разных видов факторов и не только военно-политических, возможности различных вариантов идентификации виновников событий и, соответственно, и факторов, связанных с ними, а также невозможности в некоторых случаях проследить убедительно изменения, диктовавшиеся всей логикой действия военно-политического фактора. Для дальней периферии установление причинно-следственных связей сложнее, как из-за гораздо меньшей детализации динамики торговли, так и отдаленности региона междуречья Волги и Урала от античных центров, его ограниченного участия в событиях истории античных государств.

Таким образом, общие проблемы сопоставления данных археологических и письменных источников связаны со спецификой различных их категорий, степенью и особенностями отражения в них информации о динамике торговли и военно-политических событиях и процессах. Особенности и возможности сопоставления, выявляемые для каждого из регионов, связаны со спецификой определенного круга письменных и археологических источников, степенью и особенностями отражения в них информации торгового и военного характера. На них, в свою очередь, влияли различия между регионами этнического, географического, хозяйственно-культурного, военно-политического характера, а также в степени и характере их во-

влеченности в античную торговлю и военно-политические события в античном мире.

Примечания

1. Основные положения статьи были отражены в совместном докладе А. В. Безрукова и В. В. Улитина на всероссийской научной конференции «Историк и текст: к 90-летию со дня рождения академика Григория Максимовича Бонгард-Левина» (Москва, 20–22 декабря 2023 г.).

Список источников и литературы

1. *Абрамзон М. Г., Новичихин А. М.* Два монетных клада Митридатовского времени с юго-восточной окраины Боспора (2014 г.) // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 2. С. 333–348.
2. *Акбулатов И. М.* Экономика ранних кочевников Южного Урала. Уфа: НМ РБ, 1999. 102 с.
3. *Анфимов Н. В.* Денежное обращение на Елизаветинском городище – эмпории Боспора на Средней Кубани // Вестник древней истории. 1966. № 2. С. 157–165.
4. *Аптекарев А. З.* К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV – первой половине III в. до н. э. // Первая кубанская археологическая конференция : тезисы докладов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1989. С. 63–65.
5. *Берлизов Н. Е.* К вопросу о существовании сирако-меотского племенного союза // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 2. С. 72–75.
6. *Блаватский В. Д.* О рабах-меотах // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. 1969. Вып. 116: Северное Причерноморье в античную эпоху. С. 68–69.
7. *Брашинский И. Б.* Понтийское пиратство // Вестник Древней истории. 1973. № 3. С. 124–133.
8. *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984. 248 с.
9. *Брашинский И. Б.* Торговля // Античные государства Северного Причерноморья / отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1984. С. 174–186.
10. *Васильев В. Н.* Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа: Гилем, 2001. 153 с.
11. *Виноградов Ю. А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. 2009. Вып. 22. С. 5–90.
12. *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб.: Нестор-История, 2009. 350 с.
13. *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 231–315.
14. *Иванов А. В., Сударев Н. И.* Арифарн – царь фракийцев // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира : материалы междунар. науч. конф. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. Ч. 2. С. 48–55.
15. *Каменецкий И. С.* История изучения меотов. М.: Таус, 2011. 384 с.
16. *Китов Е. П., Хохлов А. А., Иванов С. С.* Боевые травмы у ранних кочевников «савромато-сарматского» облика как отражение социально-политической обстановки в степной полосе Евразии в VI–II вв. до н. э. // Stratum plus. 2019. № 3. С. 169–180.
17. *Клейн Л. С.* Археологическое исследование : методика кабинетной работы археолога. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2013. Кн. 2. 599 с.
18. *Кошеленко Г. А., Мальшев А. А., Улитин В. В.* Торговля // Античное наследие Кубани / ред., сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. 2. С. 256–289.
19. *Кузнецов В. Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // Российская археология. 2000. № 1. С. 107–120.

20. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меоты // Античное наследие Кубани / ред., сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. 1. С. 186–217.
21. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Сарматы // Античное наследие Кубани / ред., сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. 1. С. 260–284.
22. Молев Е. А. Властитель Понта. Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т, 1995. 144 с.
23. Молев Е. А. Скифы в политической истории Боспора VI–II вв. до н. э. // Вестник древней истории. 2009. № 3. С. 155–165.
24. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н. э. : (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына) / С. Ю. Монахов [и др.]. Саратов: Волга, 2021. 324 с.
25. Полин С. В., Симоненко А. В. Скифия и сарматы // Донские древности. 1997. Вып. 5. С. 87–98.
26. Симоненко А. В. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Stratum plus. 2014. № 4. С. 249–284.
27. Скрипкин А. С. Сарматы и Восток. Волгоград: ВолГУ, 2010. 370 с.
28. Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград: ВолГУ, 2017. 293 с.
29. Улитин В. В. Роль Прикубанья в экономической истории античного мира // Античная история и классическая археология / отв. ред. В. В. Дементьева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2006. С. 128–137.
30. Улитин В. В. Эпитафия на надгробии купца Хрестиона (КБН 142): проблемы и интерпретации // Проблемы и исследования зарубежной истории : сб. науч. тр. / под ред. А. Г. Иванова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 12–20.
31. Улитин В. В. Река Кубань как фактор торговли в античную эпоху // Вопросы истории и культуры Северного Кавказа, казачеств Юга России: (к 85-летию профессора В. Н. Ратушняка) : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Касьянов, О. В. Матвеев. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 170–184.
32. Шевченко Н. Ф. Виноградный 1 – поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы : сб. науч. мат. V Боспорских чтений, Керчь, 20–24 мая 2004 г. Керчь: Деметра, 2004. С. 414–419.
33. Шевченко Н. Ф. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. 150 с.
34. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1970. 249 с.
35. Vencel Sl. War and Warfare in Archaeology // Journal of Anthropological Archaeology. 1984. № 3. P. 116–132.
36. Monachov S. Ju., Kuznetsova E. V. Overseas trade in the Black Sea from the Archaic to the Hellenistic period // The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity, and Cultural Interactions. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 59–99.
37. Simonenko A. V., Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Mainz: Deutsches Archäologisches Institut, 2008. 624 s. (Archäologie in Eurasien, Bd. 25).

References

1. Abramzon, MG & Novichikhin, AM 2014, 'Dva monetnykh klada Mitridatovskogo vremeni s yugo-vostochnoy okrainy Bospora (2014 g.)' (Two Hoards of the Mithridatic Period from the Southeastern Outlying Districts of the Bosporus (2014)), *Vestnik drevnei istorii* (Journal of Ancient History), vol. 78, no 2, pp. 333–348 (in Russ.)
2. Akbulatov, IM 1999, *Ekonomika rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala* (Economy of Early Nomads of the Southern Ural), National Museum of the Republic of Bashkortostan publ, Ufa. (in Russ.)
3. Anfimov, NV 1966, 'Denezhnoe obrashchenie na Elizavetinskom gorodishche – emporii Bospora na Srednei Kubani' (Monetary Circulation at the Elizavetinsky Town-site, the Emporium of Bosporus in the Central Kuban), *Vestnik drevnei istorii* (Journal of Ancient History), no 2, pp. 157–165. (in Russ.)

4. Aptekarev, AZ 1989, 'K voprosu o vostochnoi granitse Bosporskogo tsarstva vo vtoroi polovine IV – pervoi polovine III v. do n.e.' (To the question of the eastern border of the Bosporan kingdom in the second half of the 4th - the first half of the 3rd century. BC.) in *Pervaya kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* (First Kuban archaeological conference), abstracts, Krasnodar, 1989, pp. 63–65. (in Russ.)
5. Berlizov, NE 2014, 'K voprosu o sushchestvovanii sirako-meotskogo plemennogo soyuza' (On the existence of siraco-meotian tribal alliance), *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* (Cultural Studies of Russian South), no 2, pp. 72–75. (in Russ.)
6. Blavatskiy, VD 1969, 'O rabakh-meotakh' (About Meotians as slaves), *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology), iss. 116, pp. 68–69 (in Russ.)
7. Brashinskiy, IB 1973, 'Pontiyskoye piratstvo' (Pontic Piracy), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no 3, pp. 124–133. (in Russ.)
8. Brashinskiy, IB 1984, *Metody issledovaniya antichnoi trgovli (na primere Severnogo Prichernomor'ya)* (Research Methods of Ancient Trade (on the example of the northern Black Sea region), Nauka publ., Leningrad. (in Russ.)
9. Brashinskiy, IB 1984, 'Torgovlya' (Trade), in GA Koshelenko (ed.) *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* (Ancient States of the Northern Pontic Region), Nauka publ, Moscow, pp. 174–186 (in Russ.)
10. Vasil'ev, VN 2001, *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do nashey ery* (Weaponry and Warfare of the nomads of the Southern Urals in the 6th–2nd centuries BC), Gilem publ, Ufa. (in Russ.)
11. Vinogradov YuA 2009, 'Migratsii kochevnikov Evrazii i nekotorye osobennosti istoricheskogo razvitiya Bospora Kimmeriiskogo' (Migrations of nomads in Eurasia and some peculiar features in the historical development of the Cimmerian Bosphorus), *Bosporskie issledovaniya* (Bosporos studies), 2009, vol. XXII, pp. 5–90. (in Russ.)
12. Vinogradov, YuA & Goroncharovskii, VA 2009, *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriiskogo (VI v. do n.e. – seredina III v. n.e.)* (Military History and Warfare of Cimmerian Bosphorus (6th Century BC – Middle 3rd Century AD), Nestor-Istoriya publ., Saint Petersburg, (in Russ.)
13. Grakov, BN 1939, 'Materialy po istorii Skifii v grecheskikh nadpisiakh Balkanskogo poluostrova i Maloy Azii' (Materials on the history of Scythia in Greek inscriptions of the Balkan Peninsula and Asia Minor), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no 3, pp. 231–312. (in Russ.)
14. Ivanov, AV & Sudarev, NI, 'Arifarn – tsar' frakiytsev' (Arifarnes, the king of the Thracians), in VYu Zuev & VA Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshee i osobennoe v istoriko-kulturnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. (The Bosporan Phenomenon. General and Peculiar Features of Historical and Cultural Space in the World of Classical Antiquity. Proceedings of the International Conference)*, pt. 2, Publishing and Printing Center of Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, pp. 48–55. (in Russ.)
15. Kamenetskiy, IS 2011, *Istoriya izucheniya meotov* (History of Maeots Studies), Taus publ, Moscow. (in Russ.)
16. Kitov, EP., Khokhlov, AA & Ivanov, SS 2019, 'Boevye travmy u rannikh kochevnikov «savromato-sarmatskogo» oblika kak otrazheniye sotsial'no-politicheskoy obstanovki v stepnoy polose Evrazii v VI–II vv. do n.e.' (Combat Injuries of the Early Nomads of the 'Savromatian-Sarmatian' Appearance as a Reflection of the Social and Political Situation in the Steppes of Eurasia in 6th–2nd cc. BC), *Stratum plus*, no 3, pp. 169–180. (in Russ.)
17. Klein, LS 2013, *Arkheologicheskoye issledovaniye: Metodika kabinetnoy raboty arkheologa* (Archaeological research: Cabinet methods of an archaeologist), vol. 2, Donetsk National University publ., Donetsk. (in Russ.)
18. Koshelenko, GA, Malyshev, AA & Ulitin, VV 2010, 'Torgovlya' (Trade) in GM Bongard-Levin & VD Kuznetsov (eds.), *Antichnoye nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*, vol. 2., Nauka publ., Moscow, pp. 256–289. (in Russ.)
19. Kuznetsov, VD 2000, 'Afiny i Bospor: khlebnaya trgovlya' (Athens and Bosphorus: grain trade), *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian archaeology), no 1, pp. 107–120. (in Russ.)

20. Limberis, NYu & Marchenko, II 2010, 'Meoty' (Meotians), in GM Bongard-Levin & VD Kuznetsov (eds.) *Antichnoye nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*, vol. 1, Nauka publ, Moscow, pp. 186–217. (in Russ.)
21. Limberis, NYu & Marchenko, II 2010, 'Sarmaty' (Sarmatians) in GM Bongard-Levin & VD Kuznetsov (eds.), *Antichnoye nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*, Vol. 1, Nauka publ., Moscow, pp. 260–284. (in Russ.)
22. Molev, EA 1995, *Vlastitel' Ponta (The sovereign of Pontus)*, Nizhniy Novgorod State University, Nizhniy Novgorod. (in Russ.)
23. Molev, EA 2009, 'Skify v politicheskoy istorii Bospora VI–II vv. do n.e.' (The Scythians in the Political History of Bosphorus of the 6th–2nd Centuries BC), *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*, no 3, pp. 155–165.
24. Monakhov, SYu, Marchenko, II, Limberis, NYu, Kuznetsova, EV & Churekova, NB 2021, *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna)* (Amphorae of the Prikubanskiy necropolis of the 4th – early 3rd century BC (from the collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)), OOO 'Volga' publ, Saratov. (in Russ.)
25. Polin, SV & Simonenko, AV 1997, 'Skifiya i sarmaty' (Scythia and Sarmatians), *Donskiye drevnosti (Antiquities of the Don)*, iss. 5, pp. 87–98 (in Russ.)
26. Simonenko, AV 2014, 'Shlemy sarmatskogo vremeni iz Vostochnoy Evropy' (Sarmatian Age Helmets from Eastern Europe), *Stratum plus*, no 4, pp. 249–284. (in Russ.)
27. Skripkin, AS 2010, *Sarmaty i Vostok. Sbornik izbrannykh trudov A.S. Skripkina* (Sarmatians and the East. A.S. Skripkin's Selected Works). Volgograd State University, Volgograd. (in Russ.)
28. Skripkin, AS 2017, *Sarmaty (The Sarmatians)*, Volgograd State University publ, Volgograd. (in Russ.)
29. Ulitin, VV 2006, 'Rol' Prikuban'ya v ekonomicheskoy istorii antichnogo mira' (The role of the Kuban region in the economic history of the ancient world), in VV Dementeva (ed.) *Antichnaya istoriya i klassicheskaya arkheologiya (Ancient history and classical archeology)*, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 128–137. (in Russ.)
30. Ulitin, VV 2020, 'Epitafiya na nadgrobii kuptsa Khrestiona iz Pantikapeya (KBN 142): problema interpretatsii' (The epitaph on the tombstone of the merchant Chrestion from Panticapaeum (CIRB 142): interpretations problems) in AG Ivanov (ed.), *Problemy issledovaniya zarubezhnoy istorii (Problems and foreign history studies: collection of scientific works)*, Kuban State University publ, Krasnodar, pp. 12–20. (in Russ.)
31. Ulitin, VV. 2024, 'Reka Kuban' kak faktor trgovli v antichnuyu epokhu' (The Kuban river as a factor of trade in the antique period), in VV. Kasyanov & OV Matveev (eds.) *Voprosy istorii i kul'tury Severnogo Kavkaza, kazachestv Yuga Rossii (k 85-letiyu professora V.N. Ratushnyaka): sbornik nauchnykh statey* (Historical and cultural problems of the North Caucasus, the Cossacks of the South of Russia (on the 85th Anniversary of Professor V.N. Ratushnyak): Collection of Scientific Articles), Kuban State University publ, Krasnodar, pp. 170–184. (in Russ.)
32. Shevchenko, NF 2004, 'Vinogradnyy 1 – poseleniye epokhi ellinizma v stepnom Zakuban'ye' (Vinogradny 1 – a settlement of the Hellenistic period in the Trans-Kuban region steppe) in V *Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskiye protsessy: Sbornik nauchnykh materialov V Bosporskikh chteniy, Kerch', 20–24 maya 2004 goda* (5th Bosphorus readings. Cimmerian Bosphorus and the barbarian world in antiquity and the Middle Ages. Ethnic processes: Collection of scientific materials of the 5th Bosphorus readings, Kerch, May 20–24, 2004), BF 'Demeter' publ. Kerch, pp. 414–419. (in Russ.)
33. Shevchenko, NF 2013, *Plemena Vostochnogo Priazov'ya na rubezhe ery* (Tribes of the East Azov Sea Shore on the Turn of Erae), Al'tair publ., Rostov-on-Don. (in Russ.)
34. Shelov, DB 1970, *Tanais i Nizhniy Don v III–I vv. do n. e.* (Tanais and Lower Don in 3rd – 1st Centuries BC), Nauka publ, Moscow. (in Russ.)

35. Vencl, Sl 1984, 'War and Warfare in Archaeology'. *Journal of Anthropological Archaeology*, no 3, pp. 153–168.
36. Monachov, SJu & Kuznetsova, EV 2017, 'Overseas trade in the Black Sea from the Archaic to the Hellenistic period', in V Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity, and Cultural Interactions*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 59–99.
37. Simonenko, AV, Marčenko, II & Limberis, NJu 2008, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (Roman imports in Sarmatian and Maiotic Tombs between the Lower Danube and the Kuban), vol. 25, *Archäologie in Eurasien* (Archeology in Eurasia), German Archaeological Institute publ., Mainz (in Germ.)

Вклад авторов:

Безруков А. В. – обработка материала; написание статьи.

Улитин В. В. – идея; сбор материала, обработка материала; написание статьи; научное редактирование текста.

Кучеренко Е. С. – обработка материала; написание статьи.

Contribution of the authors:

Andrey V. Bezrukov – processing of material; writing an article.

Vladislav V. Ulitin – idea, collection of material; processing of material; writing an article; scientific text editing.

Elizaveta S. Kucherenko – processing of material; writing an article.

Статья поступила в редакцию: 24.01.2025
Одобрена после рецензирования: 27.02.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 24.01.2025
Approved after reviewing: 27.02.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Научная статья

УДК 94(3)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-20-37>

ВАРВАРСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ III ВЕКА

**Юлия Викторовна
Куликова**

Московский педагогический государственный
университет
Москва, Россия, yuv.kulikova@mpgu.su
<https://orcid.org/0000-0001-7873-2760>

Аннотация. Целью данной статьи является выявление факторов изменения идентичности в наиболее сложный для Римского государства период, названный в историографии «кризисом III века». Государственная идентичности Римской империи определяется как комплекс взаимосвязей, лежащих в основе управления государством, способом консолидации общества. С середины третьего столетия происходит активизация вторжений варварских племен. Все более осложнявшаяся внешнеполитическая обстановка на западе и востоке Империи вынуждает искать новые векторы политики, чтобы сохранить государство, находящееся на грани распада. Однако нестабильность верховной власти и падение авторитета императоров не способствуют этому. В этой связи варварские племена оказываются триггером для Римской империи. Разрушая оборонительную систему, грабя и опустошая территории, они ухудшали и без того сложную демографическую и экономическую ситуацию, неспособность отдельных императоров предотвратить эти вторжения и разорение населения приводит к быстрой смене власти, более того, к сепаратизму в провинциях, проявившимся в образовании «Галльской империи» на западе и Пальмирского царства на востоке. С целью сохранить идентичность, выражавшуюся в привычных методах хозяйствования и торговли, функционирования административной системы, римские императоры стали активнее интегрировать варваров, заключая с ними союзы, создавая из их числа воинские подразделения, расселяя на свободных землях, привлекая их для защиты границ. Однако расселение варварских племен вдоль западных границ Римской империи изменяет специализацию ремесленных производств, способствуют упрощению ремесленных изделий, сокращению торговли с более дальними провинциями. В приграничных районах происходят процессы этногенеза, формируя антиримские коалиции. В то же время римское влияние усиливает разложение первобытнообщинных отношений внутри варварских племен, и их стремление к грабежам и захвату земель усиливается создаваемыми коалициями и союзами.

Ключевые слова: Римская империя, Великое переселение народов, государственная идентичность, варварские коалиции, вторжения германцев, римские императоры, Дунайский лимес, Рейнский лимес, римская армия, III в.

Для цитирования: Куликова Ю. В. Варварские вторжения как фактор изменения идентичности Римской империи III века // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 20–37. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-20-37>

Сведения об авторе: Ю. В. Куликова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова, Московский педагогический государственный университет, 119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1.

© Куликова Ю. В., 2025

Scientific Article
UDC 94(3)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-20-37>

BARBARIAN INVASIONS AS A FACTOR IN CHANGING THE IDENTITY OF THE ROMAN EMPIRE IN THE THIRD CENTURY

Yulia V. Kulikova

Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia, yuv.kulikova@mpgu.su
<https://orcid.org/0000-0001-7873-2760>

Abstract. The purpose of this article is to identify the factors of identity change in the most difficult period for the Roman state, called in historiography "the crisis of the third century". The state identity of the Roman Empire is defined as a set of interrelations that underlie the management of the state, a way of consolidating society. From the middle of the third century, there was an intensification of invasions by barbarian tribes. The increasingly complicated foreign policy situation in the west and east of the Empire forced them to look for new policy vectors in order to preserve the state, which was on the verge of collapse. However, the instability of the supreme power and the decline in the authority of the emperors do not contribute to this. In this regard, barbarian tribes turn out to be a trigger for the Roman Empire. By destroying the defensive system, plundering and ravaging the territories, they worsened the already difficult demographic and economic situation, the inability of individual emperors to prevent these invasions and the devastation of the population led to a rapid change of power, moreover, to separatism in the provinces, which manifested itself in the formation of the "Gallic Empire" in the west and the Palmyrene Kingdom in the east. To preserve the identity, which was expressed in the usual methods of management and trade, the functioning of the administrative system, the Roman emperors began to integrate the barbarians more actively, concluding alliances with them, creating military units from among them, settling them in free lands, and involving them to protect the borders. However, the settlement of barbarian tribes along the western borders of the Roman Empire changed the specialization of handicraft industries, contributed to the simplification of handicrafts, and the reduction of trade with more distant provinces. In the border areas, processes of ethnogenesis took place, forming anti-Roman coalitions. At the same time, Roman influence intensified the disintegration of primitive communal relations within barbarian tribes, and their desire for plunder and seizure of land was strengthened by the coalitions and alliances created.

Keywords: Roman Empire, The Great Barbarian Invasions, state identity, Barbarian Coalitions, Germanic Invasions, Roman Emperors, Gallic Emperor Postumus, Danube Limes, Rhine Limes, Roman Army, 3rd century A. D.

For citation: Kulikova, YuV 2025, 'Barbarian Invasions as a Factor in Changing the Identity of the Roman Empire in the Third Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 20–37, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-20-37> (in Russ.)

Information about the Author: Yulia V. Kulikova – PhD in History, Associate Professor of the Department of Ancient History and Middle Ages of V. F. Semenov, Moscow Pedagogical State University, 1, building 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119435, Russia.

Период третьего века, по мнению исследователей, является «ключевой фазой» первого этапа Великого переселения народов [2, с. 31]. К этому времени германский племенной мир в военно-политическом отношении не был един, одни германцы разрывали прежние договоры с Римом, отвергая навязанный им оседлый образ жизни и контролируемый выбор лидера¹, другие только появлялись на территории Империи, нанося спорадические удары из-за Рейна и Дуная, либо стремясь грабить более углубленные районы западных провинций, но все они начали активный процесс объединения в различные союзы. Так квады, присоединяясь к другим племенам, опустошали земли Подунавья [36, VI, 7; 33, IX, 8, 2; 47, VII, 22, 3; 44, XVI, 10, 20; XVII, 12, 1). В третьем веке часть свевских племен вместе с гермундурами вошла в объединение аламаннов² и в его составе они неоднократно вторгались в Империю, разрушив часть фортов на лимесе [3, с. 15, 32; 48, р. 181] и заставив римские гарнизоны переместиться в новые [49, LXXVII, 13; 33, IX, 8, 2; 61, I, 37]. В середине III в. римляне вынуждены противостоять вторжению готов на Балканах, что приводит к осложнению ситуации³.

Необходимо понимать, что германские племена активно расселялись на территории Римской империи уже давно, в частности, на опустевших после «Антониновой чумы» землях, как сообщает Дион Кассий [49, LXXI, 11, 4; 21; LXXII, 3, 2]. Так часть тевтонов расселилась в районе рек Маас, Майн и Неккар. Хавки заселили восточные берега Рейна [54, IX, 1, 7; 28, Stilich. I, 225], но в III веке были покорены саксами. В то же время часть вандалов – силинги – заняли земли на территории совр. Силезии, другая часть вандалов – асдинги – к востоку от Верхней и Средней Тисы [31, fr. 24; 3, с. 34], а затем после конфликта с местными племенами, поселились с разрешения римской администрации на северо-западе Дакии. На протяжении III в. вандалы неоднократно устраивали нападения на Паннонию и Рецию. С переменными успехами их вторжения отражали императоры Проб и Аврелиан [31, fr. 7; 54, XXVI, 2; XXVII; 61, I, 67].

В это же время у франков, расселившихся по нижнему и среднему течению Рейна в III–IV вв. складывается племенной союз [1, с. 162]. Об отражении вторжений франков свидетельствуют возведение первым галльским императором оборонительных сооружений на Рейне [48, р. 181].

Германцы также стали менять тактику, и, благодаря навыкам навигации, использовать корабли, чтобы грабить прибрежные города вдоль рек Рейн, Сена, побережья Белгии и Британии [33, IX, 21; 47, VII, 25, 3; 44, XXVI, 4; 35; 14, с. 215]. Однако римляне старались держать под своим контролем и влиянием племена, живущие за Рейном. Еще со времен Августа, например, батавы⁴ состояли во вспомогательных отрядах и нанимались в качестве телохранителей [36, IV, 13; 46, Ос., V, 172], а также как «σὀμνῆχοι» и «φρουρά» при Каракалле [36, IV, 7; 49, LXXVIII, 5), при Максимине Фракийце, Пупиене [36, VII, 8; VIII, 1, VIII, 6], Постуме [54, XXIII, 7–8]. Императоры также расселяли побежденных германцев в качестве своих колоннов в принадлежавших им имениях.

К середине III в. императоры, переставив тактику римской армии, старались использовать германцев не только во вспомогательных отрядах на наиболее проблемных участках приграничной зоны, романизированные варвары, благодаря эдикту Каракаллы или усыновлению состояли на службе в легионах или в реформированной императором Галлиеном коннице.

Наиболее активно процесс расселения германцев на территории Римской империи начался благодаря мероприятиям императора Галлиена [15, с. 75], который заключал многочисленные союзы с германскими племенами, разрешая селиться в Галлии и Паннонии (где располагались владения военачальников) и чьи военные силы стали опорой вместо большей части конницы, ушедшей во время восстания

вместе с Авреолом. Галльские императоры также нанимали германцев для службы [60, XII, 24; 61, I, 38], из точно идентифицированных батавов и франков⁵, создав из них специальные ударные отряды. Германцы также служили в других подразделениях и на флоте⁶. Клавдий II Готский начал в еще больших масштабах практиковать расселение пленных на римской земле [54, XXV, 25, 1, 3], так, как аргументированно указывают Ю. К. Колосовская и Е. М. Штаерман, множество пленных германцев были размещены во Фракии, Мёзии и Паннонии, где они несли военную службу на границе [4, с. 648]. Продолжили такую политику Аврелиан [31, fr. 2] и Проб [54, XXVIII, 13], последний переселил в Мёзию 100 тыс. бастарнов, а в 295 г. император Галерий разбил на Нижнем Дунае карпов и бастарнов и поселил на римских землях множество пленных, в том числе карпов — в Паннонии.

Среди этих незваных гостей особую категорию составляли целые племена или очень большие части племен, допущенных в империю в качестве поселенцев. Они были предназначены, по мнению Р. Макмаллена, для заполнения пробелов, образовавшихся в армии и сельской местности из-за несомненной нехватки рабочей силы [42]. Стоит отметить, что и в этот период, и в IV в. предметом договора с германцами была земля [44, XVI, 12, 3]. В то время как основная масса варваров была расселена на пустынных землях и в приграничных провинциях, другие присоединились к армии, некоторые были обращены в рабство. Если большинство из них продолжало жить в больших конгломератах, то некоторые были закреплены за отдельными участками или хозяевами в пределах империи вплоть до Италии; и в то время, как некоторые были насильственно высажены в самых пустынных районах, другие группировались вокруг городов. Большинство платило дань, но постепенно происходил переход к тому, что именно римская власть обязывалась выплачивать определенные дары одеждой или зерном, как указывает Аммиан Марцеллин [44, XXVI, 5, 7]. Все расселенные племена, очевидно, подвергались определенному контролю, редко частному или муниципальному, чаще военному. В большинстве случаев мы обнаруживаем, что это большая группа, созданная в регионе [42] под руководством префекта с крепостью поблизости, чтобы напоминать им об их обязательствах перед Римом [47, VII, 25, 12]. Условия их урегулирования были согласованы в первоначальном договоре, составленном между их лидерами и представителями Рима. Некоторые германцы занимали весьма высокое положение в политико-административной системе Римской империи [15, с. 75].

В третьей четверти III в. Римская империя контролировала несколько лимесов, с каждым из которых были свои проблемы, из-за чего изменялась их линия, появлялись отдельные секции, которые удобнее укреплять и защищать, обозначились и наиболее слабые места, особенно когда натиск германских племен значительно усилился. Даже в источниках отмечены годы наиболее катастрофических вторжений, которые приходится на правление императора Деция в 251 г., Валериана и Галлиена в 257–259 гг. [56, XXXIII, 3; 47, VII, 22; 60, XII, 24], когда германцы проникли даже в Испанию и Африку, Проба в 282 г. [58, р. 11–12]. Мощный удар от варваров лимесы на Рейне и Дунае также ощутили в 257 г. Именно после этого события начались восстания наместников, так что очевидно, что пленение Валериана не являлось причиной мятежей. Вероятно, защита подконтрольных легионов и недовольство местного населения организацией и сохранностью оборонительных сооружений могли подтолкнуть военачальников к бунту. Пленение Валериана могло стать лишь дополнительным поводом.

В то же время готы, получив в свое распоряжение корабли, атаковали Римское государство и с моря. Сложность представлял и тот факт, что к германским объединениям присоединялись беглые рабы, дезертиры и другие маргинальные элементы. В 267 г. готы разорили целые районы и города Малой Азии, столкнувшись с силами

Одената. Организованные морские силы противостояли варварам у побережья Фракии и Византии, усиление фортификаций которых проводилось по личному приказу императора Галлиена. В это же время герулы и готы разоряли земли по Дунаю [14, с. 206]. Именно Клавдий II уничтожил готов у побережья Греции и островов, остатки варваров оказались зараженными новым витком эпидемии, названной в этот период «Киприановой чумой».

Протяженность укреплений на лимесах требовала значительных, а главное, регулярных финансовых вливаний, ресурсов, прежде всего строительных материалов, но главное, непосредственно военной силы, причем боееспособной. Интересно, что современные научные концепции решительно против неспособности Римской империи поддерживать лимесы в должном порядке из-за их значительной протяженности [57, р. 133–135]. Более того, зачастую проблема в том, что происходит путаница между политическими, военными и административными границами, которые на самом деле следует очень четко, но не всегда возможно различать. Учитывать необходимо и тот факт, что войска сосредоточены были только на тех секциях лимеса, которые могли оказаться под ударом варваров, на других лимесах, особенно на Востоке, войск могло и не быть. Наибольшее количественное изменение войск на римских границах представляется возможным сравнить в эпоху Антонинов (ок. 72 тыс.) и после реформы Диоклетиана, когда численность войск была увеличена примерно до 250 тыс. [Ibid., р. 135]. Явным становится факт необходимости увеличения численности войск не только на границах, поэтому можно предположить увеличение численности пограничных войск в середине III в. с учетом использования дополнительного набора из германцев в «Галльской империи» и полиэтническое войско Пальмирского царства в правление Зенобии.

Основные вторжения сконцентрировались на Рейнско-дунайском и балканомалоазийском направлениях, в то время как на других приграничных зонах опасность представляли сарматские племена, готы и империя Сасанидов.

Лимес на Рейне и Верхнем Дунае представлял собой пограничную оборонительную зону с фортификационными сооружениями, сетью дорог и системой связи. На более сложных участках он состоял из несколько оборонительных рядов. 1-я линия – частокол высотой до 4 м и V-образный ров шириной 6 м, глубиной 3 м. Затем следовали сторожевые башни высотой 6–7 м, связанные между собой дорогой и являвшейся изначально лимесом. На рейнском участке вместо частокола была выстроена невысокая каменная стена [53]. Сам лимес делился на секции: Верхнерейнскоретийский подвергся сильным разрушениям и несмотря на попытки исправить положение, восстановить систему оказалось фактически невозможно.

Декуматский участок⁷, расположенный на одноименных полях, составлял около 382 км с небольшой концентрацией вспомогательных частей, удаленными (даже слишком) лагерями легионов и отсутствием естественного защитного рубежа в виде крупной водной преграды, представлял собой слабое звено в обороне Рима на Рейне.

В середине III в. римляне перевели часть легионов в Паннонию, чем еще больше ослабили рейнский участок. Аламанны прорвали лимес [22, с. 80–84; 51, р. 162–165], разрушили Авентикум (совр. Авенш, Швейцария) и вышли на просторы Галлии. VIII Августов легион из Аргентората (Страсбург), чьей обязанностью и была охрана лимеса, не предпринял никаких действий против варваров. Видимо, он колебался между Галлиеном и Постумом. Верхнерейнский регион стал на какое-то время буферной зоной вне влияния Галлиена и Постума [7, с. 57; 17, с. 452]. Такой же зоной являлись Декуматские поля.

Их важность подчеркивается политикой императоров этого периода, явно направленной на установление контроля. Так на этой территории было найдено два

милевых камня Валериана и Галлиена: в Гейдельберге [30, XIII, 9111] и Лоподунуме [30, XIII, 9103]. Источники также упоминают укрепления, построенные первым галльским императором Постумом за 7 лет [54, XXIV, 5, 4], а археологами найдены милевые камни на стратегически важной оси Майнц-Страсбург-Аутст-Виндонисса - в Хагенбахе, а другой, идентифицированный Х. У. Нубером в Бисхайме/Эденбурге [19, 2002, №1961), а на правом берегу Рейна милевой камень с именем галльского императора Викторина [19, 1971, №279; 20]. С другой стороны, на указанной территории найдены монеты Постума и одного из его преемников – Мария [26, р. 131; 27, р. 235; 40, р. 927–929]. Все это позволяет предположить, что Декуматские поля находились под контролем «Галльской империи», т. к. только в таком случае этот регион мог выполнять роль буферной зоны. Археологические данные предоставляют подтверждение сведений античных историков и нумизматических данных о фактическом периоде затишья в нападениях германских племен на рейнскую границу [22, s. 80–82; 53, р. 179]. Крупные победы над германцами были одержаны Постумом в 260/261 гг. и 262/263 гг. Другие сражения не поддаются хронологии из-за отсутствия точных сведений.

Декуматские поля были оставлены римлянами в этот же период, хотя попытки контролировать территорию предпринимались, очевидно, для создания безопасной зоны. В конце III в. римляне возвели новую линию укреплений, таким образом, отказавшись от идеи отвоевания этой территории. Основные базы были перенесены обратно на берега Рейна и Дуная, которые было гораздо легче защищать в военном отношении. Интересно, что до сих пор археологи пытаются восстановить точные линии и сектора римского лимеса.

Археологические данные указывают, что некоторые части лимеса были разрушены во время вторжений, а их восстановление впоследствии проходило поэтапно и достаточно долго. Стало известно, что отдельные секции лимеса защищались только небольшими фортами. Так форты на дороге от Кёльна до Булони не раз подвергались разрушениям, и только в 275 г. после франкского вторжения, стали реконструироваться [ibid.]. Исследователи отмечают, что капитуляция последнего галльского императора Тетрика оставила незащищенными целые районы, в частности, р. Мозель, поскольку там, где происходит ликвидация власти, уничтожаются и перестают функционировать структуры, а римская администрация не сразу сумела их восстановить [39, s. 95]. Уже в конце третьего столетия пришлось выстраивать новую линию обороны - Дунай-Иллер-Рейн, тогда же изменяется и система командования [41].

Дунайский лимес⁸, предназначенный для защиты придунайских провинций – Реция, Паннония, Мёзия, Норик и Италии, был разделен на сектора обороны, которые соответствовали границам провинций, но при этом имеет достаточно прерывистую линию, без четкого распределения крепостей и фортов, которые могли бы обеспечить быстрое реагирование и логистические связи, все это демонстрирует слабости этого сооружения. При этом старые линии зачастую были заброшены (возможно, это было связано с сильными разрушениями, которые не было возможности или рентабельности восстанавливать при отступлении римлян), или превращались во внутренние укрепления [5]. Также существовал участок лимеса в Задунавье, и несколько секторов лимеса в Дакии [ibid.]. Сложности возникли именно в период правления императора Аврелиана, когда пришлось оставить часть Дакии, поэтому вопрос о лимесе и его обороноспособности будет вновь затронут позднее.

Необходимо понимать, что вся система обороны была связана прямыми, перекрестными и даже закольцованными линиями, позволяющими контролировать, передвигаться и быстро перемещаться из одного пункта в другой, при этом наиболее важное место занимали небольшие поселения вокруг более крупных и стратегически

значимых городов, они не только заготавливали и снабжали ресурсами, но являлись необходимыми элементами сдерживания и контроля в периоды вторжений, мало того, они были тесно связаны между собой системой коммуникаций. На это указывают археологические данные, согласно которым даже реконструкция производилась именно теми секциями и участками, которые были связаны между собой [7, гл. 1.7; 25]. В условиях постоянных вторжений поддерживать столь протяженную и нуждающуюся в укреплении линию лимеса было довольно трудно.

Система лимеса состояла из крупных городов-крепостей и фортов в зависимости от сектора⁹ (некоторые могли состоять только из фортов). Крепости были большими, вмещавшими легион, а то и больше (Ксантен на Рейне мог вместить два полных легиона) [32, ch. 7]. С другой стороны, вспомогательные форты были построены для размещения когорты численностью либо в 500, либо в 1000 человек. Находки военного снаряжения позволяют предположить, что небольшое количество легионеров иногда базировалось во вспомогательных фортах, и аналогичным образом, возможно, иногда вспомогательные войска жили и работали в некоторых крепостях легионеров. Но при всем при этом, как отмечает известный исследователь Р. Брюле, в нашем распоряжении недостаточно сведений о взаимодействии между официальными крепостями и фортами, которые опоясывали и связывали сеть всю Галлию, и фортами, расположенными на самой границе, особенно с учетом того, что инициативы муниципиев и крупных городов не обязательно должны соответствовать общим планам оборонительной системы. Не все укрепленные форты и крепости в пределах Галлии возникли автоматически в результате военного вмешательства, и этот вывод серьезно затрудняет выведение четкой схемы взаимодействий и вообще структуры обороны [24; 50, p. 59]. Именно поэтому выводы часто сводятся к тому, чтобы проводить простое и удобное различие между пограничными фортами, городскими городами, в которых могли или не могли разместиться контингенты, внутренними фортами, сельскими укреплениями и убежищами. Идентификация воинских частей на этих объектах встречается редко, за пределами приграничных казарм и нескольких городских центров, в связи с чем невозможно четко определить количество и размещение германских отрядов.

Таким образом, можно указать, что активизация вторжений на лимесах с 70-х гг. III в. была связана с движением восточных германцев – вандалов, готов, гепидов, герулов и др., вторжения которых, как отмечает В. П. Буданова, вместе с общим ослаблением империи, оказались наиболее разрушительными [3, с. 31]. Именно эта волна вторжений сделала необходимостью реконструировать укрепления и возвести фортификационные сооружения вокруг городов¹⁰ [53, p. 177; 37, p. 177]. Одним из подобных проектов стала известная стена императора Аврелиана.

Увеличивающееся количество разных союзов племен привело к тому, что северная граница распалась на несколько фронтов, что вело именно в западных провинциях к регионализации военных и гражданских интересов. Наиболее пострадавшим регионом была Белгика, и даже политика галльских императоров не сумела предотвратить разорение этой территории, хотя делали все, чтобы восстановить и укрепить оборонительную систему подконтрольных территорий [7, гл. 1.7; 53, p. 179]. Данная секция лимеса не раз перестраивалась, реконструировалась и восстанавливалась в период от правления Галлиена и галльских императоров до императора Аврелиана [25, p. 38].

Декуматские поля были оставлены римлянами в этот же период, хотя попытки контролировать территорию предпринимались, прежде всего, для создания безопасной зоны. Наиболее крупные действия по реконструкции лимесов приходится на время правления императора Диоклетиана.

Таким образом, ко времени правления Аврелиана ситуация в империи была

чрезвычайно сложной. Германцы обитали на многих ранее римских территориях. Так в междуречье Дуная и Рейна жили аламанны, которые, как уже было сказано, стали заключать союзы и наносить значительный ущерб на Рейнском лимесе. Реции угрожали ютунги, которые не прочь были присоединиться к любой коалиции, но при этом обладали и сами возможностями для нанесения удара, что подробнее и будет рассмотрено в последующих параграфах. Территории совр. Чехии были заняты маркоманнами, Словакии – квадами, в верховьях р. Тисы – вандалы и гепиды, которые граничили с сарматами. На северных границах Дакии рядом с даками соседствовали бастарны, на востоке этой территории – карпы, аланы, готы, в Причерноморье бораны и др., которые, однако, тоже являлись частью Великого переселения.

Однако дискуссионным является вопрос, кто же представлял для Римского государства большую опасность: политически неорганизованные орды германцев или единая империя Сасанидов? Суть проблемы в том, что вторжения на западе и на востоке происходят фактически в одно время. Персы вновь вторглись в Месопотамию в 252 г., изгнали римскую армию на Евфрат и в 254 г. осадили Нисибис. Они оккупировали всю Армению, захватили Сирию и вероломно захватили великий город Антиохию, возможно, в 252–253 гг. Шапур назначил предателю обычную награду: смерть. Римляне столкнулись с самой страшной проблемой для вооруженных сил: одновременной войной на нескольких фронтах.

Что касается армии, то она являлась наиболее подвижной и видоизменяющейся структурой наряду с постоянно меняющимся вооружением [32, ch. 7]. Многие исследователи вполне справедливо считают, что период третьего века являлся периодом изменений для римской армии [14, с. 204]. Исчезают старые военные формирования, изменяется вооружение, тактика, в этот период гораздо быстрее происходит внедрение нового, особенно если это касается как раз вопросов обороны. Явно прослеживается переход частей флота под контроль местным властям и восставшим наместникам. Система августовской армии и флота рухнула под ударами варваров и пиратов [ibid., с. 205], экономия или нехватка финансов на оборону в итоге должна была привести к краху, который и начался после правления Филиппа Араба.

В условиях постоянных вторжений крайней необходимостью для Рима было создание небольших мобильных подразделений. Обширные пространства требовали новой системы обороны, и не только с помощью отрядов, способных быстро перемещаться из одной части в другую, необходимо было укреплять систему лимесов, частично разрушенную к середине III в.

Особенно возрастала роль армии как карательного органа, направленного против «внутреннего врага». Между тем именно в это время армия, этот основной элемент государственного аппарата, показала свою неустойчивость, неповиновение по отношению к центральному правительству. Военные мятежи стали настоящим символом этого времени. Примером чему служит *Legio VI Victrix Hispanesis Pia Fidelis Constans Britannica*, который в третьем веке выполнял полицейские и карательные функции.

Знаменитые легионы остались в виде десяти когорт, теперь каждая из которых насчитывала 555 человек (в первой когорте было 1105 человек), с 726 кавалеристами в тяжелых доспехах и с многочисленными приданными легкими вспомогательными силами, такими как легкая кавалерия. Общая численность войск, вероятно, превышала 7000 человек.

Старое различие между легионами, укомплектованными гражданами, не обязательно из Италии, и вспомогательными войсками (которые не были гражданами, но могли рассчитывать на римское гражданство после почетного увольнения) исчезло в 212 г., когда император Каракалла объявил гражданами всех свободных людей в империи. По-прежнему сохранялось четкое различие между первоклассными сила-

ми, используемыми легионами, и явно второсортными подразделениями различных иррегулярных ополчений. Легионы были снабжены гораздо лучшим снаряжением, почти всегда из железа, в то время как вспомогательные войска часто снабжались дешевыми предметами массового производства [32, ch. 7; 57, p. 104–108]. Вспомогательные войска использовались в основном для охраны границ империи. Процесс варваризации римской армии был запущен давно, просто в это время он стал более стремительным [9, с. 127].

Ко времени Аврелиана стандартный легион был признан слишком негибким для многих целей, и уже вошло в обычай создавать более крупные армейские подразделения из вексилляций, отправляемых из одного легиона для удовлетворения потребностей другого формирования. Во время военных кампаний могли набираться дополнительные отряды кавалерии, лучников, либо передислоцировать их из других легионов. Силы, созданные для осады города, потребовали дополнительных артиллерийских подразделений, преимущественно катапульт или «скорпионов» [32, ch. 7].

В походе армия требовала огромной цепочки поставок, некоторые детали которой дошли до нас только от четвертого века, но все это обеспечивалось своевременно, обычно за счет налоговых сборов натурой с местного сообщества. Армия должна была обезопасить свои пути снабжения на вражеских землях, хотя также можно было добывать продовольствие на ближайших полях [48, p. 178–179], о чем в IV в. упоминает и Аммиан Марцеллин [44, XVI, 11, 11; XVII, 8, 1).

Мы не знаем, каким количеством оружейных складов обладали римляне, но обычно считается, что они были небольшими и управлялись свободными людьми, а не рабами, работавшими по контракту с армией. В условиях общего экономического спада III в. возможно предположить, что многие из этих небольших подразделений прекратили бы производство – или даже не смогли бы направить свою продукцию туда, где она была необходима, – так что квалифицированное производство доспехов и мечей, должно быть, сократилось как раз тогда, когда в них больше всего нуждались¹¹.

Римская армия придавала большое значение дисциплинарным мерам в своих маршевых или боевых порядках, считая, что расхлябанность создает слабости, которые приводят к поражению. Военная дисциплина всегда была суровой, но во время хаоса середины III в. она не просто ослабла, видимо, она перестала существовать, так как некоторые военачальники опасались бунтов, дезертирства и, возможно, предательства (при этом переход в подчинение другому лидеру и выдвижение его императором в этот период сложно рассматривать как предательство, ведь пришедший к власти император *post factum* мог наградить или покарать, как уже упоминалось выше. В то же время в этот период к германским ордам и пиратам, как ярко демонстрирует движение багаудов, присоединялись и дезертиры. Достижением Аврелиана как раз являлось возвращение не только дисциплины, но и дисциплинарного контроля в римскую армию.

Выстроившаяся под своими орлами и драконами в полном вооружении и церемониальных доспехах, начищенных до блеска, римская армия должна была представлять завораживающее своей мощью и единством зрелище. Дексипп описывает это событие, когда Аврелиан решил продемонстрировать боеспособность римской армии варварам [31, De Bell., 1).

Песценний Нигер во время одной кампании заменил серебряную походную посуду на деревянную, булки на сухари, а вино на уксус и хотел даже обезглавить 10 солдат из одной манипулы за то, что те украли и съели курицу, но вместо этого ввёл для них суровые наказания: десятикратная компенсация стоимости курицы и запрещение питания горячей едой и разведения огня в своей палатке во время всего

похода, за чем должны были следить приставленные надсмотрщики. Помимо этого, он распорядился, чтобы солдаты при походах не брали даже золотые или серебряные монеты, а сдавали их в военную казну для обратного получения после кампании.

Аврелиан отличался не меньшей суровостью: за прелюбодеяние с женой арендатора он разорвал солдата на верхушках двух пригнутых к земле деревьев и к тому же написал такое письмо одному из помощников: «Если ты хочешь быть трибуном или если, попросту говоря, хочешь жить, то сдерживай своих солдат. Пусть никто из них не украдёт чужой курицы, не тронет чужой овцы; пусть никто не унесёт кисти винограда, хлебного колоса, не требует себе масла, соли, дров. Пусть всякий довольствуется своей законной порцией... Пусть оружие у них будет вычищено, отточено, обувь крепка... Пусть жалованье у солдата остается в поясе, а не в кабаке... Пусть он холит своего коня и не продаёт его корма. Пусть солдаты... ничего не дают гадалкам... клязники пусть подвергаются побоям...» [54, XXVI, 7, 5–8].

Как упоминалось выше, римская военная система была разделена на легионы, в которых служили граждане империи, и вспомогательные когорты, укомплектованные рекрутами-негражданами из провинций или окраин империи, которые были лояльны Риму. Две вещи начали менять состав легионов: во-первых, некоторым провинциалам стало предоставляться гражданство в качестве награды, а во-вторых, легионы могли базироваться в отдаленной приграничной провинции в течение нескольких поколений, что давало возможность служить и сыновьям, создавая таким образом профессиональную наследственную основу для армии этого периода. И самое главное, что армия стала все больше привлекаться к несению государственных повинностей [13, с. 645].

В устоявшихся провинциях, с растущим населением, легионы предлагали многим мужчинам привлекательную карьеру. В составе легиона оставалось все меньше италиков и все большее число местных жителей провинций, романизированных варваров, варваров-поселенцев¹².

Вспомогательные когорты, с другой стороны, всегда (за одним редким исключением) набирались из недавно завоеванных племен или неграждан приграничных провинций. В биографии Аврелиана перечисляются отряды в 300 итирейских стрелков, 600 армян, 150 арабов, 200 сарацин и 800 катафрактариев [54, XXVI, 11, 3–4]. Кроме того, существовали различные типы кавалерийских подразделений: *alae*, *vexillationes*, *scholae*, *equites* и др. О численности вексилляций у нас нет никаких сведений, ряд исследователей полагают, что численность *vexillatio* была 500 всадников [8, с. 377].

На лимесах, как уже было сказано, была своя организация войск и их концентрация в зависимости от сложности сектора. Так на Рейне дислоцированы были три легиона в Могонциаке (совр. Майнц), Аргенторате (совр. Страсбург), Кастра Регина (совр. Регенсбург). У каждого лагеря был свой собственный речной порт или пристань и складское помещение, потому что реки являлись важной транспортной артерией не только для торговли, но и для военных нужд. Так, наблюдение за верхним Рейном входило в компетенцию *Classis Germanica*, штаб-квартира которого была в III веке перенесена в Бонну; наблюдение за Северным Дунаем входило в компетенцию *Classis Pannonia*, штаб-квартира которой находилась в Аквинкуме (совр. Будапешт)¹³, побережье и Ла-Манш – *classis Britannia*, одна из стоянок которого находилась, судя по археологическим данным, в Булони-сюр-мер. Центральная база располагалась в порту Гезориак на побережье Ла-Манша и в Дюбре на побережье Британии. Задачами *classis Britannica* было патрулирование берега Британии и охрана пролива. На этом же побережье находился ряд фортов, в которых были расквартированы пехотинцы, кавалерия и моряки [34, р. 423]. Причем, эти форты

находились близ городов: Булонь (Ла-Манш, Франция), Уденбург (Зап. Фландрия, Бельгия), Варсенаре (Фландрия, Бельгия), Румст (недалеко от Антверпена, Бельгия), Катвийк (южное побережье, Нидерланды) [ibid.]. Дорога соединяла форты один с другим и связывала с внутренней частью лимеса через дорожную развязку Булонь, Кассель (Германия), Бавы (Франция) и Тонгерен (Бельгия). Базы флота располагались и в других важных частях, в частности, в Александрии. Отсюда возможно было противодействовать морским пиратским рейдам готов, что и сделал Клавдий II Готский, обеспечивая защиту Восточного Средиземноморья и района Эгейского моря [35; 59, p. 70].

Это подтверждает секторность оборонительной системы, уничтожение одной части которой позволяло функционировать остальным. Эта же система привлекала гражданское население, благодаря которому создавались поселения (*vici*), организовывалась торговля¹⁴, функционировали ремесленные производства [48, p. 179]. Ведь изначально стены и укрепления предназначались для контроля перемещений через границу, и уже после активизации германских вторжений стали менять и свой облик. Однако гражданское население в той или иной степени было задействовано в функционировании оборонительной системы, хотя солдаты и сами занимались ремесленным производством - практиковались все виды ремесленной деятельности - от плотницкого до металлообработки, от изготовления обуви до выделки кожи, о чем свидетельствуют археологические раскопки [12, с. 111–112; 57, p. 103–104]. Но, помимо этого, в лагере всегда было много вспомогательного персонала и ремесленников, которыми могли быть ветераны и простые солдаты.

Но уже к началу III в. торговые дни были отменены и германцам запретили торговать на римской территории. Все торговые операции могли проходить только за пределами Империи. Римлянам торговля с германцами приносила не только экономические, но и политические выгоды. Торговые контакты позволяли ближе познакомиться и изучить эти племена, присмотреться к этому потенциальному противнику. Римские купцы проникали вглубь варварской земли. При этом немалая часть доходов от торговли концентрировалась в руках варварской знати.

Торговля была ограничена не только определенными местами, но и определенными днями, известными из надписей, или была полностью запрещена [49, LXXII, 11, 13; 15; 19, 2; 30, VIII, 6357], впоследствии запрет торговли использовался как метод воздействия на варваров [44, XXVII, 5, 7]. Варвары, которым разрешался въезд для более длительного посещения в качестве сезонных рабочих, обещали свое хорошее поведение под присягой перед офицером пограничной службы [21, Ер. 46], а смешанные браки с варварами были запрещены, по крайней мере, в 368 г. [29, III, 14, 1]. Однако все эти меры лишь способствовали изоляции германцев и сохранению линии «отчуждения» между римлянами и варварами.

Армия нуждалась в контроле над лесами и каменоломнями и должна была отправлять отряды квалифицированных людей для надзора за осужденными, преступниками, занятыми на всех тяжелых работах [43, p. 27–30].

В каждом форте были зернохранилища, но на самом деле они были общими складами, поскольку в них хранились всевозможные продукты питания, а не просто амбары, заполненные мешками с зерном. Чтобы еще больше уменьшить воздействие сырости, зернохранилища были подняты на столбах, что позволяло циркулировать воздуху. Кроме того, дополнительная нагрузка на поставку фуража ложилась на провинции и соседние поселения. Особое пространство требовалось и для кавалерии.

Одной из важных составляющих римской администрации на границах были ветераны¹⁵, которые при необходимости вновь становились в ряды римской армии. Как ветеран солдат получал ряд важных привилегий, которые время от времени

различались согласно длительности его службы, его рангу при увольнении и статусу части, в которой он служил. В III в. экономические привилегии ветеранов, в связи с общей налоговой политикой Империи, были сокращены, что в известной мере может служить объяснением роста недовольных среди военных.

Таким образом, в течение III в. римская армия, ее структуры, вооружение и оборонительная система под воздействием внешних факторов последовательно изменялись. В этот процесс оказались задействованы территориальная и административная система, социальная структура и экономика Римского государства. Так эдикт Каракаллы объявлял проживающих на территории Римской империи гражданами, кроме тех, кто выступал против Рима с оружием в руках¹⁶. Однако еще ранее Септимий Север провел ряд реформ, разрешив солдатам иметь семью, обзаводиться хозяйством, сделал особую ставку на пограничные форты, мало того, стало возможным негражданам занимать командные посты. Необходимость замены вооружения и тактики исходила из реалий военных действий, на что и указывает А. В. Банников [1], зависела от этносов, являвшихся частью этой армии, внешних контактов, хотя, в принципе, в этом и заключалась идентичность римской армии, которая еще с древности умела приспосабливаться для достижения превосходства над врагами.

В попытках сохранить идентичность, эти системы должны были быстро приспосабливаться к реалиям и требованиям времени, но это не всегда получалось из-за нестабильности политической власти, постоянной смены императоров, и тогда реформы становились необходимостью, но не для того, чтобы вернуться к старому, а для того, чтобы армия оставалась боеспособной, а Римская империя могла сохранять свои прежние границы, поскольку она оказалась на шаг от разрушения: на западе существовала «Галльская империя», по течению рек бесчинствовали пираты, на суше – разбойники, через лимесы то и дело прорывались орды варваров, на востоке территории контролировало Пальмирское царство, персы не оставили идею захвата территорий. Победы над германцами в 269–270 гг. на Рейне и Дунае, а также другими племенами в Поднестровье и Северном Причерноморье стали не просто триумфом Рима [3, с. 38], вместе с другими факторами они определили дальнейшее развитие Римской империи, ее сближение с варварским миром [45], позволив отступить от пропасти, у края которой она находилась.

Примечания

1. Подобный договор был у Рима с квадами [55, Hist., I, 2; 33, VIII, 8, 2].
2. В состав аламаннского объединения входили гермундуры, семноны, ютунги, брисигавы, буцинобанты.
3. Так император Клавдий II получил когномен Готский, а императоры в своей титулатуре новый титул *Gothicus Maximus*, появляются на монетах и соответствующие легенды, в частности *Victoria Gothica*. [51, Aurelian., 339].
4. Батавы – западногерманское племя. В I в. н. э., возглавляемые Юлием Цивилисом, подняли против Рима мятеж, к которому примкнули соседние германские и кельтские племена, а также часть римских солдат. После разгрома этого восстания батавы привлекаются на военную службу Римской империей. Они славились как искусные всадники и матросы. Преимущественно из них состояли императорские телохранители. К IV в. батавы слились с франками в один народ [2, с. 162].
5. Об этом свидетельствует легенда *HERCVLES DEVSONIENSIS*, появившаяся на монетах Постума после победы над франками в области Деузон. [51, Postumus, 20, 98, 99].
6. Доказательством этого факта может служить легенда, встречающаяся на монетах Постума, – *HERCVLES MAGVSANVS*, которая в эпиграфических данных связана с Нептуном, покровителем навигации. [51, Postumus, 68, 139].
7. Декуматские поля были присоединены при Домициане, при котором был построен участок лимеса от р. Лан до впадения Киндига в Майн. При Траяне – участок между Майном и Неккаром.

8. Точнее, Дунайско-Ретийский, потому что отдельные секции Ретийской линии обороны считались его частью.
9. Дунайский лимес, особенно Дакия были опутаны таким количеством крепостей, что, по мнению, Кругликовой И. Т., вся провинция напоминала единый военный лагерь. [6, с. 133–135]
10. В 274/5 гг. вандалы, франки, бургунды, аламанны разрушили Трир и другие города, такие как Ле Ман, Тур, Орлеан, Пуатье.
11. Император Диоклетиан организовал производство армейского оружия и доспехов под контролем государственной администрации.
12. Согласно исследованиям, из 2056 посвящений в легионеры, относящихся ко второй половине II в., только тридцать семь были итальянского происхождения. [32, Ch. 8].
13. Улучшение судоходства на Нижнем Дунае было связано со строительством во II в. обводного канала и расширение дополнительных стоянок для флота, однако в III в. это способствовало проникновению варварского флота. [12, С. 156].
14. Эффект от этой торговли был двусторонним, но и отсроченным, ведь это был способ воздействия и проникновения римской культуры, сближения двух миров. [23].
15. Особая роль отводилась ветеранам в сложных регионах с беспокойной внутренней и внешней обстановкой, как, например, в придунайских провинциях, в Дакии. [18, с. 263].
16. Ранович А. Эдикт... С. 66–80; Штаерман Е. М. К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы // ВДИ. 1946. № 2. С. 81–88.

Список источников и литературы

1. Банников А. В. К вопросу об изменениях в римской военной тактике и вооружении в эпоху Поздней Империи // Античный мир и археология. 2009. Вып. 11. С. 271–289.
2. Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов / отв. ред. В. И. Уколова. М.: Наука, 2000. 540 с.
3. Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. 334 с. (Византийская библиотека).
4. История Европы с древнейших времен до наших дней : в 8 т. Т. 1: Древняя Европа. М.: Наука, 1988. 703 с.
5. Кольцова О. Н. Римские колонии на Рейне и Дунае // Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». 2012. № 11. Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2012/11/18360> (дата обращения: 25.04.2024).
6. Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 168 с. (Причерноморье в античную эпоху / под ред. проф. В. Н. Дьякова; вып. 8).
7. Куликова Ю. В. «Галльская империя» от Постума до Тетриков. СПб.: Алетейя, 2012. 269 с. (Античная библиотека. Исследования).
8. Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / [пер. с фр. М. Н. Челинцевой]. М.: Росспэн, 2001. 398 с.
9. Махлаюк А. В. Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 123–130.
10. Ранович А. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи // Вестник древней истории. 1946. № 2. С. 66–80.
11. Ременников А. М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи : учеб. пособие. Казань: КГПИ, 1984. 81 с.
12. Рубцов С. М. Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I – начало II века н. э.). СПб.: Петербург. востоковедение ; М.: Филоматис, 2003. 245 с.
13. Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима : [учеб. пособие для ист. фак. : в 2 ч.]. Ч. 2: [Империя]. М., 1938. 372–832 с.: карты.
14. Старр Ч. Флот Римской империи. Роль военно-морских сил в поддержании обороноспособности и сохранения античного государства со времен Октавиана Августа и до

- Константина Великого (31–324 гг.) / пер. с англ. И. А. Игореvского. М.: Центрполиграф, 2015. 285 с.
15. Циркин Ю. Б. Политическая история Римской империи : в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 585 с.
16. Штаерман Е. М. К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы // Вестник древней истории. 1946. № 2. С. 81–88.
17. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 512 с.
18. Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска // Вестник древней истории. 1946. № 3 (17). С. 256–266.
19. L'Année épigraphique: Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine. Paris, 1888–1916.
20. Aubin G. Du bon usage des découvertes archéologiques : trésors et pirates // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 1978. Т. 85, № 1. P. 5–18.
21. Augustin Sanc. Epistula de libris de civitate dei // The Latin Library : [electronic library]. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/augustine/epistula.shtml> (date of request: 03.08.2024).
22. Baatz D. Der Römische limes: Archäologische Ausflüge zwischen Rhein und Donau. Berlin: Mann, 1975. 307 p.
23. Birley A. R. The economic effects of Roman frontier policy // The Roman West in the third century. Part 1–2 / ed. A. King, M. Henig. London, 1981. (BAR, 4). Part 1. P. 39–54.
24. Brulet R. The Roman army and military defence in Northern Gaul and the Germanic provinces during the Late Empire // Social Dynamics in the Northwest Frontiers of the Late Roman Empire: Beyond Transformation or Decline / ed. N. Roymans, S. Heeren, W. De Clercq. Amsterdam, 2017. P. 39–56. (Amsterdam Archaeological Studies, 26).
25. Brulet R. La militarisation de la Gaule du Nord au Bas-Empire et les petites agglomérations urbaines de Famars et de Bavay // Revue du Nord. 1995. Archéologie. Т. 77, № 313. P. 55–70.
26. Callu J. P., Lorient X. L'or monnayé. Т. 2: La dispersion des aurei en Gaule Romaine sous l'Empire / Centre de recherches archéologiques. Paris: A.P.D.C.A., 1990. 591 p.
27. Callu J. P. La politique monétaire des Empereurs romains de 238 à 311. Paris, 1969.
28. Claudianus Claudius. Opera: Vol. I–II. Cambridge, 1922.
29. Codex Theodosius // The Latin Library : [electronic library]. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/theodosius.html> (date of request: 11.09.2024).
30. Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini, 1863–. Electronic version. URL: <https://cil.bbaw.de/en/homenavigation/the-cil/volumes> (date of request: 11.09.2024).
31. Dexippus. Fragmenta // FHG. 1841. Vol. III. P. 606–687.
32. Elliott P. Legions in Crisis: Transformation of The Roman Soldier AD 192–284. London, 2014. 160 p.
33. Eutropius. Eutropii breviarium ab urbe condita / ed. C. Santini (Teubner). Leipzig, 1979. 87 p.
34. Gansbeke P., van. La mise en état de la défense de la Gaule au milieu du III-e siècle ap. J.C. // Latomus. 1955. Т. XIV. P. 405–425.
35. Gricourt D. Les Incursions de pirates de 268 en Gaule septentrionale et leurs incidences sur la politique de Postume. A propos du hiatus numismatique d'Ardres // TMon. 1988. Vol. X. P. 39–42.
36. Herodiani ab excessu divi Marci : libri octo / ed. L. Mendelssohn. University of California: B. G. Teubner, 1883. 255 p.
37. King A. Roman Gaul and Germany. The University of California press, 1990. 240 p.
38. Konen H. K. Classis Germanica. Die römische Rheinflotte im 1–3 Jahrhundert n. Chr. St. Katharinen, 2000. 578 p.
39. Krier J. Die Treverer außerhalb ihrer Civitas: Mobilität und Aufstieg. Trier: Selbstverlag des Rheinischen Landesmuseums, 1981. 206 p. (Trierer Ztschr. Für Geschichte u. Kunst des Trierer Landes u. Seiner Nachbargebiete; Beih. 5).
40. Lafaurie J. L'Empire Gaulois apport de la numismatique // ANRW. 1975. II / 2. P. 855–1012.

41. Mackensen M. Raetia: late Roman fortifications and building programmes // Creighton J. D., Wilson R. J. A. Roman Germany. Studies in Cultural Interaction Portsmouth, 1999. P. 199–244. (JRA. Suppl. 32).
42. MacMullen R. Barbarian Enclaves in the Northern Roman Empire // L'antiquité classique. 1963. T. 32, fasc. 2. P. 552–561.
43. MacMullen R. Soldier and Civilian in the later Roman Empire. Harvard University Press, 1963. 217 p.
44. Marcellinus Ammianus. Res Gestae / ed. J. C. Rolfe. London, 1963. (Loeb).
45. Milet M. Whose crisis? The Archaeology of the third century: A warning // The Roman West in the third century. I-II Part / ed. A. King, M. Henig. London, 1981. (BAR, 4). Part II. P. 525–529.
46. Notitia Dignitatum. Hannover, 1962.
47. Orosius Paulus. Historiae adversus paganos / ed. C. Zangemeister. Leipzig: Teubner, 1889. 371 p.
48. Petrikovich von H. Fortifications in the north-western Roman Empire from the third to the fifth century A.D. // JRS. 1971. Vol. 61. P. 178–218.
49. Post Dionem excepta ex Anonymo. Aurelianus // FHG. 1851. Vol. IV. P. 191–199.
50. Reddé M., Brulet R., Fellmann R., Haalebos Jan Kees & von Schnurbein S., L'architecture de la Gaule romaine: les fortifications militaires. Ausonius, Bordeaux, 2006. 471 p. (Documents d'Archéologie Française, 100 ; L'architecture de la Gaule romaine, 1).
51. The Roman Imperial Coinage: T. V. / P. Webb, H. Mattingly, E. Syderman. London, 1968.
52. The Saxon Shore / ed. D. Johnston. London, 1977. 92 p.
53. Schönberger H. The Roman frontier in Germany // JRS. 1969. № 59. P. 144–97.
54. Scriptores Historiae Augustae / P. Magie. London, 1954. Vol. 1–3. (Loeb).
55. Tacitus Cornelius Publius. Annales. Historia et alt // The Latin Library : [electronic library]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/tac.html> (date of request: 02.05.2022).
56. Victor Sextus Aurelius. Liber de Caesaribus / recensuit F. Pichlmayr. Leipzig: Teubner, 1970. 226 p.
57. Whittaker C. R. Frontiers of the Roman Empire. A Social and Economic Study. London, 1994. 341 p.
58. Whittaker D. L'importance des invasions du Bas-Empire : peut-on faire confiance aux historiens? // Revue du Nord. 1995. Archéologie. T. 77, № 313. P. 11–20.
59. White J. F. Restorer of the World: The Roman Emperor Aurelian. Staplehurst: Spellmount, 2005. 198 p.
60. Zonaras. Epitome Historiarum / ed. F. Dindorf. Leipzig, 1870. 418 p.
61. Zosimus. Historia Nova / ed. F. Paschoud. Paris: Les Belles Lettres, 1971. 320 p.

References

1. Bannikov, AV 2009, 'K voprosu ob izmeneniyakh v rimskoy voyennoy taktike i vooruzhenii v epokhu Pozdney Imperii' (On the issue of changes in Roman military tactics and weapons during the Late Empire), in *Antichnyy mir i arkheologiya* (The Ancient World and Archaeology), issue 11, pp. 271–289. (In Russ.)
2. Budanova, VP & Ukolova, VI (ed.) 2000, *Varvarskiy mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov* (Barbarian World of Peoples Great Migration Epoch), Moscow "Nauka" publ, Moscow. (In Russ.)
3. Budanova, VP, Gorskiy, AA, Ermolova, IE 2011, *Velikoye pereseleniye narodov. Etnopoliticheskiye i sotsial'nyye aspekty* (The Great Migration of Peoples. Ethnopolitical and Social Aspects), Vizantiyskaya biblioteka (Byzantine Library), Aleteya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. *Istoriya Evropy* (History of Europe) 1988, vol. 1, Drevnyaya Evropa (Ancient Europe), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Koltsova, ON 2012, 'Rimskie kolonii na Reyne i Dunaye' (Roman colonies on the Rhine and Danube), *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*. (Modern scientific research and innovation), viewed 25 April 2024, <https://web.snauka.ru/issues/2012/11/18360> (In Russ.)

6. Kruglikova, IT 1955, *Dakiya v epokhu rimskoy okkupatsii* (Dacia in the era of Roman occupation), Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
7. Kulikova, YuV 2023 [2012], «*Gallskaya imperiya*» ot Postuma do Tetrikov. («Gallic Empire» from Postumus to Tetricks), Aleteya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Le Bohec, Y 2001, *Rimskaya armiya epokhi Ranney Imperii* (The Roman army of the Early Empire), trans. MN Cheklintseva, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
9. Makhlayuk, AV 2002, 'Protsess «varvarizatsii» rimskoy armii v otsenke antichnykh avtorov' (The process of «barbarization» of the Roman army in the assessment of ancient authors), *Antichnyy mir i arkheologiya* (The Ancient World and Archaeology), no 11, pp. 123–130. (In Russ.)
10. Ranovich, A 1946, 'Edikt Karakally o darovanii rimskogo grazhdanstva naseleniyu imperii' (Edict of Caracalla on the granting of Roman citizenship to the population of the empire), *Vestnik drevney istorii* (Bulletin of Ancient History), no. 2, pp. 66–80. (In Russ.)
11. Remennikov, AM 1984, *Borba plemen Severnogo Podunavya i Podnestrovyia s Rimom i ee rol v padenii Rimskoy imperii*. (The struggle of the tribes of the Northern Danube and Dniester regions with Rome and its role in the fall of the Roman Empire), KGPI publ, Kazan. (In Russ.)
12. Rubtsov, SM 2003, *Legiony Rima na Nizhnem Dunaye: Voyennaya istoriya rimskodakiyskikh voyn (konets I – nachalo II veka n.e.)* (Legions of Rome on the Lower Danube: Military history of the Roman-Dacian wars (late 1st – early 2nd century AD)), "Peterburgskoye vostokovedeniye" publ, St. Petersburg; "Filomatis" publ, Moscow. (In Russ.)
13. Sergeev, VS 1938, *Ocherki po istorii Drevnego Rima* (Essays on the history of Ancient Rome.), part 2, OGIZ-Sotsekgiz publ, Moscow. (In Russ.)
14. Starr, CG 2015, *Flot Rimskoy imperii. Rol' voyenno-morskikh sil v podderzhanii oboronosposobnosti i sokhraneniya antichnogo gosudarstva so vremen Oktaviana Avgusta i do Konstantina Velikogo (31–324 gg.)* (The Roman Imperial Navy: 31 B.C. – A.D. 324), trans. IA Igorevsky, ZAO "Tsentrpoligraf" publ, Moscow. (In Russ.)
15. Tsirkin, YuB 2019, *Politicheskaya istoriya Rimskoy imperii* (Political history of the Roman Empire), in 2 vols, vol. 2, Izdatelstvo RGPU im. A.I. Gerzena publ, St. Petersburg. (In Russ.)
16. Shtayerman, EM, 1946, 'K voprosu o dediticii v edikte Karakally' (On the issue of *dediticii* in the edict of Caracalla), *Vestnik drevney istorii* (Bulletin of Ancient History), no. 2, pp. 81–88. (In Russ.)
17. Shtayerman, EM 1957, *Krizis rabovladelcheskogo stroya v zapadnykh provintsiyakh Rimskoy imperii* (The crisis of the slave system in the western provinces of the Roman Empire), Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
18. Shtayerman, EM 1946, 'Etnicheskiy i sotsial'nyy sostav rimskogo voyska' (Ethnic and social composition of the Roman army), *Vestnik drevney istorii* (Bulletin of Ancient History), no. 3(17), pp. 256–266. (In Russ.)
19. *L'Année épigraphique : Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine* 1888 –, Paris. (In French, Latin, Greek)
20. Aubin, G 1978, 'Du bon usage des découvertes archéologiques : trésors et pirates', *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*, vol. 85, no. 1, pp. 5–18. (In French)
21. Augustin Sanc 2024, *Epistula de libris de civitate dei*, viewed 03 August 2024, <https://www.thelatinlibrary.com/augustine/epistula.shtml> (In Latin)
22. Baatz, D 1974, *Der Römische limes*. Berlin. (In German)
23. Birley, AR 1981, *The economic effects of Roman frontier policy*, in A King & M Henig (eds.) *The Roman West in the third century. I–II Part*, (BAR, 4), London, part 1, pp. 39–54.
24. Brulet, R 2017, The Roman army and military defence in Northern Gaul and the Germanic provinces during the Late Empire, in N Roymans, S Heeren & W De Clercq (eds.) *Social Dynamics in the Northwest Frontiers of the Late Roman Empire*, *Amsterdam Archaeological Studies* 26, Amsterdam, pp. 39–56.
25. Brulet, R 1995, 'La militarisation de la Gaule du Nord au Bas-Empire et les petites agglomérations urbaines de Famars et de Bavay', *RevNord. Archéologie*, vol. 77, no. 313, pp. 55–70. (In French)
26. Callu, JP 1990, *L'or monnayé*. Vol. II. La dispersion des aurei en Gaule Romaine sous L'Empire, Centre de recherches archeol. publ, Paris. (In French)

27. Callu, JP 1969, *La politique monétaire des Empereurs romains de 238 à 311*. Paris. (In French)
28. Claudianus Claudius, 1922, *Operae*: I–II Vol. Cambridge.
29. *Theodosian Code (Imperatorii Theodosiani Codex = The Theodosian Code)*, viewed 11 September 2024, <https://www.thelatinlibrary.com/theodosius.html> (In Latin)
30. *Corpus Inscriptionum Latinarum* 1863–, Berolini. (In Latin, in ancient Greek)
31. Dexippus 184, 'Fragmentae', *FHG*, vol. 3, pp. 606–687. (In Latin)
32. Elliott, P 2014, *Legions in Crisis: Transformation of The Roman Soldier A.D. 192–284*, London.
33. Eutropius 1979, *Breviarium Ab urbe condita* (A breviary of Roman history from the building of Rome, to the year 1119), C Santini (ed.), Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
34. Gansbeke van, P 1955, 'La mise en état de la défense de la Gaule au milieu du III-e siècle ap. J. C.', *Latomus*, vol. 14, pp. 405–425. (In French)
35. Gricourt, D 1988, 'Les Incursions de pirates de 268 en Gaule septentrionale et leurs incidences sur la politique de Postume. A propos du hiatus numismatique d'Ardres', *Tmon*, vol. 10, pp. 39–42. (In French)
36. Herodian 1883, *Ab excessu divi Marci libri octo*, University of California publ (In Latin, in ancient Greek)
37. King, A 1990, *Roman Gaul and Germany*, Berkeley Univ. of California press.
38. Konen, HK 2000, *Classis Germanica. Die römische Rheinflotte im 1–3 Jahrhundert n. Chr.* St. Katharinen. (In German)
39. Krier, J 1981, 'Die Treverer außerhalb ihrer Civitas: Mobilität und Aufstieg', *Trierer Ztschr. Für Geschichte u. Kunst des Trierer Landes u. Seiner Nachbargebiete; Beih.* 5, Trier. (In German)
40. Lafaurie, J 1975, 'L'Empire Gaulois apport de la numismatique', *ANRW*, vol. 2, pp. 855–1012. (In French)
41. Mackensen, M 1999, 'Raetia: late Roman fortifications and building programmes', *Roman Germany. Studies in Cultural Interaction (JRA. Suppl. 32)* ed. J. D. Creighton, R. J. A. Wilson, Portsmouth, pp. 199–244.
42. MacMullen, R 1963, 'Barbarian Enclaves in the Northern Roman Empire', *L'antiquité classique*, vol. 32, fasc. 2, pp. 552–561.
43. MacMullen, R 1963, *Soldier and Civilian in the later Roman Empire*. Cambridge.
44. Marcellinus, Ammianus 1963, *Res Gestae*, ed. J.C. Rolfe, Loeb publ, London. (In Latin)
45. Milet, M 1981, 'Whose crisis? The Archaeology of the third century: A warning', *The Roman West in the third century*, vols. 1–2, A King & M Henig (eds.), London, pp. 525–529.
46. *Notitia Dignitatum* 1962, Hannover. (In Latin)
47. Orosius, Paulus 1889, *Historiae adversus paganos*, ed. C. Zangemeister, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
48. Petrikovich von, H 1971, 'Fortifications in the north-western Roman Empire from the third to the fifth century A. D.', *JRS*, vol. 61, pp. 178–218.
49. Excerpta ex Anonymo 1851, 'Post Dionem', *FHG*, vol. 4, pp. 191–199.
50. Reddé, M, Brulet, R, Fellmann, R, Haalebos, J-K, Von Schnurbein, S & Aupert, P 2006, *L'architecture de la Gaule romaine : les fortifications militaires*, Documents d'Archéologie Française, Éditions de la Maison des sciences de l'homme publ, Paris. (In French)
51. Webb, P, Mattingly, H & Syderman, E 1968, *The Roman Imperial Coinage*, vol. 5, London.
52. Johnston, D (ed.) 1977, *The Saxon Shore*, London.
53. Schönberger, H 1969, 'The Roman frontier in Germany', *JRS*, no. 59, pp. 144–197.
54. Magie, P (ed.) *Scriptores Historiae Augustae*, Loeb publ, London. (In Latin)
55. Tacitus Cornelius Publius, *Annales. Historia et alt*, viewed 02 November 2024, <http://www.thelatinlibrary.com/tac.html> (In Latin).
56. Victor Sextus Aurelius 1970, *Liber de Caesaribus*, ed. F. Pichlmayr, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
57. Whittaker, CR 1997, *Frontiers of the Roman Empire. A Social and Economic Study*, London.
58. Whittaker, D 1995, 'L'importance des invasions du Bas-Empire: peut-on faire confiance aux historiens?', *RevNord. Archéologie*, vol. 77, no. 313, pp. 11–20. (In French)
59. White, JF 2005, *Restorer of the World: The Roman Emperor Aurelian*, Tempus Publishing.

60. Zonaras 1870, *Epitome Historiarum*, F Dindorf (ed.), Leipzig. (In Latin)
61. Zosimus 1971, *Historia Nova*, F Paschoud (ed.), Paris. (In Latin)

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024
Одобрена после рецензирования: 21.01.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 15.10.2024
Approved after reviewing: 21.01.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 38–48.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 1 (21). P. 38–48.

Научная статья
УДК 94(47).083
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-38-48>

ОТНОШЕНИЕ К АНАРХИЧЕСКОМУ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

**Светлана Александровна
Семеева**

Липецкий государственный педагогический
университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия, svetlana.semeeva@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-6859-5758>

Аннотация. Целью статьи является анализ различных точек зрения на терроризм анархического толка в России периода революции 1905–1907 гг. Для достижения цели необходимо было решить ряд задач с помощью привлечения преимущественно дореволюционной печати. Во-первых, рассмотреть отношение к терактам самих анархистов. Сделан вывод о том, что ввиду пестроты состава, казалось бы, несовместимых жизненных целей (в зависимости от мотивирующего фактора революционности выделяли рабочие, крестьянские, еврейские, студенческие, уголовные силы), пересечённых в точке анархизма, позиции анархистов были во многом полярны. Во-вторых, изучить отношение к анархистам иных политических сил (социал-демократов, эсеров, кадетов, октябристов, консерваторов). Мы пришли к выводу об однозначном осуждении анархистского террора октябристами и консерваторами при существовании двойственности во мнении других партий, объяснимой противоречиями нравственных категорий, политической конкуренции и революционной необходимости в совместных действиях. И наконец, рассмотреть мнение обывателей, которые становились особенно уязвимы для террористических атак в связи с допущением анархистами большого количества жертв. Сделан вывод об отталкивании народа от разлитого анархистского террора, обращённого на всех, в противовес индивидуальному эсеровскому, который воспринимался как месть власти за народные страдания. Также отмечена трансформация страха в феномен принятия террористической темы как основы для развития культуры, усиления циничного отношения к жизни, что стало следствием защитной реакции организма.

Ключевые слова: анархист, бомба, кадет, консерватор, М. А. Бакунин, социал-демократ, теракт, хлебавольцы, чернознаменцы, эсер.

Для цитирования: Семеева С. А. Отношение к анархическому терроризму в России в начале XX века // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 38–48. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-38-48>

Сведения об авторе: С. А. Семеева – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

Scientific Article
UDC 94(47).083
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-38-48>

ATTITUDE TO ANARCHIST TERRORISM IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Svetlana A. Semeeva

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia, svetlana.semeeva@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-6859-5758>

Abstract. The objective of the present article is to provide an analysis of the various perspectives on anarchist terrorism in Russia during the 1905–1907 revolution. In order to achieve this objective, it was necessary to address a number of tasks by means of drawing upon the pre-revolutionary press. The first task is to consider the attitude of anarchists themselves to terrorist attacks. The article's conclusion is that, due to the diversity of the composition of seemingly incompatible life goals (depending on the motivating factor of revolutionary nature, there were distinguished workers, peasants, Jews, students, and criminal forces) crossed at the point of anarchism, the positions of anarchists were polar in many respects. The second task is to study the attitude of other political forces (Social Democrats, SRs, Kadets, Octobrists, conservatives) towards anarchists. The author of the article has concluded that Octobrists and conservatives unequivocally condemned the anarchist terror, while there was ambivalence in the opinion of other parties. This ambivalence was explained by the contradictions of moral categories, political competition and the revolutionary need for joint action. Finally, to consider the opinion of common people, who became particularly vulnerable to terrorist attacks due to the anarchists' assumption of a large number of victims. The article concludes that the people were repelled by the anarchists' spilled anarchist terror directed at everyone, as opposed to the individualised SR terror, which was perceived as revenge on the authorities for the people's suffering. The article further notes the transformation of fear into the phenomenon of acceptance of the terrorist theme as a basis for the development of culture and the strengthening of a cynical attitude to life, which was a consequence of the organism's defence reaction.

Keywords: anarchist, bomb, Kadet, conservative, M. A. Bakunin, Social Democrat, terrorist attack, Khlebovoltsi, Chernoznamensty, SR.

For citation: Semeeva, SA 2025, 'Attitude to Anarchist Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 38–48, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-38-48> (in Russ.)

Information about the Author: Svetlana A. Semeeva – Postgraduate Student of the Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 42, Lenin Str., Lipetsk, 398020, Russia.

Введение

Родиной анархизма считается Европа, фундаментом выступает природная склонность человека к самореализации, а предтечей явились декларации Великой французской революции о свободе, доросшие до слов философа Ф. Ницше о сверхчеловеке, которому под силу освободиться от устоявшихся понятий о добре и зле и жить по своим законам. Он и сам упивался собственной дерзостью, именуя себя «не человеком, а динамитом». Подчинение государству презиралось, ибо качество жизни определяется реализацией воли к власти, а «доминирование интеллекта, ходячая мораль» препятствуют ей [3, с. 246]. Государство, по его мнению, создано для бесполезной, тупой массы, которую «душит и пережёвывает» [16; 38], личности же теряют уникальность, живя по навязанным моделям поведения.

Впервые в России идеи анархизма появились в 1860-е гг. в среде народничества и воплощалась в попытках приверженцев М. А. Бакунина разжечь в крестьянах бунтовские настроения. Приоритетным для бакунистов был вопрос скорого удовлетворения физиологических потребностей массы обездоленных, хотя бы и стоящих на низком уровне умственного развития.

Начало XX столетия в России стало вехой возрождения террора как способа решения общественных противоречий после разгрома террористических групп в 1880-х гг. В эпоху революции 1905–1907 гг. слом традиционных ценностей вылился в возникновение анархистских групп в $\frac{3}{4}$ губерний [4, с. 206]. Пророчество Ф. Ницше о том, что «грядут войны, каких ещё земля не видала» [цит. по 2, с. 265], не замедлило сбыться.

В обществе сложилось стереотипное отождествление анархизма (доктрины безвластия, когда «никто не повелевает и никто не подчиняется, каждый – свой собственный самодержец» [23, с. 3].) и анархии (хаоса, распушенности), что сопровождалось участием анархистов в экспроприациях и терактах. О мощи анархистского движения говорит тот факт, что среди пострадавших в результате всех террористических операций с 1901 по 1916 гг. за большую половину (а это более 8000 человек) несут ответственность анархисты [6, с. 177, 178]. В наше время в России анархизм продолжает существовать (Ассоциация движений анархистов (АДА), «Автономное действие» (АД), Конфедерация революционных анархо-синдикалистов (КРАС), Сообщество анархо-панков «Панк-возрождение» (ПВ)), прибегая к легальным способам воздействия, однако не обладает большим влиянием. В условиях сохранения глобальной проблемы террористической опасности необходимо проанализировать мало исследованное отношение к анархическому терроризму в России в начале XX в.

Материалы и методы

История анархистского движения указанного периода в России отражена в дореволюционной историографии в работах С. Ф. Ивановича [8], А. И. Матюшенского [14]; в советской историографии – в трудах С. Вольского (А. В. Соколова) [23], П. Аврича [1]; современная историография представлена монографиями О. В. Будницкого [4], А. А. Гейфман [6], В. В. Кривенького [12], статьями Н. А. Портнягиной [20]. При написании данной статьи были привлечены не упоминаемые ранее источники: заметки в дореволюционных газетах (Как совершаются на Руси покушения? // Член всех партий. 1906. № 1. С. 8–9; Мелочи // Скелет. 1906. № 1. С. 2; Телеграммы // Голос Москвы. 1906. № 4. С. 2), архивные материалы (Об анонимном письме за подписью Центрального комитета анархистов-террористов с угрозой и вымогательством от владельца банкирской конторы «Захар Жданов» // Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 965. Оп. 3. Д. 145. Л. 2). Нами использовались статистический, идеографический методы, сравнение, анализ.

Результаты

В начале XX в. инициатором использования террористического метода давления на власть была партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеров), которая придерживалась принципа индивидуального характера терактов, направленных на конкретное лицо, обладавшее властными полномочиями и злоупотребившее ими, по мнению инициаторов терактов, в отношении народа в связи с исполнением должностных обязанностей. Потому целями террора ПСР считала отмщение за пострадавших от действий чиновников государства, раскачивание столпов самодержавия. Благоприятной обстановкой разброда воспользовались анархисты, образовавшие в период 1905–1907 гг. в Белостоке, Екатеринославе и Одессе крупные очаги влияния [12, с. 117].

Центральный комитет (ЦК) эсеров образовал в 1902 г. для подготовки и осуществления терактов БО (боевую организацию), законспирированную и автономную структуру, отличающуюся независимостью взглядов, порой противоречивших ЦК. Рассогласование проявилось и в отношении эсеров к европейским терактам анархистов, убивавших «не только в розницу, но и оптом, не только чиновников, но и всех буржуа, стадо, бессмысленное участие которого в голосовании, апатичность дала возможность власти совершать все злодеяства» [23, с. 51]. С одной стороны, ЦК партии осудил их, говоря о недопустимости «террора в свободных странах». Однако БО не разделила данную позицию, по словам боевика И. П. Каляева, террор для него имел больше значения, чем «все парламенты в мире. Я не брошу бомбу в safe, но и не мне судить Равашоль» [22, с. 77]. В 1891 г. французский анархист Равашоль задушил 93-летнего отшельника, собиравшего подаяние, и изъясил накопленное [27, с. 186]). Таким образом, для российских анархистов создавался карт-бланш.

Идеология анархизма наложила отпечаток на организацию этого движения. Отрицая необходимость подчинения, разрозненные группы и одиночки так и не смогли создать крупное объединение с собственной программой. Известность получили группы анархо-коммунистов двух направлений: «Хлеб и воля» и «Чёрное знамя». Кроме того, в самой анархистской среде отсутствовал единый подход к оценке терактов.

Хлебовольцы, бывшие учениками П. А. Кропоткина, разделяя эсеровскую приверженность индивидуальным терактам (большое значение имел критерий понятности выбора мишени массам), считали неприемлемым централизованную террористическую работу, отстаивая мнение, что для успеха предприятия определять жертву, методы работы должен вне всякого давления и отчётности сам террорист. Поощрялась в его действиях и спонтанность. Логика хлебовольцев опиралась на доказательства от противного: неудачные покушения колебавшегося Ф. Качуры на харьковского губернатора И. М. Оболенского (1902 г.) и Е. К. Григорьева и Ю. Ф. Юрковской, отказавшихся в последний момент стрелять в обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева и губернатора Санкт-Петербурга Н. В. Клейгельса. В обоих случаях инициатива исходила от одного из основателей БО ПСР Г. Гершуни, который потратил немало времени на уговоры исполнителей.

Чернознаменцы (в Петербурге ответвлением этого направления стала известная группа «Безначалие») были более радикальны и отстаивали право на беспричинный террор, направленный на всех врагов народа, более-менее материально обеспеченных. 17 декабря 1905 г. в результате анархистского теракта в Одессе пострадали больше десяти посетителей кафе Либмана, считавшегося заведением для среднего класса.

Против чернознаменцев выступили хлебовольцы, считавшие бесчестным атаку на тех, кто стоял на низших ступенях иерархии в бюрократической или буржуазной сфере [6, с. 180]. Подобные акции не гарантировали безопасность обслуживаю-

щего персонала, того самого народа, в интересах которого якобы действовали террористы, да и критерии отнесения к буржуазии были размыты.

Не гнушались анархисты и террористическими экспроприациями (изъятием имущества в революционных целях), которые считались грязным делом и публично порицались революционными партиями. Социал-демократ С. Ф. Иванович провел разграничение между социал-демократическими и анархистскими экспроприациями. Он оперировал следующими критериями: субъект совершения экспроприаций (политически господствующий сознательный рабочий класс в первом случае и «тёмные шайки вымогателей» во втором), время (С. Ф. Иванович говорил о будущей возможности экспроприаций для социал-демократов, анархисты же действовали в настоящем), масштаб (объектом нападения для социал-демократов будут лишь немногочисленные магнаты) и цели (социал-демократы будут изымать орудия производства, а не деньги) [8, с. 14, 15]. Приведённые отличия надуманы (критерий сознательности носит субъективный характер) и лживы (социал-демократы также в то время обращались к экспроприациям для пополнения партийной кассы).

Хлебовольцы допускали только экспроприации государственного имущества, чернознаменцы – и у частных лиц [12, с. 110]. Из сообщения ежедневной политической газеты «Речь» (1906–1918 гг.) следовало, что 2 марта 1906 г. в Елисаветграде от разрыва бомбы анархистов пострадало здание магазина Котлярова, в качестве причины назывался отказ владельца в выдаче денег [21, с. 3].

По сведениям полиции большинство среди анархистов составляли «незрелая молодёжь и безработные пролетарии» [19]. Порывистая молодёжь из партии эсеров, которую раздирало противоречие между мучительно долгим многомесячным процессом выслеживания жертвы и жадой немедленного проявления себя в убийстве при равнодушии к теориям построения будущего, находила понимание в среде анархистов, не отличавшихся особой разборчивостью. Охотно становились анархистами и разочаровавшиеся социал-демократы, которым партия запрещала участие в терактах, склоняя к агитационной работе в массах, что означало преобладание рутинного интеллектуального труда, «пустых разговоров» [1, с. 10] при невидимости результатов. К тому же энергичным натурам было ближе положение анархизма о первенствующей роли желаний революционера, нежели мнение марксизма об определяющем значении экономического развития, оторванного от личности [1, с. 12]. Лидер большевиков В. И. Ленин видел «анархизм – порождением отчаяния» интеллигенции и босячества [13, с. 378]. Этими свойственными русскому национальному характеру импульсивностью и чувствительностью к настроению толпы при доступности оружия автор сатирической заметки объяснял череду случайностей, которые привели от невинного задевания мальчиком хвоста собаки к беспорядочной стрельбе, взрыву бомбы и убийству губернатора и 24 человек [9].

В период революции 1905–1907 гг. также произошло вовлечение в терроризм уголовных элементов [7, с. 146]. Не отрекаясь от своей социальной группы, уголовники стали частью политической жизни России. Часто равнодушные к проблемам изменения политического строя, профессиональные воры и разбойники позиционировали себя врагами капиталистов и устраняли их посредством массового терроризма, когда теракты имели целью поражение как можно большего числа представителей зажиточных слоёв [14, с. 4]. Оправданием для них служила народная мудрость: «От трудов праведных не наживешь палат каменных» [14, с. 5]. Негодование уголовников вызывало неравное применение закона к совершившим однородные деяния закоренелому вору и купцу, уличённому в мошенничестве: «одного бьёт беспощадно», а к другому «относится осторожно и даже с нежностью», аналогичным было и общественное мнение [14, с. 19]. Вор всегда стоял в стороне от иных социальных

групп, чувствуя стену враждебности. Подобная психология служила почвой для распространения идеологии анархистского безмотивного террора.

Адепты анархизма, пытаясь вовлечь уголовников в свою организацию, вписывали в контекст анархизма деятельность вора, одновременно придавая ей облагороженное авторитетное значение как в глазах самого преступника, так и народа. По их словам, в основе кражи, в первую очередь, заложена идея подрыва капиталистического строя. Забирая деньги у имущих, вор освобождал общество от их власти. Тот факт, что уголовник пользовался украденным, вторичен и не подлежал осуждению, так как трата денег на вечер в питейном заведении есть компенсация за риск для жизни [14, с. 111].

Мышление подобных людей отличалось конкретностью и грубой схематизацией, поэтому неприятие реального человека, с которым обстоятельства сталкивали анархиста, с лёгкостью переносилось на буржуазию в целом, и каждый её представитель отождествлялся с тем самым личным обидчиком. Также жестокость закона к одним и милость к другим казались им результатом частной договорённости разработчиков законов или особенностью правоприменения корыстными чиновниками [14, с. 20]. Мыслительная операция обобщения была им недоступна, и вследствие этого суть капиталистического государства оставалась для них тайной, как и собственное положение в обществе.

Ещё одним направлением анархистского толка стало движение анархистов-синдикалистов, которые считали, что профсоюзы рабочих должны сломить экономический строй и государство, регулярно устраивая забастовки для продвижения своих профессиональных интересов и теракты против предпринимателей при несговорчивости последних [4, с. 223]. Один из лидеров анархистов-синдикалистов Д. Новомирский выступал против разлитого террора и культивирования «духа мятежа» среди «отсталых масс» [1, с. 36], имея в виду бродяг и воров. Веру в их революционность он считал смешной и опасался, что они, скорее, навредят революционной борьбе сознательных и организованных рабочих. Отмечал он и непонятность народу безмотивных терактов, а значит, и их бесполезность для классовой борьбы. Так, после взрыва у кафе Либмана, по его словам, из толпы рабочих доносилось: «Что, революционеры не могут придумать ничего лучшего, чем бросать бомбы в рестораны?» [1, с. 36].

Либеральное крыло общественности при оправдании индивидуального терроризма единодушно высказывалось против широкомасштабных террористических акций. А. В. Тыркова-Вильямс (известная в печати под псевдонимом А. Вергежский), входившая в кадетскую партию, писала о равнодушии к убийствам как о симптоме страшного явления общественного распада, которое породила привычка к жизни среди трупов, сращению уголовных и политических преступлений [5]. Ощущение постоянной угрозы обывателям от бомбометателей сродни неуправляемой стихии исходило от метафоричной приметы тех лет: «В бурную погоду “фрукты” валяются» [17]. Появился даже языковой новодел – «апелсинировать» [15] в значении «взорвать с помощью бомбы». Потому анархисты, будучи источником повышенной опасности, воспринимались как беспринципные разбойники, действовавшие вообще против всех. Доказательством трансформации борьбы революционеров за улучшение народной доли в гонку за политическое влияние и совершение теракта ради него самого является убийство в 1907 г. инженеров В. А. Берса и Д. К. Ньюберга, руководивших организацией общественных работ по защите района Галерной Гавани от наводнения с привлечением безработных. Анализируя обстоятельства убийства, А. В. Тыркова-Вильямс определила почерк анархистов по отсутствию смысла в этом теракте [5]. Вероятная причина гибели инженеров крылась в отказе от принятия новых рабочих, для чего нужно было увеличить масштабы работ, а это выходило за

пределы компетенции В. А. Берса и Д. К. Ньюберга. К тому же теракт вызвал решение городской думы о закрытии комиссии о безработных [25, с. 382]. Таким образом, действия анархистов только ухудшили положение обездоленных.

С последним тезисом соглашался и социал-демократ С. Ф. Иванович, заметивший, что ответственность за злодеяния анархистов запуганные предприниматели перекладывали на рабочих, требуя от них охраны, если они дорожат своим местом. В случае невозможности выполнения этого требования хозяева угрожали уволить рабочих и закрыть дело. Угрозы часто перерастали в реальность, и сотни людей становились безработными. Более того, С. Ф. Иванович высказывал возмущение смешением «анархистских подвигов с рабочим движением», которое осуществляли противники последнего, не преминувшие очернить его, ставя на всех рабочих клеймо вора и убийцы [8, с. 15]. С позиции выбора объектов для нападения анархисты также подвергались критике: он видел вред от анархистских акций для отдельных капиталистов, а не для класса буржуазии и капиталистического строя [8, с. 24] (что утверждал и В. И. Ленин, называя анархистские теракты «панацеей из однобоких средств» [13, с. 378], предрекая их фиаско без связи с организованным движением рабочих).

Тем не менее при осуждении террора в печати кадеты не спешили осудить его со скамей Государственной Думы. Депутаты, получившие свои места благодаря революционерам, изначально и заняли оппозиционное положение в отношении императора и министров. Осудить левый террор для них значило занять сторону правительства и потерять козыри давления на него, поставив под угрозу существование самой Думы как детища революции. Даже на компромиссное предложение октябриста М. А. Стаховича осудить политические убийства с обеих сторон [24, с. 228], что было бы истолковано как шаг к построению правового государства, кадет Ф. И. Родичев ответил, что здесь не церковная кафедра для вынесения осуждений, задача Думы – изобличение факторов и причин поступков [24, с. 229].

Действия анархистов при попытке привлечь народ к соучастию в теракте в отношении банкира З. Жданова в Петербурге в 1911 г. демонстрировали реальное отношение к ним и обывателей. Грядущий теракт анархисты планировали совершить вне места проживания приговорённого, чтобы, по их словам, «не пострадал ни один человек из рабочего класса». При этом дворник получил письменное сообщение с просьбой убедить прислугу уволиться до этого времени. Очевидно, подобная забота носила формальный характер. Понимая, что боязнь за собственную жизнь сильнее революционной сознательности и высока вероятность обращения прислуги в полицию, террористы посулили прислуге вознаграждение в случае успеха (читай, за молчание) и предостерегали от совершения по своей инициативе каких-либо действий (читай, угрожали за попытку противодействия). Выплаты были обещаны и уволившимся [18]. Чем объяснить подобную щедрость? Вероятно, под благородной заботой о вынужденно обездоленных по партийной надобности скрыта политическая игра: это поможет избежать публичных обвинений в беспринципности и расположит к партии потенциальных членов.

Очевидно, симпатии к террористам начальной, эсеровской, волны уступили место негативу ещё и вследствие изменения характера сообщения о терактах в печати: заметки стали выноситься в отдельную рубрику, были сжаты, а террористы оставались безымянными. Ежедневно совершающееся действие перестает быть окутано зловещей таинственностью, а потому неинтересно. Объекты посягательств – мелкие, с точки зрения политики, фигуры, известность их локализована, а действия не носят абсолютно осуждаемого характера. Значит, исчезает потребность публики знать о замыслах их убийц, что тонко чувствуют газетчики. Даже если бы это было не так, цель апологетических или критических публикаций – воздействовать на память чи-

тателя, что бессмысленно в условиях разлития террора. Сведения о террористах просто помутнели бы в отличие от ярких имен пионеров эсеровского индивидуального террора Каляева, Сазонова. Кроме того, вокруг безмотивников не получилось бы создать романтический флёр героев-мучеников, ведь среди анархистов уже не были популярны нравственная рефлексия и готовность умереть вместе с жертвой.

Консерваторы, наделённые властными полномочиями, по-разному воспринимали террористические атаки в зависимости от внутренней иерархии ценностей, выбирая между инстинктом самосохранения и честью. Пензенский губернатор С. А. Хвостов «просидел узником в губернаторском доме», а затем в 1906 г. выхлопотал перевод в Санкт-Петербург [11, с. 9]. Напротив, писарь Ломовского волостного правления крестьянин В. Прыганов, приложивший много сил для подавления аграрных беспорядков в Пензенской губернии, распространяя правительственную литературу и увещевая народ, был расстрелян в 1907 г. анархистами. В ответ на угрозы террористов, уговоры родственников оставить должность В. Прыганов, прозванный «Бисмарком Ломовским», верноподданнически решил стоять до конца за свою правду [10, с. 18]. На местах власть искусственно вызывала бдительность хозяев сдаваемых квартир, установив, например, в Екатеринославе штраф в размере 3000 рублей или трёхмесячное заключение домовладельцам, в чьих квартирах будут обнаружены бомбы и взрывчатые вещества [26]. Принципиальной позицией консерваторов было то, что террористы и сочувствующие им выступали тормозной силой государства. В этой связи продолжим мысль В. И. Ленина о высокой степени концентрации отчаяния в анархистах. Отчаяние неустроенной личности было настолько всеобъемлюще, что заставляло человека концентрироваться на оси собственной значимости, а вопрос политических преобразований как рациональный продукт теракта для анархистов отпадал. Сродни капризной актрисе, террористы анархического толка фанатично искали зрителей, что и не могло не остаться незамеченным в обществе и предопределило будущий провал этого движения.

Дискуссия

П. Аврич рассмотрел аспекты национальной политики, влиявшие на возникновение особых симпатий к анархистам евреев. Среди них он выделил наличие черты оседлости – эпицентра анархистского движения, которая, по нашему мнению, была, помимо реального неудобства, еще и символом угнетения, как крепость Бастилия в эпоху начала Великой французской революции. Ущемление наблюдалось и в возможности получать высшее образования: количество студентов-евреев не могло превышать 10 % всех обучающихся в любом университете в пределах черты оседлости, а вне её – 5 % [1, с. 8]. Печально известными стали еврейские погромы при попустительстве властей. Лишённые возможности легально бороться за свои права, евреи пополняли ряды анархистов. Мы полагаем, что отсутствие исчерпывающих данных по национальному составу анархистов всех охваченных революцией губерний не позволяет говорить об исключительной роли еврейского народа в этом движении.

В противовес приведённым нами фактам неприятия анархистов иными левыми силами (социал-демократами и эсерами) В. В. Кривенький говорил об их сотрудничестве в составе боевых дружин периода революции 1905–1907 гг. [12, с. 168]. Данный факт объясним, с одной стороны, тактическим ходом, дабы продемонстрировать включённость в общезначимую борьбу на баррикадах при безусловном наличии конкуренции между партиями за влияние на народ. С другой стороны, нельзя не учитывать склонность анархистов к насилию ради самого насилия, и если обстоятельства благоволили, они и в данном случае демонстрировали относительность идейных постулатов. Не будем забывать, что среди анархистов были бывшие участ-

ники иных партий, отошедшие от них в поисках большей боевой активности, что не мешало сражаться бок о бок с бывшими товарищами по партии при удобном случае.

Заключение

Таким образом, в ходе рассмотрения воззрений на анархический терроризм с позиций либеральных, консервативных, социал-демократических сил, обывателей и вовлечённых в террор анархистов сделаны следующие выводы.

– Социал-демократы и консерваторы оказались последовательны в своём неприятии терроризма. Анархический произвол лишь усилил это чувство.

– Разгул терроризма заставил большинство либералов отказаться от прежних сочувствующих террористам настроений, однако личные политические амбиции не позволили депутатам Государственной Думы публично осудить террор.

– Превалирование эмоциональной составляющей в сознании анархиста (вспыльчивость, упоение властью) оборачивалось против низших слоёв народа, интересы которых изначально отстаивали революционеры, что также уменьшало количество адептов анархизма.

– Показательна обусловленная природой философии анархизма враждебность анархистских групп в отношении друг друга по дискуссии, развернувшейся в мыслящей части анархической среды относительно выбора объектов нападения и связи уголовных, политических и социальных мотивов в деятельности террористов.

– Анархический терроризм послужил источником сюжетов пласта революционной культуры (анекдотов, пословиц, рассказов).

Список источников и литературы

1. Аврич П. Русские анархисты. 1905–1917 гг. М.: Центрполиграф, 2006. 270 с.
2. Антисери Д., Реале Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. СПб.: Петрополис, 1997. 880 с.
3. Блинников Л. В. Великие философы : словарь-справочник. М.: Логос, 1999. 432 с.
4. Будницкий О. В. Терроризм в Российской империи : краткий курс. М.: Эксмо, 2021. 272 с.
5. Вергежский А. Безумие // Речь. 1907. № 119. С. 1.
6. Гейфман А. А. Революционный террор в России 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.
7. Заварзин П. П. Работа тайной полиции. Париж: [тип. Франко-русская печать], 1924. 174 с.
8. Иванович С. Ф. Анархисты и анархизм в России. СПб.: типо-лит. Отто Унфуг, 1907. 31 с.
9. Как совершаются на Руси покушения? // Член всех партий. 1906. № 1. С. 8–9.
10. Книга русской скорби: документально-литературный сборник, посвященный памяти жертв революционного террора в России : в 14 т. Т. 6. / издание Русского народного союза им. Михаила Архангела. СПб.: типо-лит. Невский, 136, 1910. 200 с.
11. Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. Новгород – Самара – Пенза. Петроград : тип. Содружество, 1916. 259 с.
12. Кривенький В. В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М.: Полит. энцикл., 2018. 430 с.
13. Ленин В. И. Анархизм и социализм // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1967. Т. 5. 551 с.
14. Матюшенский А. И. От воровства к анархизму. СПб.: Север, 1908. 176 с.
15. Мелочи // Скелет. 1906. № 1. С. 2.
16. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю. М. Антоновского. СПб.: Прометей, 1911. 292 с.
17. Новейшие пословицы и поговорки // Таран. 1907. № 1. С. 11.
18. Об анонимном письме за подписью Центрального комитета анархистов-террористов с угрозой и вымогательством от владельца банкирской конторы «Захар Жданов» // Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 965. Оп. 3. Д. 145. Л. 2.

19. Обзоры революционных партий: 1) партия социалистов-революционеров, 2) РСДРП, 3) анархизм, 4) партии примыкающие к РСДРП, 5) политическое положение Финляндии, 6) польские революционные и национальные организации, 7) сионизм и еврейское рабочее движение, 8) кавказские революционные партии // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП-00. Оп. 253. Д. 8 (1909 г.). Л. 6.
20. *Портнягина Н. А.* «Нельзя совместить конституцию с насилием...»: взгляды октябристов на террор в период революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 2. С. 191–200.
21. Революционное движение // Речь. 1906. 3 марта (№ 9). С. 3.
22. *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста // Избранное. М.: Политиздат, 1990. С. 23–306.
23. *Станислав А. (Вольский).* Теория и практика анархизма. М.: Отдел печати Московского Совета Р. и К.Д., 1919. 99 с.
24. Стенографические отчеты. Государственная Дума / Государственная дума. Первый созыв. СПб., 1906. Сессия 1. Т. 1. 866 с. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://www.prilib.ru/item/372307> (дата обращения: 04.11.2024). Доступна на портале Президентской библиотеки.
25. Убийство инженеров В. А. Берса и Д. К. Ньюберга // Нива. 1907. № 23. С. 381–384.
26. Телеграммы // Голос Москвы. 1906. № 4. С. 2.
27. *Яковлев И. (Павловский И. Я.).* Парижские очерки и этюды. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1894. 466 с.

References

1. Avrich, P 2006, *Russkiye anarkhisty` . 1905–1917 gg.* (Russian anarchists. 1905–1917), Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
2. Antiseri, D & Reale, G 1997, *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney* (Western Philosophy from its origins to the present day= Il pensiero occidentale dalle origini ad oggi), vol. 4, TOO TK «Petropolis» publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Blinnikov, LV (ed.) 1999, *Velikiye filosofiy: slovar-spravochnik*, 2nd edn rev, Logos publ, Moscow. (In Russ.)
4. Budnistkiy, OV 2021, *Terrorizm v Rossiyskoy imperii: kratkiy kurs* (Terrorism in the Russian Empire: Short Course), Eksmo publ, Moscow. (In Russ.)
5. Vergezshkiy, A 1907, 'Bezumiye' (Madness), *Rech*, no. 119, p. 1. (In Russ.)
6. Geifman, A 1997, *Revolutsionnyy terror v Rossii 1894–1917 (Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917)*, trans. E Dorman, rev. L Ulanova, KRON-PRESS publ, Moscow. (In Russ.)
7. Zavarzin, PP 1924, *Rabota taynoy politzii* (The work of the secret police), Tipografiya Franko-Russkaya Pechat publ, Paris. (In Russ.)
8. Ivanovich, SF 1907, *Anarkhisty i anarkhizm v Rossii* (Anarchists and Anarchism in Russia), Tipo-lit Otto Unfug publ, St. Petersburg. (In Russ.)
9. 'Kak sovershayutsya na Rusi pokusheniya?' (How assassinations are carried out in Russia) 1906, *Chlen vsekh partiy*, no 1, pp. 8–9. (In Russ.)
10. *Izdaniye Russkogo narodnogo soyuza im. Mikhaila Arkhangela* (Publication of the Mikhail Archangel Russian People's Union) 1910, Vol. 6, *Kniga russkoy skorbi: dokumentalno-literaturnyy sbornik, posvyashchennyy pamyati zhertv revolyutsionnogo terrora v Rossii* (The Book of Russian Sorrow: a documentary and literary collection dedicated to the memory of the victims of the revolutionary terror in Russia), Tipo-lit. Nevskiy, 136 publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Koshko, IF 1916, *Vospominaniya gubernatora. Novgorod – Samara – Penza* (The governor's memoirs. Novgorod – Samara – Penza), Tipogr. "Sodruzhestvo" publ, Petrograd. (In Russ.)
12. Krivenkiy, VV 2018, *Anarkhistskoye dvizheniye v Rossii v pervoy chetverti XX veka: teoriya, organizatsiya, praktika* (The Anarchist movement in Russia in the first quarter of the

- 20th century: theory, organization, practice), Politicheskaya entsiklopediya publ, Moscow. (In Russ.)
13. Lenin, VI 1967, *Polnoe sobranie sochineniy* (Complete works), rev., 5 edn, vol. 5, Anarkhizm i socialism (Anarchism and socialism), Izdatelstvo politicheskoy literatury publ, Moscow. (In Russ.)
 14. Matyushenskiy, AI 1908, *Ot vorovstva k anarkhizmu* (From theft to anarchism), Sever publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 15. 'Melochi' (The little things) 1906, *Skelet*, no. 1, p. 2. (In Russ.)
 16. Nietzsche, FW 1911, *Tak govoril Zaratustra*, trans. YuM Antonovskiy, Prometey publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 17. 'Noveyshiye poslovitsy i pogovorki' (The latest proverbs and sayings) 1907, *Taran*, no. 1, p. 11. (In Russ.)
 18. 'Ob anonimnom pisme za podpisu Tsentralnogo komiteta anarkhistov-terroristov s ugrozoy i vymogatelstvom ot vladeltsa bankirskoy kontory «Zakhar Zhdanov»', *Tsentralnyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (TsGIA) (Central State Historical Archive)*, fund 965, inventory 3, file 145, sheet 2. (In Russ.)
 19. 'Obzory revolyutsionnykh partiy: 1) partiya sotsialistov-revolyutsionerov, 2) RSDRP, 3) anarkhizm, 4) partii primykayushchiye k RSDRP, 5) politicheskoye polozheniye Finlyandii, 6) polskie revolyutsionnyye i natsionalnyye organizatsii, 7) sionizm i evreyskoe rabocheye dvizheniye, 8) kavkazskie revolyutsionnyye partii', *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) (State Archive of the Russian Federation)*, fund 102, DP-00, inventory 253, file 8 (1909), sheet 6. (In Russ.)
 20. Portnyagina, NA 2014, 'Nelzya sovместit konstitutsiyu s nasiliem...: vzglyady oktyabristov na terror v period revolyutsii 1905–1907 gg.' (It is impossible to combine the constitution with violence...: the views of the Octobrists on terror during the revolution of 1905–1907), *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, no. 2, p. 191–200. (In Russ.)
 21. 'Revolutsionnoye dvizheniye' (The Revolutionary movement) 1906, *Rech*, no. 9, p. 3. (In Russ.)
 22. Savinkov, BV 1990, *Vospominaniya terrorista* (Memories of a terrorist), Izbrannoe, Khudozhestvennaya literature publ, Leningrad. (In Russ.)
 23. Stanislav A. (Volskiy) 1919, *Teoriya i praktika anarkhizma* (Theory and practice of anarchism), Otdel pechati Moskovskogo Soveta R. I K.P. publ, Moscow. (In Russ.)
 24. 'Stenograficheskie otchety'. Gosudarstvennaya Duma (Verbatim reports of the State Duma) 1906, Gosudarstvennaya duma. Pervyy sozyv, Sessiya 1, Vol. 1, St. Petersburg, viewed 04 November 2024, <https://www.prilib.ru/item/372307> (In Russ.)
 25. 'Ubiystvo inzhenerov V. A. Bersa i D. K. Nyuberga' (The murder of engineers V. A. Bers and D. K. Nyberg) 1907, *Niva*, no. 23, p. 381–384. (In Russ.)
 26. 'Telegrammy' (Telegrams) 1906, *Golos Moskvy*, no. 4, p. 2. (In Russ.)
 27. Yakovlev I. (Pavlovskiy, IYa) 1894, *Parizhskie ocherki i etyudy* (Paris essays and sketches), Tip. A. S. Suvorina publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 31.12.2024
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 31.12.2024
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 49–55.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 1 (21). P. 49–55.

Научная статья
УДК 94(410)+396.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-49-55>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО СЕКРЕТАРИАТА КОМИНТЕРНА В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1933–1939 ГГ.

**Никита Вячеславович
Богачёв**

Тверской государственный университет
Тверь, Россия, nik97bog@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0000-0818-6442>

Аннотация. В исследовании предпринята попытка анализа деятельности до сих пор неизученного структурного органа Коммунистического интернационала – Международного женского секретариата как особой организации, занимавшейся практически исключительно решением «женского вопроса» в разных странах мира сквозь призму коммунистической идеологии. На основе архивных материалов из фонда 507 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) дается полная характеристика основных этапов работы МЖС Коминтерна по решению «женского вопроса» в нацистской Германии, положения немецких женщин в условиях нацистской диктатуры, форм взаимодействия Коммунистической партии Германии и МЖС в этот период. В заключение делается вывод о том, что деятельность МЖС в Германии после установления нацистского режима базировалась на просветительской, агитационной и пропагандистской работе, способствовавшей повышению уровня поддержки женщинами Коммунистической партии Германии, МЖС и самого Коминтерна и позволявшей сформировать условия для перехода от борьбы за права женщин к противостоянию нацистам. Многие факты, встречающиеся в данной статье, впервые представлены в научной литературе. Также в научный оборот вводятся ранее неиспользованные исторические документы. Статья проливает свет на одну из недостаточно изученных страниц истории всего Коммунистического Интернационала как особой международной организации XX в.

Ключевые слова: политика Коминтерна в Третьем рейхе, Международный женский секретариат Коминтерна, феминизм, женская эмансипация, Коммунистический интернационал, Коминтерн, нацистская диктатура, женское движение в Германии, нацизм, Германия.

Благодарности: Работа выполнена под научным руководством доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А. В. Беловой.

Для цитирования: Богачёв Н. В. Деятельность Международного женского секретариата Коминтерна в нацистской Германии в 1933–1939 гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 49–55. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-49-55>

Сведения об авторе: Н. В. Богачёв – аспирант кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет, Россия, 170100, Тверская область, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31.

Scientific Article
UDC 94(410)+396.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-49-55>

THE ACTIVITIES OF THE COMINTERN INTERNATIONAL WOMEN'S SECRETARIAT IN NAZI GERMANY IN 1933–1939

Nikita V. Bogachyov

Tver State University
Tver, Russia, nik97bog@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0000-0818-6442>

Abstract. The study attempts to analyze the activities of the hitherto unexplored subdivision of the Communist International – the International Women's Secretariat (IWS) as a special organization engaged almost exclusively in solving the women's issue in different countries of the world through the prism of communist ideology. On the basis of archival materials from the Fund 507 of the Russian State Archive of Socio-Political History, the author gives a full characterization of the main stages of the Comintern IWS work on solving the women's issue in Nazi Germany, the state of German women under the Nazi dictatorship, the forms of interaction between the Communist Party of Germany and the IWS during this period. The article concludes that the promoting awareness, activism and propaganda work were the main IWS's activities in Germany after the establishment of the Nazi regime. They helped to increase the level of support for the Communist Party of Germany, the IWS and the Comintern by women and allowed creating conditions for the transition from the struggle for women's rights to opposing the Nazis. Many of the facts found in this article are presented for the first time in the academic literature. The author also introduces into scholarly discourse previously unused historical documents. The article sheds light on one of the insufficiently studied pages of the history of the entire Communist International as a special international organization of the 20th century.

Keywords: Comintern policy in the Third Reich, the Comintern International Women's Secretariat, feminism, women's emancipation, the Communist International, the Comintern, the Nazi dictatorship, the women's movement in Germany, Nazism, Germany.

Acknowledgements: The work was carried out under the scientific supervision of A. V. Belova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History at Tver State University.

For citation: Bogachyov, NV 2025, 'The Activities of the Comintern International Women's Secretariat in Nazi Germany in 1933–1939', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 49–55, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-49-55> (in Russ.)

Information about the Author: Nikita V. Bogachyov – Postgraduate Student, Department of General History, Tver State University, 16/31, Tryokhsvyatskaya Str., Tver, 170100, Russia.

© Bogachyov N. V., 2025

Введение

Изучение деятельности Международного женского секретариата (МЖС) Коминтерна в Германии в 1933–1939 гг. позволяет наиболее полно понять специфику процесса женской эмансипации в данной стране, а также способствует определению основных особенностей и принципов работы в условиях перехода Международного женского секретариата Коминтерна на нелегальное положение. Анализ же этих особенностей в свою очередь даёт возможность определить формы противостояния как данного структурного органа Коминтерна, так и всего Коммунистического интернационала с нацизмом.

Процесс женской эмансипации в нацистской Германии в контексте деятельности Коминтерна практически не изучен. В работах зарубежных исследователей нацизма и деятельности Коминтерна в Германии в 1930-е гг., в частности Ф. Боркенау [9], Ф. Клаудина [10], Р. Бурдерона [2], Э. Нольте [5], К. Макдермотта и Дж. Агню [12], Ж. Ж. Мари [11], процесс марксистской женской эмансипации в Германии под руководством Коммунистического интернационала практически не анализируется. Авторы ограничиваются лишь упоминаниями отдельных эпизодов его политики и описанием положения немецких женщин в данный период.

В отечественной историографии как советской, так и постсоветской, также не уделяется должного внимания проблеме влияния Коминтерна на женское движение в годы нацистского режима в Германии. В работах К. К. Ширины [8], Б. Н. Бессонова [1], Н. П. Комоловой, М. Б. Корчагиной, К. В. В. Дамье [4], Я. С. Драбкина [3], несмотря на обширное описание как самой нацистской диктатуры, так и деятельности Коммунистического интернационала в её условиях, характеристика женского вопроса в Германии периода 1930-х гг. и деятельности МЖС Коминтерна по его решению практически не приводится.

Цель данной статьи – выявить основные формы борьбы Международного женского секретариата Коминтерна за права женщин в Германии в 1933–1939 гг.

Результаты

После прихода нацистов к власти в работе МЖС произошли значительные изменения, чего нельзя было сказать об остальных отделах Коминтерна [3, с. 66]. Среди рабочих, причём не только в Германии, усиливались стремления к единству действий против общего врага. В этот момент международное коммунистическое движение с особой настойчивостью вело поиски новой новой «политического ориентира», способного поднять трудящихся на борьбу против нацизма и войны [8, с. 33].

На множестве предприятий после установления нацистской диктатуры женщин стали увольнять. При этом после увольнения все замужние женщины не получали пособия и, таким образом, политика нацистов по возврату женщины к домашнему хозяйству и стабилизации семьи совершалась за счёт увеличения нужд всей семьи женщины. При этом людей, действительно живших на двойной заработок, а именно министров, высших чиновников, членов наблюдательных советов акционерных обществ и товариществ, директоров, владельцев акций, генералов, получающих крупные пенсии, и других лиц, имеющих по три-четыре категории доходов, нацисты не трогали, а, напротив, создавали им возможности для повышения доходов [6, л. 1].

Также одной из сторон нацистской деятельности на предприятиях был и набор мужчин на место женщин по ставкам оплаты труда последних. Так, на предприятиях фирмы «Reine» в Гронау женщины были вынуждены отказаться от работы, после чего на их место были наняты мужчины по женским окладам [6, л. 1]. Подобный принцип оплаты постепенно становился системным. Так, в отношении Мюнстер-Ленского текстильного округа даже тарифный договор предусматривал,

что при увольнении женщин и найме на работу мужчин сдельные расценки работниц должны быть положены в основу начисления. Для того чтобы заставить рабочих давать ещё более высокую выработку в трудовом договоре было предусмотрено, что в зависимости от количества произведённой продукции рабочие мужчины могут получить процентную надбавку [6, л. 1].

К середине 1930-х гг. наряду с прямым снижением общего уровня зарплаты работниц путём найма на работу мужчин по ставкам работниц, всё большее распространение получало увольнение женщин. Например, на текстильной фабрике «Guppersberg» в городе Вупперталь из 400 женщин 80 было уволено для того, чтобы заменить их мужчинами. При этом нанятые рабочие в среднем получали за работу 19 марок в неделю [6, л. 1] при средней зарплате мужчин на других фабриках в 21–25 марок в неделю в период 1933–1936 гг.

Нельзя сказать, что на всех предприятиях после прихода нацистов к власти промышленники начали массово увольнять женщин. Увольнение проводилось только там, где оно не мешало производству. Наряду с увольнением женщин на отдельных предприятиях имело место стремление применить более дешёвый женский труд. Подобное положение вещей было на фабриках, имеющих решающее значение для экспорта, и на оборонных заводах, работающих на подготовку к войне [6, л. 2]. Однако и без того небольшая зарплата работниц снижалась ещё больше. Работницы акционерных обществ сообщали, что оплата их труда, составлявшая 64–66 пфеннигов в час, была снижена до 55 [6, л. 2]. При этом нацистская дирекция пыталась снизить зарплату ещё и до 40–45 пфеннигов, но женщины помешали этому путем организации забастовок и публичных выступлений.

В отношении зарплаты работниц нацисты предприняли и другие махинации. Так, например, на пуговичной фабрике Гирвельда вместо почасовой оплаты была введена сдельная, что фактически означало её снижение. Работницы организовали пассивное сопротивление, а потом забастовали и сумели добиться того, что ухудшение условий их работы было отменено [6, л. 2].

Безработные женщины в Третьем рейхе жили в тяжелых условиях. Около 200 тыс. таких женщин были вынуждены работать в порядке обязательной трудовой повинности. Это было сделано для того чтобы вызвать их повиновение, а также создать довольно дешёвый трудовой резерв для военных и других стратегических предприятий. Нацисты прямо заявляли, что те работницы, кто отказывается от принудительных работ, никогда не получают пособия, а бюро труда уберёт их из всех списков. Эта мера позволяла нацистам использовать безработных в качестве рабочей силы в огромных масштабах [6, л. 2].

На многих заводах нацисты не заботились об условиях труда работниц. К примеру, на предприятии «Osram» в Берлине работницы длинными рядами сидели перед аппаратами, наполненными газом, на которые они должны надевать противогазы. Таким путём проводились опыты для определения их непроницаемости. За эту тяжёлую и вредную работу женщины получали довольно низкую зарплату. При этом все работницы и рабочие, известные в связях с КППГ, были уволены с завода [6, л. 2–3].

На заводе по производству шоколада «Sarotti» в городе Хаттерсхайм-на-Майне работницы в знак протеста против принудительных вычетов зарплаты отказались подписаться на листах по сбору средств на «зимнюю помощь» бедным и безработным. Ещё с начала ноября 1933 г. они еженедельно уплачивали на неё 50–60 пфеннигов, после чего в течение четырех недель этот вычет уменьшился до 10 пфеннигов. В 1934 г. работницы начали организовывать забастовки и выступления против снижения зарплаты на предприятиях [6, л. 3].

Постепенно протестные настроения среди работниц всё больше и больше разрастались. На картонажной фабрике по Рюгенерштрассе в Берлине из 300 работниц 100 было уволено, причём администрацией было отдано распоряжение, чтобы уволенные регистрировались не в Бюро Труда, а на самом предприятии. В ноябре 1933 г. фирма довела до сведения рабочих, что уволенные женщины должны были работать бесплатно по одному часу в неделю ввиду того что им приходилось много времени тратить на регистрацию. Тогда работницы стали договариваться об отказе от работы, после чего распоряжение об отработке одного часа в неделю отменено через два дня [6, л. 3].

Одним из основных направлений работы МЖС и коммунистической партии Германии (КПГ) было разоблачение махинаций под лозунгом возвращения безработных мужчин на производство, а женщин – к домашнему хозяйству. Проводилось разъяснение подлинного характера этих действий, а именно женский труд интерпретировался как способ снижения заработной платы для всего рабочего класса. Данную идеологическую кампанию предполагалось перевести в разряд локальных акций и впоследствии довести до массовой забастовки. При этом МЖС утверждал, что необходимо использовать каждый акт протеста на производстве и осуществлять руководство им [7, л. 151].

Также предполагалось проведение работы среди семей промышленных рабочих, которую необходимо было конкретизировать в связи со стратегическим планом партии в отношении: 1) жён рабочих военной промышленности (прежде всего заводов «IG Farben», в особенности предприятия «Leunaverk» и среди жён рабочих концерна Kрупп); 2) среди жён транспортных рабочих (работников портов, морского транспорта железнодорожников, трамвайщиков); 3) среди жён рабочих электростанций. Предполагалось организовывать их для политических акций перед биржами труда, против невыплаты пособий мужьям и увеличения цен на товары [7, л. 152].

В качестве методов организационного охвата трудящихся женщин в новых политических условиях МЖС предложил использовать все возможности для агитации работниц со строгим соблюдением конспирации. Это должно было выражаться в проведении небольших тайных встреч. Все собрания и конференции прекращались. Основной задачей становилось установление единого фронта борьбы, в особенности социал-демократок и трудящихся женщин [7, л. 153].

Международный женский секретариат Коминтерна и Коммунистическая партия Германии стремились использовать любое недовольство работниц и крестьянок в целях революционной борьбы и вовлечения этих женщин в независимые профсоюзы. Для их формирования МЖС предполагал формировать комиссии работниц. КПГ же предписывалось приступить к созданию кадров женщин-функционеров, которые в случае войны должны быть в состоянии осуществлять руководство партийной организацией и помимо женотделов способны помочь в вопросе усиления работы среди женщин в рамках работы партии [7, л. 154].

Кроме того, коммунисты стремились принять меры, чтобы воспрепятствовать насильственному вовлечению женщин в нацистские организации. Для этого должны были проводиться разъяснительная работа среди этих женщин и вовлечение их в революционные органы единого фронта. Также МЖС призывал по возможности путем агитации организовать условия для массового выхода женщин из нацистских организаций [7, л. 155].

В вопросе агитации, помимо разоблачения нацистских лозунгов в отношении женщин, предполагалось противопоставить им: 1) требования женщин Германии; 2) социальные блага, которые будут доступны после победы в Германии социалистической революции [7, л. 155]. Прежде всего декларировались равная зарплата за равный труд и все возможности для повышения квалификации в целях общего подъёма

страны, охрана материнства и детства в политической сфере – продвижение женщин на государственные посты [7, л. 156].

По линии прессы МЖС в тесном контакте с КПГ определял два основных и наиболее важных для агитации вопроса, а именно – отсутствие отдельного женского вопроса, его неотделимость от классовых противоречий, а, следовательно, и рассмотрение проблем женщин всей партии в целом, выявление их в общей прессе и мобилизация для их решения сил всего рабочего класса, а также необходимость формирования литературы для женщин во всех политических ячейках начиная от их центральных органов и заканчивая местными отделениями. При этом в литературе следовало обсуждать не только «женский вопрос», но популяризировать лозунги партии в целом [7, л. 156–157].

Причём вопрос агитации и пропаганды в прессе должен был проводиться для того, чтобы различные политические акции, в том числе компания по проведению Восьмого марта не являлись партийным начинанием, а были бы массовой компанией широких слоёв пролетариата. Также следовало обратить внимание на то, что работа среди женщин не должна быть приурочена к каким-либо акциям, а стать отражением текущей работы всей партии в целом. Следовало использовать любое недовольство работниц, связывая его с грядущими забастовками и стачками и общей борьбой рабочего класса для низвержения нацизма и установления коммунистического режима в Германии [7, л. 156–157].

Заключение

Таким образом, работа Международного женского секретариата в Германии может быть разделена на два основных этапа – до прихода нацистов к власти и после. При этом контекст работы среди женщин на том и другом этапе разительно отличался от другой деятельности Коминтерна в стране. Фактически в Германии деятельницы МЖС столкнулись со всеми типами работы, как легальной, так и нелегальной. Основными формами борьбы в нелегальных условиях оставались широкая просветительская деятельность среди работниц и представительниц других классов, а также агитация и пропаганда. С их помощью МЖС сумел сформировать набор требований работниц, организовать значительное число политических акций, направленных на противодействие введенным нацистами социальных ограничениям в отношении женщин в виде снижения уровня их заработной платы и увольнений с работы, а также значительно расширить число членов КПГ. В целом основным итогом работы МЖС стало формирование в тесном контакте с КПГ условий для перехода от процесса решения «женского вопроса» к организации широкого фронта борьбы против нацистской диктатуры.

Список источников и литературы

1. Бессонов Б. Н. Фашизм: идеология, политика. М.: Высшая школа, 1985. 279 с.
2. Бурдерон Р. Фашизм: идеология и практика. М.: Прогресс, 1983. 165 с.
3. Дробкин Я. С. Идея мировой революции и ее трансформации // История Коммунистического Интернационала 1919–1943 : документальные очерки / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2002. С. 25–73.
4. Коминтерн против фашизма / Н. П. Комолова [и др.] // История Коммунистического Интернационала 1919–1943 : документальные очерки / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2002. С. 74–116.
5. Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.
6. Положение женщин в Германии // РГАСПИ. Ф. 507. Оп. 2. Д. 224. Л. 1–3.
7. Проект для постановления задачи перед партией // РГАСПИ. Ф. 507. Оп. 2. Д. 224. Л. 151–157.

8. Шириня К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934–1939 гг.). М.: Политиздат, 1979. 406 с.
9. Borkenau F. World Communism: A history of the Communist International. Ann Arbor: University of Michigan press, 1971. 442 p.
10. Claudin F. The Communist Movement from Comintern to Cominform. Harmondsworth: Penguin books, 1975. 830 p.
11. Marie J. J. The Women's Section of the Comintern, from Lenin to Stalin // Political and Historical Encyclopedia of Women. New York: Routledge, 2003. P. 275–285.
12. McDermott K., Agnew J. The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin. London: Macmillan Press, 1996. 304 p.

References

1. Bessonov, BN 1985, *Fashizm: ideologiya, politika* (Fascism: ideology, politics), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
2. Bourderon, R 1983, *Fashizm: ideologiya i praktika* (Fascism: ideology and practice), trans. E. Feershteyn, Progress publ, Moscow. (In Russ.)
3. Drabkin, YaS 2002, 'Ideya mirovoy revolyutsii i yeyo transformatsii' (The idea of world revolution and its transformations), *Istoriya Kommunisticheskogo Internatsionala 1919–1943* (History of the Communist International 1919–1943), ed. A. O. Chubaryan, Nauka publ, Moscow, pp. 25–73. (In Russ.)
4. Komolova, NP (ed.) 2002, 'Komintern protiv fashizma' (Comintern against fascism), *Istoriya Kommunisticheskogo Internatsionala 1919–1943* (History of the Communist International 1919–1943), ed. A. O. Chubaryan, Nauka publ, Moscow, pp. 74–116. (In Russ.)
5. Nolte, E 2001, *Fashizm v yego epokhe* (Fascism in Its Epoch), Sibirskiy khronograf publ, Novosibirsk. (In Russ.)
6. 'Polozheniye zhenshchin v Germanii' (The status of women in Germany), *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* (Russian State Archive of Socio-Political History), fund 507, inventory 2, file 224. sheets 1–3. (In Russ.)
7. 'Proyekt dlya postanovleniya zadachi pered partiyei' (Draft for the allocation of the task for the party), *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* (Russian State Archive of Socio-Political History), fund 507, inventory 3, file 63, sheets 151–157. (In Russ.)
8. Shirinya, KK 1979, *Strategiya i taktika Kominterna v borbe protiv fashizma i voyny (1934–1939 gg.)* (Comintern strategy and tactics in the struggle against fascism and war (1934–1939)), Politizdat publ, Moscow. (In Russ.)
9. Borkenau, F 1971, *World Communism: A history of the Communist International*, University of Michigan press publ, Ann Arbor.
10. Claudin, F 1975, *The Communist Movement from Comintern to Cominform*, Penguin books publ, Harmondsworth.
11. Marie, JJ 2003, 'The Women's Section of the Comintern, from Lenin to Stalin', *Political and Historical Encyclopedia of Women*, Routledge publ, New York, pp. 275–285.
12. McDermott, K & Agnew, J 1996, *The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin*, Macmillan Press publ, London.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2024
Одобрена после рецензирования: 27.02.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 16.11.2024
Approved after reviewing: 27.02.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Научная статья

УДК 94(47).084.6

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-56-65>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТОТДЕЛОВ МТС И СОВХОЗОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ЖЕНСКОГО ТРУДА В КОЛХОЗАХ (1933–1934 ГГ.)

**Николай Анатольевич
Зайцев**

Липецкий государственный педагогический
университет имени

П. П. Семенова-Тян-Шанского

Липецк, Россия, nikolay.zaytsev1999@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-4111-7876>

Аннотация. Статья посвящена способам социальной мобилизации женского населения в колхозной деревне в период функционирования политических отделов машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов. Автор статьи указывает на достаточно обширную историографию вопроса. Ученые часто обращают внимание на Северный Кавказ, Поволжье и Украину. Однако в масштабе Центрально-Чернозёмной области (ЦЧО) работа политотделов, а особенно их деятельность в контексте привлечения отдельных категорий населения для реализации мер по стабилизации аграрного сектора в 1933–1934 гг. в историографии освещения практически не получила. В работе на материалах ЦЧО автор анализирует фактические меры, применяемые работниками политотделов, в том числе женскими организаторами, для привлечения многочисленного женского населения к колхозному труду. Создание политических отделов автор напрямую связывает с последствиями сплошной коллективизации, которая привела к масштабному голоду. В ответ на эти факторы вводились чрезвычайные органы управления сельским хозяйством Советского Союза, которые пользовались поддержкой со стороны центра. Отдельное внимание уделяется фактору дисциплины труда, который, помимо низкого уровня участия женщин в колхозном производстве, демонстрировал общее отношение представительниц «слабого пола» к колхозно-совхозной системе, укоренившейся в этот период в советской деревне. Указывается на фактор гендерных диспропорций, который впервые остро поставил перед советской властью вопрос о более активном включении женщин для преодоления последствий сплошной коллективизации и массового голода. Важным фактором социальной мобилизации женщин, на взгляд автора, стало создание детских яслей и площадок, что позволяло реализовывать указанные выше задачи. При этом степень реализации поставленных задач оставалась на неудовлетворительном уровне.

Ключевые слова: политотделы МТС, Центральное Черноземье, женщины, социальная мобилизация, ударничество.

Для цитирования: Зайцев Н. А. Деятельность политотделов МТС и совхозов Центрального Черноземья по организации женского труда в колхозах (1933–1934 гг.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 56–65. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-56-65>

Сведения об авторе: Н. А. Зайцев – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

Scientific Article

UDC 94(47).084.6

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-56-65>

THE ACTIVITIES OF THE MACHINE AND TRACTOR STATION POLITICAL DEPARTMENTS AND STATE FARMS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION ON THE ORGANIZATION OF WOMEN'S LABOR IN COLLECTIVE FARMS (1933–1934)

Nikolay A. Zaytsev

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia, nikolay.zaytsev1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4111-7876>

Abstract. The article deals with the ways of social mobilization of the female population in the collective farm village during the period of the machine and tractor station (MTS) political departments functioning and state farms. The author points out that the historiography of the issue is quite extensive. Scholars often focus on the North Caucasus, the Volga region and Ukraine. However, in the context of the Central Black Earth Region, the work of political departments, and especially the involvement of certain categories of the population in the stabilization of the agrarian sector in 1933–1934 has received virtually no coverage in the historiography. In this paper, the author analyses the actual measures used by political departments, including women's organizers, to attract the large female population to collective farm labour. The author directly links the creation of the political departments to the consequences of total collectivization, which led to widespread famine. In response to these factors, emergency agricultural management bodies of the Soviet Union emerged, supported by the central leadership. The author pays special attention to the factor of labor discipline, which, in addition to the low level of women's participation in collective farm production, demonstrated the general attitude of the softer sex towards the collective farm system that was taking root in the Soviet village during this period. The author points to the factor of gender imbalances, which for the first time most acutely raised the question of the more active inclusion of women in order to overcome the consequences of total collectivization and widespread famine before the Soviet authorities. An important factor in the social mobilization of women, in the author's opinion, was the creation of nurseries and playgrounds, which made it possible to implement the above-mentioned tasks. At the same time, the degree of implementation of the set tasks remained at an unsatisfactory level.

Keywords: machine and tractor station (MTS) political departments, Central Black Earth Region, women, social mobilization, shock-worker movement.

For citation: Zaytsev, NA 2025, 'The Activities of the Machine and Tractor Station Political Departments and State Farms of the Central Black Earth Region on the Organization of Women's Labor in Collective Farms (1933–1934)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 56–65, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-56-65> (in Russ.)

Information about the Author: Nikolay A. Zaytsev – Postgraduate Student of the Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 42, Lenin Str., Lipetsk, 398020, Russia.

Введение

Вопросы социальной мобилизации в первые десятилетия советской власти стояли крайне остро. Связано это было в том числе с тем, что в масштабах обширных границ было необходимо изыскивать трудоспособное и квалифицированное население. Если во времена царизма роль женщины была достаточно определенной и детерминированной, то в советскую эпоху все кардинально меняется. Особенно актуальной проблема вовлечения женского населения в производственные отношения стала в эпоху кардинальной ломки и перехода от НЭПа к плановой (административно-командной) системе, то есть на рубеже 1920–1930-х гг. Еще в 1920-х гг. при местных административных учреждениях были созданы отделы по работе среди женщин (женотделы), занимавшиеся активной агитацией за советскую власть среди сельского населения. Помимо этого в их работу входила организация пунктов ликбеза и изб-читален [4, с. 155] (однако женотделы, видимо, не сильно преуспели в своей работе, в связи с чем и были ликвидированы в 1930 г.). Чуть позже подобные отделы появляются в чрезвычайных органах власти советской деревни – политотделах МТС и совхозов.

Материалы и методы

В исторической науке по-разному пытались освещать деятельность политотделов. В разрезе ЦЧО работа органов советской власти с женщинами или политотделов с этой категорией населения особого развития не получила. При делении историографии вопроса на два периода: советский и постсоветский, отметим, что за все это время проблемой функционирования политотделов МТС и совхозов занимались И. Е. Зеленин [7], А. С. Шевляков [30], В. В. Наухацкий [14], В. А. Алексеев [1], А. Г. Тепляков [27], О. Б. Мозохин [12], В. В. Кондрашин [9] и О. В. Бочарова [3]. Так или иначе деятельности политотделов в своих работах касались Н. Л. Рогалина [24], В. Н. Томилин [28], Н. А. Ивницкий [8] и др. Если же говорить про работы, в которых бы внимание уделялось именно гендерному аспекту (женщинам) и их месту в работе политотделов, то здесь необходимо упомянуть работу М. А. Гадицкой и А. П. Скорика [4].

О. В. Бочарова, обращая внимание на работу женоргов при политотделах МТС и совхозов на материалах Юга России, отмечала факт достижения больших успехов при работе с женщинами. «Именно эти люди должны были заниматься организацией работы среди женской части населения колхозной деревни и, надо признать, преуспели в этом» [3, с. 142].

М. А. Гадицкая и А. П. Скорик в специальной монографии про женщин-колхозниц южных регионов РСФСР указывают на то, что деятельность политотделов МТС находилась в русле общесоюзной работы, связанной с изменением характера отношений между мужчинами и женщинами в деревне, ментальности женщин, гендерных ролей, структуры занятости в сторону большей «феминизации» и т. д. [4].

При написании данной статьи использовался хронологический метод, необходимый для понимания разных этапов в работе политотделов при мобилизации женского населения, а сравнительно-исторический метод позволил сопоставить опыт разных политотделов МТС Черноземного центра России в контексте реализации мер по привлечению женского населения Центрального Черноземья к колхозному производству.

Результаты

В начале 1930-х гг., когда происходила резкая и жизненно необходимая для режима перекачка материальных ресурсов из деревни в общесоюзную экономику для нужд индустриализации, в условиях кризисных явлений на советском селе мобилизация женского населения стала еще более острой, поскольку только ценой

объединения сил всего населения деревни можно было преодолеть возникший кризис аграрной сферы.

Политические отделы МТС и совхозов появились в советской деревне в начале 1933 г. Их главная цель заключалась в преодолении последствий сплошной коллективизации и купировании кризиса в виде масштабного голода, охватившего несколько главных зернопроизводящих регионов СССР. По разным оценкам голод в пределах ЦЧО унес до 1 млн жизней [13, с. 48–49]. Разумеется, масштабы голода в пределах ЦЧО были не столь чудовищными как, например, на Украине, в Казахстане, Поволжье или на Северном Кавказе. Однако и эти относительно значительные бедствия могли привести к расстройству всей системы заготовок сельскохозяйственной продукции.

Как отмечалось выше, мобилизация различных категорий населения, в том числе и женщин, во благо колхозного строя была одной из ключевых задач политических отделов МТС, которую они старались активно воплощать на практике. Основным источником, проливающим свет на мероприятия в данной сфере, стали политдонесения и политсводки политотделов, направляемые ими в Наркомзем.

Прежде всего нужно отметить, что основная работа с женским населением колхозной и единоличной деревни велась через партийные ячейки и местные партийные организации. Кроме того, по плану в каждом политотделе должен был работать женский организатор, который занимался привлечением представительниц «слабого пола» к труду в массиве всего МТС (нередко в этой роли выступали сами женщины).

В условиях масштабного голода женщин, чаще всего многодетных, важно было убедить в том, что у них есть возможность оставить своего ребенка (детей) в специальном учреждении, чтобы получить возможность выходить на колхозные поля или привлекаться к иной работе. Даже если исключить фактор голода, то уже после него, в обычное время, для женщины-колхозницы было большой проблемой выйти на работу, если у нее были дети (особенно маленькие, до 2–3 лет). Поэтому организация специальных учреждений для оставления там детей на время работы становилась одним из важнейших направлений работы советской власти на селе в общем, а также политотделов в частности.

Судя по всему, в пределах ЦЧО относительно развитой являлась система организации детских яслей и детских площадок. Конечно, ситуация от колхоза к колхозу могла отличаться, но общая картина такова, что у политотдела получалось создавать учреждения подобного типа, таким образом активно привлекая женщин к работе в колхозах. Начальник политотдела Конышевской МТС Чернышов писал об организации множества яслей, которые охватили почти 4 тысячи детей. Однако качество организованных яслей было неудовлетворительным, поскольку в большинстве из них не было ни кроваток, ни игрушек, как и медицинского обеспечения или воспитательной работы [23, л. 49]. Начальник политотдела Добринской МТС Божанов докладывал, что «в настоящее время уже работают 5 постоянных детских яслей» [29, л. 94]. Однако количественный охват детей остается неясным. Таким же положение оставалось и к концу 1934 г. Все тот же Бажанов писал, что «основными недостатками является состояние яслей и площадок» <...> «отсутствие с детьми какой-либо работы, детей обычно обслуживают малограмотные или совсем неграмотные няни» [17, л. 28]. Также обращалось внимание на «антисанитарное состояние многих яслей». Начальник политотдела Боринской МТС Левин более ответственно отнесся к вопросу организации яслей и детских площадок, в связи с этим постоянно требовал у председателей колхозов отчеты о количестве охваченных яслями и площадками детей. Полученные данные позволяют определить, что на момент сбора сведений (25 мая 1934 г.) в яслях и площадках находилось ежедневно около 1521 ребенка разного

возраста [16, л. 160–182]. В масштабах Липецкого политотдела функционировали 15 яслей на 561 ребенка вместе с площадкой на 18 детей [22, л. 44]. Помощник начальника политотдела Лебедянской МТС по женской работе Шивина докладывала о 32 работающих яслях [20, л. 108]. В газете политотдела Политовской МТС Данковского района «По ленинскому пути» селькор Епифанов сообщал: «В колхозе “Маяк” Березовского сельсовета 1 мая (1934 г. – автор) открыта детплощадка и ясли. 30 колхозных ребят находятся в них» [6, с. 2]. Епифанов также пишет о выделении для яслей и площадки продовольствия в размере 8 центнеров муки и 5 центнеров пшеницы. Однако со снабжением могли возникать и определенные сложности (еще бы, даже в 1934 г. эхо голода еще отзывалось в зернопроизводящих регионах Советского Союза), когда сельпо не поставляло некоторые виды продуктов питания, в данном случае манную крупу и сахарный песок. Более того, руководство позаботилось и о выделении постельных принадлежностей. По сообщению селькора, колхозницы были довольны и просили отстающих последовать примеру данного колхоза [6, с. 2]. Все это позволяло в масштабах функционирования отдельно взятых политотделов МТС активно вовлечь женское население села в работу. В упоминаемой нами Боринской МТС в связи с этим удалось создать 6 женских бригад, работающих по 35 звеньям, общей численностью 188 человек [16, л. 248]. В то же время некоторые колхозы сталкивались с курьезными ситуациями, например, в колхозах Покровского сельсовета, если верить заметке М. Грабыльниковой, были все условия для открытия яслей. Однако «председатель колхоза “Новая жизнь” Клейменов всю вину за задержки открытия яслей кладет на колхозниц: “они детей не несут”» [5, с. 2]. Здесь также важно обратить внимание на тот факт, что ясли и площадки в указанных колхозах были открыты только ближе к середине 1934 г., а политотделы работали с января 1933 г. Так, например, исходя из приказов начальника Усманского политотдела МТС Семенова, можно прийти к выводу, что к сентябрю 1934 г. в массиве вообще не было детских яслей, не говоря уже о полевых, которые приказывал открыть начальник политотдела [21, л. 4]. Можно предварительно заключить, что вопросы открытия детских яслей и площадок не всегда были в приоритете у работников политотдела. Это означало, что данные учреждения были далеко не в каждом колхозе, что в свою очередь не позволяло привлечь женщин к труду в полной мере, как, например, в Бигильдинском сельском совете, где в это время агроном Новицкий призывал к открытию яслей и площадок. Новицкий писал: «... Надо немедленно открыть ясли, дать возможность матери-колхознице работать на поле, не боясь за сохранность своего ребенка» [15, с. 2].

Попытки привлечения женского и всех других категорий населения в советской деревне к труду в колхозах и совхозах были связаны с особенностями функционирования советской экономики. Специфика заключалась в том, что она держалась на внеэкономическом принуждении и жестком администрировании, практически исключая чисто экономические методы стимулирования трудящегося населения. Отсюда проистекают и все кампании, пропагандирующие героический труд и самопожертвование вполне искренних колхозников. То было стремление советской власти привлечь максимально широкие слои населения к системе общественного производства в условиях, когда оплата за труд была крайне низкой. Режим всячески старался удержать массы наиболее активных женщин в поле своего влияния, для чего периодически проходили слеты актива. Например, с 23 по 25 мая 1934 г. в Воронеже собралось более тысячи колхозников-ударников. В это же время женский актив Данковского района публикует обращение к местному женскому населению на страницах газеты политотдела с призывами к более активной работе. Остается лишь гадать, нашел ли данный призыв отклик у женских масс Данковского района. Предположим, что довольно часто не находил, поскольку те же источники дают

представление о качестве работы женщин в совхозах. Так, многочисленные авторы газеты политотдела свиноводческого совхоза им. Ленина Данковского района сообщали о частых фактах опозданий, халатного отношения к обязанностям со стороны работниц совхоза Остряковой, Шишковой, Жучковой, Лобаковой и др. В одной из бригад работница Калугина не выходила на работу два дня [26, с. 2]. Согласимся с мнением Гадицкой и Скорика о том, что «трудовая активность ударников и стахановцев (вызванная лучшими их морально-психологическими качествами) не столько способствовала развитию колхозной системы, сколько укрепляла ее негативные характеристики: безразличие к нуждам конкретных людей, неравное распределение произведенной продукции между государством и самими сельскими тружениками и пр.» [4, с. 67].

Активная пропаганда ударничества давала свои определенные плоды в лице преданных колхозному строю и советской власти женщин. Их активно привлекали к так называемым женским совещаниям, которые организовывали женорги. Например, работники политотдела Лебедянской МТС произвели выезды в двадцать семь колхозов с массовыми агитационными мероприятиями, преследующими цель «подтолкнуть» колхозниц к более усердному труду на колхозных полях. Широкого отклика наблюдать не приходилось, однако некоторое количество положительных последствий такой работы определенно прослеживается. Колхозница-ударница Кукушкина Е., возглавившая 75 женщин, успешно заскирдовала вручную 2223 копы озимых и яровых хлебов. «77-ю колхозницами-ударницами Сезеновского и Теплинского с/совета оказана помощь совхозу “Культура” в возке проса 1155 копен». «В Троекуровском колхозе того же с/совета имел место массовый невыход на полевые работы женщин. Колхозница Минаева добилась перелома среди колхозниц, в результате 100 % колхозниц посещали полевые работы [19, л. 62]. В этом же политдонесении находится весьма любопытный пример, лишний раз демонстрирующий связь наличия детских дошкольных учреждений со степенью включенности женщин в колхозный труд. В колхозе «Верный путь» состояло 60 хозяйств со 100 трудоспособными членами, причем 60 человек из них были женщинами. При колхозе были открыты годовые ясли на 60 детей. Женщины выполняли все полевые работы, а также имели возможность обслуживать молочно-товарную ферму в 150 голов. Результат в виде премирования 29 ударниц не заставил себя ждать [19, л. 63]. Все тот же начальник Лебедянского политотдела МТС Подольский в 1934 г. докладывал об открытии при колхозах школ кройки и шитья, а также курсов для помощниц бригадиров по вопросам агротехники и животноводства [20, л. 103]. Более того, в массиве Лебедянской МТС организация работы среди женщин было налажена на таком уровне, что это поспособствовало созданию женской тракторной бригады в количестве 5 тракторов с обслуживающими их 16 женщинами (10 трактористками, 2 сменщицами, 1 помощницей бригадира, 3 практикантками). Как писалось в донесении, «настроение у девчат хорошее» [20, л. 109]. Разумеется, при приведении таких безусловно положительных фактов нужно иметь в виду, что тот же Лебедянский политотдел МТС обслуживал 80 колхозов с 16 783 работниками трудоспособного возраста [20, л. 112]. То есть все приведенные выше мероприятия становились каплей в море. И это лишь один из немногих подобных по-настоящему ответственных подходов при работе с женщинами. Начальник политотдела Красненской МТС Новиков писал, что его политотделу в 1934 г. не удалось наладить работу и школ подготовки доярок, сеяльщиц, плугарей. Попытка создания тракторной женской бригады не увенчалась успехом. Женщины сумели отработать в тяжелых полевых условиях лишь два дня [18, л. 10]. Встречались и настоящие примеры трудового героизма в таком, казалось бы, неженском деле, как работа на тракторе. Шура Мышкина, 19-летняя девушка из Еропкинского сельсовета, нередко выпаживала по 1,5–1,6 га, что было на уровне от-

личного результата для мужчины [25, с. 1]. Однако при всех приведенных выше фактах масштаб включения женщин в деятельность колхозов был на низком уровне. К тому же, видимо, в силу патриархальной традиции женщин к руководящим должностям допускали не часто, ограничиваясь их относительно большой ролью на более низовых ступенях колхозного производства. Например, в Лебедянской МТС имелось 93 хозяйки токов, 11 заместителей председателей колхозов по культурно-бытовому обслуживанию, 18 инспекторов по качеству [18, л. 109]. В пределах СССР женщины в основной своей массе в составе колхозов брали на себя обязанности скотников, звеньевых и бригадиров животноводческих бригад в соотношении 50,7 %, 66,8 %, 21,5 % соответственно (данные за 1936 г.) [10, с. 93].

В целом по стране удельный вес женщин в составе механизаторов даже во второй половине 1930-х гг. был вовсе не так высок, как хотелось бы представителям власти. В 1935 г. среди механизаторов женщины-трактористки составляли 4 %, комбайнерки – 3 %. Даже в 1940 г., «когда были приняты энергичные меры для привлечения женщин в МТС», их удельный вес в составе трактористов и комбайнеров не превышал 8 %, помощников комбайнеров – 17 %, механиков – 2 % [2, с. 60]. То есть можно отметить, что женщин в качестве механизаторов было не так уж и много, несколько десятков тысяч по всей стране. Помимо прочего, непреложным фактом является довольно большой удельный вес женского населения при проведении полевых работ. Тенденция, не выделяющая ЦЧО из общей массы прочих регионов СССР, но весьма показательная, поскольку в среднем 49,6 % женщин прямо вовлекались в колхозное полевое производство. По ЦЧО цифра равнялась 49,0 %, в то время как мужчин было 42,1 %. Это зримо демонстрирует определенную специализацию женщин-колхозниц на селе. В некоторых же колхозах женщины были просто незаменимы, как, например, в трех колхозах ЦЧО («Пламя Ленина», «Пламя», «Памяти 22 января») при севе, прополке, косье, вязке, возке и молотье [11, с. 147–148].

Принимая во внимание все ранее сказанное, отметим, что при явных гендерных диспропорциях (по переписи населения 1926 г. в селах ЦЧО проживало 4 789 тыс. мужчин и 5 310 тыс. женщин [29, с. 21]) мужчины гораздо чаще занимали должности в колхозной администрации. Хотя, разумеется, были и исключения. Такая же ситуация складывалась, если речь заходила о желающих среди колхозников трудиться на колхозных полях. Несмотря на то что практически в каждом колхозе были так называемые женщины-ударницы, распределение ролей в колхозных семьях оставалось достаточно типичным для России, даже если сравнивать этот период с дореволюционным временем. Разумеется, революция принесла в деревню, да и в целом в советское общество, ряд нововведений, однако кардинально жизнь женщины, на наш взгляд, не поменялась. Источники демонстрируют, что степень вовлечения женщины в общественное (колхозное) производство в начале 30-х гг. была не столь значительной, какой ожидали в результате мобилизационных мероприятий работники политотделов. Женщина колхозной деревни по-прежнему была привязана к своему дому, где от нее ожидали выполнения широкого круга обязанностей в виде ухода за скотом, личными подсобными хозяйствами и детьми. Поэтому часто именно мужчины включались в работу на колхозных полях, оставляя женщин для работы по дому.

Заключение

Таким образом, на основании всего вышеизложенного мы пришли к следующим выводам: меры социальной мобилизации женского населения, предпринимаемые политотделами МТС и совхозов Центрального Черноземья в 1933–1934 гг. были итогом проводимой политики сталинского режима, направленной на преодоление последствий сплошной коллективизации. Политические отделы, приступив к вы-

полнению своих обязанностей в начале 1933 г., обратили особое внимание на женщин колхозной деревни как скрытый и неиспользованный потенциал. Для высвобождения этого потенциала работники данных чрезвычайных органов власти создавали детские ясли и площадки для детей женщин-колхозниц. Детские дошкольные учреждения были не так сильно распространены, как того хотели политотделы, да и многие женщины. Большое количество политотделов озаботилось данной проблемой лишь ближе к середине 1934 г., когда функционирование самих политотделов постепенно приближалось к своему завершению. То есть часто предпринимаемые меры были недостаточными, статистика вовлечения женщин в колхозное производство прямо об этом свидетельствует. Если же женщины и приступали к работе, то, как правило, в рамках низовых ступеней колхозной вертикали. В административных учреждениях женщины были представлены немногочисленным корпусом наиболее проявивших себя тружениц, что составляло абсолютное меньшинство среди всех женщин советской колхозной деревни. При этом, разумеется, встречаются и примеры трудового героизма женщин, выражавшегося в том числе в несвойственных формах занятости как, например, работа трактористками.

Список источников и литературы

1. *Алексеев В. А.* Политотделы МТС ЦЧО и их роль в проведении политики «чрезвычайщины» // Вехи минувшего. 1999. № 1. С. 126–134.
2. *Арутюнян Ю. В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. (Формирование кадров массовой квалификации). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 341 с.
3. *Бочарова О. В.* Формирование и деятельность политических отделов МТС в казачье-крестьянских районах юга России : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бочарова Ольга Владимировна. Новочеркасск, 2016. 278 с.
4. *Гадицкая М. А., Скорик А. П.* Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е г.: гендерный потенциал и менталитет. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 323 с.
5. *Грабыльникова М.* Саботируют открытие яслей // По ленинскому пути. 1934. № 10.
6. *Епифанов Д.* За детьми хорошо ухаживают // По ленинскому пути. 1934. № 10.
7. *Зеленин И. Е.* Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 42–61.
8. *Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933). М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2000. 350 с.
9. *Кондрашин В. В., Мозохин О. Б.* Политотделы МТС в 1933–1934 годы. М.: Русская книга, 2017. 304 с.
10. *Маннинг Р. Т.* Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны. 1935–1940 годы // Отечественная история. 2001. № 5. С. 88–106.
11. Материалы о работе политотделов МТС в 1933 году. С. 147–148.
12. *Мозохин О. Б.* Участие органов ОГПУ в деятельности политотделов МТС // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности : материалы VII междунар. конф. / науч. ред. К. Ф. Белоусов. Петрозаводск, 2019. С. 129–139.
13. *Назаренко Н. Н., Коришнова М. В., Башкин А. В.* Демографические процессы в центральном Черноземье России в период голода 1932–1933 гг.: историография вопроса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 47–56.
14. *Наухацкий В. В.* Политотделы МТС Северо-Кавказского края и становление системы заготовок в сельском хозяйстве // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 383–393.
15. *Новицкий.* Не задерживать открытие яслей // По ленинскому пути. 1934. № 15.
16. Областное казенное учреждение «Государственный архив новейшей истории и документов по личному составу Липецкой области» (ОКУ ГАНИДЛС ЛО). Ф. 231. Оп. 1. Д. 4.
17. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 10.
18. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5.

19. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 3.
20. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 8.
21. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 4.
22. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 2.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 112. Оп. 16. Д. 41.
24. *Рогалина Н. Л.* Коллективизация: уроки пройденного пути. М.: Изд-во МГУ, 1989. 222 с.
25. *Серегина, Вишнякова.* Содержать всегда поле в чистоте // По ленинскому пути. 1934. № 11.
26. *Сотников.* Красный флажок политотдела снова в бригаде Самарина, черный «Позор лодырям» развеивается на третьей ферме // Свиляр-Ударник. 1934. № 4.
27. *Тепляков А. Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 173–185.
28. *Томилин В. Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М.: АИРО-XXI, 2009. 400 с.
29. Центрально-Черноземная область : стат. справочник / Обл. стат. отдел. Воронеж, 1929. 463 с.
30. *Шевляков А. С.* Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве в Западной Сибири в 1930-е годы. Томск: Томский гос. ун-т, 2000. 226 с.

References

1. Alekseyev, VA 1999, 'Politotdely MTS TSCHO i ikh rol v provedenii politiki «chrezvychayshchiny»' (Political departments of the MTS of the Central CDC and their role in the implementation of the «emergency» policy), *Vekhi minuvshogo*, no. 1, pp. 126–134. (In Russ.)
2. Arutyunyan, YuV 1960, *Mekhanizatory selskogo khozyaystva SSSR v 1929–1957 gg. (Formirovaniye kadrov massovoy kvalifikatsii)* (Mechanizers of the USSR agriculture in 1929–1957 (Formation of mass qualified personnel), Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bocharova, OV 2016. *Formirovaniye i deyatelnost politicheskikh otделov MTS v kazachyeh-krestyanskikh rayonakh yuga Rossii* (Formation and activity of MTS political departments in the Cossack-peasant regions of southern Russia), PhD thesis, Novocherkassk. (In Russ.)
4. Gaditskaya, MA & Skorik, AP 2009, *Zhenshchiny-kolkhoznitsy Yuga Rossii v 1930-e g.: gender-nyy potentsial i mentalitet* (Kolkhoz women in the South of Russia in the 1930s: gender potential and mentality), Rostov-on-Don. (In Russ.)
5. Grabylnikova, M 1934, 'Sabotiruyut otkrytiye yasley' (Sabotaging the opening of the nursery), *Po leninskomu puti*, no. 10. (In Russ.)
6. Yepifanov, D 1934, 'Za detmi khorosho ukhazhivayut' (The children are well cared for), *Po leninskomu puti*, no. 10. (In Russ.)
7. Zelenin, IYe 1992, 'Politotdely MTS – prodolzheniye politiki «chrezvychayshchiny»' (MTS political departments - continuation of the «emergency» policy), *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, pp. 42–61. (In Russ.)
8. Ivnitkiy, NA 2000, *Repressivnaya politika Sovetskoy vlasti v derevne (1928–1933)* (Repressive policy of the Soviet power in the village (1928–1933)), In-t ros. ist. RAN publ, Moscow. (In Russ.)
9. Kondrashin, VV & Mozokhin, OB 2017, *Politotdely MTS v 1933–1934 gody* (The machine and tractor station political departments in 1933–1934), Russkaya kniga publ, Moscow. (In Russ.)
10. Manning, RT 2001, 'Zhenshchiny sovetskoy derevni nakanune Vtoroy mirovoy voyny. 1935–1940 gody' (Women of the Soviet Village on the Eve of the Second World War. 1935–1940), *Otechestvennaya istoriya*, no. 5, pp. 88–106. (In Russ.)
11. *Materialy o rabote politotdelov MTS v 1933 godu* (Materials on the work of the machine and tractor station political departments in 1933), Moscow. (In Russ.)
12. Mozokhin, OB 2019, 'Uchastiye organov OGPU v deyatelnosti politotdelov MTS' (Participation of the Joint State Political Directorate bodies in the the machine and tractor station political departments), *Istoricheskiye chteniya na ul. Andropova, 5. Istoriya organov bezopasnosti. Materialy VII mezhdunarodnoy konferentsii* (Historical readings on Andropova str., 5. History of se-

- curity agencies. Proceedings of the VII International Conference), ed. K.F. Belousov Scientific editor K.F. Belousov), Petrozavodsk, pp. 129–139. (In Russ.)
13. Nazarenko, NN, Korshunova, MV & Bashkin, AV 2023, 'Demograficheskiye protsessy v tsentralnom Chernozemye Rossii v period goloda 1932–1933 gg.: istoriografiya voprosa' (Demographic processes in the Central Chernozem Region of Russia during the famine of 1932–1933: historiography analysis), *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnyye nauki* (Bulletin of the South Ural State University. Social Sciences and the Humanities), no. 2, pp. 47–56. (In Russ.)
14. Naukhatskiy, VV 2014, 'Politotdely MTS Severo-Kavkazskogo kraya i stanovleniye sistemy zagotovok v selskom khozyaystve' (Political departments of MTS of the North Caucasus region and the formation of the system of procurement in agriculture), *Yezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy* (Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe), no.1, pp. 383–393. (In Russ.)
15. Novitskiy 1934, 'Ne zaderzhivat otkrytiye yasley' (Don't delay the opening of the nursery), *Po leninskomu puti*, no. 15. (In Russ.)
16. Oblastnoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii i dokumentov po lichnomu sostavu Lipetskoy oblasti (OKU GANIDLS LO) (Regional State Institution «State Archive of Modern History and Documents on Personal Composition of the Lipetsk Region», fund 231, inventory 1, file 4. (In Russ.)
17. OKU GANIDLS LO, fund 241, inventory 1, file 10. (In Russ.)
18. OKU GANIDLS LO, fund 245, inventory 1, file 5. (In Russ.)
19. OKU GANIDLS LO, fund 246, inventory 1, file 3. (In Russ.)
20. OKU GANIDLS LO, fund 246, inventory 1, file 8. (In Russ.)
21. OKU GANIDLS LO, fund 247, inventory 1, file 4. (In Russ.)
22. OKU GANIDLS LO, fund 412, inventory 1, file 2. (In Russ.)
23. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii (RGASPI), (Russian State Archive of Social and Political History), fund 112, inventory 16, file 41. (In Russ.)
24. Rogalina, NL 1989, *Kollektivizatsiya: uroki proydennogo puti* (Collectivization: lessons learned along the way), Izd-vo MGU publ, Moscow. (In Russ.)
25. Seregina & Vishnyakova 1934, 'Soderzhat vseгда pole v chistote' (Keep the field clean at all times), *Po leninskomu puti*, no. 11. (In Russ.)
26. Sotnikov 1934, 'Krasnyy flazhok politotdela snova v brigade Samarina, chernyy «Pozor lodyryam» razvevayetsya na tretyey ferme' (The red flag of the political department is back in Samarin's brigade, the black "Shame to the slackers" is waving on the third farm), *Svinar-Udarnik*, no. 4. (In Russ.)
27. Teplyakov, AG 2002, 'Institut zamestiteley nachalnikov politotdelov po rabote OGPU-NKVD v MTS i sovkhozakh Sibiri v seredine 1930-kh gg.' (Institute of deputy heads of political departments for the work of the OGPU-NKVD in MTS and state farms of Siberia in the mid-1930s), *Ural i Sibir v stalinskoy politike* (The Urals and Siberia in Stalinist politics), Novosibirsk, pp. 173–185. (In Russ.)
28. Tomilin, VN 2009, *Nasha krepost. Mashinno-traktornyye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoyenny period: 1946–1958 gg.* (Our fortress. Machine and tractor stations of the Chernozem Center of Russia in the post-war period: 1946–1958), AIRO-XXI publ, Moscow. (In Russ.)
29. *Tsentralno-Chernozemnaya oblast: statisticheskiy spravochnik* (Central Black Earth Region: statistical handbook) 1929, Voronezh. (In Russ.)
30. Shevlyakov, AS 2000, *Politotdely MTS i sovkhozov: chrezvychaynyye partiino-gosudarstvennyye organy upravleniya v selskom khozyaystve v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* (Political departments of MTS and state farms: extraordinary party-state management bodies in agriculture in Western Siberia in the 1930s), Tomskiy gos. un-t publ, Tomsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.01.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 16.01.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 66–75.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 1 (21). P. 66–75.

Научная статья

УДК 94(47).084.9

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-66-75>

ОТ ФОРМАЛЬНОГО РАВЕНСТВА К НЕФОРМАЛЬНОМУ ЛИДЕРСТВУ: ЛЕНИНГРАДСКАЯ СТУДИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В 1960-Е ГГ.

**Полина Александровна
Морозова**

Европейский университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия, pmorozova@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0009-0006-6831-2379>

Аннотация. В статье исследуется особое положение Ленинградской студии телевидения (ЛСТ) в системе советского телевидения 1960-х годов – период, когда телевидение в СССР приобрело по-настоящему всесоюзный характер благодаря сформировавшейся сети региональных студий. На основе анализа архивного материала я показываю, как при формальном равенстве всех региональных студий Ленинградская телестудия фактически выступала в роли неформального лидера. В работе подробно рассматривается двойственность позиции ЛСТ: студия могла избирательно подходить к запросам региональных коллег, но при этом активно участвовала в создании телепрограмм для других телецентров. Я анализирую, как символический капитал Ленинграда – второго культурного центра страны трансформировался в конкретные институциональные практики. На основе детального анализа переписки между студиями демонстрируется, как региональные телецентры воспринимали ЛСТ в качестве авторитетного источника профессиональной экспертизы, обращаясь за помощью не только в создании контента, но и в организационных, технических и юридических вопросах. Исследование показывает, как в рамках формально единой системы советского телевидения складывались неформальные центры влияния, где ЛСТ заняла уникальную промежуточную позицию между региональной студией и центральным телевидением. Работа основана на широком круге архивных источников, включая переписку между студиями, документы учебно-методического отдела, административную документацию и материалы Госкомитета по радиовещанию и телевидению, что позволяет детально проследить механизмы формирования особого статуса Ленинградской студии в системе советского телевидения.

Ключевые слова: советское телевидение, ленинградское телевидение, Ленинградская телестудия, история советского телевидения, культурная столица, Ленинград в 1960-е годы.

Для цитирования: Морозова П. А. От формального равенства к неформальному лидерству: Ленинградская студия телевидения в контексте межрегиональных связей в 1960-е гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 66–75. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-66-75>

Сведения об авторе: П. А. Морозова – аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 1.

© Морозова П. А., 2025

Scientific Article
UDC 94(47).084.9
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-66-75>

FROM FORMAL EQUALITY TO IMPLICIT LEADERSHIP: THE LENINGRAD TELEVISION STUDIO IN THE CONTEXT OF INTERREGIONAL RELATIONS IN THE 1960S

Polina A. Morozova

European University at Saint Petersburg
Saint Petersburg, Russia, pmorozova@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0009-0006-6831-2379>

Abstract. The article examines the special position of the Leningrad Television Studio (LTS) in the Soviet broadcasting system of the 1960s – a period when television in the USSR acquired a truly all-Union character due to the established network of regional studios. Based on the analysis of archival materials, the author demonstrates how, despite the formal equality of all regional studios, the Leningrad Television Studio effectively acted as an unofficial leader. The paper thoroughly examines the duality of LTS's position: while the studio could be selective in responding to requests from regional colleagues, it also actively participated in creating television programs for other TV centers. The author analyzes how the symbolic capital of Leningrad as the country's second cultural center was transformed into specific institutional practices. Through detailed analysis of correspondence between studios, the author shows how regional TV centers perceived LTS as an authoritative source of professional expertise, seeking assistance not only in content creation but also in organizational, technical, and legal matters. The study reveals how informal centers of influence emerged within the formally unified system of Soviet television, where LTS occupied a unique intermediate position between a regional studio and central television. The basis of the work is wide range of archival sources, including correspondence between studios, documents from the educational and methodological department, administrative documentation, and materials from the State Committee of Television and Radio Broadcasting of the Soviet Union, which allows for a detailed examination of the mechanisms that formed the special status of the Leningrad studio within the Soviet broadcasting system.

Keywords: Soviet television, Leningrad television, Leningrad Television Studio, history of Soviet television, capital of culture, Leningrad in the 1960s.

For citation: Morozova, PA 2025, 'From Formal Equality to Implicit Leadership: The Leningrad Television Studio in the Context of Interregional Relations in the 1960s', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 66–75, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-66-75> (in Russ.)

Information about the Author: Polina A. Morozova – Postgraduate Student, European University at St. Petersburg, 1, Spalernaya Str., St. Petersburg, 191187, Russia.

Введение

Юрий Михайлович Ершов, один из крупнейших исследователей советского телевидения, на основе партийных постановлений 1950–60-х годов заключает: «Местные телестудии по принципу дополнительности должны были готовить “Вести с полей” регионального масштаба. По мере роста мощи ЦТ местные студии низводились до уровня корпунктов» [2, с. 91]. Автор считает, что ключевая роль местных студий заключалась в сборе и передаче информации «с мест». На мой взгляд, историографический тезис о характеристике местных студий как институтов сбора сведений о месте требует уточнения.

Ленинградская студия телевидения в 1960-е гг. занимала второе место по объему телевизионного вещания после центрального телевидения [4, л. 24]. В своем исследовании я намеренно выношу за скобки вопрос властной вертикали между Центральным телевидением как общесоюзной административной структурой и Ленинградской студией телевидения как региональной единицей. Вместо этого меня интересует система горизонтальных связей между телестудиями разных регионов – организациями формально равного статуса. Ленинградская студия в этом отношении представляет для моего исследования особый интерес: при формальном равенстве с другими региональными студиями она функционировала в контексте особого положения Ленинграда как второго по значимости культурного и политического центра СССР [3]. Это несоответствие между институциональным статусом студии и символическим капиталом города позволит мне проследить, как в системе декларируемого институционального равенства проявлялись и работали неформальные культурные иерархии.

Я не рассматриваю Ленинградскую студию как студию, созданную в регионе *исключительно* для решения местных задач. И, хотя физически здания ленинградского телевидения находились внутри города и области, я не ограничиваюсь пространством Ленинграда как местом действия. Моя задача – показать, как деятельность региональной телестудии в некоторых вопросах влияла на всё советское телевидение.

Моя гипотеза заключается в том, что в деятельности Ленинградской телевизионной студии можно увидеть как партнерский (равный), так и иерархичный характер взаимоотношений между такими же, как она, местными студиями. Эта двойственность позиции, где функции ЛСТ варьировались от модели «первого среди равных» до роли важного, но подчинённого элемента в более широкой сети телевизионной индустрии, доказывает её особый статус в системе советского телевидения. Изучение этой двойственной позиции Ленинградской студии позволяет увидеть, как символический капитал города трансформировался в конкретные институциональные практики, и как в рамках формально единой системы советского телевидения складывались неформальные центры влияния.

Выбор региональных студий для анализа их взаимодействия с Ленинградской определяется сохранившейся перепиской между телестудиями. Именно эти документы позволяют реконструировать систему горизонтальных связей в советском телевидении: модели партнёрства и конкуренции, механизмы обмена профессиональным опытом, практики совместного создания телепередач. Анализ этих документов раскрывает, как работали официальные каналы коммуникации между студиями, и какое влияние Ленинградская студия оказывала на региональное вещание. Ограничение источника для анализа горизонтальных связей между студиями заключается в том, что не во всех случаях известно конкретное название программы или фильма, по вопросам которых происходило сотрудничество между студиями. Тем не менее в переписке между телевизионными организациями зафиксированы просьбы или предложения по двусторонней деятельности. Именно они и составляют

предмет анализа.

Хронологические рамки исследования охватывают 1960-е гг. – период, когда телевизионное вещание в СССР приобрело по-настоящему всесоюзный характер благодаря сформировавшейся сети региональных студий. К этому времени телестудии работали уже в большинстве крупных городов Советского Союза, что создало условия для развития системы межрегионального взаимодействия в сфере телевидения.

Структура работы определяется двумя взаимодополняющими перспективами анализа. В первой части рассматривается, как Ленинградская студия выстраивала отношения с региональными телестудиями в рамках своих формальных полномочий. Вторая часть, опираясь преимущественно на переписку между студиями, раскрывает обратную перспективу: как местные студии воспринимали Ленинградскую, какие ожидания с ней связывали и какую роль ей отводили в системе советского телевидения.

Основная часть

Развитие сети региональных телестудий в 1960-е гг. соответствовало масштабной задаче: создать для советского зрителя целостную картину жизни страны. Каждая студия, собирая и транслируя информацию о своем регионе, становилась частью единой системы, которая позволяла зрителю «побывать» в самых разных уголках Советского Союза. Через телеэкран житель, например, Мурманска мог увидеть будни целинников Казахстана, познакомиться с работой донецких шахтеров или узнать о достижениях рыбаков Владивостока. Таким образом телевидение не просто информировало о жизни страны, но и создавало эффект присутствия, формируя у зрителей ощущение единого советского пространства, где каждый регион вносил свой вклад в общую картину жизни СССР.

В структуре Гостелерадио для решения этой задачи с начала 1960-х гг. существовала Главная редакция обмена телепрограммами. Каждая местная студия в соответствии с тематическим планом готовила передачи или программы для трансляции в регионах, реже снимались самостоятельные телефильмы. Ленинградская телестудия не была исключением.

Если в городе происходили важные для всего СССР мероприятия, то главная обязанность телевизионщиков заключалась в грамотном и всестороннем их освещении для последующего показа по Центральному телевидению. Например, летом 1967 г. в Ленинграде проходили III Всесоюзный слет похода комсомольцев и молодежи по местам боевой славы, международная встреча молодежи, приуроченная к пятидесятилетию советской власти [11, л. 136]. Сбор и обработка сведений с мест этих событий (например, интервью или репортажная съемка) составляли основную цель ленинградских тележурналистов в дни проведения мероприятий. Другой пример этого направления деятельности – общесоюзные тематические циклы, приуроченные к государственным праздникам. Например, к телевизионной «Лениниане» местные студии готовили фильмы, раскрывающие связь региона и В. И. Ленина. Ульяновские журналисты работали над картиной «Родной город Ильича», их казанские коллеги снимали двухчасовую картину «Там, где учился Ленин». Для Уфимской студии сюжет был связан с сибирской ссылкой В. И. Ленина, по пути в которую он останавливался в Башкирии. У Ленинградской студии в производстве была новелла о том, как Ленин помог путиловским рабочим организовать первую детскую музыкальную школу (на базе Дворца пионеров) [15, л. 59]. Этот пример наглядно показывает одну из главных целей создания сети местных студий – освещение локальных событий для их последующего тиражирования по центральному телевидению.

Сотрудники Лентелестудии регулярно выезжали на промышленные предприятия, в музеи, на места боевой славы для подготовки репортажей, которые затем ис-

пользовались другими студиями в своих передачах. Эта функция была обусловлена особым статусом Ленинграда как крупнейшего культурного, промышленного и исторического центра СССР. Региональные студии, не имевшие прямого доступа к событиям в городе, остро нуждались в подобных материалах. Однако, несмотря на то что роль информационного центра была одной из ключевых задач Ленинградской студии, архивные документы свидетельствуют о том, что на практике студия позволяла себе избирательно подходить к запросам с мест, определяя, каким студиям предоставлять материалы, а каким отказывать.

Заместитель председателя комитета радиовещания и телевидения В. Горячёв в 1965 г. просил «подготовить для Мурманской студии репортаж с Воскресенского комбината или Невского завода», так как эти предприятия использовали в производстве хибинский апатит [12, л. 9]. Съёмки в производственных учреждениях были отложены на неопределённый срок. Официальная причина была связана с ремонтными работами.

В этом же году Мурманская телестудия инициировала сотрудничество с коллегами из Ленинграда о совместном производстве киноочерка об Арктике. ЛСТ вновь отказалась от участия в этом проекте. В этот раз причина отказа заключалась в том, что главная политическая редакция ЛТС к этому моменту длительное время вела переговоры с институтом Арктики и Антарктики о создании аналогичного фильма [12, л. 12].

В мае 1966 г. грузинское телевидение готовило для показа документальную картину о грузине Ломидзе, героически погибшем в боях за Ленинград. Тбилисский комитет предложил оплатить съёмку видов Нарвского залива, острова Мощного и братской могилы моряков, похороненных на этом острове. Тем не менее, Ленинградская студия отказала в помощи, ссылаясь на «очень великую загрузку» [13, л. 3].

В конце 1966 г. ленинградским режиссером В. Геллнером была закончена работа над инсценировкой по повести Токарева «День без вранья». В обращении к директору студии Б. А. Маркову главный редактор эстонского телевидения Э. Хаасама не только просит предоставить материалы телеспектакля для показа по республиканскому телевидению, но и предлагает выступить перед таллинской публикой с небольшим вступительным словом. Однако ответ Ленстудии, облеченный в форму риторического вопроса о выборе именно этой постановки, демонстрирует определенное нежелание следовать пожеланиям региональных коллег, даже когда те проявляли искренний интерес к конкретным работам: «почему Вы (эстонская студия) продолжаете настаивать на том, чтобы творчество Ленинградской студии было представлено именно этой работой?» [10, л. 7–8].

Пятигорская студия в 1967 г. обратилась к ленинградцам с предложением совместного документального проекта. У студий уже был успешный опыт взаимодействия – они вместе работали над фильмом о сотрудничестве ленинградского завода им. Орджоникидзе с совхозом Ставропольского края. В новом проекте пятигорцы подошли к делу основательно: заручились устной поддержкой центрального телевидения и подготовили предварительный сценарий, полагая, что это повысит шансы на одобрение Ленстудии. Однако Лентелестудия отклонила предложение, мотивировав это тем, что уровень представленного материала не соответствует формату документального фильма и годится лишь для короткого киносюжета: «Представленный Вами материал не устраивает Лентелефильм. Материал такого рода может быть использован только для киносюжета, но никак не для документального телефильма» [7, л. 77].

Хотя Ленинградская студия часто проявляла избирательность в предоставлении материалов, было бы неверным утверждать, что она полностью игнорировала запросы региональных коллег. Студия активно участвовала в создании контента для

других телецентров, особенно когда речь шла о значимых исторических событиях или международном сотрудничестве. Примером может служить работа с Одесской студией телевидения, которая «готовила специальную программу для республиканского телевидения к 10 апреля. В марте студия обратилась к коллегам из Ленинграда с просьбой записать поздравление к двадцатилетнему юбилею освобождения Одессы от фашистских захватчиков». Несмотря на то что в обращении Одесская студия указала конкретные формы ожидаемого материала, не оставляя пространства свободы творчества для ленинградских тележурналистов, Ленинградская студия подготовила запись по предложенным ей лекалам. Подобное сотрудничество наблюдалось и в случае с Таллинской студией: «Мы надеемся, что Ваша студия сможет время от времени, например, ежемесячно присылать нам киноматериалы, отражающие интересные события связей Ленинграда с Финляндией. В связи с юбилеем Эрмитажа было бы очень интересным получить на прокат Ваш киноочерк об Эрмитаже» [9, л. 5–6].

Если в первых кейсах Ленстудия отклонила предложения, ссылаясь на объективные, независимые от неё причины, то в последних двух сюжетах отчетливо видно, что принятое решение было основано на позиции «невозможности» сотрудничества. Такие отказы, на мой взгляд, могут свидетельствовать о наличии возможности у Ленстудии выбирать формы сотрудничества. Ленстудия охотнее откликалась на четко сформулированные запросы, особенно если они касались знаковых тем – военной истории, международных связей, культурного наследия Ленинграда. При этом студия, похоже, предпочитала работать по уже заданным параметрам, как в случае с одесским юбилеем, нежели участвовать в проектах, требующих совместного творческого поиска, что мы видели в ситуации с пятигорским предложением.

Эта избирательность, вероятно, была связана не только с вопросами качества предлагаемых материалов, но и с пониманием Ленстудией своей особой роли в системе советского телевидения, что позволяло ей определять приоритетные направления сотрудничества с региональными студиями.

В одних регионах Ленинград занимал положение «старшего брата», демонстрируя руководящую роль и огромный опыт, нередко подспудно налагая свои производственные, творческие и организационные стандарты на другие местные студии. С другой стороны, во множестве аспектов творческого взаимодействия и профессионального общения ЛСТ оставалась на равных с «младшими братьями», реализуя совместные проекты с равным двусторонним участием. Несмотря на своё стратегически выгодное положение, ЛСТ не воспринимала себя как доминирующую силу или образец для подражания, учитывая и открывая дорогу для регионального многообразия и самобытности.

Рассмотрев, как Ленинградская студия выстраивала свою работу с региональными телестудиями, обратимся к другой стороне этих отношений. Переписка между студиями раскрывает, как сами региональные телецентры воспринимали и использовали возможности сотрудничества с Ленинградом. В их обращениях к ленинградским коллегам прослеживается особая логика взаимодействия: местные студии видели в Ленинградской телестудии не просто равного партнера по обмену материалами, но и авторитетный источник профессиональной экспертизы. Это восприятие формировало специфическую модель отношений, где формальное равенство дополнялось неформальной иерархией, основанной на признании особого статуса ленинградского телевидения.

Целиноградская студия на январь 1964 г. была самой молодой в стране, не считая студию в Игарке, открывшуюся на несколько месяцев позже. В связи с декадой русской литературы и искусства в Казахстане Ленинградская студия подготовила программу для телевидения в Целинограде. Отмечая позитивные отклики зрителей, заместитель председателя комитета по радиовещанию и телевидению краевого ис-

полкома краевого Совета депутатов трудящихся обращался к ленинградским телевизионщикам: «Возникла мысль, поддержанная всем коллективом нашей студии: просить вас, друзья-ленинградцы, взять шефствование над Целинным телевидением» [12, л. 21].

Тележурналисты казахстанской студии от *шефской* помощи ленинградцев ожидали прежде всего сценариев наиболее успешных фильмов, театральных постановок и телепрограмм. В первые годы существования отсутствие опыта и возможности получить образование в области телевидения вынуждало не только Целиноградскую, но и большинство других местных студий транслировать передачи по заранее подготовленным шаблонам, прописанным вплоть до каждого диалога. Ленинградская студия здесь выступала в роли «старшего брата», высылая сценарии телепрограмм.

Заместитель председателя бурятского комитета Евгений Петрович Степанов, ссылаясь также на неопытность первого поколения телевизионщиков, обращался за советом к Ленинградской студии: «Наша студия молодая – ей всего только пять лет (запуск студии был в 1961 г. – *прим. П. М.*). Мы желаем поучиться у более *опытных и знающих работников*. Считаем, что поездка к Вам будет очень плодотворной. Поедут *лучшие работники* – в виде поощрения. Наши работы, конечно, очень далеки от совершенства, и все Ваши советы и пожелания будут крайне полезны. <...> Мы очень желаем, чтобы товарищи, которых и Вы нам пришлете, провели здесь несколько бесед, по-товарищески помогли нашим работникам. Как видите, мы не скрываем своих “эгоистических” целей – хотим у Вас многому поучиться – и в Ленинграде, и на месте» [9, л. 5–6]. О восприятии Ленстудии как более опытного эксперта в телевизионной сфере говорит и обращение заместителя председателя алтайского краевого комитета Г. Осипова от имени телевизионщиков-барнаульцев: «Мы очень нуждаемся в квалифицированном разборе наших передач. Вечера Ленинградской студии тем более важны в Барнауле, чья промышленность в основном основана ленинградцами в годы войны и где живет очень много кадровых рабочих из города на Неве» [9, л. 5–6].

С похожей риторикой шефства и покровительственной помощи к Ленинградской студии обращались не только по вопросам подготовки программы для телевидения, но и шире – по проблемам, связанным с производством кино, видеосъемок. Так, например, летом 1964 г. партийный комитет Лужского производственного совхозно-колхозного управления обратился к директору Ленинградской студии Б. М. Фирсову с просьбой оказать «шефскую помощь в организации работы любительской киностудии при Толмачевском доме культуры». Комитет просил передать осветительную аппаратуру, 500 метров киноплёнки и оказать помощь в приобретении одного съемочного аппарата. Из резолюции обращения следует, что Ленинградская студия действительно выделила 500 м 35 м/м киноплёнки [5, л. 57] и была готова ежемесячно проводить консультации с кинолюбителями. Получается, что Ленинградская студия, кроме экспертных консультаций, периодически обеспечивала материально-техническую базу таким любительским объединениям.

Иногда местные студии обращались в Ленинград за помощью исключительно бюрократического рода. Например, консультируясь по поводу того, как грамотно составить юридические документы. Челябинский комитет просил выслать должностные инструкции для начальников постановочного цеха и производственного отдела студии телевидения, начальника художественно-декоративного цеха, старшего инженера. Ленинградская студия не отказывала и в этих случаях, рапортуя в Челябинск: «Всё будет подготовлено и выслано» [8, л. 9].

Несмотря на формальную автономию региональных центров в выборе материалов для трансляций, Ленинградская студия фактически играла роль неформаль-

ного куратора, позволяя себе давать директивные рекомендации другим студиям. Это проявляется в использовании настойчивых формулировок («советуем», «обязательно включите») и в том, что Ленстудия самостоятельно проводила предварительный отбор фильмов, хотя формально это право принадлежало каждой студии. Такая практика указывает на существование негласной иерархии между центральными и региональными телестудиями, где более крупные центры присваивали себе функции идеологического и программного руководства, даже не имея на то официальных полномочий. Обращаясь к ухтинским коллегам, ленинградцы писали: «Ко Дню Советской Армии советуем Вам провести фестиваль телевизионных фильмов, рассказывающих о героизме советских солдат и офицеров в дни войны» или «Обязательно включите в фестиваль и художественный телефильм “Пауза”» [7, л. 3–4]. Далее в документе перечисляются названия телефильмов военной тематики, отбор которых проводился на усмотрение ленинградской редакции, а не ухтинской.

В конце 1960 г. на ЛСТ был основан учебно-методический отдел (или учебный кабинет), став одной из структурно-организационных частей студии. В его функции входил весь спектр вопросов, связанных с организацией непрерывного образования работников телевидения. Например, повышение квалификации сотрудников, подготовка и распространение методических печатных материалов (об особенностях телевизионной техники), проведение лекций и учебных занятий. Позднее на основе учебного кабинета по приказу Госкомитета была организована база производственной практики и обмена опытом для всех работников телестудий страны.

Значимость учебного кабинета определялась не столько внутренней потребностью, сколько необходимостью продвигать собственный опыт Ленстудии вовне, за её пределы. Так, за три года курсы внештатных кинокорреспондентов прошли 365 человек со всей страны [14], в том числе, например, его прослушали сотрудники Петрозаводского телевидения, специально для которых учебно-методический отдел Ленстудии был командирован в Петрозаводск от госкомитета. Именно представители учебного кабинета Ленстудии подготовили экспертное заключение для нового проекта Большого Московского телецентра по вопросам программирования и обеспечения звука.

На базе Госкомитета под контролем учебного кабинета Ленстудии за три года было проведено 22 потока с месячным сроком обучения по разным способам организации и технологии телевещания. С декабря 1961 по январь 1965 г. их прошли около 600 человек из 104 городов. Наибольшую активность в повышении квалификации проявили Воркута, Казань, Пенза, Ростов-на-Дону, отправив на обучение по 13 человек. Одним из направлений деятельности отдела было проведение экскурсий в ленинградском многопрограммном телецентре для населения и зарубежных специалистов (в том числе из США, Франции, Японии и Австралии).

Создание и деятельность учебно-методического отдела в Ленинградской студии телевидения наглядно демонстрирует, как формальный статус региональной студии дополнялся функциями Всесоюзного центра профессиональной подготовки. Через систему обучения и повышения квалификации Ленинградская студия не только транслировала свои профессиональные практики и технические стандарты другим региональным студиям, но и выступала экспертом для центральных телевизионных структур. Масштаб этой деятельности – более 600 специалистов из 104 городов за три года – говорит о том, что Ленинградская студия фактически стала одним из ключевых центров формирования профессиональных стандартов советского телевидения. Особенно показательно, что студия принимала зарубежных специалистов и проводила экспертизу для московских проектов, что выводило её полномочия далеко за пределы регионального уровня.

Заключение

Из нескольких документов за подписью директора ЛСТ Б. М. Фирсова следует, что ленинградские тележурналисты воспринимали студию в промежуточном положении между местной и столичной: «ЛСТ является в настоящее время одним из крупнейших предприятий в системе Государственного комитета по телевидению и радиовещанию с законченным циклом производства телевизионных программ (5000 часов в год) и кинопрограмм (246 часов в год). Одновременно студия является базовой организацией студий Северо-Западных районов страны и оказывает им существенную помощь в производстве кинофильмов, подготовке кадров и отработке технологических процессов на местах» [6, л. 53]. В другом сохранившемся документе Б. М. Фирсов также описывает положение Ленстудии в системе советского телевидения как особенное: «Характер работы редакции в Ленинграде в значительной мере отличается от деятельности подобных редакций и в других городах страны, исключая Москву. Десятки крупнейших предприятий, проектных и научно-исследовательских организаций, вузов, театров требуют пристального внимания и активной работы корреспондентов» [1, л. 45].

Ленинградская телестудия в сети телевизионных студий обладала уникальным статусом. Её географическое расположение в крупном городе, который был культурным и политическим центром, давало возможность оказывать значительное влияние на развитие общесоветской телевизионной сети (включая программы и передачи) как на общенациональном, так и на местном уровнях. Факт её местного положения как организации для освещения местных событий и решения локальных задач представляется упрощением. Во взаимоотношениях с другими студиями СССР она вполне может быть определена как покровитель. Местные студии видели в ленинградском телевидении старшего брата, более опытного эксперта в вопросах съёмок и развития телевидения. Так, по сути своей, студия, вплетена во множество междугородних, межрегиональных сетей. Будучи первой среди равных, Ленинградская телестудия представляла собой уникальное явление в советской системе телерадиовещания, объединяя характеристики как местного, так и столичного телецентра.

Список источников и литературы

1. Докладная записка заместителю начальника госкомитета с предложением преобразовать редакцию новостей ЛСТ в главную редакцию студии // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 598 (Переписка с Госкомитетом по радиовещанию и телевидению по производственному плану (изменение плана) за 1964 год).
2. *Ершов Ю. М.* Пространственная организация телевидения в контексте регионального развития // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2011. № 4. С. 87–100.
3. *Келли К.* Петербург. Тени прошлого. СПб.: Библиороссика ; Бостон: Academic Studies Press ; 2021. 735 с.
4. Переписка с Гос. комитетом по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР о творческой деятельности Студии // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 564.
5. Переписка с Государственным Комитетом по радиовещанию и телевидению // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 584.
6. Переписка с Государственным Комитетом по радиовещанию и телевидению. Приказы и распоряжения по планированию, относящиеся к деятельности студии телевидения за 1965 год // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 624.
7. Переписка с Государственным Комитетом при Совете министров СССР по радиовещанию и телевидению о творческой деятельности и о передачах студии телевидения // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-4. Д. 737.

8. Переписка с Комитетами, студиями страны по творческой деятельности студии за 1965 год // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 613.
9. Переписка с различными студиями страны по творческой деятельности // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 644.
10. Переписка с различными Комитетами и студиями телевидения страны о творческой деятельности // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 670.
11. Переписка с Центральным телевидением и Московским телецентром о творческой деятельности // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 671.
12. Переписка со студиями телевидения и областными комитетами по радиовещанию и телевидению по производственной деятельности // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 586.
13. Письмо заместителя председателя Госкомитета Совета министров Грузинской ССР А. Дзидзигури редактору обменной редакции ЛСТ // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 644.
14. Справки о работе учебного кабинета Ленинградской студии телевидения за 1964 год / В. М. Покорский // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 605.
15. Тематический план киносъемок и съемок с экрана кинескопа главных редакций Центрального телевидения на 1965 год // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-368. Оп. 1-3. Д. 607.

References

1. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (TSGALI SPb) (Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg), fund R-368, inventory 1-3, file 598. (In Russ.)
2. Ershov, YuM 2011, 'Prostranstvennaya organizatsiya televeshchaniya v kontekste regionalnogo razvitiya' (Spatial Organization of Television Broadcasting in the Context of Regional Development), Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, no. 4, pp. 87–100. (In Russ.)
3. Kelly, C 2021, Peterburg. Teni proshlogo (St Petersburg: Shadows of the Past), Bibliorossika publ, Academic Studies Press publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 564. (In Russ.)
5. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 584. (In Russ.)
6. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 624. (In Russ.)
7. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-4, file 737. (In Russ.)
8. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 613. (In Russ.)
9. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 644. (In Russ.)
10. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 670. (In Russ.)
11. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 671. (In Russ.)
12. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 586. (In Russ.)
13. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 644. (In Russ.)
14. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 605. (In Russ.)
15. TSGALI SPb, fund R-368, inventory 1-3, file 607. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.02.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 17.02.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 76–88.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 1 (21). P. 76–88.

Научная статья

УДК 39(571)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88>

«ТЕ, КОМУ НЕТ ПРЕПЯТСТВИЙ»: МАЯЧКИ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ЮГАНСКИХ ХАНТЫ

**Даниил Андреевич
Вигет**

Институт этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия, DanielWiget@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-3634-9880>

Аннотация. Ландшафт юганского бассейна постоянно меняется в ответ на разработку месторождений нефти в регионе, и эти изменения отражаются на взглядах юганских ханты, на их культуре в целом и, среди прочего, на их отношениях со сверхъестественными существами. Данные обстоятельства представляют богатое поле для анализа и позволяют поставить вопрос: «Как сдвиги в ландшафте отражаются на хантыйском сакральном мире, и как, в свою очередь, эти перемены отражаются на хантыйском культурном ландшафте вообще?». В рамках этой статьи рассматривается культурный ландшафт юганских ханты на основе анализа мифологических существ, известных как «маячки», отношения с которыми оказывают влияние на повседневные взаимодействия юганских ханты с их непосредственным окружением. Обсуждение и анализ в рамках этой статьи основаны на полевых материалах, собранных во время недавних экспедиций по реке Большой Юган в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, и на сравнительном изучении этого материала с исследованиями предыдущих авторов и собранными ими материалами. Стремительная разработка месторождений нефти в регионе и ее влияние на коренное хантыйское население и их культурный ландшафт подчеркивают актуальность данного исследования. Так, изучение хантыйского мира через призму собственного понимания юганскими ханты их взаимодействия со сверхъестественными существами и того, как эти взаимодействия формируют и меняют их окружающую среду, проливает свет на механизмы перемен культурного ландшафта и последствия этих перемен.

Ключевые слова: Восточные ханты, культурный ландшафт, угроведение, лиминальность, Юган, маячки.

Терминология: В данной работе взаимозаменяемо применяются восточно-хантыйский и русский термины: *илес кантлэх от* и *маячка*.

Для цитирования: Вигет Д. А. «Те, кому нет препятствий»: маячки в культурном ландшафте юганских ханты // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 76–88. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88>

Сведения об авторе: Д. А. Вигет – аспирант, стажер-исследователь отдела Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а.

Scientific Article
UDC 39(571)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88>

“THOSE WHO HAVE NO BARRIERS”: MAYACHKAS IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF THE YUGAN KHANTY

Daniel A. Wiget

Institute of Ethnology and Anthropology
named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS
Moscow, Russia, DanielWiget@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-3634-9880>

Abstract. The landscape of the Yugan basin is constantly changing in response to the development of oil fields in the region, and these changes are reflected in the views of the Khanty, their culture in general, and, among other things, their relationship with supernatural beings. These circumstances provide a rich field for analysis and allow us to bring up the question: "How do shifts in the landscape affect the Khanty sacral world, and how, in turn, do these changes affect the Khanty cultural landscape in general?" This article examines the cultural landscape of the Yugan Khanty based on the analysis of mythological creatures known as 'mayachkas', relationships with which influence the daily interactions of the Yugan Khanty with their immediate environment. The discussion and analysis in this article are based on field materials collected during recent expeditions along the Bolshoy Yugan River in the Surgut region of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, and on a comparative study of this material with the research of previous authors and the materials they collected. The rapid development of oil fields in the region and its impact on the indigenous Khanty population and their cultural landscape underline the relevance of this study. Thus, studying the Khanty world through the prism of the Yugan Khanty's own understanding of their interactions with supernatural beings and how these interactions shape and shift their environment sheds light on the mechanisms of cultural landscape changes and the consequences of these changes.

Keywords: Eastern Khanty, cultural landscape, Ugric studies, liminality, Yugan, mayachkas.

Terminology: In this work, the Khanty and Russian terms are used interchangeably: '*iles kantlakh ot'*' and '*mayachka*'.

For citation: Wiget, DA 2025, "“Those Who Have no Barriers”: Mayachkas in the Cultural Landscape of the Yugan Khanty", *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 76–88, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88> (in Russ.)

Information about the Author: Daniel A. Wiget – Postgraduate Student, Intern Researcher at the Department of North and Siberia, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS, 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia.

Введение

Мир юганских ханты всегда был наполнен сверхъестественными существами. Ханты делят с ними как свое жилое пространство, так и природу за его пределами. Боги и духи у ханты населяют ландшафтные элементы: они живут в деревьях, в воде, в камнях, на мысах, островах и высоких местах. Даже для тех ханты, кто на поверхности отрицает «божественность» этих сущностей, рационализирует их или списывает веру в них на невежество своих предков, они нередко присутствуют как часть культурного ландшафта – оставляют свой след в топонимике, священных местах, табуированных пространствах, с которыми в той или иной степени считается большинство юганских ханты. Этих существ ханты называют *лунки*. Выбираясь за пределы своих юрт, чтобы охотиться, заниматься собирательством, рыбачить и путешествовать, ханты должны взаимодействовать с *лунками*. Ханты приходится задабривать их, договариваться с ними, делить с ними своё пространство. Но помимо *лунков* хантыйский мир населяет еще несколько категорий существ, с которыми ханты вынуждены взаимодействовать. Эти существа считаются более опасными, менее расположенными к социальному контакту, к положительному взаимодействию с человеком. Так, А. С. Песикова передает речь своих респондентов – знатоков и исполнителей восточно-хантыйского песенного фольклора супруг Рынковых (рр. Пим-Тромъеган):

Значит так. Во времена божественные рядом с богами жили и плохие существа, не только одни божества. Об этом и в сказках говорится, и в песнях поётся. Например, ма́нkit, пурнэ, шопэр-вопэр, элэ́қ қәндә́х. ... Поллица-полурта существа, то есть шопэр-вопэр, с могуществом в сакральном мире могут сделать много плохого человеку, группе людей, человечеству в целом. Боги намного сильнее шопэр-вопэр, могут их (шопэр-вопэр) сакральное могущество уничтожить, а также физически истребить. Боги готовили пространство на земле для житья людей, заодно заботились о безопасности сакрального мира. Вот о чём рассказывают священные песни, священные сказания [ПМ А. С. Песиковой, Тромъеган, 2024].

Типологически мы можем отнести всех их к одной категории опасных существ, хотя мифологический материал содержит данные о различиях в их происхождении. Однако в рамках этой статьи мы остановимся на последнем существе из упомянутого выше пространного списка – на *йәлэ́қ қәндә́х*, или *илес кантлэ́х от*. Чаще всего в поле это название мне переводили как «те, кому нет препятствий». Обычно, чтобы не привлекать их внимание, ханты используют русское слово «маячки».

В данной статье будут рассмотрены взгляды юганских ханты на данный вид сверхъестественных существ, будет оценено влияние «маячек» на культурный ландшафт хантыйского населения на р. Большой Юган. Под культурным ландшафтом в данной статье подразумевается совокупность отражающихся на культуре взаимоотношений человека с окружающим миром, как физическим, так и метафизическим, через культурные убеждения и практики.

Юганские ханты в XXI в.

В рамках этой статьи рассматриваются некоторые формирующие элементы культурного ландшафта юганских ханты, одной из этнокультурных групп восточных ханты, проживающих в ХМАО-Югре за южным берегом Средней Оби в бассейне рек Большой и Малый Юган и на среднем и верхнем течениях Большого Салыма и Демьянки. Хантыйский мир крайне разнообразен, и восточные ханты тому пример. Быт, культура, диалект юганского кластера – ханты Большого Югана и Малого Югана – отличаются от ханты, живущих на северном берегу Оби. Эта этнокультурная группа ханты сохранила отдельную «юганскую» идентичность, участвуя в том, что часто называют «традиционной культурой» или «традиционным образом жизни», что означает поддержание и сохранение культурного ландшафта. Многие из них ведут «традиционный образ жизни», промышляют охотой, рыбной ловлей и собира-

тельством. Однако в последние 20 лет в жизнедеятельности коренного населения произошли крупные изменения.

С 1990-х годов нефтегазовое освоение в бассейне Большого Югана увеличилось в несколько раз. Там работают нефтедобывающие компании КонБайкал, Славнефть, Роснефть-Юганнефтегаз. По обе стороны Большого Югана выросло множество новых буровых установок и сопутствующей им инфраструктуры. Между Большим Юганом и г. Нефтеюганском теперь лежит широкая сеть дорог, как грунтовых, так и капитальных (асфальтированных и бетонных), а через сам Большой Юган переброшены два моста. Вдоль дорог раскинуты перевалочные пункты, пищевые точки, заправки и буровые вышки. Вокруг некоторых дожимных насосных станций (далее ДНС) выросли рабочие поселки со своей инфраструктурой, такие, как Пионерский. Если раньше ханты в основном взаимодействовали с нефтегазовыми компаниями по вопросам землеотвода, то теперь многие юганские ханты напрямую работают на добывающих предприятиях на разных ставках – большинство предпочитает вахтовую работу. На стойбищах в хозяйствах местных жителей появляются новые элементы, рассказывающие о более тесных контактах с нефтяниками.

Это стремительное развитие оказало глубокое влияние на окружающую среду юганских ханты. Разливы нефти и строительство, связанное с добычей нефти и газа, привели к загрязнению многих участков реки Большой Юган, часто лишая коренное население их основного круглогодичного источника пищи – рыбы, в то время как новые дороги и нефтяные скважины перенаправили движение диких оленей и лосей, лишив многие местные охотничьи угодья главного пищевого ресурса. Это, как отмечалось ранее, в сочетании с растущей доступностью автомобильных дорог, привело к тому, что все больше и больше ханты находят работу в местных нефтегазовых компаниях. Благодаря тому, что все больше местных жителей приобретают автомобили и, как следствие, получают возможность добраться до близлежащих городов, типичная карта движения юганского ханта изменилась. Если еще тридцать лет тому назад коренные жители, путешествуя по реке или по лесу, останавливались по обычаю в каждой встречной юрте и на каждом священном месте, теперь все чаще люди делают меньше остановок между различными стойбищами и в священных местах, большинство из которых расположены вдоль реки Большой Юган, вдали от любых дорог. То же самое можно сказать и об охотничьих тропах и ловушках, которые в настоящее время часто служат для разграничения семейной территории, а не являются сами по себе местами регулярного использования. Если раньше путешествия вверх и вниз по реке и поездки на охоту требовали таких остановок и взаимодействия с людьми, священными местами и сверхъестественными существами, что способствовало сохранению культурного ландшафта коренного населения с ориентирами и местами силы, то теперь традиционная среда обитания юганского ханта размывается, а культурный ландшафт меняется и адаптируется к новым реалиям.

Хантыйский культурный ландшафт

Верования ханты и их взаимоотношения с окружающим миром были хорошо задокументированы как в XX, так и в XXI в. В ранних, но по-прежнему актуальных фундаментальных работах, таких, как «Религия угорских народов» К. Ф. Карьялайнена [2], и в ряде масштабных работ российских этнографов, таких, как В. М. Кулемзин [3] и Н. В. Лукина [4], и в трудах современных иностранных исследователей, к примеру, П. Джордана [17; 18] и А. Лиите [19], были предприняты усилия определить, классифицировать и сконструировать метафизический мир ханты. Некоторые авторы старались представить картину мира обских угров в виде структурированной многоуровневой системы миров. Так, Ева Шмидт делила мироустройство хантыйской вселенной на три мира – Верхний, Средний, или Промежуточный, и Нижний, внутри которых все явления имели свое конкретное место [20]. Многие авторы, в

том числе вышеупомянутые К. Ф. Карьялайнен, В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, в своих работах выводили описательные системы концептуальных и региональных групп существ и местоположений без всеобъемлющей систематизации.

Стоит отметить, что по большей части исследования по ханты можно разбить на две категории – общие исследования (К. Ф. Карьялайнен, В. М. Кулемзин и пр.) и крупный пласт работ, опирающийся на материал по северным ханты. Из уже упомянутых авторов к таковым относится Ева Шмидт. Помимо этого, по сакральному пространству, обрядовости и мифологии северных ханты была проделана экстенсивная работа Т. А. Молдановым, Т. А. Молдановой, А. А. Гриневичем и др., но пространно-го современного анализа данной проблематики среди восточных ханты мало, что в очередной раз подчеркивает актуальность данной статьи.

Хантыйский ландшафт во многом отражает их космологию. Часто косвенно, довольно часто эксплицитно, как на макроуровне или региональном уровне, так и на местном уровне вплоть до домохозяйства. Как в случае с «полярными проявлениями» потусторонних миров, Верхнего и Нижнего, в обско-угорской картине мира, часто привязанными к местоположениям в физическом мире – таким, как стороны света, – метафизическое тоже становится частью среды обитания. Метафизическое опирается на культурный ландшафт и проявляет себя в нем, формируясь в результате взаимодействия людей с их физическим окружением. Божественные родословные пронизывают Средний мир и определяют отношение ханты к нему. Верховный бог Нуми Торум недоступен обычному человеку, но его семь сыновей и семь дочерей ответственны за разные аспекты жизни – рыболовство, охоту или владеют / представляют собой крупные реки, а уже их дети становятся / владеют притоками. От них ханты ведут свои родословные, и на эту сакральную систему наследия разные хантыйские роды ссылались, чтобы утвердить свое право землепользования на той или иной реке – притоке Оби [21, с. 105–112].

У живущих на стойбище ханты были свои домашние боги, также привязанные к вышеописанной родословной, а хантыйский ландшафт вокруг стойбищ был и есть для носителя хантыского «традиционного сознания» наполненным самостоятельными духами, *лунками*, выступающими в роли хранителей явлений или репрезентаций различных объектов и стихий – покровителей или жильцов конкретных точек в ландшафте, с которыми ханты должны вести диалог и взаимодействовать ради безопасного сосуществования. Чтобы рыба хорошо ловилась, нужно быть в хороших отношениях с местным водяным *лунком*, чтобы не встретить проблемы на охоте, не следует обижать лесных *лунков* на охотничьих угодьях.

Конечно, хоть ханты и участвуют в «традиционной культуре», она (культура) вовсе не статична, и резкие перемены, вызванные разработкой нефти в регионе, повлияли на жизнь ханты всеми возможными способами, независимо от того, придерживаются ханты «традиционного образа жизни» или нет. Тем не менее, как и все, что меняется в ответ на быстрое промышленное развитие, меняется и культурный ландшафт людей, проживающих на затронутой территории. Так, Т. Ингольд, обрисовывая свое понимание «онтологии обитания» утверждал, что люди «как другие существа, погружены в активное, практическое и постоянное взаимодействие с другими жителями обитаемого мира» [16, с. 42]. Сюда входят как естественные, так и сверхъестественные объекты и существа, взаимодействие между которыми во многом формирует вышеупомянутую онтологию и отражается на культурном ландшафте людей.

Вопрос изучения *маячек*, или *илес кантлэх от*, в хантыведческой литературе рассмотрен мало, однако некоторые авторы не только упоминали о них, но и затрагивали их в контексте своих работ. Исследователь А. С. Песикова разбивает сонм сверхъестественных существ у ханты на духов и божеств, где помещает *маячек* в ка-

тегорию «чертей» [6, с. 35]. А. А. Рудь в своих статьях, посвященных божествам и духам в мировоззрении ханты Сургутского Приобья, выделяет у сургутских ханты две категории сверхъестественных существ – божеств и духов, где в ряду последних находятся *маячки*. Автор опирается на свой объемный полевой материал со всего Сургутского Приобья и характеризует *маячек* как «злых духов» и «персонажей Нижнего Мира» [13, с. 212–123]. Они вредят людям и часто населяют «плохие места» и могут насылаться на людей в наказание от божеств или посредством порчи [15, с. 346]. В своей работе А. П. Зенько упоминает «*ичек-контак-от* или *илкондэвот*» и передает, что отсутствовали четкие представления о том, как они выглядят. А. П. Зенько представлял их восточнохантыйским вариантом *неперсонифицированных* злых духов, которых северные ханты и манси называют *куль* [1, с. 48–49].

Те, кому нет препятствия

Как отмечалось ранее, космология ханты включает в себя множество сверхъестественных действующих лиц – как богов и духов, имеющих имена и привязанных к концептуальным областям и элементам физического ландшафта, так и группы безымянных существ, отнесенных к различным типам местных духов. Большинство из них так или иначе были раскрыты в исследованиях, таких, как вышеупомянутые работы К. Ф. Карьялайнена и В. М. Кулемзина, в которых предпринимались попытки объяснить и систематизировать этих различных сверхъестественных существ хантыйского культурного пространства.

В данной статье это *илес кантлэх от*, чаще упоминаемые заимствованным русским словом и эвфемизмом *маячки*. Они редко затрагиваются в научной литературе, несмотря на то, что, по-видимому, определяют многие повседневные взаимодействия ханты со своим окружением: как внутри, так и за пределами жилища, во время поездок на охоту, ухода за детьми, рождения, смерти и похорон и т. д. Следует отметить, что под эвфемизмом «*маячка*» респонденты часто могут ссылаться на всё разнообразие злых и опасных духов, чтобы не называть их по имени. В этой работе термин «*маячка*» мы применяем конкретно к *илес кантлэх от*. Как упоминалось ранее, само название *илес кантлэх от* переводилось респондентами как «те, кому нет препятствий», и по имеющемуся полевому материалу можно утверждать, что название намекает на природу данных существ.

Эти *илес кантлэх от* являются ярким примером взаимодействия физического и метафизического. К. Ф. Карьялайнен упоминает о них вскользь, описывая их в одном случае как «кобольдов» [2, с. 221–222], а в другом – как «непостижимое, неосознаваемое существо сургутских остяков», которое, «будучи лесным духом, призраком, пугает людей своими криками и стуком» [2, с. 278]. В. М. Кулемзин, с другой стороны, последовательно описывает их как хтонических существ, гневных духов умерших, которые «лишены телесности» и могут подниматься на поверхность, чтобы утащить души живых или недавно умерших в Нижний мир [3, с. 130]. Присутствие в доме медвежьей головы и «упоминания» домашних духов могут отпугнуть их, и они могут быть отважены выстрелами, сделанными пулями, в которых просверлены отверстия. Обычные пули могут не сработать, потому что *маячки* могут сдуть их обратно [3, с. 143]. Сообщения о медвежьей голове здесь совпадают с материалами П. Джордана, утверждавшего, что медвежьи черепа пользуются особым вниманием, поскольку считается, что они могут каким-то образом защитить дом от злых духов [18, с. 31].

В работе Н. В. Лукиной «От Васюганья до Заполярья» описание включает детали, проливающие некоторый свет на природу *маячек*. В книге, которая представляет полевые записи 1960–1970-х гг. одного из крупнейших этнографов Западной Сибири и включает в себя целое собрание задокументированных интервью, *илес кантлэх от* и *маячки* упоминаются несколько раз. Респонденты описывают их как

«злых духов», которые служат Кын-ики, Подземному богу. Они приходят к человеку перед смертью, как и Кын-ики, «если человек увидит их, он скоро умрет», только шаманы могут безопасно взаимодействовать с *маячками*, «другие люди умерли бы немедленно», а *маячки* сейчас встречаются редко, потому что «шаманов стало меньше» [4, с. 108]. Респонденты заявили, что духи умерших – это зло, что они становятся *маячками* и пытаются украсть души людей, *илес*. Они также описывали различные способы защиты от *маячек* и различные ситуации, в которых такая защита может оказаться полезной. Один из них – *лунк*, вырезанный из кедра, который защитил бы охотника от *маячек* в дикой местности [4, с. 110]. Другие – это железо, огонь и материалы, связанные с огнем, такие, как спички, уголь и сажа, которые защищают детей в кроватке от *маячек*. Можно попросить огонь в очаге присмотреть за ребенком, при этом можно потереть нос ребенка сажеей, а в кроватке можно оставить железо [4, с. 134]. Огонь часто выполняет ограждающую функцию наравне с железом или даже лучше, чем железо. Это отмечают не только респонденты у Н. В. Лукиной, но и подтверждается материалами А. А. Рудя. Зброшенные стойбища, где, по мнению респондентов, селились *маячки*, очищались только в случае пожара, сжигавшего все постройки [14, с. 134].

Интересно сопоставить приведенные данные с материалами р. Вах (Нижневартовский р-н ХМАО-Югры). На Вахе также живут восточные ханты, которые рассказывают о существах, которых называют *потчаки*. Это маленькие бессмертные призраки. «Потчаки могут появляться из забытых в лесу детьми кукол, и они похожи на пухлоруких малышей – только жутких и внушающих безответный ужас. Преследуя людей, они настойчиво просят перевезти их на другой берег. На стремнине они с хохотом набрасываются на людей и сталкивают их в воду» [5, с. 133].

Данные позволяют подтвердить, что интересующий нас феномен связан с Нижним миром и представлениями о смерти. Сравнительные материалы с р. Вах подкрепляют эту идею, поскольку куклы (на Югане – *паки*) с древних времен считалисьместилищем душ умерших, и на Югане до сих пор *паки* изготавливают без лица, чтобы не навлечь гнев духов умерших [ПМ Э. Уигета и О. Балалаевой, Большой Юган и Малый Юган, лето 1995].

Полевые материалы

Информация, полученная из предыдущих источников, отчасти соответствует материалам, собранным во время моей экспедиции на р. Юган, и подкрепляет ранее собранные исследователями в этом поле материалы, представлявшие частичную картину рассматриваемого вопроса. Экспедиция была проведена в сентябре 2023 г., в ходе которой в течение полутора недель путешествия вниз по реке от стойбища к стойбищу было опрошено восемь респондентов. Целью экспедиции был сбор предварительной информации о социально-экономических сдвигах и изменениях в культурном ландшафте юганских ханты в связи с быстрым ростом добычи нефти в регионе. В ходе работы использовались полевые методы исследования: анкетирование, глубинные интервью и включенное наблюдение. Фиксация изменений в культурном ландшафте восточных ханты Большого Югана была достигнута посредством сравнительного анализа архивных данных экспедиций конца 90-х годов прошлого века Э. Уигета и О. Э. Балалаевой и данных, собранных во время нынешней полевой работы.

Не все респонденты были готовы обсуждать *маячек*, и сама тема часто считается запретной, потому что упоминание и особенно употребление хантыйских названий *маячек* может привлечь к респондентам нежелательное внимание. Однако табуированность обсуждения *маячек* существует далеко не везде. Большинство информантов с увлечением делятся своими историями. Мало кто называет *маячек илес кантлэх от*, боясь навлечь на себя зло и беду. Обращает на себя внимание тот факт,

что на отношение к маячкам влияет разница в возрасте опрашиваемых. Сказывается разница в поколениях. Старики меньше готовы общаться о маячках в принципе, а ханты среднего поколения говорить готовы, но к «настоящему имени» относятся аккуратно, стараются лишний раз не называть. И все же, что выделяет феномен маячек среди других опытов сверхъестественного, описанных в интервью, так это то, что каждый информант знал быличку-другую, связанную с маячками. Большинство из информантов могли либо поделиться историей о маячках, слышанной от других людей, либо личным опытом, связанным с маячками. Былички рассказывали даже в тех случаях, когда информант опасался привлечь внимание маячек, «позвать» их. Очень заметное присутствие в устной традиции, повседневной жизни ханты определяет их влияние на хантыйский культурный ландшафт, делает маячки важным объектом изучения и маркером культурных изменений.

Ниже приведены шесть отчетов, сведенных и интерпретированных автором из записей интервью юганских ханты во время экспедиции в сентябре 2023 г., предоставляющих подробную информацию о маячках в контексте более широких тем, имеющих отношение к культурным ценностям. Респонденты анонимизированы по их желанию.

ЛС. *Маячки* – призраки, не привязаны к домам. Подчиняются и считаются слугами *Пыхт-ики*, подземного бога, чей цвет – черный. Они могут быть как свободно перемещающимися, так и привязанными к конкретным элементам ландшафта. Часто селятся в заброшенных домах. Маячки принимают много форм – от привидений до звуков ветра, одна из друзей ЛС видела маячку в форме черного пса. У них нет тени. *Маячки* часто зовутся «*йипых*», что на хантыйском означает страх, пугало. Ханты предпочитают называть их подобными эвфемизмами или *маячка*, чтобы злой дух не обратил внимания на того, кто их помянул [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

ИП. *Маячки* – это призраки, появляющиеся в результате психологических травм или являющиеся отражением подобных травм. Кто-то их видит, кто-то не видит. Они есть что-то земное, но не *лунк*. Появляются в заброшенных домах. Они ассоциируются с идеей «*йипых*». Когда медведь приходит в стойбище и вредит, то это не медведь, а *маячка* в шкуре медведя [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

ВУ. *Маячки* могут как навредить, так и помочь. Однажды, когда опрашиваемый выпивал со своими друзьями, один из них заблудился в лесу. Группа *маячек* разбудила его и погнала обратно по тропинке домой. Они также могут появляться в результате чьей-либо смерти. Шаманы могут ими управлять. Когда две ветви семьи ссорились, шаманы одной из ветвей вызывали *маячку* в виде собаки разных цветов – черного, белого и желтого – чтобы она служила им в течение трех «столетий», то есть трех поколений, причем собеседник принадлежал к последнему поколению [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

ЕМ. *Маячки* – это пугала, привидения. Они бывают разной формы. Увидеть *маячку* – это не к добру, так же, как и не к добру услышать ночью крик ворона. Возможно, нехорошие птицы – те же *маячки* в птичьем облике. Шаманы их призывали, насылали порчу и гадали. Однако они не всегда вредят. Так, человек зимой в урмане заснуть на холоде может, а *маячка* его разбудит и так спасет от смерти на морозе [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

АК. *Маячки* – это пугала, испуг. Они принимают разную форму. *Маячка* селится в заброшенных домах и тех зданиях, что давно не используются. К месту привязываются. Могут подчиняться и исполнять волю богов – так у *Яун-ики* есть черный пес, которого он отправляет на дела разные [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

ЯК. *Маячки* – это нечисть. Они способны принимать различный облик. Их держит везде Торум и спускает на людей, когда их наказать или отвадить надо. (Здесь респондент приводит сказку о старом охотнике, достойную отдельной статьи, где на пути охотника маячки в форме кукушек и других «плохих» птиц пытаются по воле Торума остановить охотника от его ошибочного пути). У *маячек* нет тени. Чаще они попадают ночью. Возможно, иногда это души умерших [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

Эти рассказы хорошо согласуются с материалами, собранными в ходе предыдущих экспедиций среди восточных ханты, в одной из которых были задокументированы сходные концепции и восприятие взаимодействия хантыйского населения с «маячками», что перекликается с нарративом о «заброшенном доме, населенном духами». Использованные ниже примеры взяты из интервью, записанных во время экспедиций в 1994 году на Тромъеган и в 2010 гг. – на Большой Юган Э. Уигетом и О. Е. Балалаевой, первые два из которых были пересказаны в их книге «Ханты: народ тайги».

ИС. В 1994 году нам сообщили о случае присутствия духов на реке Тромеган. Молодая пара жила со своими престарелыми родителями в новом доме. Затем родители переехали жить к другому сыну, а через некоторое время они оба умерли и были похоронены там. Затем молодые люди по какой-то причине покинули свой новый дом, и место оказалось пустым. Затем друг молодой пары, не зная, что там никого нет, прилетел туда на вертолете. Когда он подошел к той стороне дома, где раньше жили родители, то увидел, как пожилая женщина в хантыйском женском платье встала, молча прошла мимо него и исчезла за грудой поленьев возле печи. Друг сказал молодой паре, чтобы, когда они вернутся, они могли принести в дом голову медведя и богов, чтобы очистить его, и все это произошло из-за того, что родители были похоронены не в том месте. Хотя этиология присутствия духов и способы изгнания нечистой силы в этом случае отличались от предыдущих, в памятке ясно указывается на связь духов умерших с холодным очагом и запасом дров.

Когда ИС и его семья уехали из дома, чтобы порыбачить на Обь, и вернулись через месяц, его отец открыл входную дверь, затем обошел дом сзади и несколько раз ударил топором по внешней стороне задней стены, приговаривая: «Хозяева вернулись». Это было сделано для того, чтобы изгнать духов-оккупантов за дверь, из дома [21, с. 97–98].

ВК (р. Малый Юган). Когда респондент был ребенком, отец взял его с собой на охоту. Заночевали на высоком берегу на открытом месте. Ночью ВК проснулся и увидел, что рядом горит костер без дыма, а вокруг молча сидят три мужика. Мальчик испугался, закрыл глаза, прикинулся спящим, а затем и вправду заснул. Утром рассказал отцу о происшедшем. Отец открыл ему, что заночевали они по необходимости на «нехорошем» месте, и мальчик видел *илес кантлэх*, которые тут появляются [ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой, Большой Юган и Малый Юган, лето 1995].

Для сравнения приведем момент из еще одного интервью, записанного О. Балалаевой и Э. Уигетом в 1998 г. на реке Ай-Пим.

СК. Респондент рассказывал, что заночевал в лесу, проснулся ночью, и увидел, что над ним стоит существо в чем-то белом. Оно постояло над ним и ушло, не причинив вреда. Информант рассказывал, что это была не первая его встреча с маячками [ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой, Ай-Пим, лето 1998].

Маячки и Нижний мир

Как было отмечено ранее, в третьем томе работы Н. В. Лукиной «от Ханты Васьюгана до Заполярья» респонденты сообщают, что традиционно от *маячек* применялись обереги – железные предметы, которыми огораживали детей, и образы-лунки, которые на охоте должны были защитить охотника от *маячек*. Пламя также должно было защитить от *маячек*. Это мог быть как в огонь в домашнем очаге, которому нашептывали заговор, так и ассоциативные обереги. Так, ребенку могли мазать лицо сажей или положить в люльку уголь или спичку. Всё это подчеркивает связь *илес кантлэх от* с Нижним миром в мировоззрении ханты и с Пыхт-ики, Нижним богом. Среди восточных ханты широко распространено мнение, что Пыхт-ики заключен в Нижнем мире в саркофаге, сделанном из железа, – это напрямую наводит на мысль о том, что маячки, являющиеся слугами Подземного Бога, также могут быть отважены железом. В одной истории, рассказанной тромъеганским хантом, говорилось, что разработка нефтяных месторождений в регионе постепенно разрушает тюрьму Подземного бога, что нефтяные буры пробивают отверстия в железном саркофаге, в котором находится Пыхт-ики. Когда бурение нефтяных скважин достигнет своего апогея, Подземный Бог освободится и посеет хаос среди тех, кто нанес ущерб

земле [17]. Эта история идет рука об руку с современными интервью на Большом Югане, в которых описываются сверхъестественные явления, связанные с разработкой месторождений нефти, такие, как несчастные случаи и смерти, часто связанные с «плохими» местами или местами с привидениями. Тогда можно считать, что опрошенные в этих историях подразумевали *маячки* как причину, не упоминая их напрямую.

Как из материалов моих экспедиций, так и из предыдущих работ, можно сделать вывод, что маячки считаются существами Нижнего мира, которые поднимаются из него, чтобы угрожать людям в том или ином качестве, занимать места, представляющие опасность для людей, или вызываются для различных целей, обычно связанных с причинением вреда или с преподнесением уроков людям, которые перешли границы социальных норм. Охотникам нужно защищаться от них в дикой природе, тем более новорожденным детям, у которых «нет зубов» и которые еще не могут видеть других, но уже обладают душой. Те, кто не знает или не может понять культурных границ хантыйского мира, также могут стать мишенью маячек, как нефтяники, которые могут неосознанно пересекать невидимые границы или заходить в «плохие места» и подвергать себя опасности. Например, один информатор утверждал, что нефтяники пытались скрыть холм, который мешал строительству дорог. Местные жители считали этот холм «плохим местом». Нефтяники трижды пытались его выкопать, что привело сначала к незначительным авариям, а затем к разрушению оборудования и тяжелым травмам рабочих [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

Это также подчеркивает перемены в физическом ландшафте. Маячки играют роль в формировании культурного ландшафта хантыйского населения, при этом данный процесс прямо сейчас претерпевает серьезные изменения. Так, на Тромъегане сообщалось, что при смерти человека в хантыйском доме семья должна проломить крышу и как можно скорее из дома переехать, чтобы не навлечь на себя беду. Дом, где умер человек, становится «плохим местом» и забрасывается [ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой, Тромъеган, лето 1994]. Маячки же по поверьям часто селятся в заброшенных домах. Юганские ханты же считают, что в старых домах на стойбище, где никто не живет, нужно почаще разжигать очаг и для чего-либо их использовать, как раз-таки, чтобы там не поселились маячки. Так, Э. Уигет и О. Балалаева передают в своей книге слова П. В. Курломкина, хранителя традиционного знания и ведущего фольклорного исполнителя на Большом Югане, о случае, когда человек умер дома один.

Люди нашли его, подобрали и похоронили. Никто не должен жить в таких домах. Такие дома даже сжигают, если человек был там один [в момент смерти]. Если они были вдвоем, и она умирает, а он ничего не может сделать, и он оставляет ее без огня или чего-либо еще, и он может отсутствовать долгое время, в таком доме тоже никто не живет. Они сносят бревенчатые стены или сжигают его. Говорят, что мертвое тело находилось там без огня. Без огня, без людей, мертвое тело оставалось там. Тогда там собирались духи и жили там. Это плохие дома. В таких домах никто не живет [например, когда муж и жена живут вместе, и один умирает, пока другой в отъезде]. Нехорошо оставлять мертвое тело в одиночестве [в доме], но если вы вынесете его [из дома], ничего плохого не случится. Если мертвое тело пролежало там день или два, в таких домах никто не живет. Даже родственники никогда не живут в таких домах. Говорят, в такие дома заходят злые духи. Заброшенный дом они оставляют таким, какой он есть, но в ранее упомянутом случае [когда в нем поселились духи] его нужно разобрать по бревнышку или сжечь. Если кто-то придет, он может испугаться или что-то случится с его головой. Он станет глупым, сумасшедшим. Если кто-то останется там на ночь или захочет там пожить, он может лишиться жизни [21, с. 97].

Скорее всего, эти два поверья связаны, так как в обоих случаях смерть привлекает маячку, и эта проблема требует решения – переселением или очищением места.

Это убеждение подтверждается как вышеупомянутыми исследованиями, так и материалами, собранными мной. Однако и концепция заброшенности домов быстро исчезает, поскольку разработка месторождений нефти и новые источники дохода побуждали многие семьи ханты построить постоянное «современное» жилье на стойбище. Это также приводит к тому, что различные сверхъестественные существа, важные для повседневной жизни ханты, вытесняются в новые пространства и окружающую среду, что ведет к изменению культурного ландшафта и взаимодействию с ним ханты и их восприятию.

Таким образом, маячки заполняют и формируют элементы культурного ландшафта, соединяя видимый Средний мир, земной, и Подземный миры, давая название, если не лицо, беспокойствам людей, живущих в пределах хантыйского культурного ландшафта. Можно сказать, что маячки представляют собой транзитный, или лиминальный, элемент ландшафта, и отражают так переходные пространства – опасность урмана, места между жизнью и смертью, человеком заброшенные дома и стойбища. Ввиду расширяющейся разработки нефтяных месторождений и заполнения Юганской тайги нефтяной инфраструктурой привычные хантыйскому миру пространства – домашние, сакральные, охотничьи – заменяются пространствами переходными. И для юганских ханты эти пространства вслед заполняются маячками. Традиционная среда юганских ханты меняется, культурный ландшафт трансформируется, приспособляясь к новым реалиям.

Список источников и литературы

1. Зенько А. П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: структура и вариативность. Новосибирск: Наука, 1997. 160 с.
2. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов в 3 т. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. 2. 282 с.
3. Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях Хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 190 с.
4. Лукина Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 3: Юган. Томск: ТГПУ, 2009–2010. 295 с.
5. Маранин И., Тихонов. А. Тайны Оби и легенды Иртыша. Мифы, легенды и байки с берегов больших и малых рек Западной Сибири. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2024. 273 с.
6. Песикова А. С. Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 98 с.
7. ПМ А. С. Песиковой. Тромъеган, 2024.
8. ПМ Д. А. Вигета. Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023.
9. ПМ Д. А. Вигета. Большой Юган, сентябрь-октябрь 2024.
10. ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой. Ай-Пим, лето 1998.
11. ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой. Большой Юган и Малый Юган, лето 1995.
12. ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой. Тромъеган, лето 1994.
13. Рудь А. А. Божества и духи в представлениях хантов Сургутского Приобья (по материалам 2002–2017 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 210–219.
14. Рудь А. А. Пожары в культуре восточных хантов: современные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 128–136.
15. Рудь А. А. Сведения об антропоморфных изображениях на деревьях в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. 9. С. 339–354.
16. Ingold T. The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling & skill. New York: Routledge, 2000. 480 p.
17. Jordan P. Cultural Landscapes in Colonial Siberia: Khanty Settlements of the Sacred, the Living and the Dead // Landscapes. 2001. № 2 (2). P. 83–105.

18. Jordan P. Ideology, Material Culture and Khanty Ritual Landscapes in Western Siberia // *Ethnoarchaeology and Hunter-gatherers: Pictures at an Exhibition* / ed. K. J. Fewster, M. Zvelebil. Oxford: British Archaeological Reports, 2001. P. 25–42. (BAR International Series 955).
19. Leete A. Landscape and Gods Among the Khanty // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2017. № 11. P. 19–38.
20. Schmidt É. Bear cult and mythology of the northern Ob-Ugrians // *Uralic Mythology and Folklore* / ed. M. Hoppál, J. Pentikäinen. Budapest: Ethnographic Institute of the Hungarian Academy of Sciences ; Helsinki: Finnish Literature Society, 1989. P. 35–112.
21. Wiget A., Balalaeva O. Khanty, People of the Taiga: Surviving the 20th Century. University Press of Colorado, 2011. 415 p.

References

1. Zen'ko, AP 1997, *Predstavleniya o sverkhestestvennom v traditsionnom mirovozzrenii ob-skikh ugrov: struktura i variativnost'* (Representations of the supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugrians: structure and variability), Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
2. Karyalaynen, KF 1994, *Religiya yugorskikh narodov T. I-II. Perevod s nemetskogo i publikatsiya d-ra ist. nauk N.V. Lukinoy* (Religion of the Ugric Peoples), Vol. I-II, transl. NV Lukina, Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ., Tomsk. (In Russ.)
3. Kulemzin, VM 1984, *Chelovek i priroda v verovaniyakh Khantov* [Man and nature in the beliefs of the Khanty], Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ. Tomsk. (In Russ.)
4. Lukina, NV 2009–2010, *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii* (Khanty from Vasyugan to the Arctic. Sources on ethnography), Vol. 3, Yugan (Yugan), TGPU publ, Tomsk. (In Russ.)
5. Maranin, I & Tihonov, A 2024, *Tayny Obi i legendy Irtysha. Mify, legendy i bayki s beregov bolshikh i malykh rek Zapadnoy Sibiri* (The Secrets of the Ob and the Legends of the Irtysh. Myths, legends and tales from the shores of large and small rivers of Western Siberia), Svinin i synovia publ, Novosibirsk. (In Russ.)
6. Pesikova, AS 2006, *Vzglyad iznutri kultury* (A look from inside the culture), Poligrafist publ, Khanty-Mansiysk. (In Russ.)
7. *Field materials by A. S. Pesikova*, Tromyegan, 2024. (In Russ.)
8. *Field materials by D. A. Wiget*, Bolshoy Yugan, September-October 2023. (In Russ.)
9. *Field materials by D. A. Wiget*, Bolshoy Yugan, September-October 2024. (In Russ.)
10. *Field materials by A. Wiget and O. E. Balalaeva*, Ay-Pim, summer 1998. (In Russ.)
11. *Field materials by A. Wiget and O. E. Balalaeva*, Bolshoy Yugan and Maly Yugan, summer 1995. (In Russ.)
12. *Field materials by A. Wiget and O. E. Balalaeva*, Tromyegan, summer 1994. (In Russ.)
13. Rud, AA 2023, 'Bozhestva i dukhi v predstavleniyakh khantov Surgutskogo Priobya (po materialam 2002–2017 gg.)' (Deities and spirits in the representations of the Khanty of the Surgut region (based on materials from 2002–2017)), *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (63), pp. 210–219. (In Russ.)
14. Rud, AA 2018, 'Pozhary v kulture vostochnykh khantov: sovremennyye aspekty' (Fires in the culture of the Eastern Khanty: modern aspects) *VAAE*, no. 2 (41), pp. 128–136. (In Russ.)
15. Rud, AA 2011, 'Svedeniya ob antropomorfnykh izobrazheniyakh na derevyakh v Surgutskom Priobie' (Information on anthropomorphic images on trees in the Surgut Ob region), *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo*, Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk–Khanty-Mansiysk, no. 9, pp. 339–354. (In Russ.)
16. Ingold, T 2000, *The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling & skill*. Routledge, New York.
17. Jordan, P 2001, 'Cultural Landscapes in Colonial Siberia: Khanty Settlements of the Sacred, the Living and the Dead', *Landscapes*, no. 2, pp. 83–105.
18. Jordan, P 2001, 'Ideology, Material Culture and Khanty Ritual Landscapes in Western Siberia', in KJ Fewster & M Zvelebil (eds), *Ethnoarchaeology and Hunter-gatherers: Pictures at an Exhibition*. BAR International Series 955. Hadrian Books Ltd., Oxford, Pp. 25–42.

19. Leete, A 2017, 'Landscape and Gods Among the Khanty', *Journal of Ethnology and Folkloristics*, no. 11, pp. 19–38.
20. Schmidt, É 1989, 'Bear cult and mythology of the northern Ob-Ugrians', in Mihály Hoppál & Juha Pentikäinen (eds), *Uralic Mythology and Folklore*, pp. 35–112.
21. Wiget, A & Balalaeva, O 2011, *Khanty, People of the Taiga: Surviving the 20th Century*, University Press of Colorado.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2025
Одобрена после рецензирования: 15.02.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 15.01.2025
Approved after reviewing: 15.02.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

КОНЦЕПТ «СЕВЕР» И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ МУРМАНСКА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

**Анастасия Вячеславовна
Коренева¹**

**Инна Витальевна
Рыжкова²**

¹ Мурманский арктический университет
Мурманск, Россия, korenevaanast@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4901-4927>

² Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия, innaryzhkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3372-020X>

Аннотация. Статья посвящена изучению языковой репрезентации концепта «Север». Обосновывается его значимость в языковой картине мира носителей русского языка, обусловленная тем, что Север России представляет собой уникальное культурное пространство, хранилище живых народных традиций, памятников народного творчества. Дается краткая характеристика лингвистических исследований концепта «Север», который наряду с другими концептами и микроконцептами входит в концептосферу арктического дискурса. В статье подробно описываются результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного авторами среди обучающихся Мурманского арктического университета и Российского государственного университета им. Герцена. Характеризуется образ Севера в языковом сознании современных российских студентов, полученный путем обобщения словесных реакций на стимулы «Север», «Арктика», «северянин». Результаты эксперимента показали, что в восприятии концептов «Арктика» и «Север» у студентов обоих вузов доминируют ассоциации, связанные с природно-климатическими условиями. Однако позиция студентов Санкт-Петербурга по отношению к Северу сродни позиции «внешнего наблюдателя», тогда как мурманские студенты ощущают себя частью Севера, отсюда богатство и разнообразие ассоциаций, передающих отдельные реалии северной природы, животного и растительного мира. Отношение к Северу мурманских студентов более эмоционально: возникают оценочные прилагательные, отражающие антонимические ряды («холодный» – «теплый», «родной» – «далекий», «опасный» – «добрый» и др.); появляются и ассоциации, которые можно отнести к слоту «Связь с родиной, размышления о судьбе Севера». Весьма значительна разница в восприятии студентами двух вузов микроконцепта «северянин». При характеристике северянина как жителя определенной местности у студентов Санкт-Петербурга первичны ассоциации, связанные с национальностью, профессией, внешностью. Для большинства мурманских студентов северянин – это, прежде всего, человек, обладающий прекрасными чертами характера и высокими моральными качествами. В ассоциативном поле отражена связь с малой Родиной, проявление этнической идентичности – идентичности северянина: «родной», «близкий человек», «один из нас», «я».

Ключевые слова: Север, Арктика, концепт, концептосфера арктического дискурса, ассоциативный эксперимент.

Для цитирования: Коренева А. В., Рыжкова И. В. Концепт «Север» и его восприятие российскими студентами (на примере обучающихся Мурманска и Санкт-Петербурга) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 89–100. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-89-100>

Сведения об авторах: А. В. Коренева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры филологии, межкультурной коммуникации и журналистики, Мурманский арктический университет, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Спортивная, 13;

И. В. Рыжкова – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, 48.

Scientific Article

UDC 81.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-89-100>

THE CONCEPT OF THE NORTH AND ITS PERCEPTION BY RUSSIAN STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF STUDENTS FROM MURMANSK AND ST. PETERSBURG)

Anastasia V. Koreneva ¹

Inna V. Ryzhkova ²

¹ Murmansk Arctic University

Murmansk, Russia, korenevaanast@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4901-4927>

² Herzen State Pedagogical University of Russia

St. Petersburg, Russia, innaryzhkova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3372-020X>

Abstract. The article studies linguistic representation of the North concept. The authors present an argument for its significance in the linguistic picture of the world of Russian speakers, due to the fact that the Russian North is a unique cultural space, a repository of living folk traditions and monuments of folk art. The article gives a brief characteristic of linguistic studies of the North concept, which, along with other concepts and micro-concepts make up the conceptsphere of Arctic discourse. The article describes in detail the results of a free associative experiment conducted by the authors among the students of Murmansk Arctic University and The Herzen State Pedagogical University of Russia. The article characterizes the image of the North in the linguistic consciousness of modern Russian students, obtained by generalizing verbal reactions to the words 'North', 'Arctic', 'Northerner'. The authors reveal similarities and differences in the essential characteristics of the North proposed by the respondents of these universities. According to the results of the experiment, students of both universities most often associate the concepts 'Arctic' and 'North' with natural and climatic conditions. However, the students of St. Petersburg are in the position of an 'external observer' in relation to the North, while Murmansk students feel themselves a part of the North. Therefore, they have rich and diverse associations that convey certain realities of northern nature, fauna and flora. The attitude of Murmansk students to the North is more emotional: there are evaluative adjectives reflecting antonymic series ('cold' - 'warm', 'native' - 'distant', 'dangerous' - 'kind', etc.). There are also associations related to the homeland, reflections on the fate of the North. The difference in the perception of the microconcept of the northerner by the students of the two universities is quite significant. When characterizing a northerner as a resident of a certain area, the primary associations are those related to nationality, profession, and appearance. The associative series also reflects the stereotypical perception of a northerner as a person who lives by labour and is immersed in work. For the majority of Murmansk students, a northerner is, first of all, a person with excellent character traits and high moral qualities. The associative field reflects the connection with the small Motherland, the manifestation of ethnic identity - the identity of a northerner: 'native', 'close person', 'one of us', 'me'. The other indicators are not significant and rare.

Keywords: North, Arctic, concept, conceptsphere of the Arctic discourse, associative experiment.

For citation: Koreneva, AV & Ryzhkova, IV 2025, 'The Concept of the North and Its Perception by Russian Students (On the Example of Students from Murmansk and St. Petersburg)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 89–100, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-89-100> (in Russ.)

Information about the Authors: Anastasia V. Koreneva – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Intercultural Communication and Journalism, Murmansk Arctic University, 13, Sportivnaya Str., Murmansk, 183010, Russia;

Inna V. Ryzhkova – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Educational Technologies in Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moyka River Emb., St. Petersburg, 191186, Russia.

Введение

В последние десятилетия в сфере лингвистики актуализировались вопросы изучения языковой репрезентации концепта «Север», который представляет собой «совокупность значений, понятий, ассоциаций, возникающих у современной русской языковой личности в процессе осмысления явлений, связанных с Севером России, Сибири и Дальним Востоком» [9, с. 215]. Концепт «Север» является значимым элементом концептосферы русского языка в связи с тем, что, как справедливо отмечает М. Н. Крылова, «Север России в современной культурологии, этнографии, филологии трактуется гораздо шире, чем просто географическое или административное понятие. Это явление историко-культурное, своеобразный этнографический заповедник, хранилище живых народных культурно-бытовых традиций, письменных, устных и вещественных памятников народного творчества» [9, с. 216].

Концепт «Север» достаточно активно исследуется российскими учеными. Рассматриваются вопросы его языковой репрезентации в художественной литературе [4; 12; 13]; раскрывается место концепта «Север» и микроконцептов, составляющих его структуру, в языковой картине мира носителей русского языка [3; 7; 8; 9] и других языков Российской Федерации [5; 10; 14]; описывается его значение в формировании духовно-интеллектуального пространства Арктики [15].

В последние годы появляется достаточно много исследований [1; 2; 6; 11], где характеризуется более широкое образование – концепт «северность». Оно вбирает в себя концепты «Север» / «Арктика» и может, по мнению ряда ученых, считаться эквивалентным термину «концептосфера арктического дискурса» («совокупность концептов и образов в арктическом дискурсе, посвященном репрезентации Арктики как геополитического и геокультурного пространства» [11, с. 119]).

Предметом нашего исследования является образ Севера в языковом сознании российских студентов, описанный на основе обобщения словесных реакций, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента.

Материалы и методы

Ассоциативный эксперимент был проведен среди обучающихся Мурманского арктического университета (МАУ) и Российского государственного педагогического университета им. Герцена.

В Мурманском арктическом университете в эксперименте приняли участие 53 человека. Респонденты – студенты II–V курсов по профилю подготовки «Русский язык. Литература». Гендерный состав: 7 % – юноши; 93 % – девушки. Возраст 19–22 года.

В РГПУ им. А. И. Герцена в эксперименте приняли участие 56 человек. Респонденты – студенты III курса филологического факультета. Гендерный состав: 10 % – юноши; 90 % – девушки. Возраст 19–21 год.

В ходе эксперимента исследовались ассоциации не только к концепту «Север», но и к концепту «Арктика». Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой слова «Север» и «Арктика», а также номинируемые ими в русском языке концепты строго не разграничиваются [11]. Вместе с тем они не являются эквивалентными. Лексема «Север» имеет больше значений, чем лексема «Арктика» (см. табл. 1), и поэтому гипотетически может вызвать у носителей языка более разнообразные ассоциации.

В перечень стимулов был включен также микроконцепт «северянин». Такое включение связано с тем, что согласно результатам проведенных ранее исследований большая часть реакций на стимул «Север» традиционно относится к природным явлениям и объектам, а не к людям. Ассоциации, связанные с качествами северян, крайне немногочисленны; названия этнических групп – ханты, якуты, эвенки, коряки – возникают редко [7; 13]. Нам же было важно выяснить, как информанты вос-

принимают не только Север, но и людей, живущих на этой территории, каково их личностное отношение к проблеме «Человек и Север», ощущают ли они (имеются в виду обучающиеся МАУ) принадлежность к «общности северян» и т. п.

Информантам предлагалось написать реакции к перечисленным выше словесным стимулам. Количество реакций не ограничивалось. Не было ограничений и в выборе языковых средств: можно было отвечать не только словами и словосочетаниями, но и полноценными высказываниями.

Таблица 1

Основные значения лексем «Север» и «Арктика»

Север	Арктика
одна из четырех сторон света, противоположная Югу	северная полярная область земного шара
направление, противоположное южному	
местность, часть страны, материка, расположенная в этом направлении	
территория, местность, которая расположена в зоне холодного климата	
полярная область земного шара	

Результаты

Опишем данные, представленные информантами в ходе проведения ассоциативного эксперимента.

I. Ассоциации студентов РГПУ им. А. И. Герцена.

1. Ассоциативное поле «Арктика».

Наиболее частотные ассоциации отражены в лексемах «холод», «медведь», «пингвин», «лед», «снег». Такие ассоциации первичны в 60 % ответов респондентов. В работах 20 % респондентов встречаются ассоциации, передающие расстояние: «далеко». Цветовая гамма, выраженная в использовании имен прилагательных, отражена в 10 % реакций: «синий», «синева», «белый», «белоснежный». Единичны географические названия (Антарктика, Мурманск, Антарктида), а также реакции, отражающие исследование границ Арктики: «экспедиция», «наука», «институт», «университет», «ученый» (около 5 % респондентов).

2. Ассоциативное поле «Север».

Реакции респондентов более развернуты, повторы редки. Наиболее частотна антонимическая пара: «Север–Юг» (30 % респондентов); «холод» (25 % реакций); «белый» (20 % реакций); «темно» (15 % реакций); «зима», «лед» (10 % реакций).

Единичные ассоциации включали в себя географические названия: Мурманск, Санкт-Петербург, Россия. Отдельные ассоциации связаны с аттракциями Санкт-Петербурга: кафе «Север–Метрополь», Институт Арктики и Антарктики. В ряде работ встречались ассоциации, обозначающие коренные малочисленные народы Севера: «эскимосы», «эвенки». Встретилось отражение в ассоциативном поле песенного ряда: «Ориентация – Север». В 10 % реакций отражены реалии Севера: «северное сияние», «полярная ночь». Единичны реакции, отражающие связь с домом («Родина», «дом») или передающие специфику жизни на севере: «вахта», «вахтовый метод».

3. Ассоциативное поле «северянин».

70 % респондентов дали ассоциацию: «Игорь», «поэт», «писатель», «литература», «книги», «авангард», «программа по литературе». 40 % реакций отразили предметы теплой одежды: «шуба», «свитер из шерсти», «носки», «пуховик». Этнические группы населения возникли в 30 % реакций: «якут», «ненцы», «эскимос». Тематической группой «труд», «работа» связаны 40 % ассоциаций: «работник», «охота», «труд», «промышленность», «занятость». В единичных работах отражены: переживание эмоциональных состояний (одиночество, «холод в душе», «страх»), описание деталей портрета с использованием эпитета «красный» («красное лицо», «красные руки»). В ответе одного информанта встретилась ассоциация: «добрая душа».

II. Ассоциации студентов МАУ

1. Ассоциативное поле «Арктика».

Наиболее частотны ассоциации, отражающие климатические условия: «северное сияние», «холод», «лед», «снег», «мороз», «метель», «холод», «темнота», «полярная ночь», «полярный день». Такие ассоциации первичны в 90 % ответов респондентов. Достаточно часто появляются ассоциации, связанные с водными просторами: «море», «океан», «корабли», «залив» (70 %). Частотны и ассоциации, связанные с животными: «медведи», «тюлени», «киты», «морж», «пингвины», «рыба» (65 %). Географические названия встречаются в 40 % ответов: Мурманск, Гольфстрим, Териберка, Шпицберген, Баренцево море. Примерно столько же респондентов предложили слова, отражающие местоположение: «арктическая зона», «земля», «форпост России», «крайний мир», «край».

В 30 % ответов появились слова «гостиница» и «ледокол», что обусловлено наличием в Мурманске таких знаковых объектов, как гостиница «Арктика» (сейчас «Азимут») и ледокол «Арктика».

Единичные реакции отражают связь восприятия Арктики с ее изучением: «МАУ», «наука», «исследование», «университет», «арктический университет» (менее 5 % респондентов). В одной работе появилась ассоциация «туризм».

2. Ассоциативное поле «Север».

Реакции респондентов более развернутые и разнообразные, но вместе с тем повторяющиеся. Как и в случае с Арктикой, чаще всего появлялись ассоциации, отражающие климатические условия: «холод», «мороз» (96 %), «зима» (90 %), «снег», «снегопад» (85 %), «северное сияние» (65 %). Нередко встречались ассоциации, связанные с особенностями рельефа («сопки», «скалы» – 45 %), с растительным миром («мох», «ягоды», «клюква», «морошка» – 40 %), с едой («оленина», «рыба», «морепродукты» – 25 %). Географические названия (Мурманск, Териберка, Мурманская область, Северный ледовитый океан, Мурманская область, Гиперборея) встретились в 40 % ответов.

В ряде работ (15 %) появились ассоциации, обозначающие этнические группы населения Кольского Севера: «саамы», «поморы». В 20 % реакций отражена связь с домом: «Родина», «родной», «дом». 15 % респондентов достаточно активно использовали мелиоративную и пейоративную оценочную лексику, выраженную прилагательными или образованными от них существительными: «родной», «холодный», «опасный», «красивый», «добрый», «сырость».

Единичны ассоциации, передающие специфику отношений на севере («строгость», «уважение», «контроль» – 5 %) и размышления о судьбе Севера и своего места на этой земле («на севере – жить», «развитие», «уехать» – 10 %). В трех работах появилась ассоциация «олень», в двух – «военный флот».

3. Ассоциативное поле «северянин».

70 % респондентов дали ассоциации, связанные с описанием качеств северянина. При этом в подавляющем большинстве ответов среди используемых для дан-

ной цели прилагательных и отыменных существительных преобладает положительная лексика («добрый», «отзывчивый», «любовь», «хороший человек», «гордость», «стойкость», «железный характер», «храбрость», «крепкий», «здоровый», «трудолюбивый», «теплое сердце»).

Лишь в двух работах (4 %) даны эпитеты с относительно отрицательной оценкой («замкнутый», «суровый», «отмороженный»). 15 % реакций связано с самоидентификацией студентов («я»), с их личным отношением к «северянину» («родной человек», «сосед», «любовь»), с принадлежностью к своему городу («мурманчанин», «житель Мурманска»). 10 % реакций связаны с одеждой: «тепло одет», «шуба», «валенки».

В единичных работах (от 2 % до 5 %) ассоциации связаны с типичными видами деятельности («рыбак»), с этническими группами населения («саам», «помор»), с прагматическими аспектами («большая зарплата», «полярки», «надбавки»). 3 % отвечавших предложили «литературные» ассоциации («Игорь», «Игорь Северянин», «писатель»).

Сравним ассоциации, предложенные студентами РГПУ им. А. И. Герцена и Мурманского арктического университета (см. табл. 2–4), и попытаемся определить, в чем сходство, а в чем отличительные особенности восприятия слов, связанных с концептами «Арктика», «Север», «северянин», студентами данных вузов.

Таблица 2

Сравнительная характеристика ассоциаций на слово «Арктика»

Слоты	Ассоциации студентов РГПУ им. А. И. Герцена	Ассоциации студентов МАУ
Природно-климатические условия, местоположение	60 % – «холод», «лед», «снег»; 40 % – «северное сияние»; 20 % – «далеко»	40–90 % – «северное сияние», «лед», «снег», «мороз», «метель», «холод», «темнота», «полярная ночь», «полярный день»; «море», «океан», «арктическая зона», «залив», «земля», «форпост России», «край»
Животный и растительный мир	50 % – «медведь», «пингвин»; 10 % – «мох», «ягель»	65 % – «медведи», «тюлени», «киты», «пингвины», «рыба», «морж»
Географические названия, имена городских объектов	10 % – Антарктика, Мурманск, Антарктида	30–40 % – Гольфстрим, Мурманск, Териберка, Шпицберген, Баренцево море; ледокол «Арктика»
Цвет	10–20 % – «синий», «синева», «белый», «белоснежный»	–
Научные исследования	5 % – «экспедиция», «наука», «институт», «университет», «ученый»	5 % – «МАУ», «наука», «исследование», «арктический университет»

Как видим, в восприятии Арктики у студентов обоих вузов доминируют ассоциации, связанные с природно-климатическими условиями. Наиболее частотной и сильной оказывается связка «Арктика» – «холод», «снег», отражающая стереотипное восприятие данной лексемы. Самое частое природное явление, возникающее как ассоциация с Арктикой, северное сияние. Из растений наиболее часто возникают в сознании ассоциации с ягелем, мхом – неприхотливыми и не слишком привлека-

тельными внешне. Из животных наиболее часто ассоциируются с Арктикой медведи (не «белые медведи», что было бы точнее) и пингвины (в Арктике не встречаются). Интересно, что крайне редко в ассоциациях студентов обоих вузов встречался северный олень (не более 5 % реакций).

Отметим, что позиция студента РГПУ по отношению к Арктике сродни позиции «внешнего наблюдателя», тогда как мурманские студенты ощущают себя частью Арктики, отсюда в их ответах богатство и разнообразие ассоциаций, передающих реалии северной природы, животного и растительного мира. Более разнообразны в ряду, представленном студентами Мурманска, и ассоциации, отражающие северные топонимы. Цветовые ассоциации, выраженные именами прилагательными, возникли только в реакциях студентов Петербурга (доминируют синий и белый цвета). Отсутствие цветовых прилагательных в реакциях студентов Мурманска, возможно, связано с тем, что мурманчане видят окружающий их «северный мир» постоянно и не обращают особого внимания на его цветовые характеристики. У студентов обоих вузов не являются частотными ассоциации, отражающие связь Арктики и науки. Зафиксированы лишь единичные реакции, показывающие информированность студентов об арктических исследованиях.

Таблица 3

Сравнительная характеристика ассоциаций на слово «Север»

Слоты	Ассоциации студентов РГПУ им. А. И. Герцена	Ассоциации студентов МАУ
Природно-климатические условия, местоположение	10–30 % – «Север–Юг»; «зима», «лед», «холод», «темно», «северное сияние», «полярная ночь»	65–90 % – «холод», «мороз», «зима», «снег», «снегопад», «северное сияние»; «сопки», «скалы»
Животный и растительный мир, еда	10 % – «мох», «ягель»	25–40 % – «мох», «ягель», «ягоды», «клюква», «морозика»; «олень»; «оленина», «рыба», «морепродукты»
Географические названия, имена городских объектов	5 % – Мурманск, Санкт-Петербург, Россия	40 % – Мурманск, Териберка, Мурманская область, Северный ледовитый океан, Гиперборея
Жители	5 % – «эскимосы», «эвенки»	15 % – «саамы», «поморы»
Оценочная лексика	–	15 % – «родной», «холодный», «опасный», «добрый», «далекий», «красивый»
Цвет	20 % – «белый»	–
Трудовая деятельность	5 % – «вахта», «вахтовый метод»	5 % – «строгость», «уважение», «контроль»
Связь с родиной, размышления о судьбе Севера	–	20 % – «Родина», «родной», «дом»; «на севере жить», «развитие», «уехать»

Реакции студентов на слово «Север» во многом сходны с реакциями на слово «Арктика» (ср. слоты «Природно-климатические условия, местоположение», «Животный и растительный мир», «Географические названия, имена знаковых городских объектов», «Цвет»). Однако появились и новые реакции, связанные с трудовой деятельностью на севере.

В ходе ассоциативного эксперимента в МАУ были выявлены дополнительные ассоциации, которые можно отнести к слотам «Оценочная лексика», «Связь с родной, размышления о судьбе Севера». В сравнении с нейтральным отношением студентов РГПУ отношение к Северу мурманских студентов более эмоционально. В восприятии мурманчан возникают оценочные прилагательные, которые составляют антонимические ряды: «холодный» – «теплый», «родной» – «далекий» и др. Север связан с концептами «дом» и «Родина», хоть единичные реакции мурманских студентов и несут в себе отклики центростремительного движения от Севера: возникает, например, глагольная ассоциация «уехать».

Таблица 4

Сравнительная характеристика ассоциаций на слово «северянин»

Слоты	Ассоциации студентов РГПУ им. А. И. Герцена	Ассоциации студентов МАУ
Черты характера, моральные качества	2 % – «добрая душа»	70 % – «добрый», «отзывчивый», «хороший человек», «гордость», «стойкость», «железный характер», «храбрость», «крепкий», «здоровый», «суровый», «замкнутый»
Внешность, одежда	40 % – «красное лицо», «красные руки», «шуба», «свитер», «пуховик»	10 % – «тепло одет», «шуба», «валенки»
Трудовая деятельность	40 % – «работник», «охота», «труд», «промышленность»	5 % – «рыбак», «полярки», «надбавки», «большая зарплата», «трудолюбие»
Этническая группа	30 % – «якут», «ненцы», «эскимос»	5 % – «помор», «саам»
Личное отношение, принадлежность	–	15 % – «я», «родной человек», «сосед», «житель Мурманска», «мурманчанин», «любовь»
Эмоциональное состояние	2–5 % – «одиночество», «холод в душе», «страх»	–
Литература, искусство	70 % – «Игорь», «поэт», «писатель», «литература», «книги», «авангард»	3 % – «Игорь», «Игорь Северянин», «писатель»

При анализе ассоциаций, предложенных студентами Санкт-Петербурга, были выявлены следующие особенности.

1. Северянин в большей степени ассоциируется не с местом жительства, а с прецедентным именем «Игорь Северянин». Возможно, при выборе формы слова мы не учли будущую профессию респондентов, и, если бы использовалось множественное число («северяне»), ассоциации были бы другими. Кроме того, ассоциативный эксперимент был проведен во время занятий по методике преподавания литературы, что с определенной долей вероятности могло предопределить заданность потока ассоциаций, связанных с художественным творчеством и литературой. Тем не менее такие реакции показательны, ведь, несмотря на то что будущая профессия является общей для респондентов обоих вузов, в работах мурманских студентов ассоциации с прецедентным именем «Игорь Северянин» единичны.

2. При характеристике северянина как жителя определенной местности у студентов Санкт-Петербурга первичны ассоциации, связанные, прежде всего, с нацио-

нальностью, профессией, внешностью. О внутренних качествах, о характере северян в реакциях информантов не упоминается.

3. Довольно частотны ассоциации, отражающие связь лексем «северянин» и «труд»: «работник», «охота», «промышленность». Ассоциативный ряд отражает стереотипное восприятие северянина как человека, живущего трудом, погруженного в работу.

4. В единичных случаях проявляются эмоциональные реакции («одиночество», «холод в душе», «страх»), связанные, вероятно, с представлениями о том, что жить на севере нелегко. Отметим, что в работах мурманчан такие реакции отсутствуют.

При анализе ассоциаций, предложенных студентами Мурманска, были выявлены следующие особенности.

1. Для большинства мурманских студентов северянин – это, прежде всего, человек, обладающий прекрасными чертами характера и высокими моральными качествами. Остальные показатели, отражающие национальность, профессию, внешность, не существенны и встречаются крайне редко.

2. В ассоциативном поле отражены связь с малой Родиной, принадлежность к некой общности («родной», «близкий человек», «один из нас», «я»), что свидетельствует о проявлении этнической идентичности – идентичности северянина.

3. Студенты МАУ в отличие от студентов РГПУ предложили ассоциации, связанные с высокими заработками северян (представление, если учитывать современные реалии, устаревшее, но, как оказалось, имеющее место в сознании респондентов).

Выводы

Можно отметить, что образ Севера в восприятии студентов обоих вузов вызывает ассоциации, связанные, прежде всего, с климатическими особенностями, температурными условиями, природным миром северных территорий. Север в их восприятии, как в восприятии большинства жителей России (и не только), – это холод, снег, территория с морозным климатом. Вместе с тем можно выявить существенные различия в ответах обучающихся РГПУ им. А. И. Герцена и Мурманского арктического университета.

Для студентов Санкт-Петербурга Север – это чужая территория, он где-то далеко и, по мнению ряда респондентов, не слишком комфортен для жизни. Перечень предложенных ассоциаций ограничен, вероятно, потому, что большинство студентов имеет весьма ограниченные знания о Севере. Полученные в ходе эксперимента реакции на предложенные стимулы достаточно нейтральны, но в ряде случаев читается негативный подтекст (на севере одиноко и страшно).

Мурманские студенты ощущают себя частью Севера / Арктики, поэтому в их ответах наблюдаются более разнообразные ассоциации, связанные с реалиями северной природы, животного и растительного мира. Отношение к Северу и его жителям обычно положительное и достаточно эмоциональное. Север опасный, сырой и холодный, но в то же время родной, красивый и добрый, а северяне – люди, обладающие прекрасными чертами характера и высокими моральными качествами. Север тесно связан с концептами «дом» и «Родина»; представленные в ответах реакции свидетельствуют о проявлении у значительной части информантов этнической идентичности – идентичности северянина.

Говоря об отличиях в ответах студентов, отметим, что в известном смысле различные поля ассоциаций студентов МАУ и РГПУ им. А. И. Герцена объясняются тем фактом, что студенческие группы в МАУ более однородны и включают в свой состав около 95 % лиц, так или иначе связанных с Крайним Севером. Количество студентов, приехавших из других регионов, минимально. Отсюда частотность ассоциаций, от-

ражающих «идентичность северянина». Студенческие группы РГПУ им. А. И. Герцена, расположенного в Санкт-Петербурге, втором по величине мегаполисе страны, более разнообразны и поливариантны с точки зрения этнического состава. Несмотря на то что Санкт-Петербург входит в состав Северо-Западного региона и традиционно позиционируется как «северная столица, в восприятии студентов он слабо связан с Севером. Единичные реакции, передающие эту связь, не являются релевантным показателем и объясняются тем, что среди респондентов из РГПУ им. А. И. Герцена два человека – коренные мурманчане.

Список источников и литературы

1. Акимов Ю. Г. "Истинный север, сильный и свободный": фактор северности в формировании канадской национальной идентичности // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 1 (22). С. 197–201.
2. Амелина М. Н. Концепт "Северность" и его компоненты (на франко-канадском материале) // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 144.
3. Волошина С. В., Толстова М. А. Языковая репрезентация концепта "Зима" (на материале устной речи жителей сибирских сёл) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 13–26.
4. Данилова Н. К. "Воображаемое пространство": геопоэтика северных территорий // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1 (57). С. 145–149.
5. Данилова Н. К. Концепт "север/хоту" в представлениях народа саха и долган // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (5). С. 121–126.
6. Доржиева Т. С. Концепт "Северность" в региональной топонимии Квебека // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 145–156.
7. Закирова Д. Ф. Концепт "СЕВЕР" в русской женской концептосфере // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17 (232). С. 50–54.
8. Иванова М. Н., Поскачина Е. Н. "Семантический гештальт" концепта "Арктика" в языковом сознании носителей русского языка // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (30). С. 99–107.
9. Крылова М. Н. Понятие «север» в образной системе современного русского сравнения // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 215–220.
10. Кузьмина Р. П. Концепт "Зима" в языковой картине мира эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-2(88). С. 305–308.
11. Мельничук О. А., Павлов С. С. "Северность", "воображаемое Севера" или "концептосфера арктического дискурса"? // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 4. С. 106–130.
12. Павлов С. С. Концепт СЕВЕР в художественной картине мира чукотского поэта В. Г. Кеулькута // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 5. С. 93–113.
13. Рахимова Д. Ф. Языковая репрезентация концепта NORTH/СЕВЕР в оригиналах и переводах романов Фарли Моузта : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Рахимова Диана Фердинандовна. Казань, 2012. 150 с.
14. Романова Е. Н., Добжанская О. Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 255–263.
15. Соколова Ф. Х. Духовно-интеллектуальное пространство Арктики: концепт, структура, факторы формирования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 67–79.

References

1. Akimov, YuG 2012, "Istinnyy sever, sil'nyy i svobodnyy": faktor severnosti v formirovani kanadskoy natsional'noy identichnosti' ("True north, strong and free": the factor of north-ernness in the formation of Canadian national identity), *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* (Society. Environment. Development), no.1(22), pp. 197–201. (In Russ.)
2. Amelina, MN 2003, 'Kontsept "Severnost" i yego komponenty' (The concept 'Northness' and its components (on French-Canadian material)), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Moscow University Bulletin. Series 19: linguistics and intercultural communication), no. 2. pp. 144. (In Russ.)
3. Voloshina, SV & Tolstova, MA 2022, 'Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta "Zima" (na materiale ustnoy rechi zhteyel sibirskikh syol)' (On linguistic representation of the concept "Winter" (based on the spoken language of inhabitants of Siberian villages)), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* (Tomsk State University Journal), no. 484, pp. 13–26. (In Russ.)
4. Danilova, NK 2019, "Voobrazhayemoye prostranstvo": geopoetika severnykh territoriy' (Imaginary space: geopoetics of northern territories), *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* (Society: Philosophy, History, Culture), no. 1(57), pp. 145–149. (In Russ.)
5. Danilova, NK 2015, 'Kontsept "sever/khotu" v predstavleniyakh naroda sakha i dolgan' (Concept "north/khotu" in representations of the people of Sakha and Dolgans), *Arktika XXI vek. Gumanitarnyye nauki* (Arctic XXI century), no. 2(5). pp. 121–126. (In Russ.)
6. Dorzhiyeva, TS 2008, 'Kontsept "Severnost" v regionalnoy toponimii Kvebeka' (The concept of 'Northness' in Quebec regional toponymy), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Moscow University Bulletin. Series 19: linguistics and intercultural communication), no. 1, pp. 145–156. (In Russ.)
7. Zakirova, DF 2011, 'Kontsept "SEVER" v russkoy zhenskoy kontseptosfere' (Concept 'North' in Russian feminine mentalese), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 17 (232), pp. 50–54. (In Russ.)
8. Ivanova, MN & Poskachina, YeN 2022, "Semanticheskiy geshtalt" kontsepta "Arktika" v yazykovom soznanii nositeley russkogo yazyka', ("Semantic Gestalt" of the concept "Arctic" in the linguistic consciousness of the Russian language's native speakers), *Arktika XXI vek. Gumanitarnyye nauki* (Arctic XXI century), no. 4(30), pp. 99–107. (In Russ.)
9. Krylova, MN 2013, 'Ponyatiye "sever" v obraznoy sisteme sovremennogo russkogo sravneniya' (The concept "North" in the imagery of the modern Russian comparisons), *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, no. 4, pp. 215–220. (In Russ.)
10. Kuzmina, RP 2018, 'Kontsept "Zima" v yazykovoy kartine mira evenov' (Concept "winter" in the Evens' linguistic worldview), *Philology. Theory & Practice*, no.10-2(88), pp. 305–308. (In Russ.)
11. Melnichuk, OA & Pavlov, SS 2022, "Severnost", "voobrazhayemoye Severa" ili "kontseptosfera arkticheskogo diskursa"? ('Nordicity', 'imagined north' or 'concept sphere of arctic discourse?'), *Nauchnyi dialog* (Scientific Dialogue), vol. 11, no. 4, pp. 106–130. (In Russ.)
12. Pavlov, SS 2023, 'Kontsept SEVER v khudozhestvennoy kartine mira chukotskogo poeta V. G. Keulkuta' (Concept of North in artistic worldview of Chukotka poet Victor Keulkut), *Nauchnyi dialog* (Scientific Dialogue), vol. 12, no. 5, pp. 93–113. (In Russ.)
13. Rakhimova, DF 2012, Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta NORTH/SEVER v originalakh i perevodakh romanov Farli Moueta (Linguistic representation of the concept North in the originals and translations of Farley Mowat's Novels), PhD thesis, Kazan. (In Russ.)
14. Romanova, EN & Dobzhanskaya, OE 2019, 'Antropologiya kholoda: metodologiya, kontsepty, obrazy (na primere kulturnykh traditsiy korennykh narodov Severa i Arktiki)' (Anthropology of the Cold: Methodology, Concepts, Images (on the materials of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic)), *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, no. 35, pp. 255–263. (In Russ.)
15. Sokolova, FK 2012, 'Dukhovno-intellektualnoye prostranstvo Arktiki: kontsept, struktura, faktory formirovaniya' (Spiritual and Intellectual Space of the Arctic Region: Concept, Struc-

ture and Forming Factors), *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, no 1, pp. 67–79. (In Russ.)

Вклад авторов:

Коренева А. В. – идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, редактирование текста.

Рыжкова И. В. – сбор материала, обработка материала, написание статьи.

Contribution of the authors:

Anastasia V. Koreneva – idea, collecting material, processing material, writing an article, editing a text.

Inna V. Ryzhkova – collecting material, processing material, writing an article.

Статья поступила в редакцию: 17.02.2025

Одобрена после рецензирования: 10.03.2025

Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 17.02.2025

Approved after reviewing: 10.03.2025

Accepted for publication: 10.03.2025

Научная статья

УДК 81.373.47

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-101-110>

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭПИТЕТАЦИИ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

**Сергей Анатольевич
Губанов**

Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики
Самара, Россия, gubanov5@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Аннотация. Эпитетация представляет собой процесс наделения атрибутивным значением объекта, репрезентируемого субстантивным словом. Специфику эпитетации составляет наличие контекстуальных маркеров, что приводит к приписыванию неузуальных, несистемных с позиции нормы языка признаков, однако укладывается в рамки идиостиля, выражая окказиональность, нестандартность мышления автора. Изучение эпитетации трансформируется от признания регулярной, системной вариативности значения атрибутивного слова (эпитета) до анализа механизмов возникновения признакового значения в рамках эпитетного комплекса. Данный анализ опирается на когнитивно-семантическую теорию эпитетации. Она предполагает исследование когнитивной зависимости между компонентами эпитетного комплекса, единства определяемого объекта и его определения, признака, а также выявление механизмов образования нового смысла данного комплекса, базирующегося на переносе признака из одной ментальной сферы в другую. Наибольшей эвристической силой обладает, как нам представляется, блендинговая теория эпитетации, состоящая в аналитическом описании механизмов образования смешанных когнитивных структур, в которых основную роль играют признаковые слова. Эпитетация предстает в виде сложного когнитивно-семантического и когнитивно-метафорического процесса проникновения признака в смежную (метонимическая логика), сходную (метафорическая логика) ментальную зону или в качестве многоэтапного его осмысления различными когнитивными механизмами (метафтонимическая логика). Творчество М. Цветаевой дает богатый материал для наблюдения над когнитивными механизмами эпитетации. На примере анализа эпитетации абстрактных сущностей доказывается продуктивность применения блендинговой модели атрибутизации. Делается вывод о востребованности в идиостиле поэта эпитетации, о частотности обращения к метонимической ее логике, о сложности трактовки многих атрибутивных конструкций без опоры на логику поэтического мышления и контекст.

Ключевые слова: эпитет, эпитетация, эпитетный комплекс, эпитетная парадигма, когнитивная семантика, Марина Цветаева, идиостиль.

Для цитирования: Губанов С. А. Когнитивно-семантические основы эпитетации в текстах М. Цветаевой // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 101–110. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-101-110>

Сведения об авторе: С. А. Губанов – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 443010, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Л. Толстого, 23.

Scientific Article
UDC 81.373.47
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-101-110>

COGNITIVE-SEMANTIC BASES OF EPITHETATION IN THE M. TSVETAeva'S TEXTS

Sergey A. Gubanov

Povolzhskiy State University
of Telecommunications and Informatics
Samara, Russia, gubanov5@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Abstract. Epithetation is a process of assigning an attributive meaning to an object represented by a nominal word. The specificity of epithetation is the presence of contextual markers, which leads to the attribution of non-usual, non-systemic attributes from the standpoint of the language norm, but fits into the framework of the individual style, expressing the occasional nature and non-standard thinking of the author. The study of epithetation is transformed from the recognition of regular, systemic variability of the meaning of the attributive word (epithet) to the analysis of the mechanisms of the emergence of the attributive meaning within the epithet complex. This analysis is based on the cognitive-semantic theory of epithetation. It involves the study of the cognitive dependence between the components of the epithet complex, the unity of the defined object and its definition, attribute, as well as the identification of the mechanisms of the formation of a new meaning of this complex, based on the transfer of a attribute from one mental sphere to another. The blending theory of epithetation, as we see it, has the greatest heuristic power. It consists in the analytical description of the mechanisms of formation of mixed cognitive structures, in which the main role is played by attribute words. Epithetation appears as a complex cognitive-semantic and cognitive-metaphorical process of penetration of an attribute into an adjacent (metonymic logic), similar (metaphorical logic) mental zone or as a multi-stage comprehension by various cognitive mechanisms (metaphonymic logic). The M. Tsvetaeva's texts provide rich material for observation of the cognitive mechanisms of epithetation. The productivity of the blending model of attribution is proved using the example of the analysis of epithetation of abstract entities. A conclusion is made about the demand for epithetation in the poet's idiosyncrasy, about the frequency of appeals to its metonymic logic, about the complexity of interpreting many attributive constructions without relying on the logic of poetic thinking and context.

Keywords: epithet, epithetation, epithet complex, epithet paradigm, cognitive semantics, Marina Tsvetaeva, individual style.

For citation: Gubanov, SA 2025, 'Cognitive-Semantic Bases of Epithetation in the M. Tsvetaeva's Texts', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 101–110, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-101-110> (in Russ.)

Information about the Author: *Sergey A. Gubanov* – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, 23, L. Tolstoy Str., Samara, 443010, Russia.

© Gubanov S. A., 2025

Посвящение

Данную работу хотелось бы посвятить нашему научному консультанту при подготовке докторской диссертации в 2023 году, доктору филологических наук, профессору, профессору кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета Грязновой Виолетте Михайловне, а также кафедре русского языка. Трудно переоценить профессионализм и личностные качества Виолетты Михайловны, которые послужили опорой и вдохновением для научной работы автора статьи. Также огромную благодарность хотелось бы выразить доктору филологических наук, профессору, профессору департамента лингвистики факультета международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, председателю диссертационного совета 24.2.398.06 Бредихину Сергею Николаевичу за помощь в организации защиты и неоценимую поддержку.

Введение

Интерес к эпитетации связывается в лингвопоэтике с неповторимостью индивидуального стиля писателя, его творческими установками, обуславливающими языковые особенности его текстов. В лингвистике актуализируется проблема изучения процесса атрибутивной соотнесенности слов с учетом их лексико-семантических и синтаксических связей, словообразовательных моделей образования: говорится об узусных, устойчивых, регулярных связях между атрибутом и определяемым понятием и потенциальных, окказиональных, контекстуально обусловленных, существующих временно в художественном мире автора [2; 3, 5; 12; 13].

Как бы то ни было, исследование атрибутивных слов до недавнего времени сводилось главным образом к констатации наличия корпуса эпитетов в идиостиле писателя и описанию стилистического эффекта, который данные эпитеты производят в контексте. К таковым относятся добавление, конкретизация и детализация семантики объекта эпитетации через обращение к выделению в его семантической структуре нестандартного или неявного признака; подчеркивание особой эмоциональной, экспрессивной составляющей семантики признакового слова; подчеркнутый алогизм, окказиональность признака, актуализирующего необходимый автору текста концепт, контекстуальный смысл в рамках конкретного текста или выделяющего лейтмотивные эпитеты, сквозные для всего творчества. Описательный характер такого рода исследований, несомненно, ценен, однако обращает на себя внимание другой круг не менее интересных и значимых вопросов: каковы механизмы образования таких атрибутивных конструкций, есть ли закономерности эпитетации и если есть, то в чем они состоят [2; 3, 5].

Изучение специфики имени прилагательного как основного вербализатора атрибутивности также имеет долгую историю: отметим важность наблюдений за развитием его семантики С. А. Виноградовой, утвердившей тезис о мобильности и пластичности адъективных слов [6]. Нельзя не упомянуть и теорию регулярной многозначности слов Ю. Д. Апресяна. Вариативность прилагательных в языке и речи приводит его к выводам о том, что регулярность – отличительная черта метонимических переносов, тогда как нерегулярная полисемия более характерна для метафорических переносов [1]. При описании многозначности прилагательных Ю. Д. Апресян обращает внимание на регулярно проявляющиеся в речи метонимические значения: они представлены параметрическими (*высокий человек – высокий рост*), целевыми (*глазное дно – глазные капли*), каузативными (*ножевая рана*) и другими. Одним из частотных типов регулярной многозначности прилагательного метонимического типа выступает тип «свойственный такому лицу» (*бестолковый рассказ, голодный взгляд*), который способствует компрессии и экспрессивности текста [1].

В последние десятилетия активно развивается когнитивная эпитетология. Она основывается на исследовании природы перенесенных эпитетов, как это ранее ука-

зывалось в таксономии эпитетов и во многих трудах. Чаще всего материалом для анализа выступали эпитеты английского языка: нарушение порядка слов или слияние эпитетов в предложение (фразовизация эпитета) наиболее наглядно проявляют себя в языке аналитического строя [2].

Однако уже в работе Ф. Р. Кубаевой применяется когнитивный подход к изучению природы перенесенного эпитета. Она показала, что перенесенный эпитет возникает на основе пересечения признаков объектов различных ментальных пространств, формируя сложный бленд метафорического, метонимического или метафтонимического типов [10]. В ее диссертации также отмечается неоднородность семантических классов эпитетных слов, предложенная П. Буйон и Э. Вьегас, которые разделили прилагательные на абсолютные (пересекающие все категории; например, те, что обозначают социальную принадлежность, форму или цвет), модифицирующие свойства (непересекающие, те, что обозначают перенос свойств) и относительные (скалярные, относящиеся к стандартам, нормам) [10, с. 5–6]. Эпитетация относительных или устойчивых признаков воспринимается как аномальная и ведет к возникновению сложных контекстуальных связей между ментальными областями признака и объекта эпитетации.

В связи с идеей образования блендированного образа средствами эпитетных слов актуализировалась теория блендинга. Согласно М. Тернеру и Ж. Фоконье, основным процессом при метафоробразовании выступает проекция понятийных областей. Под концептуальной интеграцией учёные понимают базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определённой схеме на различных уровнях абстракции и имеет чёткую структуру, включающую в себя исходные пространства (input spaces), общие пространства (generic spaces) и смешанное пространство (blended spaces) или бленд (blend). Все три перечисленных компонента представляют собой ментальные пространства [15; 16]. Сети концептуальной интеграции могут включать в себя несколько ментальных пространств [9]. На основе данных пространств образуется новая когнитивная структура, включающая в себя корпус смыслов, соотносимых друг с другом по разным параметрам. Э. В. Будаев отмечает динамический характер теории концептуального блендинга, где подробно анализируется сам процесс образования нового смысла [4]. Е. Свитсер развивает теорию концептуальной интеграции при анализе семантики прилагательных [17]. Он, «... изучая значение прилагательного *red* в сочетании *red ball* (*красный мяч*), предлагает рассматривать пересечение ментальных пространств красноты и поверхности мяча, на пересечении формирующих блэнд. Таким образом, автор поддерживает идею дискурсивного формирования значения прилагательных» [6, с. 32].

Таким образом, краткий обзор истории изучения принципов эпитетации и ее когнитивных оснований приводит к выводу о продуктивности данного метода изучения атрибутивной лексики современной лингвистикой. Востребованными оказываются понятия эпитета и эпитетного комплекса как ментально-вербальных образований, участвующих в процессе эпитетации, наделении признаком, эпитетной парадигмы как совокупности регулярных типов репрезентации эпитетации.

Материалы и методы

Материалом для когнитивного анализа эпитетации послужило творчество М. Цветаевой. Творческая лаборатория поэта, его язык и стиль становились объектом изучения многих цветаеведов [8; 11]; имеются в том числе работы, выполненные в когнитивном ключе [7; 11].

Об эпитетации М. Цветаевой сказано немало. Одним из примеров того, насколько важен был для поэта подбор эпитета, говорит следующая цитата из ее прозы, содержащая размышление поэта над подбором А. С. Пушкиным эпитета *могучий* к слову *страсть*: *Могучей страстью, да еще очарован. Зачарованность*

мощью. Непредвиденность эпитета могучей и страсти и непредвиденность понятия очарованности мощью. (Непредвиден не только словоряд, но и смыслоряд.) *Страсть: жаркая, неистовая, роковая и пр., и пр., ни у кого: могучая, очарованность красотой, грацией, слабостью, никогда: мощью* [14, т. 4, с. 97].

Результаты

Целью работы выступил анализ специфики эпитетации в текстах М. Цветаевой с позиции когнитивного блендингового подхода.

Как установлено в вышеприведенных работах, основными механизмами эпитетации выступают метонимический (образование бленда в результате пересечения ментальных областей признака и объекта на основе смежности их свойств, как правило, это касается очень близких когнитивных пространств, относящихся к концептосфере «Человек»), метафорический (эпитетация построена на блендированном образе, возникшем в результате осознания сходства признаков различных, как правило, далеких концептуальных сфер, например, модель «человек – животное») и метафтонимический (эпитетация основана на многоступенчатом процессе метонимизации и, как правило, последующей метафоризации признаков, принадлежащих различным концептуальным областям, однако чаще всего в эпитетацию вовлекаются антропоморфные понятия).

Метонимические эпитетные комплексы реализуются в текстах М. Цветаевой как результат установления когнитивной общности близких ментальных пространств признака и объекта эпитетации (сферы-источника и сферы-мишени), устанавливаемой по принципу «часть – целое». Выражаясь словами Ю. Д. Апресяна, перед нами примеры реализации регулярной метонимической логики эпитетации, однако направления, детализация и массовость таких переносов убеждают в востребованности метонимии поэтом (ср. *ревнивый человек – ревнивый взгляд – ревнивые ресницы; брезгливый человек – брезгливый взгляд – брезгливый жест – брезгливая грусть уст*; последний пример в ряду – из текстов М. Цветаевой).

Метафорическая эпитетация более разнообразна в плане образования: поиск общих признаков у различных понятий может быть практически ничем не ограничен, однако выделяются типичные модели признаковой метафоризации в текстах М. Цветаевой, среди которых такие, как персонификация абстрактных понятий, животного, растения, времени; в то время как овеществление менее частотно. Типичными примерами метафоризации могут служить эпитетные комплексы *ревнивый ветер, недобрый дом, пугливое дерево*.

В данной работе остановимся на метафорической эпитетации абстрактного понятия: блендирование ментальных областей происходит в рамках их ближнего родства, однако результат метафоризации является довольно неожиданным за счет актуализации неявных, периферийных признаков. Схема образования блендированного образа в процессе эпитетации представлен на рисунке (см. рис. 1).

Этапы эпитетации следующие: пересечение ментальных пространств, осознание их родства, единства сущности и признаков, формирование смешанного когнитивного пространства временного типа и образование смешанного пространства, в котором признаки уже присутствуют в качестве неотъемлемых элементов обеих ментальных сфер. После установления такого родства признаков вполне вероятным представляется перенос любого признака из одной сферы в другую: таким образом, регулярные переносы становятся таковыми в рамках логики блендирования. Человек как физическое существо и абстрактные понятия, им порождаемые, начинают «обмениваться» признаками.

Абстрактные этические понятия, напрямую связанные с миром человека, его социальной представленностью довольно часто наделяются характерологическими признаками. При признаковом осмыслении абстракции актуализируется общий

признак, подчеркивающий единство двух сфер метального пространства «Человек»: физического и абстрактного.

Персонифицируются такие понятия, как *страсть, любовь, дружба, честь, гордость, кротость, тоска, свобода* и другие, а также *жизнь, смерть* как философские, этические категории.

Рис. 1. Структура модели метонимического блендированного признака

Абстрактное понятие становится визуально воспринимаемым: *Дружба! – Последняя страсть / Недосожженного тела* [Цветаева, 1994, т. 2, с. 88]; ... с той *кровоточащей гордостью, по которой и узнают изгнанников...* [14, т. 5, с. 191].

Честь приобретает характеристики физического человека в социально-коммуникативном измерении; повторяющаяся превосходная степень эпитета подчеркивает силу «чувства», приписываемого признаком абстракции: *Огней есть / Власть безжалостнейшая – честь* [Цветаева, 1994, т. 3, с. 597]; *Красоты в этой жизни есть / Власть безжалостнейшая – честь* [14, т. 3, с. 598]; *«Божества над мужами есть / Власть безжалостнейшая»* [14, т. 3, с. 598].

Тоска также визуализируется, персонифицируется: *Это – голодной тоски обглодки...* [14, т. 3, с. 111].

В части тела человека «сосредоточен» его характер, однако в отличие от метонимических моделей переноса метафоричность реализуется в генитивной конструкции, в которой главным словом выступает абстрактное этическое понятие:

Лба доверчивую кротость / Злыми бороздами опыт / Выбороздит [14, т. 3, с. 616].

Страсть выступает как персонифицированный деятель: *Покамест день не встал / С его страстями стравленными...* [14, т. 2, с. 159].

Свобода напрямую ассоциируется с женщиной: *Свобода! – Прекрасная Дама / Маркизов и русских князей ... Свобода! – Гулящая девка / На шалой солдатской груди!* [14, т. 1, с. 351]. В прозе поэта этот тип метафоры действительно часто применяется, составляя идиолектную черту творчества.

Понятие *жизнь* имеет у поэта такие определения, как *высокая, долгая, крутобровая, медовая, пламенная, подпольная, посмертная, пылкая, разбитая, растраченная, темная, целая* и др. Обращает на себя внимание визуализация образа жизни, персонификация, что говорит о продолжении реализации данной разновидности когнитивной метафоры: *жизнь суровая, трудная, крутобровая: И не оглянется / Жизнь крутобровая!* [14, т. 2, с. 102].

Смерть же предстает как *не ждущая, юная*, в образе физического человека, персонифицируясь: *И девочка-смерть наклонилась ко мне, / Как розовый ангел без крыл* [14, т. 1, с. 110]; *Подойдет и поглядит / Смерть – усердная садовница*

[14, т. 1, с. 428]; *Жизнь не хочет жить... но часто / Смерть **не хочет умереть!*** [14, т. 2, с. 191].

Метафтонимические эпитеты имеют более сложный генезис; схема метафтонимической эпитетации изображена на рис. 2.

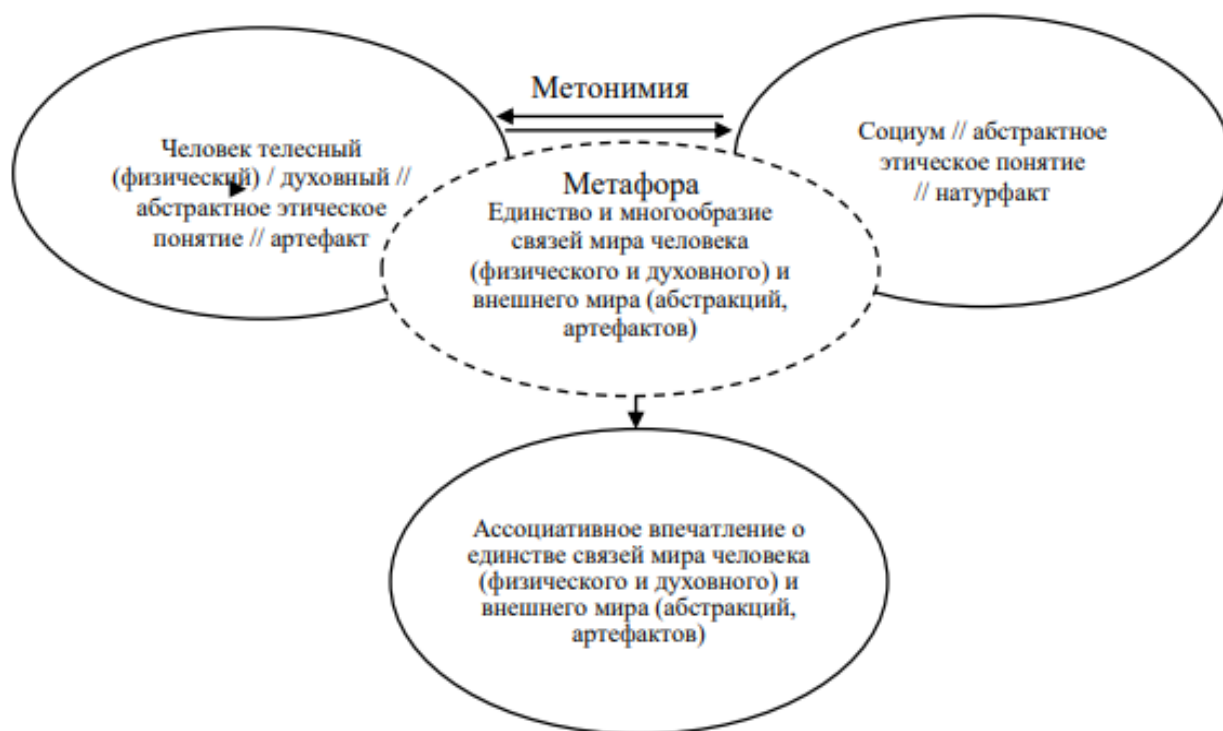

Рис. 2. Структура модели когнитивной метафоры метафтонимического типа

Рассмотрим пример блендирования признака по метафтонимической логике. В прозаических текстах М. Цветаевой неизменно присутствует рефлексия относительно выбранного слова, чему способствует жанр эссе, дневника или письма. По этой причине расшифровка эпитета дается или намеком, или комментарием в скобках, или, как в примере ниже, отдельным эпитетным предложением.

В эссе «Искусство при свете совести» М. Цветаева рассуждает о природе искусства, дает ему определение: *Искусство есть то, через что стихия держит – и одерживает: средство держания (нас – стихиями), а не самодержавие, состояние одержимости [...]*.

*Искусство своим жертвам не платит. Оно их и не знает. Рабочему платит хозяин, а не станок. Станок может только оставить без руки. Сколько я их видала, **безруких поэтов. С рукой, пропавшей для иного труда*** [14, т. 5, с. 369].

Поэт применяет свой излюбленный прием новой этимологии слова, вскрывая родство слов *одержимость*, *держание*. Эпитет *безрукий* реализует свою контекстуальную семантику средствами постпозиционного фразового употребления. Метонимическая основа каузального метафтонимического эпитетного комплекса прослеживается в проекции признака по линии «признак, характерный для части человека – признак, свойственный человеку как целому»; рука воспринимается во второй части эпитетного комплекса, фразового эпитета, в качестве метонимического заместителя

человека (*рука, пропавшая – человек пропавший*); однако метафорическая логика запускает процесс восприятия причинно-следственной связи, содержащейся в толковании семантики эпитета (*безрукий* – потому что рука есть, но она используется не для творчества). Совмещение метонимизации и метафоризации на уровне причинно-следственной детерминации приводит к образованию сложного эпитетного значения.

Заключение

В работе рассмотрены основания когнитивно-семантической теории эпитетации. Она предполагает исследование когнитивной зависимости между компонентами эпитетного комплекса, единства определяемого объекта и его определения, признака, а также выявление механизмов образования нового смысла данного комплекса, базирующегося на переносе признака из одной ментальной сферы в другую. Данный процесс имеет блендинговую природу, основанную на смешении признаков осознаваемых сходными в каком-либо плане ментальных пространств частей эпитетного комплекса.

Творчество М. Цветаевой дает богатый материал для наблюдения над когнитивными механизмами эпитетации. Ведущим принципом эпитетации следует признать метонимический; среди метафорических моделей преобладает персонификация. На примере анализа эпитетации абстрактных сущностей доказываемость продуктивности применения блендинговой модели атрибутизации. Метафтонимическая эпитетация значительна в прозе М. Цветаевой за счет активной рефлексии поэта над смыслом слова.

Список источников и литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 366 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта : Наука, 2002. 384 с.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
4. Будаев Э. В. Когнитивная метафора в ракурсе теории концептуальной интеграции // Культура и текст. 2016. № 4. С. 6–13.
5. Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
6. Виноградова С. А. Пластичность семантики признаков слов // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2021. № 4 (71). С. 30–38.
7. Губанов С. А. Прониминативный эпитетный комплекс как часть эпитетной парадигмы в прозе М. Цветаевой // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 122–129. URL: http://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_17/122/ (дата обращения: 15.01.2025).
8. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 264 с.
9. Ковальчук Л. П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконы и М. Тернера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 97–101.
10. Кубаева Ф. Р. Когнитивно-семантические характеристики перенесенного эпитета в английском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кубаева Фатима Рамзановна. Пятигорск, 2009. 26 с.
11. Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. 1. С. 5–40.
12. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
13. Фадеева Т. М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Фадеева Татьяна Михайловна. М., 2014. 460 с.

14. Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994–1995. Т. 4–7.
15. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge University Press, 1994. 190 p.
16. Fauconnier G., Turner M. *Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / ed. Dirk Geeraerts*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. P. 303–371.
17. Sweetser E. *Blended spaces and performativity // Cognitive linguistics*. 2000. Vol. 11, № 3/4. P. 305–333.

References

1. Apresyan, YuD 1974, *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskiye sredstva yazyka* (Lexical Semantics: Synonymic Means of Language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. Arnold, IV 2002, *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka* (Stylistics. Modern English language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
3. Arutyunova, ND 1988, *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* (Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
4. Budayev, EV 2016 ‘Kognitivnaya metafora v rakurse teorii kontseptualnoy integratsii’ (Cognitive metaphor in the framework of the conceptual integration theory), *Culture and text*, no. 4, pp. 6–13. (In Russ.)
5. Bulakhova, NP & Skovorodnikov, AP 2017, ‘K opredeleniyu ponyatiya epiteta (predugotovleniye k funktsionalnoy kharakteristike)’ (Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic), *Ecology of Language and Communicative Practice*, Novosibirsk, no. 2 (9), pp. 122–143. (In Russ.)
6. Vinogradova, SA 2021, ‘Plastichnost semantiki priznakovykh slov’ (Plasticity of semantics of predicate words), *Herald of Tver State University Series: Philology*, no. 4 (71), pp. 30–38, doi: 10.26456/vtfilol/2021.4.030. (In Russ.)
7. Gubanov, SA 2024, ‘Pronominativnyy epitetnyy kompleks kak chast’ epitetnoy paradigmy v proze M. Tsvetaevoy’ (Pronominative Epithet Complex as Part of Epithet Paradigm in M. Tsvetaeva’s Prose), *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, no. 1 (17), pp. 122–129, doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-122-129. (In Russ.)
8. Zubova, LV 1989, *Poeziya Mariny Tsvetaevoy: Lingvisticheskiy aspekt* (Poetry of Marina Tsvetaeva. Linguistic Aspect), Izd-vo Leningradskogo un-ta publ, Leningrad. (In Russ.)
9. Kovalchuk, LP 2011, ‘Teoriya kontseptualnoy integratsii Zh. Fokonye i M. Ternera’ (Gilles Fauconnier and M. Turner’s theory of conceptual integration), *Philology. Theory & Practice*, no. 1 (8), pp. 97–101. (In Russ.)
10. Kubayeva, FR 2009, *Kognitivno-semanticheskiye kharakteristiki perenesennogo epiteta v angliyskom yazyke* (Cognitive-semantic characteristics of the transferred epithet in English), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
11. Revzina, OG 1996, *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy : v 4 t.* (Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva. In 4 vols.), vol. 1, Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy publ, pp. 5–40, Moscow. (In Russ.)
12. Tomashevskiy, BV 1996, *Teoriya literatury. Poetika* (Theory of literature. Poetics), Aspekt-Press publ, Moscow. (In Russ.)
13. Fadeyeva, TM 2014, *Slozhnyy epiteta – yadernaya edinitsa khudozhestvennogo prostranstva v russkom yazyke* (A complex epithet is a nuclear unit of artistic space in the Russian language), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
14. Tsvetaeva, MI 1994–1995, *Sobraniye sochineniy* (Collected works), vol. 4–7, Ellis-Lak publ, Moscow. (In Russ.)
15. Fauconnier, G. 1994, *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*, Cambridge University Press publ.
16. Fauconnier, G & Turner, M 2006, ‘Mental spaces: conceptual integration networks’, *Cognitive linguistics: basic readings*, ed. Dirk Geeraerts, Mouton de Gruyter publ, Berlin, New York, pp. 303–371.

17. Sweetser, E 2000, 'Blended spaces and performativity', *Cognitive linguistics*, vol. 11, no. 3/4, pp. 305–333.

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 08.02.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Научная статья

УДК 81.11; 82.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-111-121>

ЭЛЕКТРОННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТИПОЛОГИИ

**Анастасия Михайловна
Карпова**

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Россия, coffeemur@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0005-9452-065X>

Аннотация. Стремительное развитие технологий делает электронную коммуникацию одной из важных в жизни современного человека. Основной единицей данной коммуникации является электронный текст, лингвистические исследования которого начались с конца XX в. Важное место в ряду электронных текстов занимает электронный художественный текст. Несмотря на разносторонний анализ структурно-семантических и функциональных особенностей электронного художественного текста в современной отечественной лингвистике, проблема определения основных признаков данного типа текстов не является решенной в полной мере. В статье описываются сущностные признаки существующего в электронной форме художественного текста, разграничиваются понятия «электронный художественный текст», «цифровой / диджитал текст», «компьютерный текст» и «электронный текст». Особое внимание в статье уделяется текстам, сгенерированным с помощью нейросети, рассматривается своеобразие художественных текстов, созданных искусственным интеллектом по заданию пользователя. Материалами исследования послужили электронные художественные тексты, опубликованные на различных русскоязычных ресурсах, а также тексты, созданные с помощью виртуального голосового ассистента Алиса от компании «Яндекс». В результате разностороннего анализа электронных художественных текстов была создана их авторская типология, критериями которой стали функциональные особенности, структура и наличие автора. По функциональным особенностям электронные художественные тексты были разделены на уникальные и неуникальные, которые являются копией печатного текста или источником для печатного текста. По структурной специфике анализируемые тексты подразделяются на линейные и нелинейные. К последним относятся как монокодовые, так и поликодовые тексты. По наличию автора различаются тексты авторские и неавторские, или написанные нейросетью.

Ключевые слова: электронный текст, электронный художественный текст (ЭХТ), нейротекст, нейросеть, авторский текст, уникальный текст, неуникальный текст.

Для цитирования: Карпова А. М. Электронный художественный текст как объект лингвистического исследования: проблема определения и типологии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 111–121. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-111-121>

Сведения об авторе: А. М. Карпова – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, проспект им. В. И. Ленина, 27.

Scientific Article

UDC 81.11; 82.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-111-121>

ELECTRONIC LITERARY TEXT AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH: THE PROBLEM OF DEFINITION AND TYPOLOGY

Anastasiya M. Karpova

Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russia, coffeemur@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0005-9452-065X>

Abstract. The rapid development of technology makes electronic communication one of the most important in the life of a modern person. The main unit of this communication is an electronic text, the linguistic research of which began at the end of the 20th century. Literary text occupies an important place among electronic texts. The analysis of structural-semantic and functional features of electronic fiction text in modern Russian linguistics is quite diverse. However, the problem of defining the main features such texts remains unsolved. The article describes the essential features of an existing literary text in electronic form, differentiates the concepts of *electronic literary text*, *digital text*, *computer text* and *electronic text*. The author pays special attention to texts generated using a neural network, and examines the uniqueness of artistic texts created by artificial intelligence on the user's instructions. The research materials are electronic literary texts published on various Russian-language resources, as well as texts created using the virtual voice assistant Alice developed by Yandex. As a result of a versatile analysis of electronic literary texts, the author presents a typology whose criteria are functional features, structure and presence of the author. In terms of functional features, there are unique and non-unique fiction texts. Non-unique ones are a copy of a printed text or a source for a printed text. In terms of structural specificity, the author divides the analyzed texts into linear and non-linear texts. The latter include both monocode and polycode texts. Depending on the presence of an author, there are authorial and non-authorial (or neural network-written) texts.

Keywords: electronic text, electronic literary text, neuro text, neural network, author's text, unique text, non-unique text.

For citation: Karpova, AM 2025, 'Electronic Literary Text as an Object of Linguistic Research: the Problem of Definition and Typology', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 111–121, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-111-121> (in Russ.)

Information about the Author: *Anastasiya M. Karpova* – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 27, Lenin Avenue, Volgograd, 400005, Russia.

© Karpova A. M., 2025

Введение

Вторая половина XX в. отмечена многими значимыми событиями и научными открытиями, одним из которых является создание интернета. В начале своего существования Всемирная сеть была далека от того вида, в котором мы знаем ее сегодня, однако само появление интернета внесло коррективы во многие сферы жизнедеятельности людей, не обойдя стороной литературу и книгопечатание. Появились электронные каталоги библиотек, а затем и сами электронные библиотеки, в которые переносились печатные тексты. Все это привело к тому, что стали писаться тексты, которые не печатались в издательствах, а существовали только на просторах интернета.

Электронные тексты имеют общие признаки с текстами печатными, но также обладают отличительными признаками. Особенности электронных текстов оказывались в поле зрения таких исследователей, как О. В. Лутовинова, Р. Барт, В. А. Пищальникова, L. P. Glazier, С. А. Кучина, Ю. В. Балакина, Е. Б. Ракитина, О. В. Гордиенко и др. Однако проблема разграничения разновидностей существующих в интернете текстов все еще остается нерешенной в современной текстологии. В этой связи анализ сущностных признаков и типологии электронного текста является актуальным.

Тексты, существующие в электронном виде, называют компьютерными (О. В. Лутовинова, Р. Барт), цифровыми / диджитал (от англ. digital – цифровой) (В. А. Пищальникова, L. P. Glazier) и электронными (С. А. Кучина, Ю. В. Балакина). Эти термины не являются абсолютными синонимами и имеют некоторые различия в толковании.

Термин «компьютерный текст» означает, что текст создается только на персональном компьютере и должен воспроизводиться только на нем, однако сегодня доступ в интернет имеет множество устройств: смартфоны, планшеты, ноутбуки и т. п.

Понятие «цифровой текст» используют в том случае, когда хотят акцентировать внимание «на характеристике типа сигнала и формата данных в электронике, который использует дискретные состояния» [8, с. 35].

К термину «электронный текст» прибегают в тех случаях, когда важно обратить внимание на форму существования текста и те устройства, на которых он может быть воспроизведен, не ограничивая их создание и функционирование только персональным компьютером пользователя или типом сигнала для передачи данных. Такое понимание электронного текста позволяет прийти к выводу, что объем понятия термина «электронный текст» является шире, чем объем понятия терминов «компьютерный текст» и «цифровой текст». В нашем исследовании **электронным текстом** называется такой текст, который создается с помощью электронного носителя информации (компьютера, смартфона, планшета и др.) и может включать в себя как вербальный, так и невербальный компоненты.

В современной лингвистике исследованию электронных текстов посвящено немало работ. L. P. Glazier исследовал цифровую поэзию (digital poetry) и сравнивал электронные тексты с Библией из «Книги песка» Х. Л. Борхеса по таким параметрам, как изменчивость и непостоянность, а также с «Вавилонской библиотекой» аргентинского писателя, говоря, что экземпляры одного и того же электронного текста не должны быть идентичны друг другу, что демонстрирует гибкость таких текстов [23]. Ю. В. Балакина изучала электронный текст как отдельный класс текстов, который сохраняет в себе черты традиционных письменного и устного дискурса в той или иной степени [1]. С. А. Кучина в диссертации «Лингвосомиотический анализ электронного художественного текста» рассматривала электронный художественный текст как объект лингвосомиотического анализа в аспекте реализации его базовых характеристик и категорий [8]. Е. Б. Ракитина в диссертации «Поэтический

народ” в контексте русскоязычной интернет-поэзии» изучала электронные поэтические тексты как способ бытования текстов и комментариев к ним [17]. В работах С. Т. Funkouser “Prehistoric Digital Poetry. An Archaeology of Forms, 1959–1995” [22] и “New Directions in Digital Poetry” [21] дается историографический обзор электронных художественных поэтических текстов.

Во многих исследованиях отмечается неоднородность электронных текстов, и описываются их типологии. Так, Ю. В. Балакина выделяет следующие типы текстов [1, с. 18].

1. Электронный текст, у которого есть аналоги среди традиционных типов текстов (отчеты, дневники, художественные произведения, то есть те типы текстов, которые распространяются и в печатном, и электронном вариантах).

2. Уникальный электронный текст, то есть тот, что есть только на электронных носителях, без бумажных аналогов.

По мнению Ю. В. Балакиной, такие тексты в равной степени являются электронными, так как создаются при помощи электронных устройств.

С. А. Кучина предлагает другую классификацию электронных текстов, выделяя следующие категории.

1. Цифровые копии напечатанных текстов, которые размещаются в электронных библиотеках (например, «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU»).

2. Специальный формат текстов, предназначенный для электронных книг (EPUB (Electronic PUBlication), FB2 (FictionBook) и др.).

3. Собственно электронные тексты – тексты, существующие только в электронном виде.

На наш взгляд, описанные типологии позволяют получить представление о разнообразии электронных текстов, однако они не являются полными., поскольку, во-первых, в них не упоминаются тексты, которые существуют в электронном и аудиоформате, – субтитры к фильмам, озвученные надписи в видеоиграх; во-вторых, стоит отметить, что существуют не только цифровые копии печатных изданий, но и наоборот – печатные копии электронных текстов (к примеру, книга «Виноват кофе» от авторов К.О.В.Ш. изначально существовала в виде ориджинала (оригинальное произведение) на сайте «Книга фанфиков», а затем была выпущена издательской группой «Эксмо»). Это демонстрирует динамичность и непостоянность рассматриваемого языкового явления.

Кроме того, в рассматриваемых типологиях не упоминаются как отдельный вид электронный художественный текст (далее – ЭХТ), хотя следует отметить, что данных вид электронных текстов оказывался в фокусе внимания исследователей. С. А. Кучина дает следующее определение ЭХТ: «Электронные художественные тексты представляют собой художественные произведения, единственной возможной сферой существования которых является электронная среда» [9, с. 14].

Приведенное определение ЭХТ, на наш взгляд, является не совсем полным, так как в нем подчеркивается лишь одна из черт такого типа текста. Для более полного определения ЭХТ необходимо учитывать все сущностные признаки текста и таковой его разновидности, как художественный текст.

В отечественном языкознании текстом называют результат речевой деятельности, который обладает следующими признаками.

1. Произведение речи (высказывание), которое воспроизводится на письме или в печати [18].

2. «Результат целенаправленного речевого творчества; целостное речевое произведение; коммуникативно обусловленная речевая реализация авторского замысла» [10, с. 478].

3. Объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, которая обладает такими основными свойствами, как связность и цельность [19].

Наиболее полным и точным, на наш взгляд, является определение текста, данное И. Р. Гальпериным в работе «Текст как объект лингвистического исследования»: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типологией документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединенных типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [5, с. 18].

Художественный текст обладает перечисленными признаками, отличаясь лишь функциональной спецификой.

Как отмечает В. П. Москвин, художественный текст – это текст, написанный в художественном стиле. Данный стиль ученый рассматривает как стиль, служащий словесному изображению действительности в эстетически значимой форме [14, с. 75]. Такое определение художественного стиля объединяет две важнейшие функции художественного текста – изобразительную и эстетическую, которые были выделены В. В. Виноградовым [4, с. 241.] и Ю. С. Степановым [19, с. 668.].

В отличие от печатного художественного текста ЭХТ имеет ряд особенностей: ЭХТ является оцифрованным или созданным в электронном виде текстом, объединяющим вербальные и невербальные составляющие (аудио-, видеофайлы, изображения) для формирования связанного и законченного произведения, в ЭХТ нередко используются гиперссылки как на части самого текста, так и на другие тексты. Как и печатный художественный текст, ЭХТ создается автором, но нередко он не указывается и остается неизвестным.

Таким образом, в нашем исследовании под **электронным художественным текстом** понимается существующее или созданное в электронном виде произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, связанностью элементов, литературно обработанное в соответствии с жанровыми требованиями, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку, выполняющее изобразительную и эстетическую функции.

Благодаря развитию интернет-технологий, с каждым годом, предоставляющим все больше возможностей для творчества, библиотека ЭХТ пополняется новыми произведениями. Однако следует отметить, что хотя ЭХТ и попадал в поле зрения лингвистов, его разновидности до сих пор не были изучены. В нашем исследовании мы предприняли попытку описать типы ЭХТ, систематизируя знания, накопленные в области исследования электронных текстов.

С точки зрения функционирования ЭХТ может быть уникальным и неуникальным. К уникальным ЭХТ можно отнести существующие только в электронном виде тексты, например стихотворение «Музыкой сыпучей и метельной» В. Бакулина на сайте «Стихи.ру». Неуникальные ЭХТ можно разделить на тексты, 1) являющиеся копией печатного текста (печатный текст → электронный текст) и 2) являющиеся источником для печатного текста (электронный текст → печатный текст). К первому типу текстов можно отнести публикации произведений М. Ю. Лермонтова в «интернет-библиотеке Алексея Комарова». Иллюстрацией второго типа неуникального ЭХТ может послужить текст «Гарри Поттер и методы рационального мышления», который изначально публиковался как фанфик в интернете, а затем был опубликован в печатном издании.

Как и любой художественный текст, ЭХТ может быть линейным (замкнутым) и нелинейным (незамкнутым). Подробнее о разнице между линейным и нелиней-

ным типами текстов в своей статье «Поликодовый текст как объект филологического анализа» рассказывает Е. В. Кобзева [7].

Линейным (замкнутым) ЭХТ называют ограниченный речевым образованием текст, материал которого выстроен в единую последовательность в определенном линейном порядке, например: *Вот и осень снова золотится. / Льетя облепихи теплый свет. / Женщина, прислушиваясь к птицам, ждет домой мальчишек-непосед...* (Юрина Л. «Вот и осень»).

Нелинейный (незамкнутый) ЭХТ представляет собой речевое образование, которое связано с другими текстами или частями одного текста (главы, примечания и т. п.), например, гиперссылками, и не имеет четкой структуры. На рис. 1 приведены примеры подобного ЭХТ.

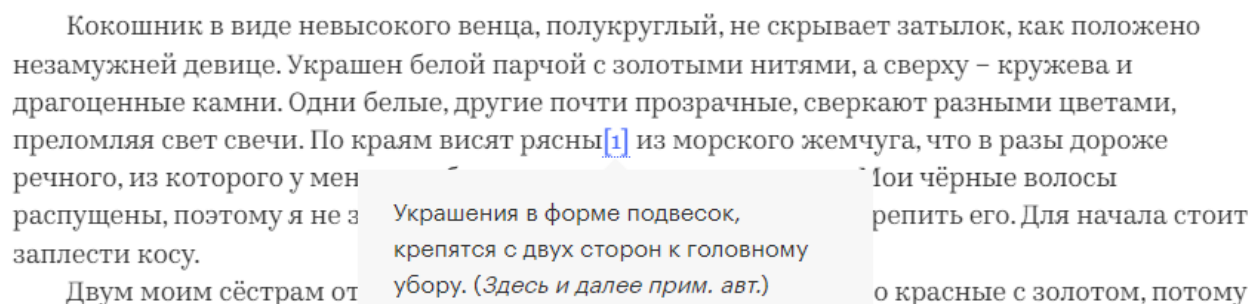

Рис. 1. Пример нелинейного ЭХТ. Источник: Арден Л. Невеста Ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://books.yandex.ru/books/JTtACgtZ> (дата обращения: 14.10.2024)

Исследователи нелинейных текстов (Г. В. Ейгер, Л. Юхт, Л. М. Большаянова, А. Г. Сонин и др.) подразделяют их на монокодовые и поликодовые [3; 15].

Под монокодовым ЭХТ понимают «гомогенное линейное или нелинейное образование, включающее коды только одной семиотической системы, прежде всего знаковой системы языка (в ее письменной форме)» [3, с. 20]. К таким текстам можно отнести любой текст, который не содержит иллюстраций.

Поликодовый ЭХТ представляет собой сочетание вербального и невербального компонентов, «объединение которых представляет собой определенную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости составляющих как в содержательном, так и в формальном аспектах» [15, с. 88]. Примером такого текста может послужить копияста¹ – разновидность креолизованного текста, который включает в себя знаковую систему языка (вербальный компонент) и изображения-смайлики (невербальный компонент). Классический пример креолизованного ЭХТ, сочетающего в себе вербальный и невербальный компонент – сопровождение художественного текста иллюстрациями (см. рис. 2).

ЭХТ так же, как и печатные тексты, имеют автора, который может быть известен под своим настоящим именем, псевдонимом, никнеймом (если речь о чатах, форумах и т. п.) или может оставаться анонимным. Существует отдельный вид ЭХТ – тексты, созданные нейросетями (языковыми моделями, обучающимися на большом массиве данных в виде текстов), или нейротексты (Ю. А. Аكوпова, Т. В. Цвигун, А. Н. Черняков).

В научных работах по информатике (И. О. Малышев, А. А. Смирнов, В. О. Старкова, Е. Ю. Никитина), педагогическим наукам (А. В. Прохоров, В. В. Разумец, Л. Е. Осипенко, А. В. Коротков), экономике (П. А. Михненко, А. А. Минченко, О. А. Золотарева), искусствоведению (В. Е. Григорьев, А. С. Мантуш),

языкознанию и литературоведению (А. Р. Айдагулова) и др. чаще встречаются такие номинации, как «тексты, сгенерированные нейросетью», «тексты, сгенерированные искусственным интеллектом», что является калькой англоязычного “AI-generated text”. Поиск по ключевым словам в базе данных сайта CyberLeninka показал, что из 149 случаев наименования созданных нейросетью текстов только 3 статьи содержали термин «нейротекст», в остальных 146 статьях использовались наименования «текст, сгенерированный нейросетью» и «текст, сгенерированный искусственным интеллектом». Отметим, что в терминологических словарях такой термин, как «нейротекст», еще не зафиксирован, что дает право сказать о новизне самого понятия «нейротекст» в лингвистической науке.

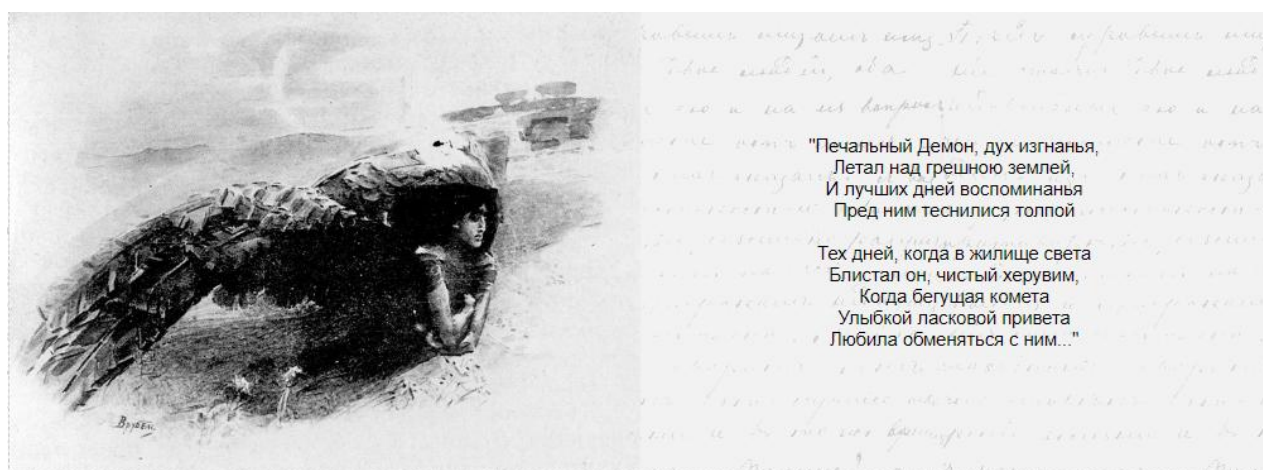

Рис. 2. Пример креолизованного текста.

Источник: URL: <http://vrubel-lermontov.ru/lermontov-demon.php> (дата обращения: 10.12.2024)

Одним из первых термин «нейротекст» использовал К. В. Белобеев в статье «Разработка комплексного проекта веб-портала “Нейротекст” для изучения когнитивного воздействия контента» [2], изданной в 2016 г. Однако в данной работе нейротекстом называется сайт, а не тип текстов, созданных искусственным интеллектом. Называть тексты, сгенерированные нейросетью, стали относительно недавно: в 2022 г. такой термин использовали В. В. Смольская и Н. С. Шарапатов [20], в 2023 г. – в статье «Можно ли использовать текст и код, созданные нейросетью, в коммерческих целях – например, в рекламе или на сайте?» [13], в 2024 г. о нейротекстах говорил К. Н. Микин [12].

В нашем исследовании под **нейротекстами** понимаются все тексты, созданные (сгенерированные) нейросетью (искусственным интеллектом) по заданию (промту, промпту²) пользователя.

Несмотря на то что первые языковые модели для создания нейротекстов появились в 1980-х гг. прошлого века, по-настоящему на их возможности обратили внимание в 2020 г., когда в свет была выпущена ChatGPT-3 от OpenAI [24]. Самые популярные из языковых моделей на данный момент созданы Google и OpenAI (см. рис. 3). Среди отечественных нейросетей можно отметить YandexGPT (Яндекс), GigaChat (Сбер).

Rank* (UB)	Rank (StyleCtrl)	Model	Arena Score	95% CI	Votes	Organization	License
1	2	Gemini-Exp-1121	1365	+8/-6	5625	Google	Proprietary
1	1	ChatGPT-4o-latest (2024-11-20)	1361	+4/-5	10658	OpenAI	Proprietary
3	5	Gemini-Exp-1114	1344	+4/-5	12778	Google	Proprietary
4	2	o1-preview	1334	+4/-4	27835	OpenAI	Proprietary
5	7	o1-mini	1308	+3/-4	31992	OpenAI	Proprietary
5	5	Gemini-1.5-Pro-002	1301	+5/-3	27336	Google	Proprietary

Рис. 3. Топ-5 нейросетей по версии специализированного сайта lmarena.ai на 21 ноября 2024 года.
Источник: URL: <https://lmarena.ai> (дата обращения: 21.11.2024)

Нейротексты используются в различных областях: начиная от написания школьных сочинений и заканчивая публикацией целых сборников художественных произведений. Так, в результате проведенного Б. Ореховым эксперимента в 2018 г. был создан сборник стихов «Нейролирика» [16]. Позже появились сборник рассказов «Механическое вмешательство. 15 рассказов, написанных вместе с Алисой на YandexGPT» [11]. Он состоит из небольших текстов, написанных разными авторами вместе с виртуальным голосовым помощником Алисой.

Важно отметить, что написанные нейросетью художественные произведения могут рассматриваться как неавторская разновидность ЭХТ.

Заключение

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют создать следующую типологию ЭХТ.

I. По функциональным особенностям ЭХТ можно разделить на

1. Уникальные.
2. Неуникальные:
 - а) являющиеся копией печатного текста;
 - б) являющиеся источником для печатного текста.

II. По структуре ЭХТ можно разделить на

1. Линейные.
2. Нелинейные, которые могут быть:
 - а) монокодовыми;
 - б) поликодовыми.

III. С точки зрения наличия автора ЭХТ может быть

1. Авторским.
2. Неавторским, написанным нейросетью.

Данная типология не является исчерпывающей, поскольку включает описание ЭХТ лишь по нескольким параметрам. Дальнейшее изучение жанровых, функционально-стилевых, языковых особенностей ЭХТ позволит выявить те их разновидности, которые дополняют описанную типологию.

Примечания

1. Копипаста – вид сетевого текста, сообщение в чате прямой трансляции, скопированное и отправленное пользователями не меньше 10–15 раз за короткий промежуток времени в случае, если оно им понравилось, показалось интересным, подходящим для конкретной ситуации на стриме и т. п. (см. [6]).
2. От англ. prompt – подсказка, запрос.

Список источников и литературы

1. Балакина Ю. В. Электронный текст: принципиально новый тип текста? // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 3. С. 17–27.
2. Белобеев К. В., Зарницкий С. С., Штефан В. М. Разработка комплексного проекта веб-портала “Нейротекст” для изучения когнитивного воздействия контента // Молодой учёный. 2016. № 11 (115). С. 138–143.
3. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 4 (63). С. 19–24.
4. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / сост. Ю. А. Бельчиков; предисл. Ю. В. Рождественского. М.: Высшая школа, 1978. 367 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
6. Карпова А. М. Копипаста как новое языковое явление // Грани познания. 2023. № 3 (86). С. 75–79.
7. Кобзева Е. В. Поликодовый текст как объект филологического анализа // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (123). С. 58–62.
8. Кучина С. А. Лингвосемиотический анализ электронного художественного текста : дис. ... д-ра филол. наук : 5.9.8. / Кучина Светлана Анатольевна. М., 2022. 464 с.
9. Кучина С. А. Электронный художественный текст: понятие, категории, лингвосемиотическая специфика : монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. 164 с.
10. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
11. Механическое вмешательство : 15 рассказов, написанных вместе с Алисой на YandexGPT. М.: Альпина.Проза, 2024. 276 с. Электрон. версия печ. изд. // Яндекс Книги : электрон. б-ка. URL: <https://books.yandex.ru/books/Q5PKSuzL> (дата обращения: 14.10.2024).
12. Микин К. Н. Проблема идентификации нейротекстов // Яковлевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Лениногорск, 29 марта 2024 г. СПб.: Сциентиа, 2024. С. 130–134.
13. Oparh (Виктор Фомин). Можно ли использовать текст и код, созданные нейросетью, в коммерческих целях – например, в рекламе или на сайте? // Хабр: сообщество IT-специалистов : сайт. URL: <https://habr.com/ru/companies/ratingruneta/articles/738480/>. Дата публикации: 30.05.2023.
14. Москвин В. П. Художественный стиль // Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков : кол. монография / под ред. Ст. Гайды, Б. Тошовича, Н. И. Клушиной, Т. В. Ицкович. М.: ФЛИНТА, 2023. С. 66–79.
15. Мыслицкая Е. В., Середа О. В. Поликодовые тексты: понятие и виды // Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации : материалы круглого стола с международным участием, 15 ноября 2018 г., Минск, Беларусь. Минск: БГУ, 2018. С. 87–90.
16. Нейролирика. Стихотворения и тексты / сост. В. Коркунов. Харьков: KNTXT, 2018. 68 с.

17. *Ракитина Е. Б.* «Поэтический народ» в контексте русскоязычной интернет-поэзии : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ракитина Екатерина Борисовна. Саратов, 2008. 197 с.
18. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. 357 с.
19. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997. 721 с.
20. *Смольская В. В., Шарапатов Н. С.* Приемы и способы воздействия современной печатной рекламы // СНК-2022 : материалы LXXII открытой междунар. студ. науч. конф. Московского Политеха, Москва, 04–22 апреля 2022 г. М.: ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», 2022. С. 185–188.
21. *Funkouser C. T.* New Directions in Digital Poetry. London: A&C Black, 2012. 328 p.
22. *Funkouser C. T.* Prehistoric Digital Poetry: An Archaeology of Forms, 1959–1995. Alabama: University of Alabama Press, 2007. 408 p.
23. *Glazier L. P.* Digital Poetics: The Making of E-Poetries. Alabama: University of Alabama Press, 2001. 213 p.
24. *Heaven W. D.* ChatGPT is everywhere. Here's where it came from // MIT Technology Review. Electronic edition. URL: <https://www.technologyreview.com/2023/02/08/1068068/chatgpt-is-everywhere-heres-where-it-came-from/>. Date of publication: 08.02.2023.

References

1. Balakina, YuV 2016, 'Elektronnyy tekst: printsipialno novyy tip teksta?' (Electronic text: a fundamentally new type of text?), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics), vol. 15, no. 3, pp. 17–27. (In Russ.)
2. Belobeyev, KV, Zarnitskiy, SS & Shtefan, VM 2016, 'Razrabotka kompleksnogo proyekta veb-portala "Neyrotekst" dlya izucheniya kognitivnogo vozdeystviya kontenta' (Development of a comprehensive project of the "Neurotext" web portal for studying the cognitive impact of content), *Molodoy uchonyy*, vol. 115, no. 11, pp. 138–143. (In Russ.)
3. Bolshakova, LS 2008, 'O sodержanii ponyatiya "polikodovyy tekst"' (About the content of the concept of "polycode text"), *Vestnik of Samara State University*, vol. 63, no. 4, pp. 19–24. (In Russ.)
4. Vinogradov, VV 1978, *Istoriya russkikh lingvisticheskikh ucheniy*: (History of Russian linguistic teachings), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
5. Galperin, IR 2007, *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* (Text as an object of linguistic research), KomKniga publ, Moscow. (In Russ.)
6. Karpova, AM 2023, 'Kopipasta kak novoye yazykovoye yavleniye' (Copy and paste as the new linguistic phenomenon in the Internet communication), *Grani poznaniya*, vol. 86, no. 3, pp. 75–79. (In Russ.)
7. Kobzeva, EV 2017, 'Polikodovyy tekst kak obyekt filologicheskogo analiza' (Polycode text as the object of philological analysis), *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, vol. 123, no. 10, pp. 58–62. (In Russ.)
8. Kuchina, SA 2022, *Lingvosemioticheskiy analiz elektronnoy khudozhestvennoy teksta* (Linguistic and semiotic analysis of an electronic literary text), doctoral thesis, Moscow State Linguistic University, Moscow. (In Russ.)
9. Kuchina, SA 2019, *Elektronnyy khudozhestvennyy tekst: ponyatiye, kategorii, lingvosemioticheskaya spetsifika* (Electronic literary text: concept, categories, linguistic and semiotic specifics: monograph), Izd-vo NGTU publ, Novosibirsk. (In Russ.)
10. Matveyeva, TV 2010, *Polnyy slovar lingvisticheskikh terminov* (A complete dictionary of linguistic terms), Feniks publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
11. *Mekhanicheskoye vmeshatelstvo. 15 rasskazov, napisannykh vmeste s Alisoy na YandexGPT* (Mechanical intervention. 15 short stories written with Alice on YandexGPT), viewed 14 October 2024, <https://books.yandex.ru/books/Q5PKSuzL> (In Russ.)
12. Mikin, KN 2024, 'Problema identifikatsii neyrotekstov' (The problem of neurotext identification), *Yakovlevskiye chteniya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konfer-*

- entsii (Yakovlev Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference), 29 March 2024, Leninogorsk, Stsiyentia publ, St. Petersburg, pp. 130–134. (In Russ.)
13. *Mozhno li ispolzovat tekst i kod, sozdannyye neyrosetyu, v kommercheskikh tselyah – naprimer, v reklame ili na sayte?* (Is it possible to use the text and code created by the neural network for commercial purposes, for example, in advertising or on a website?), viewed 19 January 2025, <https://habr.com/ru/companies/ratingruneta/articles/738480/> (In Russ.)
14. Moskvina, VP 2023, 'Hudozhestvennyy stil' (Artistic style), *Stilistika slavyanskikh stran na rubezhe XX–XXI vekov* (The stylistics of Slavic countries at the turn of the 20th – 21st centuries), ed. St. Gaydy, B. Toshovich, N. I. Klushina, T. V. Itskovich, FLINTA publ, Moscow, pp. 66–79. (In Russ.)
15. Myslitskaya, EV & Sereda, OV 2018, 'Polikodovyye teksty: ponyatiye i vidy' (Polycode texts: concept and types), *Taktika i metodika rassledovaniya prestupleniy: teoriya, praktika, innovatsii: materialy kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiyem* (Tactics and methodology of crime investigation: theory, practice, innovations: proceedings of a round table with international participation), ed. V. B. Shabanov, 15 November 2018, Minsk, BSU publ, Minsk, pp. 87–90. (In Russ.)
16. Korkunov, V 2018, *Neyrolirika. Stikhotvoreniya i teksty* (Neuro-lyrica. Poems and texts), KNTXT publ, Kharkov. (In Russ.)
17. Rakitina, EB 2008, "Poeticheskiy narod" v kontekste russkoyazychnoy internet-poezii ("Poetic People" in the context of Russian-language Internet poetry), PhD thesis, Saratov. (In Russ.)
18. Rosenthal, DE & Telenkova, MA (eds.) 1985, *Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov* (Dictionary-reference book of linguistic terms. A teacher's manual), Prosveshcheniye publ, Moscow. (In Russ.)
19. Karaulov, YuN (ed.) 1997, *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* (Russian language. Encyclopedia), Scientific publishing house "The Great Russian Encyclopedia", Bolshaya ros. entsikl. publ, Drofa publ, Moscow. (In Russ.)
20. Smolskaya, VV & Sharapatov, NS 2022, 'Priyomy i sposoby vozdeystviya sovremennoy pechatnoy reklamy' (Techniques and ways of influencing modern print advertising) in *SNK-2022: Materialy LXXII otkrytoy mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii Moskovskogo Politekha* (SNK-2022: proceedings of the 72nd open international. stud. scientific. conf. of Moscow Polytechnic University), 4–22 April 2022, Moscow, Moscow Polytechnic University, Moscow, pp. 185–188. (In Russ.)
21. Funkouser, CT 2012, *New Directions in Digital Poetry*, A&C Black publ, London.
22. Funkouser, CT 2007, *Prehistoric Digital Poetry: An Archaeology of Forms, 1959–1995*, University of Alabama Press publ, Alabama.
23. Glazier, LP 2001, *Digital Poetics: The Making of E-Poetries*, University of Alabama Press, Alabama.
24. Heaven, WD 2023, 'ChatGPT is everywhere. Here's where it came from', *MIT Technology Review. Electronic edition*, <https://www.technologyreview.com/2023/02/08/1068068/chatgpt-is-everywhere-heres-where-it-came-from/>.

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 08.02.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Научная статья
УДК 811.161.1'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-122-133>

ВНУТРИДИСКУРСИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ АННОТАЦИИ В ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ: ФАКТОР ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СОДЕРЖАНИЯ

**Максим Викторович
Праско**

Новосибирский государственный
педагогический университет
Новосибирск, Россия, mvprasko@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7731-4768>

Аннотация. В статье рассматривается проблема вариативности жанра аннотации и выявляется роль идеологического компонента содержания в вариантах аннотаций, функционирующих в позднесоветском и современном издательском дискурсе. Материалом для анализа послужили 100 прикнижных аннотаций к произведениям отечественной литературы XX в., входящих в соцреалистический канон («Мать» Максима Горького, «Поднятая целина» М. А. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, «Молодая гвардия» А. А. Фадеева и др.). В исследовании использовались общенаучные методы (анализ, сравнение, обобщение) и методы дискурсивного и лингвопрагматического анализа. Полученные результаты свидетельствуют, что аннотация как жанр издательского дискурса претерпела значительные изменения в композиционно-содержательной структуре под влиянием трансформации общественных ценностей. Так, было установлено, что в советских прикнижных аннотациях к литературно-художественным изданиям представлены минимальные сведения об авторах, дана обобщенная характеристика произведения, которая раскрывает в основном его идеологическую направленность, а не событийное содержание. Изобилие идеологических штампов ограничивает языковое разнообразие и оригинальность текста аннотаций, которые в итоге становятся одним из инструментов формирования идеологической картины мира. В свою очередь, современные издательские аннотации демонстрируют гибкость в подходах к характеристике произведений советской литературы: акцент в них смещается с идеологической оценки на более широкий контекст, включающий в себя биографические сведения об авторах, сюжетные линии и психологические характеристики персонажей. Это позволяет формировать читательский интерес и эмоциональный отклик и обеспечивает выполнение воздействующей функции. В целом исследование показало, что вариативность аннотации в издательском дискурсе обусловлена не только преобразованиями в книжной отрасли, но и сменой идеологического контекста.

Ключевые слова: аннотация, жанр, издательский дискурс, вариативность жанра, идеологический компонент, идеологическая оценка.

Благодарности: Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Т. И. Стексовой.

Для цитирования: Праско М. В. Внутридискурсивная вариативность издательской аннотации в диахронном аспекте: фактор идеологического компонента содержания // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 122–133. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-122-133>

Сведения об авторе: М. В. Праско – аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28.

© Праско М. В., 2025

Scientific Article
UDC 811.161.1'42
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-122-133>

THE INTRA-DISCURSIVE VARIABILITY OF THE PUBLISHER'S ANNOTATION IN THE DIACHRONIC ASPECT: THE FACTOR OF THE CONTENT IDEOLOGICAL COMPONENT

Maxim V. Prasko

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russia, mvprasko@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7731-4768>

Abstract. The article examines the problem of the variability of the annotation genre and identifies the role of the content ideological component in the annotation variants functioning in the late Soviet and modern publishing discourse. The material for the analysis was 100 book annotations to the Russian literature works of the 20th century, included in the socialist realism canon ("Mother" by Maxim Gorky, "Virgin Soil Upturned" by M. A. Sholokhov, "How the Steel Was Tempered" by N. A. Ostrovsky, "The Young Guard" by A. A. Fadeyev, etc.). The author uses general scientific methods (analysis, comparison, generalization) and methods of discursive and linguistic-pragmatic analysis. According to the results obtained, annotation as a genre of publishing discourse has significantly changed in its compositional and content structure under the influence of the social values transformation. Thus, the Soviet book annotations to literary publications contain minimal information about the authors; they give a generalized description of the work, which mainly reveals its ideological orientation, rather than the event content. The abundance of ideological clichés limits the linguistic diversity and originality of the annotations text, which eventually become one of the tools for shaping the ideological worldview. In turn, modern publisher's annotations demonstrate flexibility in their approaches to characterizing works of Soviet literature: the emphasis in them shifts from an ideological assessment to a broader context, including biographical information about the authors, storylines, and psychological properties of the characters. This contributes to the formation of reader's interest and emotional response and ensures the fulfilment of the influencing function. In general, the study shows that the variability of annotations in publishing discourse is due not only to transformations in the book industry, but also to the change in the ideological context.

Keywords: annotation, genre, publishing discourse, genre variability, ideological component, ideological assessment.

Acknowledgements: The work was carried out under the supervision of Doctor of Sciences in Philological Sciences, Professor Tatiana I. Steksova.

For citation: Prasko, MV 2025, 'The Intra-Discursive Variability of the Publisher's Annotation in the Diachronic Aspect: the Factor of the Content Ideological Component', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 122–133, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-122-133> (in Russ.)

Information about the Author: Maxim V. Prasko – Postgraduate Student of the Department of Modern Russian Language and Methods of its Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuyskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russia.

Введение

Динамика жанровых форм, обусловленная историческим развитием общества и социальными механизмами, регулирующими его, способствует образованию новых жанров, модификации и трансформации уже существующих. В процессе коммуникации речевые жанры (РЖ) формируют устойчивые признаки – структурные и содержательные характеристики, которые, однако, имеют различную степень выраженности и со временем могут изменяться. Установление границ между разными жанрами, разнородность тематического содержания и композиционного построения, выявление вариантов и функционирование одного жанра в разных дискурсах – все эти проблемы вызывают интерес у современных исследователей. Так, М. А. Кантурова и Т. И. Стексова рассматривают системные отношения речевых жанров в аспектах производности и вариативности [20]. Авторы разграничивают межжанровые и внутрижанровые процессы, а также выделяют четыре типа вариативности: 1) «как результат деривационных процессов (а именно – модификации)», 2) «вариативность жанра в пределах одного дискурса», 3) «вариативность способов языкового выражения одного и того же жанра», 4) «вариативность жанровой интерпретации высказывания адресатами» [20, с. 90].

Анализ дискурсивных практик в диахронном аспекте позволяет выявить структурные и содержательные изменения, которые претерпевают речевые жанры в процессе своего становления и развития. При этом важным становится «не собственно лингвистический, а экстралингвистический аспект, точнее, экстралингвистические факторы, действие которых может приводить к 1) появлению новых РЖ и 2) новых особенностей традиционных РЖ и их трансформации» [17, с. 8]. Обозначенная В. В. Дементьевым как «путь сверху», такая тенденция связана с общими изменениями культуры, в частности сменой социальных формаций и господствующей идеологии [17, с. 7].

В этом контексте исследовательский интерес вызывает сопоставительное изучение вариантов жанра аннотации, функционирующих в позднесоветском и современном издательском дискурсе.

Особенности прикнижных аннотаций советского периода выявляются исследователями в основном на фоне подробного анализа современных жанровых вариантов. Так, О. О. Хасановой и А. Ф. Каримовой было определено, что «в советское время сложилась традиция составления аннотации как текста, носящего справочный характер» [39, с. 75]. Е. Д. Бугрова указывает, что аннотациям к переводной массовой литературе, выпущенной в 1970–1980-е гг., присуща «концептуальность и энциклопедичность», а при характеристике автора часто используются клишированные сочтения [5, с. 83, 85].

По мнению Т. Е. Лаевской, аннотации к книгам, изданным в советский период, «содержат в себе информацию о жанрово-тематической принадлежности произведений, их проблематике», «носят информативный характер и склонны к стилистической отделенности от текста аннотируемого художественного произведения» [22, с. 47, 57]. Теоретически значимые выводы сформулированы в исследовании аннотаций разных периодов к белорусским изданиям В. Быкова: в аннотациях 1960–1970-х гг. «представлено краткое содержание первичного текста, его тематика и проблематика, подчеркивается героический пафос произведения», в аннотациях 1980-х гг. «особое внимание уделялось официальным регалиям автора», а в аннотациях 1990-х гг. – «гуманистическому пафосу произведений, отражению моральных проблем» [22, с. 73]. В итоге Т. Е. Лаевская заключает, что полученные результаты свидетельствуют о «социально детерминированной эволюции жанра» и отражают в текстах аннотаций «процесс изменения общественных приоритетов» [22, с. 73].

Таким образом, вариативность прикнижной аннотации в диахронном аспекте обусловлена, по мнению исследователей, изменением ценностных ориентаций общества и доминирующей дискурсивной практикой, регламентирующей социальное взаимодействие в определенный период. Однако вопросы влияния экстралингвистических факторов на композиционно-содержательную структуру аннотаций остаются недостаточно изученными.

Цель исследования – определение роли фактора идеологического компонента содержания в вариантах аннотаций, функционирующих в позднесоветском и современном издательском дискурсе.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили собранные методом случайной выборки 100 прикнижных аннотаций к изданиям произведений отечественной литературы XX в., входящих в соцреалистический канон («Мать» Максима Горького, «Поднятая целина» М. А. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, «Молодая гвардия» А. А. Фадеева и др.). Из выборки были сформированы два корпуса по 50 аннотаций, ранжированные по временному параметру: аннотации к изданиям, выпущенным в 1976–1987 гг., и аннотации к изданиям, выпущенным в 2013–2024 гг. В каждый из корпусов было отобрано равное количество аннотаций к одному произведению.

В исследовании использовались общенаучные методы (анализ, сравнение, обобщение), методы дискурсивного и лингвопрагматического анализа.

Результаты

Для релевантного сопоставительного анализа прикнижных аннотаций к изданиям, выпущенным в позднесоветский и современный периоды, необходимо не только исследовать композиционно-содержательные характеристики жанра, но и учитывать историко-культурный контекст, понимание прикнижной аннотации, представленное в нормативной и специализированной литературе изучаемых периодов.

Культурная политика советского правительства была направлена, помимо всего, на развитие массового чтения как опосредованной коммуникативной практики, являющейся, как отмечается в энциклопедическом словаре по книговедению, вышедшем в 1982 г., способом не только «формирования гармоничного и духовного мира человека развитого социалистического общества», но и «воздействия на сознание народа» [21, с. 597]. Книга в советском обществе позиционируется как важнейшее средство распространения знаний, образования и воспитания и вместе с тем как орудие политической и идеологической борьбы [21, с. 251].

В советский период идеологическую функцию могло выполнять как литературное произведение, так и отдельные элементы аппарата издания, в частности аннотация, которая составлялась не только издательскими, но и книготорговыми работниками. В уже цитируемом энциклопедическом словаре аннотация понимается как «краткая обобщенная характеристика книги (или ее части), статьи и другого (опубликованного или неопубликованного) материала, раскрывающая их *идейно-политическую направленность*, содержание, читательское назначение, форму и другие особенности» [21, с. 20–21] (выделено нами. – М. П.). Дополнительно рассмотрим два определения аннотации из «Большой советской энциклопедии». Во втором издании (1949–1958) аннотация – это «краткая характеристика книги, статьи или рукописного сочинения, излагающая их содержание (обычно в виде перечня главнейших вопросов) и дающая иногда их оценку» [3, с. 464]. В третьем издании (1969–1978) под аннотацией понимается «краткая характеристика книги, статьи или рукописи, их *идейно-политической направленности*, содержания, назначения, ценности и др.» [4, с. 42] (выделено нами. – М. П.). В последнем определении дела-

ется акцент на оценке идеологической направленности аннотируемого произведения – параметре, который не упоминается во втором издании энциклопедии. Очевидно, что изменение подхода к трактовке аннотации обусловлено социокультурными факторами: издательско-книготорговая библиография в позднесоветский период «развивается на основе принципа партийности» [23, с. 95]. Так, в учебнике для обучающихся книготорговых техникумов отмечается, что будущая профессиональная деятельность студентов рассматривается как «составная часть общепартийной и общегосударственной работы по коммунистическому воспитанию трудящихся», «книгопродавец должен не только удовлетворить духовные запросы, но и содействовать их развиту, влиять на мировоззрение читателей» [23, с. 121, 122].

Для сравнения изучим еще один источник. В книге Д. Беклешова «Реклама книг сегодня», выпущенной в 1986 г., издательская аннотация рассматривается как основа для составления книготоргового рекламного текста. Однако автор отмечает, что «качество аннотаций, подготовленных издательствами, не всегда является достаточно высоким» [2, с. 99], поэтому сотрудникам отдела пропаганды книги в системе книготорга необходимо при составлении рекламного текста придерживаться следующих рекомендаций: он должен содержать конкретную и достоверную информацию о книге и ее авторе, элементы новизны, которые заинтересуют читателя, желательно выделять оригинальные особенности книги и творчества ее автора, а также текст должен быть «написан языком легким, живым и остроумным» [2, с. 94–95]. Кроме того, явно прослеживается критика издательских сотрудников из-за их подхода к подготовке аннотаций: «Далеко не всегда руководство издательств просматривает или поправляет аннотации; не всегда их составление входит в план работы редактора. Не удивительно поэтому, что и редакторы порой относятся к составлению аннотаций как к чему-то второстепенному» [2, с. 61]. Отметим, в этом справочном издании нет упоминаний о том, что прикнижная аннотация или книготорговый рекламный текст должны содержать оценку идеологической направленности произведения.

В завершение обзора также укажем, что в действующем в 1980-е гг. ГОСТе 7.9–77 (введен в 1978 г. [15], внесены изменения в 1981 г. [16]) в определении аннотации нет указания на характеристику идейно-политической направленности аннотируемого произведения: «...краткая характеристика произведений печати (их совокупности или их частей) с точки зрения содержания, назначения, формы и других особенностей» [15].

Таким образом, в справочной и нормативной литературе советского периода, рассчитанной на специалистов книжной отрасли, наблюдаются различия в понимании содержательного аспекта аннотации. Однако можно заключить, что характеристика идейно-политической направленности произведений являлась значимым компонентом прикнижных аннотаций в позднесоветский период.

В современной книгоиздательской деятельности наблюдается тесная взаимосвязь социальных, эстетических и экономических аспектов. В условиях маркетинговой коммуникации книга становится культурным товаром, нуждающимся в продвижении, для которого издатели используют коммуникативно-прагматический потенциал разных элементов издательского паратекста, в том числе аннотации [7; 19].

В нормативной и справочной литературе, регламентирующей современную издательскую и библиотечную деятельность, прикнижная аннотация определяется как малоформатный вторичный текст, в котором представлена «краткая характеристика издания с точки зрения его целевого назначения, содержания, читательского адреса, издательско-полиграфической формы и других его особенностей» [14, с. 2]. В ГОСТе 7.86–2003, посвященном издательской аннотации, впервые предъявляются

требования к ее содержанию, структуре и оформлению, что подразумевает ее стереотипную реализацию. Однако ранее проведенное нами исследование показало, что композиционная структура издательской аннотации динамична и вариативна, поскольку детерминирована особенностями аннотируемого произведения и его читательским адресом, и в каждом конкретном случае в зависимости от коммуникативной интенции составителя она строится из различных комбинаций композиционно-содержательных блоков «автор», «текст», «читатель», «издание» [37].

В современной издательской практике с целью фиксации внимания потенциального покупателя на книге, создания личной заинтересованности в ее чтении, а также убеждения в целесообразности ее приобретения используются функциональные возможности аннотации. Представляя историю развития аннотации, О. А. Агаркова и Т. В. Макшанова отмечают, что со временем изменились коммуникативная цель жанра: «от передачи основного содержания текста книги до ее рекламирования», и языковые особенности: «от сложных громоздких предложений, объяснявших кому адресована книга и цель ее издания, до простых понятных и динамичных предложений рекламного характера» [1, с. 595]. Прикнижная аннотация начинает размещаться на четвертой сторонке обложки, что усиливает ее ориентированность на адресата и обеспечивает выполнение фатической и воздействующей функций [6; 19]; для создания персуазивного эффекта активно применяют различные средства аттрактивности: прецедентные феномены, цитаты, метафоры, образные сравнения, окказионализмы, вопросительные предложения и др. [18]. Все эти особенности позволяют некоторым исследователям выявлять в издательской аннотации черты продвигающего текста и рассматривать ее как жанр рекламы [19; 38; 40]. Очевидно, что аннотация в современном издательском дискурсе является динамично развивающимся жанром, что обусловлено социокультурными факторами, в том числе и изменениями ценностных ориентаций общества.

Проведем анализ композиционно-содержательных блоков «автор» и «текст» с учетом влияния фактора идеологического компонента на дискурсивную специфику развития жанра аннотации. Из-за ограниченности объема статьи представим результаты анализа аннотаций преимущественно к изданиям М. Горького «Мать» и А. Н. Островского «Как закалялась сталь».

Сведения об авторе в аннотациях к изданиям советского периода либо не приводятся, либо представлены минимальным описанием, в основном содержащим идеологические штампы. Так, в характеристике Н. А. Островского подчеркивается, что личный опыт писателя связан с идеалами революции: он принадлежал *...к поколению первых комсомольцев, активных борцов за Советскую власть* [30, с. 4]; создается исторический контекст, в котором формировались новые ценности: *первое поколение советских людей ...закалялось в огне и буре великих исторических событий* [29, с. 4]. Отсутствие каких-либо биографических сведений об авторе обусловлено тем, что включенные в выборку произведения являются хрестоматийными, поэтому информация о писателях общеизвестна.

В современных издательских аннотациях предоставляются разнообразные сведения об авторах: принадлежность к определенной эпохе и сфера деятельности, биографическая справка, значимые события и т. д. Например: *Николай Алексеевич Островский (1904–1936) – советский писатель, участник Гражданской войны. В пятнадцать лет Островский вступает в комсомол и сразу же уходит на фронт добровольцем. Молодой Островский всегда стремился быть там, где больше всего нужен Родине. На комсомольской стройке железнодорожной ветки в Киеве Николай сильно простудился и заболел тифом. В возрасте восемнадцати лет Островский был признан инвалидом, но продолжал усердно работать. Свой автобиографический роман «Как закалялась сталь» (1934) Островский писал, будучи*

прикованным к постели [34, с. 4]. В этой аннотации сообщаются биографические данные, которые формируют образ писателя как активного участника исторических событий, как гражданина своей страны, преданного Родине и социалистическим ценностям, подчеркивается стремление запечатлеть свой жизненный опыт, несмотря на физические ограничения. Трагическая судьба, стойкость характера и мужество превращают автора в символ борьбы и создают мощный моральный посыл, актуальный и в современном контексте без идеологического аспекта. Подкрепляется данная нравственная установка и включением в некоторые аннотации широко известной цитаты из романа: *Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы* [32, с. 4; 35, с. 4]. В итоге в современных аннотациях Н. А. Островского представляют как самоотверженного писателя, чья жизнь превратилась в подвиг, а личная история тесно сопряжена с изменениями в обществе. Такая характеристика транслирует моральные и этические ценности, значимые вне зависимости от политического контекста.

Характеристика произведения в аннотациях советского периода представлена предельно обобщенно, без описания сюжета, по сути, выявляется идейное, а не событийное содержание. Так, в аннотациях к советским изданиям романа «Мать» не упоминаются события и персонажи, а только дается оценка в соответствии с социалистической идеологией, что формирует стереотипный контекст восприятия: *...первое художественное произведение, показавшее превращение пролетариата в класс борющийся...* [9, с. 4], в котором Горький *...изобразил борьбу революционного пролетариата за социализм, рождение нового человека...* [8, с. 4]. При этом в текстах могут раскрываться ключевые идеологические понятия: *класс борющийся – осознавший ...свое великое назначение освободить себя и все человечество от рабства* [9, с. 4]; *новый человек – ...сознательный, активный борец за свободу и счастье народа* [8, с. 4]. Указанные идеологемы отражают позитивный образ пролетариата как активного субъекта, который не только стремится к личной свободе, но и действует в интересах общества, т. е. его индивидуальные интересы подчинены коллективным целям, что соответствует идеологии социализма, провозгласившей равенство и справедливость. В одной из аннотаций указывается, что роман Горького получил *...высокую оценку В. И. Ленина...* и положил *...начало литературе социалистического реализма* [10, с. 4]. Здесь ссылка на авторитет В. И. Ленина подчеркивает легитимность произведения и его идеологическую значимость, а принадлежность к соцреализму – это маркер не только художественной ценности, но и политической целесообразности, что в целом демонстрирует характерную для советской культуры взаимосвязь искусства и политики: произведения становятся инструментами формирования общественного мнения и идеологической идентичности.

При характеристике героя произведения в аннотациях к советским изданиям романа «Как закалялась сталь» используются идеологические штампы. Так, указывается, что в образе Павла Корчагина автор создал *...мужественного, волевого борца-революционера, глубоко преданного партии* [28, с. 4] и показал *...прекрасные человеческие качества советской молодежи, воспитанные в революционной борьбе: преданность делу партии, любовь к Родине, мужество и моральную чистоту* [25, с. 4]. И еще примеры характеристики героя: *Корчагин – из того племени отважных и самоотверженных борцов, каких вырастила Коммунистическая партия и комсомол* [24, с. 4; 26, с. 2]; *Ведя своего героя... через годы гражданской войны, через пламя жесточайшей борьбы между правдой и ложью, между новым и старым миром, писатель показал нам страстного борца-большевика, целеустремленную, стальную натуру с нежной и чистой душой* [27, с. 4]. В целом использованные идеологемы формируют образ сильного героя, прошедшего процесс формирования

личности в сложных исторических условиях и готового бороться за социалистические идеалы.

В подобных фразах, названных А. Юрчаком «стандартными и неизменными формами авторитетного языка» [41, с. 121], автор текста выступает «не производителем нового знания, а лишь ретранслятором уже существующего знания», которое представляется как уже известное и не требующее доказательств [41, с. 136]. Использование повторяющихся однотипных пресуппозиций создает стандартную и предсказуемую форму идеологических высказываний, эффект которых связан с деперсонализацией языка и созданием у аудитории «впечатления неизменности и неизбежности именно такого способа описания реальности» [41, с. 160]. В таких текстах язык выполняет функцию идеологического предписания, что ведет к его стандартизации.

Эта мысль подтверждается и тем фактом, что при сборе аннотаций к изданиям советского периода нам встречались полностью одинаковые тексты или некоторые предложения из них. Причем книги с одинаковыми аннотациями выходили в разных издательствах и в разные годы. Следовательно, аннотация в советский период мыслится как текст, лишенный оригинальности, который может содержать скопированные фразы и устойчивые идеологические обороты речи.

В современных аннотациях роман «Мать» характеризуется как *...одно из самых известных произведений Горького...* [11, с. 383], которое *...вызывало широкую дискуссию в российском обществе...* [12, с. 2] и *...считается отправной точкой для жанра «социальный реализм»* [13, с. 4] (здесь укажем на издательскую погрешность: соцреализм вовсе не жанр, а направление в литературе). Отмечается, что *волнующий сюжет основан на реальных событиях и включает ...острую политическую борьбу, тайные сходы, обыски, аресты* [11, с. 383]. Герой романа Павел Власов – *...молодой фабричный рабочий...* [12, с. 2], *революционер, обладающий ...самоотверженным героизмом...* [11, с. 383], он *...пытается вырваться из беспросветного тяжелого окружения* [13, с. 4]. Его мать, *...простая и необразованная женщина...* [12, с. 2], *...вдова фабричного слесаря...* [13, с. 4], *несмотря на опасения и страх... постепенно проникается... революционными идеями сына и присоединяется к борьбе за права трудящихся* [13, с. 4], ее *...родительская любовь постепенно приводит к пониманию взглядов и убеждений ее сына, а потом и к активному участию в революционной борьбе* [12, с. 2]. В другой аннотации образ Пелагии Ниловны характеризуется как *...один из самых ярких и волнующих персонажей российской литературы, символизирующий собой вечный образ Матери, наделенной даром безграничной любви и терпения* [11, с. 383]. Характеристика главной героини выходит за пределы социально-политического описания, вводится дополнительный уровень интерпретации, связанный с концепцией материнства как источника любви и терпения. Это создает контраст между политической борьбой и личной жертвой, подчеркивается, что материнская любовь является движущей силой, в том числе способствующей революционным изменениям. Очевидно, что в современных аннотациях к роману «Мать» акцент делается на общечеловеческих качествах героев, на семейных отношениях, а социально-политический пафос произведения не является доминирующей характеристикой произведения.

В современных аннотациях к роману «Как закалялась сталь» указывается, что *...идеологическая подоплека этой книги устарела, но главная тема романа, тема сильного и целеустремленного человека, готового преодолеть любые трудности и удары судьбы, по-прежнему остается актуальной* [31, с. 4]. Героический образ Павла Корчагина конструируется на фоне исторических событий и отмечается, что он *...стал примером мужества и силы человеческого духа для многих поколений* [34, с. 4]. Подчеркивается, что роман *...обрел огромную популярность и стал са-*

мым издаваемым произведением советской литературы [33, с. 4] а также был дважды экранизирован. В целом в современных аннотациях роман Н. А. Островского позиционируется как *эмблема эпохи, учебник жизни для миллионов* [36, с. 446], т. е. как важный элемент культурной памяти, сформировавший моральные устои советского общества.

Заключение

Проведенный анализ позволил установить, что аннотация как жанр издательского дискурса претерпела значительные изменения в композиционно-содержательной структуре под влиянием трансформации общественных ценностей.

В позднесоветский период аннотации к произведениям, входящим в соцреалистический канон, являлись не столько средством информирования о содержании первоисточника, сколько инструментом формирования идеологической картины мира. Такие аннотации часто представляли собой стандартизированные тексты, наполненные идеологическими штампами, подчеркивающими классовую борьбу, героизм пролетариата и необходимость следования коммунистическим идеалам. Это в значительной степени ограничивало языковое разнообразие, оригинальность и коммуникативные возможности аннотаций.

Современные аннотации, напротив, демонстрируют значительную вариативность и гибкость в подходах к характеристике произведений: акцент в них смещается с идеологической оценки на более широкий контекст, включающий биографические сведения об авторах, сюжетные линии и психологические характеристики персонажей. Это свидетельствует о том, что составители аннотаций стремятся установить более глубокую связь с адресатом, которая будет направлена на формирование читательского интереса и эмоционального отклика.

Таким образом, исследование подчеркивает значимость учета экстралингвистических факторов при анализе жанровых изменений и подтверждает, что внутрижанровая вариативность аннотации в издательском дискурсе обусловлена не только преобразованиями в книжной отрасли, но и сменой идеологического контекста.

Список источников и литературы

1. Агаркова О. А., Макишанова Т. В. Эволюция прикнижной аннотации // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 593–595.
2. Беклешов Д. Реклама книг сегодня. М.: Книга, 1986. 208 с.
3. Большая советская энциклопедия / гл. ред. С. И. Вавилов. 2-е изд. Т. 2: Акты – Ариетта. М.: БСЭ, 1950. 652 с.
4. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 2: Ангола – Барзас. М.: Сов. энцикл., 1970. 631 с.
5. Бугрова Е. Д. Эволюция жанра аннотаций к переводной массовой литературе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 82–88.
6. Васильева Н. В. Текст на обложке книги: место в классификации вторичных текстов // Информационная структура текста : сб. статей. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 169–182.
7. Викулова Л. Г. Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2с (18). С. 63–69.
8. Горький М. Мать. М.: Современник, 1977. 318 с.
9. Горький М. Мать. М.: Современник, 1983. 288 с.
10. Горький М. Мать. М.: Сов. Россия, 1985. 301 с.
11. Горький М. Мать. СПб.: Азбука : Азбука-Аттикус, 2018. 384 с.
12. Горький М. Мать. М.: АСТ, 2023. 416 с.
13. Горький М. Мать. М.: Эксмо, 2024. 384 с.

14. ГОСТ 7.86–2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Общие требования к издательской аннотации. М.: ИПК Изд-во стандартов, 2004. 6 с.
15. ГОСТ 7.9–77. Система информационно-библиографической документации. Реферат и аннотация. М.: Гос. комитет стандартов Совета министров СССР, 1978. 8 с.
16. ГОСТ 7.9–77. Система информационно-библиографической документации. Реферат и аннотация (с изменением, утвержденным в феврале 1981 г.) // Стандарты по библиотечному делу и библиографии. М.: Изд-во стандартов, 1985. С. 100–105.
17. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6–21.
18. Зоидзе Э. А. Аппраактивностъ книгоиздательского дискурса // Актуальные вопросы англистики и методики преподавания русского языка как иностранного : сб. науч. статей. Вып. 2. М.: Языки народов мира, 2023. С. 197–206.
19. Зоидзе Э. А. Текст на обложке книги: о сущности жанра аннотации // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 2. С. 73–95.
20. Кантурова М. А., Стексова Т. И. Производностъ и вариативностъ речевых жанров : монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 128 с.
21. Книговедение : энцикл. словарь / гл. ред. Н. М. Сикорский. М.: Сов. энцикл., 1982. 664 с.
22. Лаевская Т. Е. Вторичный жанр «издательская аннотация»: типология, функции, дискурсивные контакты : монография. Мозырь: Изд-во МГПУ им. И. П. Шамякина, 2021. 104 с.
23. Осипов В. О., Демьянова А. М., Осипова А. С. Основы библиографии и изучения книги : учебник для учащихся книготорговых техникумов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книга, 1989. 224 с.
24. Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: ДОСААФ, 1976. 384 с.
25. Островский Н. А. Как закалялась сталь. Л.: Лениздат, 1976. 360 с.
26. Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: Худож. лит., 1982. 382 с.
27. Островский Н. А. Как закалялась сталь. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1982. 362 с.
28. Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: Современник, 1984. 335 с.
29. Островский Н. А. Как закалялась сталь. Киев: Веселка, 1986. 347 с.
30. Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: Сов. Россия, 1987. 300 с.
31. Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: АСТ, 2017. 512 с.
32. Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: АСТ, 2020. 384 с.
33. Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: Вече, 2022. 416 с.
34. Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: АСТ, 2023. 448 с.
35. Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: Эксмо, 2023. 416 с.
36. Островский Н. А. Как закалялась сталь. СПб.: Азбука, 2024. 448 с.
37. Праско М. В. Композиционно-структурная вариативностъ речевого жанра аннотации в издательском дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 2. С. 200–207.
38. Ухова Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 71–82.
39. Хасанова О. О., Каримова А. Ф. Аннотация как жанр книжной рекламы // Славянские чтения – 2023 : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году педагога и наставника (Стерлитамак, 24–25 мая 2023 г.). Стерлитамак: Стерлитамакский филиал УУНиТ, 2023. С. 75–78.
40. Чупрына О. Г. Обложечная аннотация как продвигающий текст // Иностранные языки в высшей школе. 2020. № 3 (54). С. 105–114.
41. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 644 с.

References

1. Agarkova, OA & Makshanova, TV 2018, 'Evolutsiya priknizhnoy annotatsii' (The evolution of annotations for books), *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* (The world of science, culture, and education), no. 2 (69), pp. 593–595. (In Russ.)
2. Bekleshov, D 1986, *Reklama knig segodnya* (Book advertising today), Kniga publ, Moscow. (In Russ.)
3. Vavilov, SI (ed.) 1950, 'Akty – Ariyetta' (Acts – Arietta), *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* (The Great Soviet Encyclopedia), vol. 2, Bolshaya Sovetskaya enciklopediya publ, Moscow. (In Russ.)
4. Prokhorov, AM (ed.) 1970, 'Angola – Barzas' (Angola – Barzas), *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* (The Great Soviet Encyclopedia), vol. 2, Sovetskaya entsiklopediya publ., Moscow. (In Russ.)
5. Bugrova, ED 2013, 'Evolutsiya zhanra annotatsiy k perevodnoy massovoy literature' (The Evolution of Blurbs for Translated Mass Literature), *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no. 2 (114), pp. 82–88. (In Russ.)
6. Vasilyeva, NV 2018, 'Tekst na oblozhke knigi: mesto v klassifikatsii vtorichnykh tekstov' (Text on the book cover: a place in the classification of secondary texts), *Informatsionnaya struktura teksta*, INION RAN publ, Moscow, pp. 169–182. (In Russ.)
7. Vikulova, LG 2012, 'Izdatelskiy diskurs v sisteme obshcheniya avtor – izdatel – chitatel' (The publishing discourse in communication system "author – publisher – reader"), *Vestnik of Irkutsk State Linguistic University*, no. 2s (18), pp. 63–69. (In Russ.)
8. Gorkiy, M 1977, *Mat* (The Mother), Sovremennik publ, Moscow. (In Russ.)
9. Gorkiy, M 1983, *Mat* (The Mother), Sovremennik publ, Moscow. (In Russ.)
10. Gorkiy, M 1985, *Mat* (The Mother), Sovetskaya Rossiya publ, Moscow. (In Russ.)
11. Gorkiy M 2018, *Mat* (The Mother), Azbuka publ., Azbuka- Attikus publ, St. Petersburg. (In Russ.)
12. Gorkiy, M 2023, *Mat* (The Mother), AST publ, Moscow. (In Russ.)
13. Gorkiy, M 2024, *Mat* (The Mother), Eksmo publ., Moscow. (In Russ.)
14. GOST 7.86–2003. *Sistema standartov po informatsii, bibliotechnomu i izdatelskomu delu. Izdaniya. Obshchiye trebovaniya k izdatelskoy annotatsii* (All-Union State Standard 7.86–2003. A system of standards for information, librarianship, and publishing. Publications. General requirements for publishing annotations) 2004, IPK Izd-vo standartov publ, Moscow. (In Russ.)
15. GOST 7.9–77. *Sistema informatsionno-bibliograficheskoy dokumentatsii. Referat i annotatsiya* (All-Union State Standard 7.9–77. The system of information and bibliographic documentation. Abstract and abstract) 1978, Gos. komitet standartov Soveta ministrov SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
16. 'GOST 7.9–77. Sistema informatsionno-bibliograficheskoy dokumentatsii. Referat i annotatsiya (s izmeneniyem, utverzhennym v fevrale 1981 g.)' (All-Union State Standard 7.9–77. The system of information and bibliographic documentation. Abstract and abstract (as amended in February 1981)), 1985, *Standarty po bibliotechnomu delu i bibliografii* (Standards in librarianship and bibliography), Izd-vo standartov publ, Moscow, pp. 100–105. (In Russ.)
17. Dementyev, VV 2019, 'Zhanry v menyayushchemsya mire: kreacionistskiye potentsii rechevykh zhanrov i epistemologicheskiye potentsii teorii rechevykh zhanrov' (Genres in Changing World: Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres), *Speech Genres*, no. 1 (21), pp. 6–21, doi: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-2. (In Russ.)
18. Zoidze, EA 2023, 'Attraktivnost knigoizdatelskogo diskursa' (The attractiveness of book publishing discourse), *Aktualnyye voprosy anglistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* (Topical issues of anglistics and methods of teaching Russian as a foreign language), no. 2, Yazyki narodov mira publ, Moscow, pp. 197–206. (In Russ.)
19. Zoidze, EA 2024, 'Tekst na oblozhke knigi: o sushchnosti zhanra annotatsii' (Text on Book Cover: Blurb as a Genre), *Nauchnyi dialog* (Scientific Dialogue), vol. 13, no. 2, pp. 73–95, doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-73-95 (In Russ.)
20. Kanturova, MA & Steksova, TI 2019, *Proizvodnost i variativnost rechevykh zhanrov* (Derivation and variability of speech genres), Izd-vo NGPU publ, Novosibirsk. (In Russ.)
21. Sikorskiy, NM (ed.) 1982, *Knigovedeniye: entsiklopedicheskiy slovar* (Book studies. An encyclopedic dictionary), Sovetskaya entsiklopediya publ, Moscow. (In Russ.)
22. Layevskaya, TE 2021, *Vtorichnyy zhanr «izdatelskaya annotatsiya»: tipologiya, funktsii, diskursivnyye kontakty* (The secondary genre of "publishing abstract": typology, functions, discursive contacts), Izd-vo MGPU im. I. P. Shamyakina publ, Mozyr. (In Russ.)

23. Osipov, VO, Demyanova, AM & Osipova, AS 1989, *Osnovy bibliografii i izucheniya knigi* (Fundamentals of bibliography and book study), Kniga publ, Moscow. (In Russ.)
24. Ostrovskiy, NA 1976, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), DOSAAF publ, Moscow. (In Russ.)
25. Ostrovskiy, NA 1976, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), Lenizdat publ, Leningrad. (In Russ.)
26. Ostrovskiy, NA 1982, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), Khudozhestvennaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
27. Ostrovskiy, NA 1982, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), Permskoye knizhnoye izdatelstvo publ, Perm. (In Russ.)
28. Ostrovskiy, NA 1984, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), Sovremennik publ, Moscow. (In Russ.)
29. Ostrovskiy, NA 1986, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), Veselka publ, Kyiv. (In Russ.)
30. Ostrovskiy, NA 1987, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), Sovetskaya Rossiya publ., Moscow. (In Russ.)
31. Ostrovskiy, NA 2017, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), AST publ, Moscow. (In Russ.)
32. Ostrovskiy, NA 2020, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), AST publ, Moscow. (In Russ.)
33. Ostrovskiy, NA 2022, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), Veche publ, Moscow. (In Russ.)
34. Ostrovskiy, NA 2023, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), AST publ, Moscow. (In Russ.)
35. Ostrovskiy, NA 2023, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), Eksmo publ, Moscow. (In Russ.)
36. Ostrovsky, NA 2024, *Kak zakalyalas stal* (How the Steel Was Tempered), Azbuka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
37. Prasko, MV 2024, 'Kompozitsionno-strukturnaya variativnost' rechevogo zhanra annotatsii v izdatel'skom diskurse' (Compositional and structural variability of the speech genre of annotation in publishing discourse), *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 2, pp. 200–207, doi: 10.52452/19931778_2024_2_200. (In Russ.)
38. Ukhova, LV 2018, 'Prodvigayushchiy tekst: ponyatiye, osobennosti, funktsii' ("Promoting Text": Notion, Features, Functions), *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, no. 3, pp. 71–82, doi: <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10136>. (In Russ.)
39. Khasanova, OO & Karimova, AF 2023, 'Annotatsiya kak zhanr knizhnoy reklamy' (Abstract as a genre of book advertising), *Slavyanskiye chteniya – 2023 : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. Godu pedagoga i nastavnika* (Slavic readings – 2023. Proceedings of the international scientific and practical conference, dedicated to the Year of the teacher and mentor), 24–25 May 2023, Sterlitamakskiy filial UUNiT publ, Sterlitamak, pp. 75–78. (In Russ.)
40. Chupryna, OG 2020, 'Oblozhechnaya annotatsiya kak prodvigayushchiy tekst' (Blurb as a promotional text), *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* (Foreign Languages in Tertiary Education), no. 3 (54), pp. 105–114, doi: <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.54.3.010>. (In Russ.)
41. Yurchak, A 2014, *Eto bylo naveгда, poka ne konchilos. Posledneye sovetskoye pokoleniye* (It was forever, until it was over. The Last Soviet generation), Novoye lit. obozreniye publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 31.01.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 31.01.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Научная статья

УДК 81.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-134-145>

КОМПЬЮТЕРНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

**Елена Васильевна
Дмитриева**

Курский государственный университет
Курск, Россия, dmitrieva_ev@kursksu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1565-8537>

Аннотация. Статья посвящена изучению компьютерной терминологии как элемента языковой картины мира специалиста сферы информационных технологий. Анализ научных работ, посвященных проблеме компьютерной терминологии, свидетельствует о наличии множественности интерпретаций данного феномена, что связано со сравнительно небольшим «возрастом» компьютерной терминологии и ее структурной спецификой. Автор отмечает, что в структуре компьютерной терминологии наблюдается смешение терминов, обладающих различной степенью терминологической определенности. С одной стороны, термины являются строго специализированными, а с другой – могут использоваться в различных контекстах, сохраняя при этом свои профессиональные значения. В исследовании выделяются основные свойства компьютерной терминологии, и подчеркивается ее когнитивная значимость. Материалом для анализа послужили 318 комментариев с форумов *webmasterworld.com* и *cyberforum.ru*, контент которых представляет собой «живой» язык, язык как действие (“language-as-action”) и площадку для профессиональной коммуникации специалистов в сфере информационных технологий. Применение заявленных в статье методов исследования позволило выявить ключевые особенности функционирования компьютерной терминологии в реальном профессиональном взаимодействии. В заключении отмечается, что компьютерная терминология является важным элементом профессиональной картины мира специалиста в области информационных технологий и обладает следующими особенностями: представляет собой динамично развивающуюся систему, характеризуется высокой степенью интернационализации, обладает метафоричностью и обеспечивает точность передачи информации. Кроме того, компьютерная терминология категоризирует профессиональное знание, способствует формированию уникальной картины мира специалистов, объединяя элементы профессиональной и общеупотребительной лексики, а также является системой, имеющей диффузный характер, что характеризуется наличием определенного свойства условности.

Ключевые слова: компьютерная терминология, профессиональная картина мира, профессиональная коммуникация, когнитивные маркеры, информационные технологии.

Для цитирования: Дмитриева Е. В. Компьютерная терминология как феномен современной языковой картины мира // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 134–145. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-134-145>

Сведения об авторе: Е. В. Дмитриева – ассистент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Курский государственный университет, 305000, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, 33.

Scientific Article

UDC 81.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-134-145>

COMPUTER TERMINOLOGY AS A PHENOMENON OF THE MODERN LINGUISTIC WORLDVIEW

Elena V. Dmitriyeva

Kursk State University

Kursk, Russia, dmitrieva_ev@kursksu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1565-8537>

Abstract. The article studies computer terminology as an element of the linguistic worldview of an IT specialist. The analysis of scientific works devoted to the problem of computer terminology indicates the presence of multiple interpretations of this phenomenon due to the relatively young “age” of computer terminology and its structural specificity. The author notes that the structure of computer terminology is a mixture of terms with varying degrees of terminological certainty. On the one hand, the terms are strictly specialized, and on the other hand, they can be used in various contexts while retaining their professional meanings. The study highlights the main properties of computer terminology and emphasizes its cognitive significance. The data from the forums (*webmasterworld.com* and *cyberforum.ru*) served as the material for the analysis. Forum content is a living language, language-as-action and a platform for professional communication of specialists in the field of information technology. The application of the research methods stated in the article made it possible to identify the key features of the functioning of computer terminology in real professional interaction. In conclusion, the author notes that computer terminology is an important element of the specialist’s professional worldview in the field of information technology. Computer terminology has the following features: it is a dynamically developing system, characterized by a high degree of internationalization, is metaphorical and ensures information transmission fidelity. In addition, computer terminology categorizes professional knowledge, contributes to the formation of a unique worldview of specialists, combining elements of professional and common vocabulary, and is also a system of a diffuse nature, which is characterized by the presence of a certain property of conventionality.

Keywords: computer terminology, professional worldview, professional communication, cognitive markers, information technology.

For citation: Dmitriyeva, EV 2025, ‘Computer Terminology as a Phenomenon of the Modern Linguistic Worldview’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 134–145, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-134-145> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena V. Dmitriyeva* – Assistant of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Kursk State University, 33, Radishcheva Str., Kursk, 305000, Russia.

© Dmitriyeva E. V., 2025

Введение

На протяжении длительного периода времени ученые-языковеды активно разрабатывают дискуссионные вопросы, касающиеся функционирования термина в языковой картине мира (см. подробно [1; 3; 5; 6; 13; 16; 19] и др.). Предметом дискуссии являются следующие проблемы: создание единой дефиниции термина, выявление семантической структуры термина, определение границ функционирования терминологий, а также проблемы классификации и унификации современных терминологий. В последние десятилетия объектом пристального внимания исследователей становится компьютерная терминология, вследствие ее социальной значимости и актуальности «знания» различных аспектов применения информационных и цифровых технологий в современном социуме (см. подробно [2; 11; 15] и др.).

Анализ работ, посвященных проблеме компьютерной терминологии, свидетельствует о наличии множественности интерпретаций данного феномена, что, возможно, связано со сравнительно небольшим «возрастом» компьютерной терминологии и ее структурной спецификой (см. подробно [2; 10; 14; 15; 17; 21] и др.).

Традиционно под компьютерной терминологией принято понимать узкоспециализированную лексику сферы информатики. Однако в настоящее время компьютер проникает во все сферы жизни и деятельности человека, что значительно расширило функционал компьютерной терминологии. Этот феномен стал обозначать систему понятий и знаний, которые прочно вошли в жизнь человека, о чем свидетельствуют дериваты термина «компьютер» и «компьютерный», встречающиеся в разных областях знаний и сферах деятельности.

Необходимо отметить, что в структуре компьютерной терминологии наблюдается смешение терминов, обладающих различной степенью терминологической определенности. С одной стороны, в ней присутствуют термины, которые можно классифицировать как «собственно термины» (термин Л. М. Алексеевой) или истинные термины, поскольку они обладают четко закрепленным значением в рамках данной профессиональной области и используются исключительно в специализированном контексте (например, *фреймворк*, *драйвер* и др.). С другой стороны, в компьютерной терминологии активно функционируют многозначные термины, которые не ограничиваются одной терминологической системой, а также используются в других профессиональных сферах или в повседневной речи (например, *алгоритм*, *рабочий стол* и др.). Подобные термины могут приобретать специфическое значение в контексте информационных технологий, сохраняя при этом свое общее значение.

Принято считать, что истинные термины, в том числе и в компьютерной терминологии, лишены эмоциональной окраски и образности, что обусловлено их функциональной направленностью на точное и однозначное обозначение понятий в рамках конкретной профессиональной области или «мира профессии». С нашей точки зрения, «мир своей профессии» может быть структурно представлен через знания, умения, навыки, опыт, стратегии использования профессиональных знаний специалиста, которые эксплицируются через язык. В данном исследовании мы намерены говорить о «мире профессии компьютерного специалиста». При этом мир профессии компьютерного специалиста понимается нами в широком смысле, поскольку это мир, обозначенный и терминами, и профессионализмами, и жаргонизмами. Отметим, что профессиональная картина мира начинает формироваться у будущего специалиста еще на этапе обучения и продолжает свое формирование в процессе его профессиональной деятельности.

Термины, будучи включенными в различные контексты, выполняют разную функцию, но общей их характеристикой является обозначение разного типа знаний, т. е. термин функционирует как определенный знак. В результате за ними «стоит»

не только конкретное терминологическое значение, но и определенный образ, который может варьироваться в зависимости от контекста употребления. Это подчеркивает различие между строго специализированными терминами (например, *асинхронный вызов*, *фреймворк*, *драйвер*) и более универсальными терминами, которые способны «пересекать границы» между профессиональной и общеупотребительной лексикой (например, *пакет* – в программировании может означать набор данных, но в быту используется для обозначения упаковки или комплекта; *эмуляция* – в сфере информационных технологий представляет собой имитацию функционирования одного устройства посредством другого устройства или устройств вычислительной машины, при которой имитирующее устройство воспринимает те же данные, выполняет ту же программу и достигает того же результата, что и имитируемое, а в психологии – это искусственное проявление чувств). Компьютерная профессиональная картина мира весьма специфична, так как в ней представлены языковые элементы не только «мира профессии», но и те, что связаны с «контекстом жизни» специалиста, иными словами с системой «человек-социум-культура», поэтому компьютерная терминология имеет специфические характеристики.

Анализ специфики современного состояния компьютерной терминологии позволяет условно выделить в ее структуре две группы: собственно термины, которые обозначают узкоспециализированные понятия сферы информационных технологий и лексемы, которые можно считать компьютерными терминами на основании их функционирования в определенной ситуации или в определенном контексте, т. е. на основании той структуры знаний, которую она эксплицирует. Иными словами, в языковой деятельности человек может использовать разные лексемы, которые, с его точки зрения, в определенной ситуации связаны со специальным понятием или знанием. Границы между этими группами весьма «подвижны», и, как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, термин может рассматриваться как носитель определенных структур знаний, «как средство доступа к ментальным процессам, определяющим бытие и функционирование человека в обществе» [12, с. 9].

Развитие и совершенствование различных каналов коммуникации способствовало усложнению социальной организации, что в свою очередь привело к расширению объема и изменению структуры компьютерной терминологии, ее лингвистических и экстралингвистических характеристик. В современной языковой картине мира можно отметить следующие свойства исследуемого феномена:

- высокая динамичность: новые термины появляются практически ежедневно в ответ на технологические инновации, а существующие термины могут изменять свою семантику или проникать в другие дискурсы [7, с. 53, 59], расширять сферу употребления (например, *чат-бот*, *нейросеть*, *стриминг* и др.).

- высокая степень интернационализации, что связано с доминированием английского языка в сфере информационных технологий (например, *спам* (англ. *spam*), *хакер* (англ. *hacker*), *кэш* (англ. *cache*), *файл* (англ. *file*)). Многие термины заимствуются из английского языка, что создает уникальный лингвистический ландшафт, объединяющий специалистов из разных стран. Как справедливо отмечает Е. Ф. Тарасов, «коммуникационные технологии превращают язык для специальных целей в средство саморазвития человека, открывая доступ к мировой культуре» [18, с. 65].

- метафоричность: большая часть терминов основана на метафорах, которые помогают специалистам осваивать новые термины, облегчая их понимание. Например, *дерево* (т. е. структура данных), *облако* (т. е. место для хранения информации), *окно* (т. е. визуализация данных).

- высокая степень абстракции, так как в состав компьютерной терминологии входят термины, описывающие сложные процессы и явления, которые невозможно

наблюдать напрямую (например, *искусственный интеллект, интернет вещей, метавселенная* и др.).

- обеспечение точности при передаче информации (например, *муар, асинхронный вызов, пинг, браузер* и др.).

При рассмотрении компьютерной терминологии с позиции когнитивистики (см. подробно [4; 8; 9]) мы можем утверждать, что источником происхождения компьютерной терминологии является не только сфера информационных технологий, но и другие сферы жизни и деятельности человека. Поэтому в составе компьютерной терминологии можно выделить термины, которые образованы семантическим способом, т. е. сужением или расширением значения литературного языка (например, *мышь, иконка, клавиатура, рабочий стол, окно*). Также одной из особенностей компьютерной терминологии является то, что в ее структуре находятся термины, с которыми связана как специализированная информация, так и «бытовая». Поскольку спецификой феномена КТ является представление разных структур знаний, считаем возможным рассмотреть ее предметную специфику, т. е. вербализацию разных структур знаний.

Материалы и методы

Нами были проанализированы форумы (*webmasterworld.com* и *cyberforum.ru*), которые представляют собой широкую сферу деятельности специалистов сферы информационных технологий. Одним из преимуществ форумов является их разноплановая профессиональная тематика. На форуме *webmasterworld.com* представлены такие разделы, как «**Search Engines and SEO**» (поисковые системы и настройки рекламы), «**Browser Side**» (работа с веб-браузерами), «**Server Side**» (администрирование сервера), «**Social Media**» (социальные сети). Форум *cyberforum.ru* состоит из таких разделов, как «**Форум программистов**» (подкатегории C/C++, .NET, Python, Java и др.), «**Компьютерный форум**» (подкатегории «Выбор конфигурации компьютера», Windows, Linux, Сети и средства коммуникаций и др.), «**Форум по электронике и бытовой технике**» (подкатегории АСУ ТП, промэлектроника, электроника и радиотехника и др.), «**Форум web-программистов**» (Web API, JavaScript и др.) и многих других.

Мы считаем возможным рассматривать контент форума как «живой» язык, язык как действие (“language-as-action”), т. е. речевое взаимодействие собеседников в процессе реальной коммуникации. В качестве основных методов исследования можно выделить метод наблюдения, описания, анализа и синтеза и метод контент-анализа, метод интерпретации.

Результаты и их обсуждение

Общее количество проанализированных на форумах *webmasterworld.com* и *cyberforum.ru* комментариев составило 318 единиц. Ввиду ограничений по объему публикации мы продемонстрируем наиболее частотные примеры, представим их интерпретацию. В рамках представленных частотных текстовых фрагментов мы намерены выделить «собственно термины, многозначные термины и профессионализмы» [1, с. 15]. Пунктуация и орфография авторов комментариев сохранена.

Фрагмент № 1: «*Стоит **Windows 10** корпоративная с продленным сроком обслуживания. После установки данной винды, начал ставить **драйвера NVIDIA**, но как я понял нужно было сначала обновить **встроенную карту Intel** ...».*

Выявленные при анализе термины *драйвер, встроенная карта* выступают как когнитивные маркеры, которые помогают пользователю или специалисту быстро идентифицировать имеющуюся проблему и общий контекст. Особое внимание привлекают лексемы *Windows 10* и *винда*. В данном случае речь идет об *операционной системе*, т. е. термине, входящем в состав компьютерной терминологии. Соглас-

но определению, зафиксированному в Энциклопедии техники, операционная система представляет собой «комплекс программ, постоянно находящихся в памяти компьютера, организующих работу устройств компьютера, загрузку и выполнение прикладных программ, взаимодействие (интерфейс) компьютера с пользователем» [20]. В сфере компьютерных и информационных технологий операционные системы имеют свои разновидности в зависимости от корпораций, которые занимались их разработкой. В данном примере речь идет о *Windows 10* – операционной системе для персональных компьютеров и рабочих станций, разработанной корпорацией Microsoft в рамках семейства Windows NT. Также в данном фрагменте присутствует и жаргонизм, *винда*, который представляет собой сокращенную версию наименования операционной системы.

Выявленные нами во фрагменте лексемы упрощают обработку информации пользователем, так как он сразу понимает, что речь идет о специфической технической проблеме, связанной с графикой и драйверами. Используемые автором термины указывают на профессиональный контекст работы с аппаратным и программным обеспечением, что способствует формированию у специалиста понимания важности обновления драйверов для стабильной работы системы. В данном фрагменте можно выделить доминирующее терминологическое ядро (см. рис. 1):

Рис. 1. Доминирующее ядро «Аппаратное и программное обеспечение»

Фрагмент № 2: «Как настроить виртуальную машину в *VirtualBox* для тестирования *Linux*?».

В данном текстовом фрагменте нами было выделено многозначное словосочетание (*виртуальная машина*). *VirtualBox* и *Linux* являются наименованиями конкретных операционных систем и программ (*операционная система* и *программа* – многозначные термины). *Linux* – семейство Unix-подобных операционных систем на базе ядра Linux. А *VirtualBox* представляет собой программное обеспечение для виртуализации, которое позволяет запускать несколько операционных систем на одном компьютере одновременно с основной системой. Т. е. в данном фрагменте нельзя выделить собственно термины, но специалисту, анализирующему текстовый фрагмент, будет сразу ясен смысл данного комментария, так как эти лексемы помогают быстро определить тему обсуждения и возможные шаги для решения обозначенной задачи. Наличие упомянутых нами конструкций указывает на более глубокое понимание специалистом работы с виртуализацией и операционными системами, что способствует развитию профессиональных навыков в области системного администрирования и разработки. В данном фрагменте можно выделить доминирующее ядро (см. рис. 2):

Рис. 2. Доминирующее ядро «Системное администрирование»

Фрагмент № 3: «Доступ “так” не закроют, ибо тогда **веб-приложение** перестанет работать. В общем, тут только два пути: либо вы нажимаете в **браузере** F12 и изучаете работу **API веб-приложения** и повторяете работу с нужной его частью...».

Выявленные нами в комментариях истинные термины *веб-приложение*, *браузер* сразу указывают на задачу, связанную с обработкой веб-данных. Аббревиатура *API* (Application Programming Interface) является профессионализмом и представляет собой совокупность методов, механизмов, инструментов, с помощью которых разные программы имеют возможность взаимодействовать друг с другом, обмениваться данными, выполнять различные задачи. Использование специалистом выделенных терминов и профессионализмов свидетельствует о профессиональных интересах пользователя в области веб-разработки и автоматизации обработки данных, что способствует формированию навыков работы с библиотеками и языками программирования. В данном фрагменте можно выделить доминирующее ядро (см. рис. 3):

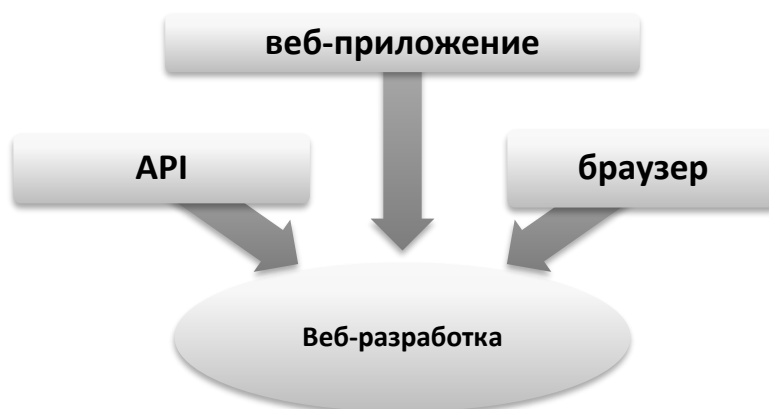

Рис. 3. Доминирующее ядро «Веб-разработка»

Фрагмент № 4: «У меня есть **Spring Boot приложение** и написанные для него тесты, которые нужно прогонять после запуска приложения. Я хочу, чтобы это все происходило в **GITLAB**'е после **PUSH**'а. Т. е. я хочу чтобы через **PIPELINE**: 1) запускалось **Spring приложение** (в данный момент я пытаюсь сделать это с помощью `gradle app:bootRun`) 2) как только приложение запустилось прогонять

тесты (сейчас пытаюсь сделать это с помощью `gradle app:test`) 3) после завершения тестов останавливать **веб-приложения**».

Собственно термин *веб-приложения* и профессионализмы *PIPELINE* (прим. последовательность действий или процессов, которые выполняются для достижения заданной цели), *GITLAB* (веб-инструмент жизненного цикла DevOps с открытым исходным кодом) сразу указывают на тему, связанную с автоматизацией процессов разработки и тестирования. Также заметим, что в данном фрагменте присутствует наименование комплексного фреймворка для создания и запуска приложений (Spring Boot). Т. е. в комментарии мы можем выделить еще один истинный термин – *фреймворк*. Представленные термины и профессионализмы помогают специалисту понять, что речь идет о настройке инструментов для непрерывной интеграции. В данном фрагменте можно выделить доминирующее ядро (см. рис. 4).

Рис. 4. Доминирующее ядро «Автоматизация процессов разработки и тестирования»

Фрагмент № 5: «Программирую на **Visual C++** в **WinAPI**. Разрабатываю **алгоритм** для добавления полей в **Combobox**. Итак есть **база данных**, которая постоянно меняется, добавляются и удаляются элементы. При добавлении элемента нужно сравнение (**strcmp**) элементов для добавления в видимый список **Combobox**».

На первый взгляд, в данном текстовом фрагменте отсутствуют истинные термины. Однако при анализе комментария можно выделить следующие лексемы: **Visual C++**, **WinAPI**, **Combobox**, **strcmp**. Разберем подробнее каждую из них. Visual C++ – программа-компилятор для языков программирования C, C++, C++/CLI и C++/CX от компании Microsoft. В данном случае уместно говорить об истинном термине – *компилятор*. Windows API (сокр. **WinAPI**) – библиотека, позволяющая создавать классические приложения для операционной системы Windows. Windows API номинирует многозначный термин – *библиотека*. **Combobox** – элемент графического интерфейса пользователя. Combobox номинирует многозначный термин – *элемент*. Strcmp – это встроенная библиотечная функция в языке программирования C, используемая для лексикографического сравнения двух строк. Strcmp номинирует многозначный термин – *функция*. К многозначным терминам, фигурирующим в данном фрагменте, также можно отнести *алгоритм*, *база данных*. Специалист при прочитывании данного комментария сразу сможет определить основную профессиональную направленность данного текста – это разработка алгоритма для динамического управления элементами приложения. В данном фрагменте «алгоритм» не только описывает последовательность действий для решения

задачи, но и задает определенные рамки для понимания данного явления. В профессиональной картине мира программиста *алгоритм* также может быть связан с такими понятиями, как эффективность, оптимизация и сложность вычислений (см. рис. 5).

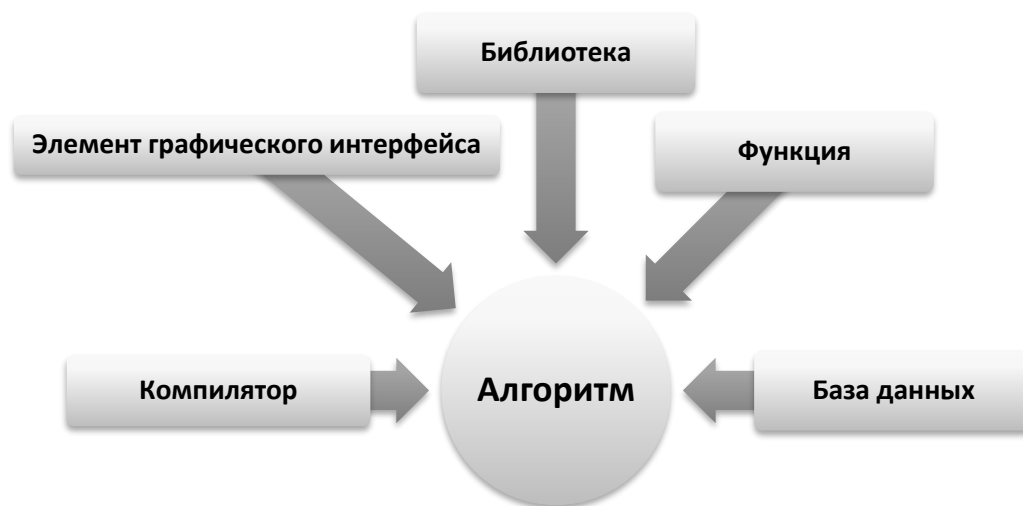

Рис. 5. Доминирующее ядро «Алгоритм»

Также компьютерная терминология способствует формированию у специалиста профессиональной интуиции. См. фрагменты № 6 и 7.

Фрагмент № 6: *Всем привет. Я использую внешнюю компоненту, написанную на C++. При вызове процедур и функций этой библиотеки происходит **утечка памяти**! для примера вызывал процедуру, в которой ничего не происходило - и всё равно была утечка. за 1000000 вызовов около 30 метров оперативки захватывается 1С. У кого-нибудь была такая проблема? Мне требуется написать функцию, которая будет вызываться очень много раз, поэтому это очень критично.*

Фрагмент № 7: *A **memory leak** occurs when memory is allocated in a program and we forget to deallocate and it is never returned to the operating system, even though the program does not use the memory any longer. Usually to finding **memory leaks**, I use valgrind tool. But how to find those **memory leaks** in a C program without using valgrind? Thanks in advance. (перевод Е. В. – Утечка памяти происходит, когда в программе выделяется память, а мы забываем ее освободить, и она никогда не возвращается в операционную систему, даже если программа больше не использует эту память. Обычно для обнаружения утечек памяти я использую инструмент valgrind. Но как найти эти утечки памяти в программе на языке Си без использования valgrind? Заранее спасибо.)*

Анализ фрагментов № 7 и № 8 свидетельствует о том, что опытный специалист, услышав или увидев термин *утечка памяти* или *memory leak*, сразу понимает, что речь идет о проблеме управления ресурсами, которая может привести к сбоям в работе программы.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы, которые подчеркивают значимость компьютерной терминологии как важного элемента профессиональной картины мира специалистов в области информационных технологий. Во-первых, компьютерная терминология представляет собой динамично разви-

вающуюся систему, которая активно реагирует на технологические инновации и изменения в сфере информационных технологий, что проявляется в постоянном пополнении терминологического аппарата новыми понятиями и свидетельствует о необходимости постоянного обновления знаний специалистов. Во-вторых, компьютерная терминология характеризуется высокой степенью интернационализации, что обусловлено доминированием английского языка в данной сфере и приводит к активному заимствованию терминов, что в дальнейшем способствует унификации профессионального общения специалистов из разных стран. Важным аспектом является метафоричность компьютерной терминологии, которая помогает специалистам осваивать новые понятия, используя знакомые образы. Кроме того, компьютерная терминология обеспечивает точность передачи информации, что является критически важным в профессиональной деятельности специалистов и достигается за счет использования терминов с четко закрепленным значением.

Также одной из особенностей компьютерной терминологии является то, что КТ является системой, имеющей диффузный характер, и характеризуется наличием определенного свойства условности. Это связано с исторической изменчивостью, наличием в структуре компьютерной терминологии неадаптированных слов, заимствований, сокращений и др.

Список источников и литературы

1. *Алексеева Л. М.* Проблемы Термина и терминообразования: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исследоват. ун-та, 1998. 120 с.
2. *Бабалова Г. Г.* Системно-аспектуальное функционирование компьютерной терминологии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Бабалова Галина Григорьевна. М., 2009. 380 с.
3. *Володина М. Н.* Терминологическая номинация и информационная картина мира // Научно-техническая терминология. 1996. Вып. 2. С. 16–22.
4. *Голованова Е. И.* Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315): Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 13–18.
5. *Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987. 103 с.
6. *Гринев С. В.* Введение в терминоведение. М.: Моск. Лицей, 1993. 309 с.
7. *Дмитриева Е. В.* Количественный анализ компьютерной терминологии в различных типах дискурса // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2 (41). С. 49–68.
8. *Дмитриева Е. В.* Когнитивные аспекты компьютерной терминологии // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 4 (51). С. 37–45.
9. *Зяблова О. А.* Определение термина в когнитивно-дискурсивной парадигме знания // Проблемы и методы современной лингвистики : сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. Вып. 1. С. 43–54.
10. *Изимарьева З. Н.* Проблемы изучения компьютерной терминологии // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2011 г. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 193–195.
11. *Комлева И. Л.* Принципы формирования русской компьютерной терминологии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Комлева Ирина Леонидовна. М., 2006. 221 с.
12. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 556 с.
13. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

14. Милуд М. Р. О семантических процессах в компьютерной терминологии // Русская речь. 2016. № 4. С. 57–62.
15. Орлова М. В. Специфика идентификации компьютерной терминологии: экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Орлова Марина Викторовна. Курск, 2008. 168 с
16. Павлова Ю. Е. Термин как единица научной языковой картины мира // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе : материалы VI Междунар. науч.-метод. конф., Омск, 22 мая 2020 г. Омск, 2020. С. 87–91.
17. Рыбакова А. С. Структурно-семантические особенности компьютерной терминологии в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / Рыбакова Анна Сергеевна. Коломна, 2012. 222 с.
18. Профессиональная картина мира. Методология. Варианты. Практика : кол. монография / Е. Ф. Тарасов, С. В. Мыскин, М. Э. Рябова [и др.]. М.: Агентство соц.-гуманитар. технологий, 2020. 310 с.
19. Тинакина В. О. Понятие языковой картины мира, её вербализация в рамках взаимодействия культур // Гуманитарные исследования. 2015. № 2 (54). С. 26–32.
20. Энциклопедия техники. Электрон. изд. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_tech/ (дата обращения: 25.01.2025). Доступ на сайте Academic.ru.
21. Hajczuk R. The computer term and the computer terminology [К вопросу о компьютерном термине и компьютерной терминологии] // Linguodidactica. 2012. Vol. 16. P. 39–59. URL: <https://czasopisma.filologia.uwb.edu.pl/index.php/l/article/view/535> (дата обращения: 25.01.2025).

References

1. Alekseyeva, LM 1998, *Problemy Termina i terminoobrazovaniya* (Problems of Term and Terminology), Izd-vo Perm. gos. nats. issledovat. un-ta publ, Perm. (In Russ.)
2. Babalova, GG 2009, *Sistemno-aspektual'noye funktsionirovaniye kompyuternoy terminologii* (System-aspectual functioning of computer terminology), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Volodina, MN 1996, 'Terminologicheskaya nominatsiya i informatsionnaya kartina mira' (Terminological nomination and the information worldview), *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya* (Scientific and technical terminology), no. 2, Moscow, pp. 16–22. (In Russ.)
4. Golovanova, EI 2013, 'Kognitivnoye terminovedeniye: problematika, instrumentariy, napravleniya i perspektivy razvitiya' (Cognitive Terminology: Issues, Tools, Trends and Prospects), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*, no. 24 (315), issue 82, pp. 13–18, viewed 04 March 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-terminovedenie-problematika-instrumentariy-napravleniya-i-perspektivy-razvitiya>. (In Russ.)
5. Golovin, BN & Kobrin, RYu 1987, *Lingvisticheskiye osnovy ucheniya o terminakh* (Linguistic foundations of the doctrine of terms), Vyssh. shk. publ, Moscow. (In Russ.)
6. Grinev, SV 1993, *Vvedeniye v terminovedeniye* (Introduction to terminology), Mosk. Litsey publ, Moscow. (In Russ.)
7. Dmitriyeva, EV 2021, 'Kolichestvennyy analiz kompyuternoy terminologii v razlichnykh tipakh diskursa' (Quantitative analysis of computer terminology in different types of discourse), *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 2(41), pp. 49–68. (In Russ.)
8. Dmitriyeva, EV 2024, 'Kognitivnyye aspekty kompyuternoy terminologii' (Cognitive aspects of computer terminology), *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 2(53), pp. 67–80. (In Russ.)
9. Zyablova, OA 2005, 'Opredeleniye termina v kognitivno-diskursivnoy paradigme znaniya' (Definition of a term in the cognitive-discursive paradigm of knowledge), *Problemy i metody sovremennoy lingvistiki* (Problems and methods of modern linguistics), no. 1, In-t yazykoznaneya RAN publ, Moscow, pp. 43–54. (In Russ.)

10. Izimariyeva, ZN 2011, 'Problemy izucheniya kompyuternoy terminologii' (Problems of learning computer terminology), *Yazyk, kultura, mentalitet: problemy izucheniya v inostrannoy auditorii: materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Language, culture, mentality: problems of studying in a foreign audience. Proceedings of the 10th International scientific-practical conference), 20–22 April, RGPU im. A.I. Gertsena publ, St. Petersburg, pp. 193–195. (In Russ.)
11. Komleva, IL 2006, Printsipy formirovaniya russkoy komp'yuternoy terminologii (Principles of Russian computer terminology formation), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
12. Kubryakova, ES 2004, *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira* (Language and knowledge. Towards knowledge of language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in knowing the world), Yazyki slavyanskoy kultury publ, Moscow. (In Russ.)
13. Leychik, VM 2009, *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura* (Terminology: subject, methods, structure), Knizhnyy dom «LIBROKOM» publ, Moscow. (In Russ.)
14. Milud, MR 2016, 'O semanticheskikh protsessakh v komp'yuternoy terminologii' (On semantic processes in computer terminology), *Russian Speech*, no. 4, pp. 57–62. (In Russ.)
15. Orlova, MV 2008, Spetsifika identifikatsii komp'yuternoy terminologii: eksperimental'noye issledovaniye (Specificity of computer terminology identification: an experimental study), PhD thesis, Kursk. (In Russ.)
16. Pavlova, YuE 2020, 'Termin kak yedinita nauchnoy yazykovoy kartiny mira' (Term as a unit of scientific language picture of the world), *Problemy modernizatsii sovremennogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskiye aspekty. Lingvometodicheskiye problemy i tendentsii prepodavaniya inostrannykh yazykov v neyazykovom vuze : materialy VI Mezhdunar. nauch.-metod. konf.* (Problems of modernization of modern higher education: linguistic aspects. Lingvometodological problems and trends in teaching foreign languages in a non-linguistic university. Proceedings of the 6th Intern. scientific-method. conf.), 22 May 2020, Omsk, pp. 87–91. (In Russ.)
17. Rybakova, AS 2012, Strukturno-semanticheskiye osobennosti komp'yuternoy terminologii v sovremenном angliyskom yazyke (Structural and semantic peculiarities of computer terminology in modern English language), PhD thesis, Kolomna. (In Russ.)
18. Tarasov, YeF, Myskin, SV & Ryabova, ME 2020, *Professionalnaya kartina mira. Metodologiya. Varianty. Praktika* (A professional worldview. Methodology. Options. Practice), Agentstvo sots.-gumanitar. Tekhnologiy publ, Moscow. (In Russ.)
19. Tinakina, VO 2015, 'Ponyatiye yazykovoy kartiny mira, yeyo verbalizatsiya v ramkakh vzaimodeystviya kultur' (The concept of linguistic picture of the world, its verbalisation within the framework of cultural interaction), *Humanitarian Researches*, no. 2(54), pp. 26–32. (In Russ.)
20. *Entsiklopediya tekhniki* (Encyclopaedia of Technology), viewed 25 January 2025, https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_tech/ (In Russ.)
21. Hajczuk, R 2012, 'The computer term and the computer terminology', *Linguodidactica*, no. 16, pp. 39–59, viewed 25 January 2025, <https://czasopisma.filologia.uwb.edu.pl/index.php/l/article/view/535> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.03.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 05.03.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-146-158>

«ВОСПОМИНАНИЯ» В. В. ВЕРЕСАЕВА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

**Дмитрий Анатольевич
Романов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, kafrus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Аннотация. «Воспоминания» В. В. Вересаева рассматриваются с точки зрения их лингвистических характеристик и с позиции их возможного использования в дидактических пособиях по русскому языку и стилистике для школьников. Будучи ценным источником наблюдений над преобразованиями отечественного языка и литературного стиля рубежа XIX – XX вв., текст «Воспоминаний» Вересаева может служить как сугубо научным, так и учебным целям.

Он вписан в традицию российского биографического повествования о ребенке и подростке, заложенную Л. Н. Толстым и продолженную писателями-классиками второй половины позапрошлого столетия (С. Т. Аксаковым, Н. Г. Гариним-Михайловским и др.). Текст отвечает всем канонам жанра и оформлен с использованием традиционных композиционных приемов и языковых средств точного воспроизведения психологических особенностей нарратора детского и подросткового возраста. В его лексическом составе отражены социальные характеристики провинциальной дворянской интеллигенции дореволюционной России, особенности региональной разновидности русского языка, интеллигентского просторечия и многие яркие речевые черты эпохи 1870–1880-х гг.

Идиостиль Вересаева отражает не только его социальное происхождение и высокий уровень полученного образования, но и специфику его литературной деятельности, начавшейся достаточно рано. Много занимаясь переводами, писатель оттачивал синтаксические черты своего художественного мастерства. Именно поэтому языковая ткань «Воспоминаний» отличается разнообразием конструктивных особенностей, частотным применением риторических фигур и их комбинаций, целенаправленным варьированием порядка слов.

Нормативный характер лексического и грамматического оформления текста Вересаева делает его потенциальным источником обучающих заданий для современных школьников. Ненавязчивая дидактичность стиля, занимательность содержания, историко-краеведческий компонент «Воспоминаний» позволяет успешно включать их отдельные композиционные фрагменты в образовательный процесс.

Ключевые слова: лингвистика, лингводидактика, текст, жанр, идиостиль, психологизм, композиция, лексика, синтаксис, риторические фигуры.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации гранта «Смысловое чтение в современной школе: разработка дидактических основ и издание учебного комплекса в помощь участникам проекта ПРО-стажер».

Для цитирования: Романов Д. А. «Воспоминания» В. В. Вересаева как лингвистический и лингводидактический источник // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 146–158. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-146-158>

Сведения об авторе: Д. А. Романов – доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Романов Д. А., 2025

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-146-158>

“MEMORIES” BY V. V. VERESAEV AS A LINGUISTIC AND LINGUO-DIDACTIC SOURCE

Dmitriy A. Romanov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, kafrus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Abstract. The article considers V. V. Veresaev's "Memories" from the point of view of its linguistic characteristics and from the position of possible use in didactic manuals on the Russian language and stylistics for schoolchildren. Being a valuable source of observations on the transformations of the national language and literary style at the turn of the 19th – 20th centuries, the text of "Memories" by Veresaev can serve both purely scientific and educational purposes. It fits into the tradition of Russian biographical narration about a child and a teenager, established by L. N. Tolstoy and continued by classic writers of the second half of the century before last (S. T. Aksakov, N. G. Garin-Mikhaylovsky, etc.). The text complies with all the canons of the genre and is designed using traditional compositional techniques and linguistic means of accurately reproducing the psychological characteristics of the narrator of children and adolescents. Its vocabulary reflects the social characteristics of the provincial noble intelligentsia of pre-revolutionary Russia, the peculiarities of the regional variety of the Russian language, intelligentsia colloquialism and many vivid speech features of 1870–1880s.

Veresaev's individual style reflects not only his social background and high level of education, but also the specifics of his literary activity, which began quite early. Doing a lot of translations, the writer honed the syntactic features of his creative writing skill. That is why the linguistic design of "Memories" is characterized by a variety of constructive features, frequent use of rhetorical colours and their combinations, purposeful variation of word order.

The normative nature of the lexical and grammatical design of Veresaev's text makes it a potential source of educational tasks for modern schoolchildren. The unobtrusive didacticism of the style, the entertaining content, the historical and local history component of "Memories" allows their individual compositional fragments to be successfully included in the educational process.

Keywords: linguistics, linguo-didactics, text, genre, individual style, psychologism, composition, vocabulary, syntax, rhetorical colours.

Acknowledgements: The article was prepared as part of the grant "Semantic reading in a modern school: the development of didactic foundations and the publication of a training package to help participants in the PRO-intern project".

For citation: Romanov, DA 2025, "“Memories” by V. V. Veresaev as a Linguistic and Linguo-Didactic Source", *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 146–158, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-146-158> (in Russ.)

Information about the Author: Dmitriy A. Romanov – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Первый вариант своих «Воспоминаний» В. В. Вересаев закончил к 1929 г., когда в издательстве «Недра» вышла вторая часть его записок о прошлом под названием «В студенческие годы». Первую же книгу «В юные годы» Вересаев издал накануне своего шестидесятилетия – в 1927 г. Приведенные даты делают вполне очевидным тот факт, что «Воспоминания» писателя являются рубежным произведением в его творчестве, подведением определенных итогов, касающихся не только мировоззрения автора, но и сформировавшегося художественного мастерства, индивидуального языкового стиля, представления о собственном месте в истории отечественной словесности. Шестидесятилетний возраст для любого автора, действующего в литературе с молодых лет, выглядит как значительный рубеж, вершина его зрелости, когда достигнуто достаточно много и уже сложившиеся аналитические навыки, в том числе рефлексивные, могут дать читателям много полезного.

В 1930-е гг. Вересаев еще раз отредактировал текст «Воспоминаний», приобретший с этого времени канонический вид. Именно по этой редакции, завершенной к 1935 г., «Воспоминания» писателя полностью или частично печатаются до настоящего времени, приобретая статус ценного источника для различных направлений гуманитарного знания. Они отвечают основному требованию научной аксиологии: «Высшая точность в философии, в истории, в филологии – это точность самой мысли, зоркость восприятия, опирающегося на достоверность изучаемого текста и связанных с ним обстоятельств и фактов» [15, с. 8].

Материалы и методы

«Воспоминания» Вересаева интересны как с точки зрения биографической фактологии рода Смидовичей, так и с точки зрения зафиксированной в них истории Тульского края рубежа XIX–XX вв., а также с точки зрения писательских приемов и языковых средств, которые прочно вошли в творческий арсенал Вересаева и которые можно считать им до конца освоенными. Именно поэтому «Воспоминания» являются одновременно ценным лингвистическим и интересным лингводидактическим источником. Последнее важно потому, что может продемонстрировать на уроках словесности образцы языкового стиля крупного русского писателя-классика. В настоящее время такая демонстрация на занятиях в образовательных учреждениях особенно важна, потому что образцы подлинно богатого художественного стиля, использующего все ресурсные возможности языка, современному учащемуся практически неизвестны.

Вересаевский материал актуален для современной лингводидактики еще и потому, что автор представляет собой языковую личность, в равной степени принадлежащую XIX и XX вв., т. е. Вересаев – это «близкий» классик, который пережил основные события прошедшего столетия: революцию, Гражданскую и Великую Отечественную войны. В этом отношении он если не современник, то во всяком случае очень близкий по хронологии к нынешним учащимся прозаик. Приведенное замечание обуславливает то, что фрагменты воспоминаний Вересаева активно привлекаются к разработке дидактических материалов для студентов-филологов ТГПУ им. Л. Н. Толстого, участвующих в реализации проекта ПРО-стажер.

Результаты

Лингвистический материал произведений В. В. Вересаева, и «Воспоминаний» в частности, выглядит на карте идиостилей русских писателей и на векторе развития русского литературного языка как вполне самостоятельная и заметная единица, потому что языковой стиль Вересаева совмещает в себе лучшие черты классического языка отечественной литературы XIX в. (Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова) и новаторские явления XX в., который своими тектоническими социальными сдвигами существенно изменил литературный язык и стиль. Таким обра-

зом, положение Вересаева как мастера русского слова – это положение рубежное между двумя веками, – положение, отражающее канонические черты языка, стиля и поэтики русской классики как XIX, так и XX столетий.

Довольно обширные по объему «Воспоминания» Вересаева (свыше 300 печатных страниц) отражают показательные явления всех языковых уровней. Кроме того, в них достаточно много характерных отечественной литературной поэтике приемов изображения тех или иных жизненных реалий, феноменов человеческого сознания, знаковых деталей межличностной коммуникации и т. д. Все названное заслуживает внимания не только сугубо лингвистического, но и педагогического, поскольку несет в себе значительный обучающий и воспитательный потенциал. Так, в первой части своей книги Вересаев рисует преимущественно детские и подростковые годы. В этом отношении его биографическое повествование продолжает целую линию в русской литературе, начатую в конце 1850-х гг. «Детством» и «Отрочеством» Л. Н. Толстого и продолженную повествованиями о ребенке и подростке С. Т. Аксакова, Н. Г. Гарина-Михайловского, А. Н. Толстого, А. М. Горького и др. Вересаев – замечательный мастер воспроизведения детской психологии. Вслед за названными выше писателями-классиками, он, по его собственному утверждению, стремился воплотить «душу мальчика», а поскольку этим мальчиком является в прошлом сам автор, то эту душу он «имел возможность наблюдать ближе, чем чью-либо иную» [4, с. 12].

Открытый биографический контекст, составляющий неотъемлемый атрибут поэтики воспоминаний как таковых, дает возможность Вересаеву быть предельно откровенным в отношении отражения чувств и переживаний ребенка. Писатель достаточно точно обозначает сам феномен отсроченного воспроизведения собственной детской психологии: «...далеко в глубине души, в очень темном ее уголке, прячется сознание, что я все тот же мальчик Витя Смидович; а то, что я “писатель”, “доктор”... – все это только нарочно; немножко поскрести – и осыплется шелуха, выскочит маленький мальчик...» [4, с. 9]. Такой подход делает произведение Вересаева не просто разновидностью мемуарного жанра, а в полном смысле художественным творением, потому что главным для писателя является не только и не столько рассказ о событиях прошлого, сколько воспроизведение точки зрения на это прошлое, психологической рамки событий, которая и составляет основную характеристику художественного произведения.

Само хронологическое представление о прошлом Вересаев базирует именно на человеческой психологии, т. е. поступает не как историк событий, а как писатель. Показательно такое его замечание: «Счисление я буду вести по своему возрасту, это – единственное счисление, которое применяет ребенок» [4, с. 17]. То есть Вересаев избирает для своих воспоминаний призму не взрослого, а детского сознания, что и ставит его произведения в один ряд с художественными произведениями о детстве и отрочестве.

С определенной периодичностью в тех или иных местах текста Вересаев заостряет внимание на том, что перед читателем попытка реконструкции детского сознания, построенная не просто на свойствах памяти, но и на попытке оживить прошлые чувства, впечатления, восприятия. Писатель замечает: «До сих пор мне странно вспомнить, как остро пронзала мне в детстве душу всякое переживание обиды, горя, страха или радости, – какая быстрая, судорожная дрожь охватывала всю душу и трепала ее как в жесточайшей лихорадке» [4, с. 76]. В другом месте он как бы снова подтверждает этот свой подход, связанный с памятью чувства: «Странно, когда теперь вспоминаешь молодость: как тогда глубоко и больно вжигались в душу все переживания!» [4, с. 87].

Неслучайно Вересаев использует метафорические глаголы интенсивного действия *пронзала*, *вжигались*, развившие переносные значения достаточно поздно [5, с. 860; 9, с. 150]: это не только психологические зарубки, оставшиеся в памяти, но и объективные показатели, сохранившиеся в психике уже взрослого человека, позволяющие ему достоверно воспроизвести картины детства. Этим художественный мир воспоминаний Вересаева особенно ценен и оригинален.

Писатель делает много самобытных замечаний о разных периодах взросления человека, пользуясь сугубо писательским арсеналом художественных средств (например, метафорикой и символикой он добивается предельной точности излагаемого). Примером подобного точного, максимально правдивого замечания служит такая характеристика подросткового возраста, данная с помощью символического сравнения: «Страшный этот возраст мальчика между четырнадцатью и шестнадцатью годами: в эти годы как будто все черти срываются с цепей, а все добрые гении сконфуженно отлетают прочь» [4, с. 100].

Вересаев удивительно точно воспроизводит мир детских игр, фантазий, особое образное видение окружающей действительности, которая для ребенка населена сказочными существами, героями приключенческих рассказов, отважными мореплавателями, путешественниками и т. д. Сознание мальчика Вити ориентировано на персонажей любимых книг, которые он читал с ранних лет, и в этом отношении вересаевский текст может быть весьма поучителен для современных школьников: книги дают богатую пищу для развития интеллекта, души и творческих способностей человека, учат его неординарному мышлению, помогают находить выходы из трудных ситуаций. Это всегда ценилось и ценится в социуме. То, что сейчас называется *креативностью*, воспитывается развитием кругозора ребенка. Герой «Воспоминаний» чувствует себя то отважным флибустьером, то храбрым «козаком» из отряда Тараса Бульбы, то защитником православной веры на Балканах и т. д. и т. п.

Показательно, что за каждой детской ролью стоит не просто какой-либо литературный или исторический сюжет, но и система языкового представления мира, потому что конкистадоры говорили совсем не так, как греческие повстанцы, а храбрые суворовские солдаты выражали свои мысли и переживания совершенно в ином стиле, чем английские моряки. Стилистическое многообразие внутреннего мира ребенка у Вересаева создается во многом благодаря приведенным выше многочисленным языковым картинам действительности – разных эпох, разных народов, разных источников. Вересаевский текст во многом позволяет не только оценить это, но и научиться владеть языком в разных системах стилистических координат. Именно поэтому подобные фрагменты можно включать в качестве источников для заданий по элементарной стилистике для учащихся средних и старших классов школы.

Важное место в композиции произведения составляют авторские отступления так называемого «технологического характера». Это можно отнести к числу стилистических характеристик самого жанра воспоминаний. Общеизвестно, что их ценность повышается всегда, когда задействуется живое авторское начало, индивидуальное впечатление, личностные «зацепки», сохраняющие подлинные черты живой реальности. Эффект воспоминаний – конструирование жизни на глазах у читателей, которые таким образом активно вовлекаются в происходящее. Так, Вересаев сознательно отходит от художественного принципа последовательного и связного рассказа, выбирая мозаичность событийных и эмоциональных зарисовок, о чем и сообщает читателю: «...прекращаю связный рассказ. Буду в хронологическом порядке передавать эпизоды так, как они всплывают в памяти, и не хочу разжижать их водою для того, чтобы дать связное повествование» [4, с. 19].

Особенно интересен прием воплощения деталей, которые в сознании ребенка как-либо искажают реальность. Этот эффект знаком любому человеку, сколько-

нибудь помнящему свои детские впечатления. Вересаеву не раз удастся воплотить это абсолютно точно. Крупный литератор, авторитетный пушкинист, уже умудренный опытом множества литературоведческих разысканий, Вересаев так пишет о своих детских впечатлениях: «Мой старший брат Миша в то время читал очень длинное стихотворение под заглавием «Евгений Онегин». Я случайно как-то открыл книгу и вдруг прочитал такой фрагмент...» [4, с. 74]. Автор сознательно не корректирует свои детские впечатления, несмотря на то, что он, конечно, понимает неточность и приблизительность такого детского восприятия великой книги Пушкина.

Как любой классический текст, «Воспоминания» Вересаева дают богатейшее представление о лексике русского языка того периода времени, которое изображено в произведении. В данном случае мы говорим о семидесятых и восьмидесятых годах позапрошлого века. Несмотря на то, что писатель придерживается сугубо реалистических принципов повествования, а значит, здесь нет ничего экзотического или хронологически дезориентирующего читателя, тем не менее, текст «Воспоминаний» дает возможность сделать ряд интересных наблюдений именно над ограниченной в употреблении лексикой. В первую очередь это, конечно, касается разного рода архаизированных явлений и региолекта.

Например, рассказывая об общественных начинаниях матери, Вересаев пишет: «...мама в течение нескольких лет содержала детский сад – совершеннейшая тогда новинка, в Туле небывалая. Мама перед тем специально ездила в Москву и прошла там курс фрёбелевских наук» [4, с. 25]. Перед нами показательная языковая черта второй половины XIX в. – использование прилагательного *фрёбелевский*, в настоящее время являющегося историзмом. Данный отономастический (отантропонимический) дериват восходит к фамилии немецкого педагога и общественного деятеля Фридриха Фрёбеля (1782–1852), которому принадлежит идея создания воспитательных и образовательных учреждений для детей младшего возраста. Словосочетание *детский сад* является калькой аналогичного немецкого словосочетания, введенного именно Фрёбелем. Несмотря на то, что словосочетание *детский сад* прижилось в русском языке, его автор теперь практически неизвестен, а прилагательное *фрёбелевский*, в том числе в словосочетании *фрёбелевские науки* (т. е. науки о воспитании маленьких детей в коллективе), достаточно распространенное во второй половине XIX в., ныне стало языковой архаикой. Его не отмечает ни один из современных толковых словарей, хотя еще в «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова и в Большом академическом словаре русского языка первого издания это прилагательное фиксировалось: «*Фрёбелевский* – связанный с воспитанием детей дошкольного возраста» [13, с. 1115]. В наши дни оно присутствует только в энциклопедических изданиях [11, с. 631].

Примером регионализма является, например, словосочетание *пара на отлете*, относящееся к типу конской упряжи для езды в пролетке или легких санках. Рассказывая о тульском полицмейстере А. А. Тришатном, Вересаев замечает: «Один во всей Туле он разъезжал в санках, запряженных в пару на отлете: коренник, а с правой стороны, свернув шею кольцом, – пристяжная. Мчится, снежная пыль столбом, на плечах накидная шинель с пушистым воротником» [4, с. 74]. В речи туляков и жителей отдельных других регионов России второй половины позапрошлого века выражение *пара на отлете* (или *пара на отлет*) было ходовым (оно еще дважды встречается в тексте «Воспоминаний»). В региональном контексте попало оно и во фразеологический словарь, сопровождаемое примерами из Вересаева и Мамина-Сибиряка: «Запряжка в две лошади, состоящая из коренника и пристяжной» [14, с. 76]. Его региональный характер подтверждает отсутствие этого выражения в иллюстративной базе лексем *пара* и *отлет* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [6] и словаря «Русская мысль и речь» М. И. Михельсона [10], куда

бы оно обязательно попало, если бы имело более широкое распространение. В настоящее время это устойчивое региональное словосочетание является устарелым.

Воспроизводимая писателем речь членов его семьи, однокашников по тульской классической гимназии дает представление об интеллигентском просторечии той эпохи, которое не зафиксировано лексикографическими источниками, а потому особенно интересно для лингвистов. В обиходе авторского круга используются такие слова, как *хорошился* в значении 'прихорашивался, внимательно следил за своей внешностью', *раззнакомиться* в значении 'перестать общаться', *тонный* – 'имеющий хороший тон, вкус, манеры' (вариант этого прилагательного – *бонтонный*, восходящий к французскому словосочетанию *bon ton* – 'хороший тон', 'хорошие манеры').

Вересаевский текст ценен с точки зрения языкового представления определенного социального круга – круга интеллигентного тульского дворянства второй половины XIX в. Различные лексические атрибуты этого круга в настоящее время воспринимаются как лингво-исторические характеристики. Например: *пукольки на висках* по отношению к прическе пожилых дам, *он был слишком ригористичен* в характеристике человека твердых взглядов, *преодолеет этот куништюк* – о неожиданном затруднении, препятствии, сознательно созданном кем-то. *Пукольки* – «завитые кольцами пряди волос» (от французского *boucles* – 'локоны') [3, с. 102]; *ригористичный* – «непреклонно соблюдающий принципы, правила, преимущественно в вопросах нравственных» (от латинского *rigor* – 'твердость, строгость') [2, с. 668]; *куништюк* – «проделка, ловкая шутка, каверза» (от немецкого *Kunststück* из *Kunst* – 'искусство' и *Stück* – 'проделка, выходка') [12, с. 328]. В связи с этим нужно отметить, что французские, немецкие и латинские слова в большом количестве представлены на страницах «Воспоминаний» Вересаева и характеризуют тот образованный круг людей, к которому принадлежит автор.

Уже отмечалось, что произведение Вересаева носит художественный характер. Языку писателя в целом свойственна сдержанная образность, уместность и небольшая концентрированность тропов. Вместе с тем их появление на страницах текста создает особый эффект – акцентирует отдельные фрагменты изображаемого, заостряет смыслы. В частности, рассказывая о своей первой любви к Маше Плещеевой, автор так рисует свое настроение в один из дней: «Такой пружинистый, напряженный восторг был в теле, – право, кажется, оттолкнулся бы для Маши от земли и кувырком понесся бы в мировые пространства» [4, с. 70]. Эпитеты, гипербола и метафора, сконцентрированные в этом фрагменте текста, дают необходимый автору художественный результат – воплощение животворящей и наполняющей энергией силы любви.

Следует отметить, что писатель предпочитал использовать сложные эпитеты, которые, по его замыслу, должны были максимально точно охарактеризовать произведенное на ребенка чем- или кем-либо впечатление. Вот два примера: *мне теперь было смутно-стыдно*, в моем присутствии его лицо становилось *каменно-неподвижным*.

Как правило, художественные средства языка у Вересаева носят не изобразительный, а именно акцентирующий характер. Нередко он использует прием отстранения: художественное средство делает привычную или знакомую ситуацию необычной, заставляет взглянуть на нее по-иному, другими глазами. Например, таковы многие глагольные метафоры Вересаева: при характеристике волнения («Я потерял дыхание, поймал его и продолжал...» [4, с. 77]); при описании растерянности и разочарования в себе («...вдруг это самопочитание начинало колебаться и уплывать, и охватывал стыд за себя...» [4, с. 104]); при рассказе об ученической бойкости («Я из этих повестей мог жарить наизусть целые страницы» [4, с. 99]). По-

следняя метафора носит просторечный характер, что для стиля Вересаева не слишком характерно и объясняется исключительно требованием контекста.

Синтаксис «Воспоминаний» носит абсолютно нормативный характер и может быть признан образцовым как показатель речи потомственного русского интеллигента, получившего регулярное и хорошее образование. В настоящее время практически любой отрывок из «Воспоминаний» может быть использован в дидактической практике для синтаксического анализа или как образец построения определенного сложного синтаксического целого, включая диалог.

Классический русский синтаксис художественного произведения построен по принципу обязательного учета прямого и обратного порядка слов. Любая инверсия в произведениях русской классики XIX – начала XX в. художественно обоснована и для чего-либо «нужна автору» [8, с. 218]. Текст Вересаева – подтверждение этой истины. Например, в рассказе о хозяйственных начинаниях отца автор так изображает их небольшую усадьбу: «*Были парники, была маленькая оранжерея. Смутно помню теплый, парной ее воздух, узорчатые листья пальм, стену и потолок из пыльных стекол...*» [4, с. 14]. Инверсия подлежащего и сказуемого в первом предложении способствует созданию особой перечислительной интонации, с помощью которой фиксируются те «значительные» преобразования, которые пытался осуществить отец и которые в итоге не увенчались успехом.

В другом примере при воспоминании об общении с семейством Конопацких Вересаев отмечает, что принятые у них игры воспринимались его сестрами как примитивные и неинтересные, и ему становилось странно, как они раньше могли производить на него впечатление: «Совсем оказалась неинтересной игра. Как же я этого сразу не заметил? *Очень я был сконфужен*» [4, с. 129]. Выдвижение на первое место в предложении обстоятельства меры и степени *очень* интенсифицирует речь и показывает большую силу рефлексивной работы, совершившейся в сознании автора. В целом, текст «Воспоминаний» дает много поводов для рассмотрения роли порядка слов в смысловых акцентировках предложения.

В вересаевском тексте встречаются разнообразные типы синтаксических конструкций, которые в той или иной степени этот текст организуют. В частности, можно отметить использование писателем именительного темы для смысловой группировки абзаца, где в центр рассуждения или повествования ставилось какое-либо событие, какой-либо человек и т. д. Например, рассказ об одном из хозяйственных партнеров отца Вересаев начинает с обозначения его фамилии, имени и отчества, как это делается в энциклопедиях: «...отец сильно увлекался садоводством. Дружил с местным купцом-садоводом Кондрашовым. *Иван Иванович Кондрашов*. Я звал его ...» [4, с. 14].

Нередки в повествовании Вересаева номинативные предложения, которые выполняют в том числе и функцию именительного темы, о чем говорилось выше. Например, так организован рассказ об имении Плещеевых, в котором братья Вересаевы отдыхали летом: «*Станция Лазарево. Блестящая пролетка с парой на отлете, кучер в синей рубашке и бархатной безрукавке, в круглой шапочке с павлиньими перьями. Мягкое покачивание, блеск солнечного утра...*» [4, с. 53]. И далее весь абзацный фрагмент организован Вересаевым только с помощью номинативных предложений. Вполне очевидно, что изобразительно-художественная и пейзажная функция синтаксической номинации диктует в данном случае Вересаеву форму его текста. Нужно отметить, что писатель весьма чуток к семантической и стилистической нагрузке русской грамматики в целом и синтаксиса в частности. Обозначенное качество текста также может быть предметом специального рассмотрения на занятиях по русскому языку в школе.

Языковое мастерство писателя состоит, например, в том, что он мог соединять в пределах абзаца разные типы односоставных предложений, используя это с целью создания особой «пружины» повествования, помогающей делать его динамичным, держать читателя «в тонусе» таким образом, чтобы грамматическое разворачивание текста не было однообразным и надоедливым. Рассмотрим один из таких примеров: «Заморгал глазами, потянул в себя носом и, волоча ноги, побрел к себе за бузину. Опять попытался плакать. Ни слезинки! Делать нечего. Воровато огляделся, посплюннул пальцы...» [4, с. 72]. В приведенном абзаце совмещаются неполные предложения с пропущенным подлежащим, генитивное и безличное предложения. Такая грамматическая динамика, безусловно, создает нерв повествования, что в данном случае автору необходимо.

Поскольку жанр воспоминаний предполагает, помимо апелляции к индивидуальному опыту, включение в текст рассуждений, авторских оценок происходящих событий, общих умозаключений о жизни и характере взаимоотношений между людьми, то в нем обязательно должны присутствовать вводные и вставные конструкции, оформляющие размышления нарратора в связи с основным повествованием, а также определенные мысли, возникающие попутно с динамично развивающимися событиями. У Вересаева подобные вставные конструкции чаще всего выделяются скобками. Например, в таком синтаксическом варианте он приводит собственное замечание по поводу резкого высказывания аристократически напыщенного Володи Плещеева: «Он стал высокомернее, все говорил о Москве и о своей радости, что уезжает из этой дыры (Тулы. Почему дыра? ...). Постепенно застенчивость моя исчезла» [4, с. 70].

Поток авторского сознания, свойственный большинству глав «Воспоминаний» Вересаева, предполагает частую незавершенность, некую обрывочность мыслей, а потому синтаксис текста закономерно характеризуется обилием парцеллированных конструкций. Например: «И только в конце мая, перед отъездом своим в Богучарово, они пришли к нам. *Прощаться. Навсегда*» [4, с. 70]. В данном случае парцелляция подчеркивает растерянность и смятение чувств юного Вити, расстающегося с объектом своей первой влюбленности – Машей Плещеевой.

В другом случае парцеллированная конструкция, наоборот, нужна для того, чтобы показать напряженную работу автора, перед которым впервые открылся литературный талант: «Когда сочинилось четыре стиха с рифмами, я подбодрился и стал сочинять дальше. *С неделю сочинял. Старался, потел, падал духом и опять подбадривался*» [4, с. 111]. Выделение в самостоятельное предложение информации о времени показывает, насколько молодому человеку была важна эта творческая работа и насколько она казалась ему трудоемкой. В последнем парцеллированном предложении приведенного примера мы можем наблюдать характерный для вересаевского биографического повествования прием «нагнетения» однородных членов. Специфика использования идентичных компонентов состоит в том, что они позволяют компактно, но вместе с тем исчерпывающе по смыслу (и разветвленно) представлять происходящие события [1, с. 144]. Разумеется, в количественном отношении в тексте преобладают ряды однородных сказуемых, которые формально «свертывают» повествование, расширяя его семантически. Приведем два показательных примера, где автор характеризует своего отца: «И до последних дней он *кипел, искал, бросался* в работу, жадно *интересовался* наукою, *жалел*, что для нее так мало остается у него времени» [4, с. 11]. Аналогично: «...отец никому *не отказывал, шел* по первому зову и очень *был популярен* среди тульской бедноты» [4, с. 12].

Сложные предложения в синтаксической структуре вересаевского текста выполняют преимущественно художественно-выразительную функцию, поскольку дают разветвленную картину реальности, помогают творчески интерпретировать то,

что происходит вокруг. Например, в повествовании о летнем пребывании в небольшом имении Зыбино, где приходилось много и тяжело работать, автор использует такое бессоюзное сложное предложение, воплощающее напряженную динамику богатой трудами жизни: «Ложишься спать – только прикоснешься головой к подушке и проваливаешься в мягкую, сладостную тьму» [4, с. 139].

Разветвленные сложные предложения (в частности, сложные предложения с различными видами связи) помогают автору емко и разносторонне представить действительность и свои впечатления о ней. Вот пример из композиционной части текста, где описывается городская усадьба Смидовичей: «И были превосходнейшие места для всяких игр: под папиным балконом, например, темное низкое помещение, где нужно было ходить нагнувшись, где сложены были садовые лопаты, грабли, носилки, цветочные горшки и где в щели между досок ярко светило с улицы солнце, прорезывая темноту пыльно-золотыми пластинами» [4, с. 19]. Однородные элементы с союзным словом *где* особенно способствуют обрисовке целостной картины в описательных фрагментах текста [7, с. 60].

Вересаев использует все многообразие стилистических возможностей русского синтаксиса. Будучи переводчиком и хорошо зная классические риторические приемы, писатель нередко опирался на их выразительные возможности. В частности, в самом начале своего повествования, рассуждая о провинциальной жизни, которая, по мнению многих русских писателей, вытраивает из человека живую душу, Вересаев ставит цикл риторических вопросов, касающихся своего отца: «Когда мне приходилось читать статьи и повести о засасывающей тени провинциальной жизни, о гибели в ней выдающихся умов и талантов, мне всегда вспоминался отец: отчего же он не погиб, отчего не опустился до обывательщины, до выпивок и карт в клубе? отчего до конца дней сохранил свою живую душу?» [4, с. 11]. Помимо сугубо стилистической функции риторических вопросов, которая является вполне прозрачной, следует обратить внимание на то, что Вересаев в данном отрывке полемизирует с А. П. Чеховым. Многие фрагменты исследуемого текста являются словно бы античеховскими по своему идейному наполнению. То, что Чехов считал обычным для людей с университетским образованием, попавших в губернский или уездный город (вспомним, например, рассказ «Ионыч»), Вересаев оспаривает, и провинциальную жизнь рисует в прямо противоположном ключе. Это противопоставление становится еще более очевидным, если принять в расчет, что отец Вересаева, как и многие чеховские «заблудившиеся интеллигенты», являлся врачом.

Нередко изумляющие или удивляющие автора факты сопровождаются в «Воспоминаниях» использованием риторических восклицаний. Например, финансовые неудачи своего весьма трудолюбивого семейства Вересаев не может ничем объяснить. Он с горечью восклицает: «Странное дело!» [4, с. 15], повторяя это восклицание несколько раз.

Как в лучших образцах художественной литературы, в «Воспоминаниях» Вересаева могут использоваться различные комбинации риторических приемов, которые создают особые стилистические вкрапления в общем повествовательном развертывании текста. В частности, говоря о круге своего чтения, автор вспоминает, как с увлечением пересказывал отцу содержание романа Майн Рида «Охотники за черепами». Этот довольно обширный и стилистически оригинальный фрагмент воспоминаний начинается и заканчивается восклицанием *Вот потеха!*, а в его середине содержится обилие других восклицательных предложений, повествующих о диковинках первозданной североамериканской природы. Таким образом Вересаев совмещает собственно риторическую функцию восклицания с функцией рефрена. Такой прием можно считать одним из удачных образцов воспроизведения восторженного детского сознания.

Морфолого-грамматический строй текста отличается классической стройностью и выглядит современно даже спустя сто лет после его создания. Лишь отдельные фрагменты несут печать морфологической архаики и призваны служить стилизации речи уходящей эпохи. Для Вересаева, как и для Бунина, это эпоха расцвета дворянских усадеб и дворянской культуры в целом. Например, так семантически маркировано использование множественного числа отвлеченных и вещественных существительных: об отце – «у него всегда была масса *работ* и начинаний» [4, с. 13]; о пейзаже ближайших тульских окрестностей – «встают в воспоминаниях полевые просторы, медленные волны по желтеющим *ржам*, пыльная полынь...» [4, с. 103].

Заключение

Вересаев, как уже говорилось выше, объяснял нестройную композицию своих «Воспоминаний» желанием дать правдивые непосредственные впечатления, а не выверенную, обдуманную картину происходящего. «Разорванный» характер композиции свойствен многим воспоминаниям и не является оригинальным. Но есть черта, которая, безусловно, выделяет текст Вересаева из ряда подобных текстов, – это его особая дидактичность. Ею обусловлена возможность воспитательного использования «Воспоминаний» и в наше время. Почти всегда в рассказе о своих поступках (особенно поступках, имеющих какой-либо нравственный ущерб), Вересаев делает вывод о том, какое это оказало влияние на его последующую жизнь, чему это его научило. В частности, повествуя, как он дразнил слепого родственника Плещеевых – Николая Александровича, писатель отмечает, что в определенный момент в нем свершился акт внутреннего морального осознания низости своего поведения. Этот композиционный фрагмент завершается таким показательным размышлением: «После этого я перестал его дразнить. Испугался его? Нет. Стало стыдно за то, что я проделывал... Пойми, кто может» [4, с. 56]. Замечание *пойми, кто может*, безусловно, обращено к читателю и вполне достойно стать предметом обсуждения на занятиях по словесности.

Семья Смидовичей была осознанно «обращена» в сторону педагогики (*педагоги* – как ее называет автор). Именно поэтому многие страницы «Воспоминаний» в хорошем смысле слова *поучительны* и полезны для иных поколений. Например, при рассказе о том, что, увлекшись гимназическим балом, он не обратил внимания на пожар в той части города, где располагался их дом, за что потом был упрекаем отцом, Вересаев совершенно справедливо отмечает воспитательных характер подобных упреков.

В семье Смидович воспитывали лучшие качества личности, в том числе те, которых сейчас катастрофически не хватает: заботу друг о друге, взаимовыручку, уважение к родителям и потребность избегать высказываний и поступков, которые бы их обидели или встревожили. Именно в эту часть своих «Воспоминаний» Вересаев вводит нечастые для его стиля фразеологические ресурсы языка. Говоря о жизненном укладе своей семьи, автор замечает, используя пословицу: «Это проводилось у нас очень строго: *делу время, а потехе час*» [4, с. 110]. Мать, останавливая излишнее рвение, учит детей благородству и смирению (здесь также звучит устойчивая синтаксическая конструкция): «*Все в Божьей воле!* Господь захочет – все будет так, как надо» [4, с. 111]. Можно заключить, что ненавязчивая, мягкая дидактичность составляет не только содержательное, но и стилистическое достоинство «Воспоминаний» В. В. Вересаева.

Список источников и литературы

1. Беднарская Л. Д. О развитии синтаксических идей А. Н. Карпова в XXI веке // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 139–149. URL: http://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_20/139/ (дата обращения: 25.01.2025).

2. Большой академический словарь русского языка. Т. 23. М.; СПб.: Наука, 2014. 735 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1535 с.
4. Вересаев В. В. Воспоминания // Сочинения : в 4 т. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1948. С. 5–362.
5. Виноградов В. В. История слов. М.: Ин-т рус. языка РАН, 1999. 1138 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. Репр. воспроизведение изд. 1907 г. М.: Терра, 1994. 1782 с.
7. Карпов А. Н. Поликомпонентные единства русской эмфатической речи : учеб. пособие. Тула: Тул. пед. ин-т, 1981. 81 с.
8. Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. Пути становления современной нормы. М.: Наука, 1969. 232 с.
9. Левашов Е. А. История слов русского литературного языка XVIII – XX века. СПб.: Нестор-История, 2008. 230 с.
10. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. В 2 т. Т. 2. Репр. воспроизведение изд. 1912 г. М.: Терра, 1994. 779 с.
11. Сводный словарь современной русской лексики / под ред. Р. П. Рогожниковой. В. 2 т. Т. 2. М.: Рус. язык, 1991. 740 с.
12. Словарь иностранных слов и выражений / сост. Е. С. Зенович. М.: Олимп, 2002. 780 с.
13. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1940. 1500 с.
14. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. В 2 т. Т. 2. М.: Цитадель, 1997. 396 с.
15. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М.: Худож. лит., 1977. 445 с.

References

1. Bednarskaya, LD 2024, ‘O razvitií sintaksicheskikh idey A.N. Karpova v XXI veke’ (On the Development of A. N. Karpov’s Syntactic Ideas in the 21st Century), *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Ser.: Istoriya. Yazykoznanie* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 4 (20), pp. 139–149, viewed 25 January 2025, http://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_20/139/ (In Russ.).
2. *Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka* (Large academic dictionary of the Russian language) 2014, vol. 23, Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.).
3. Kuznetsov, SA(ed.) 2003, *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Large explanatory dictionary of the Russian language. Editor-in-Chief), Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.).
4. Veresaev, VV 1948, ‘Vospominaniya’ (Memories), *Sochineniya V 4 t* (Writings in 4 vols), vol. 4, OGIz publ, Moscow, pp. 5–362. (In Russ.).
5. Vinogradov, VV 1999, *Istoriya slov* (History of words), Institut russkogo yazyka RAN publ, Moscow. (In Russ.).
6. Dal, VI 1994, *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t.* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols), vol. 3, Terra publ, Moscow. (In Russ.).
7. Karpov, AN 1981, *Polikomponentnyye yedinstva russkoy emfaticheskoy rechi* (Polycomponent unities of Russian emphatic speech: textbook manual), Tul. ped. in-t publ, Tula. (In Russ.).
8. Kovtunova, II 1969, *Poryadok slov v russkom literaturnom yazyke XVIII – pervoy trety XIX v. Puti stanovleniya sovremennoy normy.* (Word order in the Russian literary language of the 18th – first third of the 19th century. The paths of formation of the modern norm), Nauka publ, Moscow. (In Russ.).
9. Levashov, EA 2008, *Istoriya slov russkogo literaturnogo yazyka XVIII – XX veka.* (History of words of the Russian literary language of the 18th – 20th centuries), Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.).
10. Mikhelson, MI 1994, *Russkaya mysl i rech. Svoye i chuzhoje. Opyt russkoy frazeologii. V 2 t.* (Russian thought and speech. One’s own and someone else’s. An experience of Russian phraseology), vol. 2, Terra publ, Moscow. (In Russ.).

11. Rogozhnikova, RP (ed.) 1991, *Svodnyy slovar sovremennoy russkoy leksiki* (Consolidated dictionary of modern Russian vocabulary), vol. 2, Rus. yazyk, publ, Moscow. (In Russ.).
12. Zenovich, ES 2002, *Slovar inostrannykh slov i vyrazheniy* (Dictionary of foreign words and expressions), Olimp publ, Moscow. (In Russ.).
13. Ushakov, DN 1940, *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Explanatory dictionary of the Russian language), vol. 4, OGIZ publ, Moscow. (In Russ.).
14. Fedorov, AI 1997, *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka* (Phraseological dictionary of the Russian literary language), vol. 2, Tsitadel publ, Moscow. (In Russ.).
15. Chicherin, AV 1977, *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilya* (Essays on the history of Russian literary style), Khudozh. lit. publ, Moscow (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 01.03.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 01.03.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 159–171.

Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 1 (21). P. 159–171.

Научная статья

УДК 81.373.612.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-159-171>

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЗИЦИОННОГО ГЛАГОЛА «СИДЕТЬ» В СОСТАВЕ ГИПЕРБОЛЫ

**Виктория Игоревна
Поречная**

Юго-Западный государственный университет
Курск, Россия, porechvika@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0258-8808>

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования тропеического употребления глагола с пространственной семантикой «сидеть» в художественной и публицистической сферах функционирования, а также в электронной коммуникации. Цель исследования: изучение наличия / отсутствия признака неизменности, фиксированности у позиционного глагола «сидеть» в составе гиперболы, а также изменения / сохранения у данного глагола пространственной семантики в результате действия механизма метафоризации. В результате взаимодействия индивида с окружающей реальностью формируются перцептивные образы, которые являются основой процесса метафоризации. В данном исследовании рассматривается их вербализация посредством гипербол. Одним из наиболее значимых элементов процесса метафоризации в рассматриваемом случае является приобретение индивидом новых видов опыта, обусловленных изменением социально-политических, культурно-исторических, а также экономических условий жизни. Указанное обстоятельство наиболее репрезентативно в художественной сфере функционирования рассматриваемого вида гипербол, исследуемых в данной работе. Доказано, что гипербола, элементом которой является глагол с пространственной семантикой «сидеть», может функционировать как самостоятельный троп, а также вступать во взаимодействие с другими его видами (в данной работе – с олицетворением, метафорой и сравнением). Анализ представленного языкового материала позволил установить, что в результате действия когнитивного механизма метафоризации в составе гиперболы пространственное значение лексемы «сидеть» и ее форм меняется на непространственное. Результаты исследования значения позиционного глагола «сидеть» в составе гиперболы указывают на идентичность семантической доминанты признака фиксированности, неизменности у данного глагола в нетропеическом и тропеическом употреблении (как элемента гиперболы).

Ключевые слова: метафоризация, гипербола, пространство, глагол, фиксированность.

Для цитирования: Поречная В. И. Характеристики позиционного глагола «сидеть» в составе гиперболы // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 159–171. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-159-171>

Сведения об авторе: В. И. Поречная – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, 305040, Россия, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Scientific Article
UDC 81.373.612.2
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-159-171>

CHARACTERISTICS OF THE POSITIONAL VERB "TO SIT" AS A PART OF HYPERBOLE

Viktoriya I. Porechnaya

Southwest State University
Kursk, Russia, porechvika@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0258-8808>

Abstract. This article presents the results of research into the use of the verb 'to sit' with space semantics as a trope in artistic and journalistic spheres, as well as in electronic communication. The objectives of the study are to investigate the presence / absence of signs of immutability, fixity in the positional verb 'to sit' as part of hyperbole, as well as the change / preservation of space semantics in this verb as a result of the action of the metaphorization mechanism. The results of an individual's interaction with the surrounding reality are perceptual images, which are the basis of the metaphorization process. This study examines their verbalization through hyperboles. One of the most significant elements of the metaphorization process in this case is the individual's acquisition of new types of experience due to changes in socio-political, cultural, historical, and economic living conditions. This circumstance is most representative in the artistic sphere of functioning of the considered type of hyperboles studied in this paper. The author provides evidence that hyperbole, an element of which is a verb 'to sit' with space semantics can function as an independent trope, and also interact with its other types (in this paper - with personification, metaphor and comparison). The analysis of the presented linguistic material makes it possible to establish that as a result of the metaphorization cognitive mechanism action as part of hyperbole, the space meaning of the lexeme 'to sit' and its forms changes to a non-spatial one. In conclusion, the meanings of the positional verb 'to sit' as part of a hyperbole indicate the identity of the semantic dominant of the feature of fixity, immutability in this verb as a trope (hyperbole element) and as a non-trope.

Keywords: metaphorization, hyperbole, space, verb, fixity.

For citation: Porechnaya, VI 2025, 'Characteristics of the Positional Verb "to Sit" as a Part of Hyperbole', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 159–171, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-159-171> (in Russ.)

Information about the Author: Viktoriya I. Porechnaya – PhD in Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya Str., Kursk, 305040, Russia.

© Porechnaya V. I., 2025

Введение

Одним из актуальных вопросов исследования в области лингвистики в настоящее время являются тропы. Со времен существования Древней Греции, откуда берет начало использование тропов в речи, данное явление прошло долгую эволюцию, в течение которой был разработан целый ряд концепций, исследующих троп и тропическую лексику. Традиционно считается, что цель употребления тропа – формирование выразительности речи. Троп – это слово или выражение в переносном значении [24, с. 19–20]. В данной работе исследование указанного термина будет осуществляться с точки зрения лингвосомиотического подхода, согласно которому троп – это когнитивное явление, результат метафоризации [7, с. 306]. Метафора – это троп, к которому в последние десятилетия XX в. было приковано значительное внимание исследователей [27, с. 105]. Результатом метафоризации могут являться и другие виды тропов, к числу которых относится гипербола.

При описании тропов следует учитывать следующие характеристики: метафоричность, пространственный код культуры, образность [23, с. 256]. Образ является одним из компонентов мышления. Поскольку когнитивная сфера индивида пространственно ориентирована, то пространственность характерна и для образа [21, с. 181–182]. Последний обладает способностью к стимулированию мышления. Лексема «образный» понимается как непосредственный, чувственно-наглядный [6, с. 140–143]. В основе образа – опыт индивида, чувственное познание.

Комплексная корреляция «пространственного» и «непространственного» представляет собой одну из особенностей семантики лексем с пространственным значением, которые обладают способностью к изменению в процессе функционирования основного значения. Идентичная лексема при дефинировании и ассоциировании может сочетаться с пространственными или непространственными представлениями об окружающем мире в сознании носителей языка [3, с. 19]. С нашей точки зрения, приобретение индивидом нового опыта при взаимодействии с окружающей действительностью – это одно из оснований изменения значения слова с пространственной семантикой. Данный факт, по нашему мнению, также применим к лексеме с пространственным значением в составе тропа.

Окружающая человека среда влияет и на способы номинирования фактов и явлений быта и бытия [12, с. 65]. Опыт индивида является меняющейся на протяжении жизни в определенном социуме открытой системой [14, с. 185]. Представленные данные согласуются с позицией О. С. Зубковой, согласно которой перцептивный опыт является основой когнитивной операции метафоризации. Концептуализировать перцептивный опыт – значит наделить его некоторым смыслом [7, с. 306]. С нашей точки зрения, открытый характер системы личного опыта как одной из основ когнитивного механизма метафоризации оказывает влияние на изменение семантики лексемы с пространственной на непространственную и, наоборот, о чем было сказано выше.

Лексическая объективация пространственных отношений происходит посредством предлогов, наречий, существительных, прилагательных, а также глаголов. Семантика позиционных глаголов (сидеть, стоять, лежать, висеть) выходит за пределы пространственного значения. Например, глагол «сидеть» указывает на позицию, однако признак фиксированности, неизменности положения является более значимым, чем способ расположения в пространстве [26, с. 314]. Необходимость исследования семантической доминанты рассматриваемого признака у позиционного глагола «сидеть» в составе тропа как средства объективации окружающей действительности определяет **актуальность** данной работы.

Троп – это комплексное явление. С момента появления указанного термина он обладал различными значениями. В современном языкознании также отсутствует

единое толкование данного явления. В научной литературе рассматриваются вопросы сущности тропов [29; 16; 6; 7], а также их возможных классификаций [11; 16; 18]. О. П. Ермакова отмечает, что принадлежность гиперболы к тропам обусловлена тем, что в художественной литературе она представляет собой одно из средств создания образа [4, с. 77]. Кроме того, в отличие от таких видов тропа как метафора и метонимия, которые обладают словарными значениями, зафиксированными лексикографическими источниками, гипербола не имеет единого толкования [4, с. 77]. Исследования данного понятия происходят в рамках различных подходов [2; 13]. В качестве основных видов тропа рассматриваются метафора и ирония [28, с. 2], метафора и метонимия [4, с. 77]. R. Carston, C. Wearing, а также О. П. Ермакова отмечают возможность взаимодействия гиперболы с другими видами тропов, однако в отличие от R. Carston, C. Wearing, выделяющих в языке «чистую» гиперболу, О. П. Ермакова отмечает, что гипербола не является самодостаточным тропом [28; 4]. Развивая данный подход, исследователь выделяет следующие функции гиперболы: 1) гиперболические тропы (в частности, гиперболическая метафора и гиперболическое сравнение) могут являться средством репрезентации лести; 2) метафора-гипербола может являться средством самоуничижения; 3) в иных ситуациях положительная оценка себя, репрезентируемая гиперболически, может являться средством выражения самоиронии; 4) гиперболическая метафора обладает способностью к репрезентации шутливо преувеличенной оценки; 5) гипербола находит широкое применение в сфере рекламы; 6) в сфере публицистики целью использования гиперболической метонимии является языковая демагогия [4, с. 85]. Представленные данные указывают не только на значительный потенциал гиперболы к взаимодействию с другими видами тропов, но и на ее несамостоятельность. Кроме того, анализ рассмотренных функций позволяет сделать вывод о широком использовании гиперболы в медиадискурсе. Несмотря на замечания автора о том, что рассматриваемая работа не претендует на широкие обобщения и требует дальнейшего уточнения, современные работы в сфере исследования медиадискурса подтверждают представленные выше положения о применении гиперболы и производных от нее тропов в рекламе [9; 17; 5].

А. С. Котлова выделяет целый ряд понятий, которые принято относить к тропам, в число которых входят метафора, метонимия, ирония, гипербола и т. д. [10, с. 164]. Троп – это «образная двуплановая семантически дескриптивная единица», формирующаяся в результате действия механизма метафоризации. Исследователи указывают на экспрессивную составляющую тропа [8, с. 101]. Из представленных сведений следует, что образность и метафоричность являются одними из наиболее значимых характеристик тропа. В данной работе будет исследовано наличие указанных характеристик у гипербол.

Пространство представляет собой одну из категорий бытия. Глагольная лексика, объективируемая глаголами позиции и глаголами движения [25], глаголами положения в пространстве и т. д., обладает высоким метафорическим потенциалом [22, с. 45]. Один из глаголов, у которого «на последнем шаге семантической редукции в вершине ассерции обнаруживается конфигурация “быть расположенным как-то”» – это глагол «сидеть» [1, с. 293]. В данной работе будут исследованы гиперболы, элементом вербализации которых является глагол «сидеть» и его формы.

Материалы и методы

В число задач данного исследования входит анализ научной литературы по теме исследования; выявление сфер употребления гипербол, элементом объективации которых является глагол «сидеть» и его формы; исследование образной составляющей гиперболических тропов; определение наиболее значимых свойств глагола «сидеть» в составе гипербол посредством применения метода сплошной выборки,

описания и обобщения, исследования характеристик рассматриваемого глагола в составе гиперболы с помощью применения метода контекстуального анализа.

Материал исследования: в результате анализа 3170 контекстов употребления глагола с пространственным значением «сидеть» и его форм методом сплошной выборки был выявлено 23 примера употребления гипербол. Выбор материала исследования осуществлялся из Национального корпуса русского языка [19].

Результаты

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой представлено семь значений глагола «сидеть». Первое из них указывает на нахождение в положении, при котором туловище на что-то опирается, а ноги занимают согнутое или вытянутое положение; второе – на нахождение птиц и насекомых в неподвижном положении; третье – на нахождение в каком-то месте или внутри него; четвертое значение указывает на пребывание в каком-то состоянии, усидчивое занятие каким-либо делом; пятое значение – на углубление в воду; шестое – нахождение на фигуре; седьмое значение указывает на отбывание наказания в местах лишения свободы. Отметим, что одно из значений (№ 3) представлено в словаре с пометой «перен.». Три из представленных дефиниций глагола «сидеть» указывают на наличие признака фиксированности: «не передвигаясь» (значение № 1), «неподвижно» (значение № 2), «усидчиво» (значение № 4) [20]. Данная информация соотносится с позицией Е. В. Рахилиной, М. Lemmens о знаменательности признака фиксированности по отношению к пространственному значению позиционного глагола «сидеть» [26].

В результате анализа контекстов употребления гипербол, элементом объективации которых является глагол с пространственным значением «сидеть», было установлено, что сферами функционирования данных гипербол являются электронная коммуникация (13 %), художественная сфера (35 %), публицистика (52 %).

Представим примеры употребления указанных гипербол в сфере электронной коммуникации.

*«Уф ... доказывать не имеет смысла ... слишком высоко от простого народа вы **сидите**...»* [19].

*«Хорошо если есть контроль с инетом, а у нас месячная плата и **сиди** круглые сутки — что и делается активно (Uslik, 2004. 08. 2114: 21»* [19].

Как было отмечено ранее, семантика нахождения в определенном месте зафиксирована Толковым словарем русского языка (значение № 3). Однако в данных примерах лексемы с пространственным значением «сидите» / «сиди» входят в состав гиперболических метафор, вербализующих образ надменного, высокомерного поведения, а также неограниченного доступа в интернет.

*«Взять хотя бы музыкальный мир, массовое „искусство“. Кто на сцене? САМЫЕ ТАЛАНТЛИВЫЕ? САМЫЕ ТАЛАНТЛИВЫЕ **сидят** в глубокой „поне“, из которой вообще нет никаких шансов вылезти на достойный уровень»* [19].

В данном фрагменте посредством гиперболической метафоры вербализован образ нахождения в затруднительном положении. Пространственное значение глагола «сидят» в тропе меняется на непространственное.

Результат анализа данных примеров подтверждает наличие у гиперболы потенциала к взаимодействию с другими видами тропа, а также свидетельствует о способности гиперболической метафоры к репрезентации шутливо преувеличенной оценки. Отметим также изменение семантики рассмотренных глаголов с пространственной на непространственную в составе гиперболических метафор.

В художественной сфере функционирования было выявлено 6 контекстов, где местом описываемых событий является СССР, а также Россия в конце XX в. В данных примерах были употреблены гиперболы, элементом вербализации которых является

глагол с пространственной семантикой «сидеть», а также его формы. Рассмотрим наиболее значимые примеры.

*«Зачем мне проверять, я строевых записок не представляю, что я, в АХО и на допе снабжаюсь? **Сидим** на гнилой картошке и на гнилой воде. — Женщины в доме есть? — Товарищ комиссар, вы вроде допрос мне учинили?» [19].*

Лексема «сидим» обладает признаком фиксированности, а пространственная семантика меняется на непространственную. Представленный пример – это фрагмент произведения В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба». Поскольку данное произведение было написано после Великой Отечественной войны, приобретенный автором опыт является одним из значимых элементов создания образа бедности, отсутствия возможности приобрести еду. Отметим метафоричность гиперболы в данном фрагменте, подтверждающую тезис о значительном потенциале взаимодействия гиперболы с другими видами тропов.

*«...А партия Ани состояла в том, чтобы все-таки накормить меня во что бы то ни стало — хоть бы даже и до рвоты: на одном куске **сижу**, другой изо рта торчит» [19].*

Рассматриваемый глагол в представленном фрагменте – это элемент гиперболы. Образ создаётся посредством метафорической ассоциации чрезмерности. Как и в предыдущем случае, пространственное значение рассматриваемой лексемы меняется на непространственное.

«Стас директорствовал в ООО „Вентиляция“, а Горепанов мастерил в этом обществе с безграничной безответственностью. С заказами было туго, и „Венка“ сидела на мели всем днищем» [19].

Данное произведение описывает события конца XX в., о чем свидетельствует представленная во фрагменте аббревиатура («ОАО»), а также его содержание. Лексема «Венка» – это сокращение от полного названия организации. Фрагмент предложения «сидела на мели всем днищем» представляет собой результат объективации взаимодействия метафоры и гиперболы, в основе которого метафорическая ассоциация нахождения в тяжелом положении.

*«Это такой ужас для нашего общества. А ты всем готов помочь, ты за всех переживаешь, сутками с ними **сидишь**» [19].*

В представленном фрагменте лексема «сидишь» обладает пространственным значением, зафиксированным лексикографическим источником (значение № 4, указанное выше), однако лексическая единица «сутками» усиливает семантику непрерывного занятия монотонной деятельностью, реализуя гиперболическое значение. По нашему мнению, данный троп является примером «чистой» гиперболы, не вступающей во взаимодействие с другими видами тропа, в отличие от представленных выше примеров. В основе гиперболы – образ длительного нахождения в одном и том же месте.

В художественной сфере функционирования среди контекстов, не связанных с эпохой СССР, следует отметить пример, в котором, по нашему мнению, автором также использована «чистая» гипербола, основанная на идентичном образе.

*«Я зеваю под столом до слез, привык около людей околачиваться, а они все **сидят, сидят, сидят...** Гав! И все говорят, говорят, говорят» [19].*

В данном случае усиление значения происходит посредством повторного употребления лексемы, которая обладает семантикой нахождения в каком-либо месте.

Рассмотрим ещё один пример употребления гиперболы в художественной сфере, описывающий события первой половины XX в.

*«Так неспешно идет жизнь — и всю жизнь, как крепкий строевой лес, **сидят** на одном месте, корневиками ушедши глубоко в землю» [19].*

В представленном фрагменте гиперболе предшествует сравнение. Второе предложение – это олицетворение, согласующееся с глаголом «*сидят*» в составе гиперболы. С нашей точки зрения, тропы в составе данного фрагмента образуют единую семантическую систему, целью которой является объективация образа размеренности жизни. Значение лексемы «*сидят*» в процессе метафоризации меняется на непространственное.

Результаты анализа представленных примеров позволяет установить, что, несмотря на способность гиперболы к взаимодействию с другими видами тропа, о чем свидетельствуют рассмотренные гиперболы, подтверждающие указанные выше теоретические данные, она также может быть употреблена в виде самостоятельного тропа, реализующего значение чрезмерности, преувеличения того или иного признака. В каждом из представленных фрагментов гипербола объективирует те или иные образы. Как следует из данных примеров, художественные произведения, описывающие события времен СССР, а также конца XX в. после его распада вербализуют посредством тропов образы монотонности, однообразности выполнения того или иного действия, голода, а также чрезмерности, которая, с нашей точки зрения, является следствием голода времен Великой Отечественной войны. Ни одна из функций гиперболы, рассмотренных в методологической базе данного исследования, не находит своего отражения в данных примерах.

Исследуем примеры гиперболы с пространственным компонентом в публицистической сфере функционирования.

*«Ходят студенты на эти тренинги? — Зависит от вуза. Бывает полный аншлаг, на головах друг у друга **сидят**»* [19].

*«Крохотная, размером с номер в типовой парижской гостинице, комната; нетопленая — нет дров — русская печь; чуть не на головах друг у друга **сидят** маленькие дети, закутанные во что попало; изо рта учительницы идет пар»* [19].

Лексема «*сидят*» в представленных фрагментах обладает значением нахождения в одном месте. Образ создается посредством метафорической ассоциации многочисленности. Исследуемый глагол в составе гипербол не обладает пространственной семантикой.

*«А может быть, Михалков в патриотическом запале просто забыл, что страна, помимо пропасти безыдейности, **сидит** еще и в пропасти инфляции, нищеты и алкоголизма»* [19].

*«Возможно, Никите Михалкову и Алексею Балабанову больше нравилось **сидеть** семьдесят лет в пропасти идейности»* [19].

По нашему мнению, данные примеры являются гиперболическими метафорами, основанными на образе нахождения в тяжелом положении. Указанное значение является переносным.

В одном из контекстов функционирования рассматриваемой нами гиперболы местом действия является Российская империя начала 20х годов XX в.

*«На ступеньках **сидели**, стояли, лежали хромые, больные, нищие, расслабленные, кликуши»* [19].

С помощью гиперболы, средством репрезентации которой являются различные позиционные глаголы (*сидеть, стоять, лежать*), происходит вербализация образа многочисленности. Гипербола не взаимодействует с другими видами тропов. Идентичные образы объективируются также во фрагментах современных публицистических текстов, представленных ниже.

*«На фоне белой стены с тремя решетчатыми окнами стоят, **сидят** и полужелезат на земле в четыре ряда люди, русские матросы»* [19].

*«На экспонатах **сидят**, лежат и даже спят посетители, не выдержавшие напора впечатлений» [19].*

Анализ представленных примеров позволяет отметить, что гипербола может функционировать в качестве самостоятельного тропа, а также вступать во взаимодействие с другими его видами. Рассмотренные примеры гиперболы и гиперболических тропов в сфере публицистики не являются средством реализации языковой демагогии, а также лести, иронии и самоиронии. Посредством форм глагола «*сидеть*» в составе гипербол происходит вербализация образа, не связанного с пространственной семантикой.

Как в сфере публицистики, так и в других сферах функционирования гипербол, представленных выше, семантической доминантой рассматриваемого глагола в составе тропов является не пространственная составляющая, а признак фиксированности.

*«Через восемь месяцев его переведут из элитного Лефортова в Матросскую Тишину, в камеру на 32 уголовника, где **сидят** 137 — точнее, стоят на цыпочках, потому что сидеть там негде» [19].*

Данный пример из сферы публицистики представляет интерес в связи с тем, что в его состав входят два позиционных глагола — «*сидеть*» и «*стоять*». Первый из глаголов входит в состав гиперболы, второй употребляется автором в прямом значении. В рассматриваемом случае лексема «*стоят*» обладает пространственным значением. Позиционный глагол «*сидят*» в составе гиперболы объективирует значение нахождения в тюрьме. Е. В. Рахилина, М. Lemmens отмечают, что метафорические словосочетания вида «*сидеть в тюрьме*» не описывают буквально «сидячее» положение субъекта в пространстве. Их интерпретация основана на признаке фиксированности [26, с. 314]. Рассматриваемый пример из НКРЯ подтверждает представленную информацию. Целью употребления двух различных позиционных глаголов в данном предложении является реализация образа нахождения в ограниченном пространстве.

*«Раньше он был политическим заключенным, а сегодня по его воле тысячи и тысячи людей или **сидят**, или лежат в земле» [19].*

В состав представленного предложения из художественной сферы также входят два позиционных глагола, однако, в данном фрагменте, оба глагола являются элементами гиперболы. Лексема «*сидят*» обладает значением нахождения в тюрьме, лексема «*лежат*» — состояния смерти. У обоих глаголов пространственное значение в процессе механизма метафоризации изменилось на непространственное. Семантической доминантой является признак фиксированности. Контрастность содержания простых предложений в составе сложного, усиленная посредством тропа, объективирует образ вседозволенности, отсутствия ограничений в действиях.

Обсуждение результатов / дискуссия

Анализ представленных контекстов тропеического употребления форм глагола «*сидеть*» позволяет сделать следующие выводы.

Гипербола — это один из видов тропа, обладающий метафорической основой. Наряду с другими тропами формирование гиперболы происходит в результате действия процесса метафоризации, которая в данной работе рассматривалась с точки зрения лингвосемиотического подхода. Поскольку в качестве когнитивной операции метафоризация основывается на результатах перцепции, то образ как результат чувственного познания является одним из элементов рассматриваемого процесса. В данной работе исследовалась реализация образа посредством гиперболы, составным элементом которой являлся позиционный глагол «*сидеть*». Результаты проведенного исследования позволили установить, что гипербола может вступать во взаимодействие с другими видами тропов, например, с метафорой, олицетворением, сравнением.

ем, однако она является самостоятельным видом тропа. Примеры употребления гиперболических тропов в сфере электронной коммуникации позволяют предположить, что гиперболическая метафора обладает способностью к репрезентации шуточно преувеличенной оценки, на которую в своей работе указывает О. П. Ермакова, однако, ввиду того, что данная группа гипербол является самой немногочисленной, не представляется возможным прийти к выводу об универсальном характере указанной функции. Функции 1-3, 5-6 также не нашли подтверждения в данной работе. Отсутствие иронии, самоиронии, а также гиперболы как способа самоуничтожения в примерах, местом действия которых являлся СССР и Россия периода после его распада, с нашей точки зрения, может быть связано с особенностями социально-политической, экономической и культурно-исторической ситуацией в стране в рассматриваемые временные отрезки. Указанные особенности оказали влияние на образы – основы гипербол и гиперболических тропов, реализуемых в данных фрагментах. Наиболее значимые примеры гипербол данного вида представлены в художественной сфере. Указанное обстоятельство подтверждает влияние различных видов опыта индивида на процесс метафоризации, результатом которого является троп. Анализ форм лексемы «сидеть» в составе гипербол также позволил установить, что в 100 % рассмотренных фрагментов пространственное значение данного глагола в составе тропа менялось на непространственное. Указанный факт также связан с изменением опыта индивида как элемента процесса метафоризации, в результате действия которого происходила корреляция пространственного и непространственного значения позиционного глагола «сидеть». Анализ рассмотренных примеров также позволил установить, что признак фиксированности является семантической доминантой указанной лексемы в составе гиперболы и гиперболических тропов.

Заключение

Гипербола как результат метафоризации – это одно из средств вербализации предметов и явлений окружающей действительности, а также их субъективной оценки. Анализ результатов данной работы позволил установить, что данное обстоятельство также применимо к гиперболе, элементом которой является глагол с пространственным значением «сидеть». Поскольку семантика позиционных глаголов «стоять», «лежать», «висеть» также не ограничивается выражением определённого положения в пространстве, то значимым представляется исследование особенностей их объективации в составе тропа.

Список источников и литературы

1. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Ю. Д. Апресян [и др.]. М.: Языки славянских культур, 2010. 408 с.
2. Борисенко Ю. И. О лингвистическом статусе гиперболы и механизме ее образования // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 110–116.
3. Бороздина И. С. "Пространственное" и "непространственное" в семантической структуре слова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2014. № 2 (16). С. 15–20. URL: <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/96> (дата обращения: 24.01.2025).
4. Ермакова О. П. Некоторые размышления о гиперболе и тропах // Семантика и прагматика языковых единиц : материалы Международной науч. конф. Калуга: Калуж. гос. ун-т им. К. Э. Циолковского. 2019. С. 75–87.
5. Заболотская Е. А. Стилистический прием "гипербола" в рекламе медиа о моде // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11, № 4-1. С. 234–241.
6. Зубкова О. С. Некоторые когнитивные аспекты формирования метафоры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.

2010. № 2 (14). С. 139–145. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/14> (дата обращения: 24.01.2025).
7. *Зубкова О. С.* Условия возникновения метафоры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5-1. С. 306–312.
 8. *Зубкова О. С., Поречная В. И.* Конвенциональность тропа с пространственной семантикой в социокультурном пространстве. Курск: Университетская книга, 2024. 350 с.
 9. *Канкина А. В., Бочкарева А. С.* Средства выразительности в рекламных и PR-текстах бренда "Колдрекс" // Научные труды КубГТУ. 2018. № 1. С. 217–226. URL: <https://ntk.kubstu.ru/tocs/49> (дата обращения: 24.01.2025).
 10. *Котлова А. С.* Персуазивный эффект тропов в политическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. № 12. С. 162–166.
 11. *Кочешкова И. Ю.* Компаративные тропы как отражение авторского мировосприятия в творчестве Дж. Фаулза : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кочешкова Ирина Юрьевна. Барнаул, 2004. 176 с.
 12. *Красовская Н. А.* Расширение семантики лексических единиц, обозначающих явления природы (на тульском диалектном материале) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 1(1). С. 64–69. URL: http://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_1/64/ (дата обращения: 24.01.2025).
 13. *Крылова М. Н.* Тропы, основанные на контрасте // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2016. № 5. С. 40–46. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16093.htm> (дата обращения: 24.01.2025).
 14. *Крюкова Н. Ф.* Социокультурный аспект метафорической визуализации // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2022. № 47. С. 185–188. URL: <http://rid.tversu.ru/Publication/Article/Details/21197> (дата обращения: 24.01.2025).
 15. *Лопаткина С. В.* Особенности взаимодействия тропов в контексте функциональных стилей (на материале художественных текстов) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 4. С. 71–74.
 16. *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академ. проект, 2002. 542 с.
 17. *Манжилевская С. Е., Чунахова Л. В.* Особенности языковой картины мира в англоязычной рекламе путешествий // Modern Science. 2021. № 12-4. С. 212–215.
 18. *Москвин В. П.* О подходах к определению понятия 'троп' // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72, № 2. С. 20–31.
 19. Национальный корпус русского языка : [онлайн-коллекция текстов на русском языке]. М., 2003–2025. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.01.2025).
 20. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2015. 938 с.
 21. *Поречная В. И.* Гипербола как элемент тропеической системы языка // Актуальные проблемы переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Брянск: Брянский гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского, 2021. С. 179–184.
 22. *Поречная В. И.* Глаголы передвижения в пространстве "ходить" и "идти" в составе метафоры и метонимии // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 4 (33). С. 43–51.
 23. *Поречная В. И.* Некоторые механизмы формирования тропов // Вестник Тверского государственного университета Сер.: Филология. 2021. № 4 (71). С. 252–257.
 24. *Прокопова М. В., Ермакова Е. Н.* Гипербола и литота как способ смысловой метаморфозы в сфере фразообразования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 19–26.
 25. *Рахилина Е. В.* Семантика русских «позиционных» предикатов: стоять, лежать, сидеть и висеть // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 69–80.
 26. *Рахилина Е. В., Lemmens M.* Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением 'сидеть' в русском и нидерландском // Russian Linguistics. 2003. Vol. 27, no. 3. P. 313–327.

27. Чечина Н. Ю. Метафоризация экономической лексики в медиадискурсе современного китайского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 104–110.
28. Carston R., Wearing C. Hyperbolic language and its relation to metaphor and irony // Journal of Pragmatics. 2015. № 79. P. 79–92.
29. Schofer P., Rice D. Metapher, Metonymy, and Synecdoche Revis(it)ed // Semiotica. 1977. Vol. 21, no. 1-2. P. 121–150.

References

1. Apresyan, YuD, Boguslavskiy, IM, Iomdin, LL & Sannikov, VZ 2010, 'Teoreticheskiye problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovary' (Theoretical problems of Russian syntax: the interaction of grammar and vocabulary), Yazyki slavyanskikh kultur publ, Moscow. (In Russ.)
2. Borisenko, YuI 2010, 'O lingvisticheskom statuse giperboly i mekhanizme yeyo obrazovaniya' (On the linguistic status of hyperbole and the mechanism of its formation), *The Humanities and Social sciences*, no. 5, pp. 110–116. (In Russ.)
3. Borozdina, IS 2014, "Prostranstvennoye" i "neprostranstvennoye" v semanticheskoy strukture slova' (Spatial and non-spatial in the semantic structure of a word), *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 2(16), pp. 15–20, viewed 24 January 2025, <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/96> (In Russ.)
4. Ermakova, OP 2019, 'Nekotoryye razmyshleniya o giperbole i tropakh' (Some thoughts about the hyperbole and tropes), *Semantika i pragmatika yazykovykh edinit. Materialy Mezhdunarodnoy nauch. konf.* (Semantics and pragmatics of linguistic units. Proceedings of the international scientific conference), Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky publ, Kaluga, pp. 75–87. (In Russ.)
5. Zabolotskaya, YeA 2022, 'Stilisticheskiy priyem "giperbola" v reklame media o mode' (Stylistic device of hyperbole in advertising fashion media), *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, vol.11, no. 4-1, pp. 234–241, doi: <https://doi.org/10.34670/AR.2022.14.99.020> (In Russ.)
6. Zubkova, OS 2010, 'Nekotoryye kognitivnyye aspekty formirovaniya metafor' (Some cognitive aspects of metaphor formation), *Uchyonyye zapiski. Ehlektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* (Uchyonye zapiski. Electronic scientific journal of the Kursk State University), no. 2(14), pp. 139–145, viewed 24 January 2025, <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/14> (In Russ.)
7. Zubkova, OS 2011, 'Usloviya vozniknoveniya metafor' (Conditions for the creation of metaphor), *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 5-1, pp. 306–312. (In Russ.)
8. Zubkova, OS & Porechnaya, VI 2024, 'Konventsionalnost tropa s prostranstvennoy semantikoy v sotsiokulturnom prostranstve' (Conventionality of the trope with spatial semantics in the socio-cultural space), *Universitetskaya kniga publ, Kursk*. (In Russ.)
9. Kankina, AV & Bochkareva, AS 2018, 'Sredstva vyrazitelnosti v reklamnykh i PR tekstakh brenda "Koldreks"' (Means of expression in advertising and PR-texts of Coldrex brand), *Scientific Works of the Kuban State Technological University*, no. 1, pp. 217–226, viewed 24 January 2025, <https://ntk.kubstu.ru/tocs/49> (In Russ.)
10. Kotlova, AS 2020, 'Persuazivnyy effekt tropov v politicheskom diskurse' (Persuasive effect of figures in political discourse), *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series "Humanities"*, no. 12, pp. 162–166, doi: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2020.12.18> (In Russ.)
11. Kocheshkova, IYu 2004, *Komparativnyye tropy kak otrazheniye avtorskogo mirovospriyatiya v tvorchestve Dzh. Faulza* (Comparative tropes as a reflection of the author's worldview in the work of J. Fowles), PhD thesis, Barnaul. (In Russ.)
12. Krasovskaya, NA 2020, 'Rasshireniye semantiki leksicheskikh yedinit, oboznachayushchikh yavleniya prirody (na tul skom dialektnom materiale)' (Extension of the semantics of lexical units designing the natural phenomenon (on the Tula dialectic material)), *Tula Scientific*

- Bulletin. History. Linguistics*, no. 1(1), pp. 64–69, viewed 24 January 2025, http://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_1/64/ (In Russ.)
13. Krylova, MN 2016, 'Tropy, osnovannyye na kontraste' (Contrast-based tropes), *Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"*, no. 5, pp. 40–46, viewed 24 January 2025, <http://e-koncept.ru/2016/16093.htm> (In Russ.)
 14. Kryukova, NF 2022, 'Sotsiokulturnyy aspekt metaforicheskoy vizualizatsii' (Socio-cultural aspect of metaphorical visualization), *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty* (Foreign languages: linguistic and methodological aspects), no. 47, pp. 185–188, viewed 24 January 2025, <http://rid.tversu.ru/Publication/Article/Details/21197> (In Russ.)
 15. Lopatkina, SV 2013, 'Osobennosti vzaimodeystviya tropov v kontekste funktsionalnykh stiley (na materiale khudozhestvennykh tekstov)' (Peculiarities of tropes interaction in the context of functional styles (based on works of belles-lettres), *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, no. 4, pp. 71–74. (In Russ.)
 16. Lotman, YuM 2002, *Statyi po semiotike kultury i iskusstva* (Articles on the semiotics of culture and art), Akadem. Proyekt publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 17. Manzhilevskaya, SE & Chunakhova, LV 2021, 'Osobennosti yazykovoy kartiny mira v angloyazychnoy reklame putestestviy' (Features of the linguistic worldview in English-language travel advertising), *Modern Science*, no. 12–4, pp. 212–215. (In Russ.)
 18. Moskvina, VP 2013, 'O podkhodakh k opredeleniyu ponyatiya "trop"' (On approaches to the defining the notion of 'trope'), *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, vol. 72, no. 2, pp. 20–31. (In Russ.)
 19. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (The Russian National Corpus) 2003–2025, viewed 24 January 2025, <https://ruscorpora.ru> (In Russ.)
 20. Ozhegov, SI & Shvedova, NYu 2015, *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Explanatory dictionary of the Russian language), ITI Tekhnologii publ, Moscow. (In Russ.)
 21. Porechnaya, VI 2021, 'Giperbola kak element tropeicheskoy sistemy yazyka' (Hyperbole as an element of the language trope system), *Aktualnyye problemy perevodovedeniya i lingvodidaktiki v kontekste mezhkulturnogo vzaimodeystviya* (Actual problems of translation studies and linguodidactics in the context of intercultural interaction), Bryanskiy gos. un-t im. akad. I. G. Petrovskogo publ, Bryansk, pp. 179–184. (In Russ.)
 22. Porechnaya, VI 2019, 'Glagoly peredvizheniya v prostranstve "khodit" i "idit" v sostave metafory i metonimii' (Verbs of Motion in Space "To Go" and "To Walk" as a Part of Metaphor and Metonymy), *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, vol. 9, no. 4(33), pp. 43–51. (In Russ.)
 23. Porechnaya, VI 2021, 'Nekotoryye mekhanizmy formirovaniya tropov' (Some mechanisms of tropes formation), *Vestnik TvGU Series: Philology*, no. 4(71), pp. 252–257, doi: <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2021.4.252> (In Russ.)
 24. Prokopova, MV & Ermakova, EN 2022, 'Giperbola i litota kak sposob smyslovoy metamorfozy v sfere frazootobrazovaniya' (Hyperbole and litotes as a way of semantic metamorphosis in the sphere of phrase formation), *Proceedings of Petrozavodsk State University*, vol. 44, no. 7, pp. 19–26, doi: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.812> (In Russ.)
 25. Rakhilina, EV 1998, 'Semantika russkikh "pozitsionnykh" predikatov: stoyat, lezhat, sidet i viset' (Semantics of the Russian positional predicates: to stand, to lie, to sit and to hang), *Voprosy Jazykoznanija* (Topics in the Study of Language), no. 6, pp. 69–80. (In Russ.)
 26. Rakhilina, EV & Lemmens, M 2003, 'Rusistika i tipologiya: leksicheskaya semantika glagolov so znacheniyem "sidet" v russkom i niderlandskom' (Russian studies and typology: lexical semantics of verbs with the meaning of 'sit' in Russian and Dutch), *Russian Linguistics*, vol. 27, no. 3, pp. 313–327. (In Russ.)
 27. Chechina, NYu 2023, 'Metaforizatsiya ekonomicheskoy leksiki v mediadiskurse sovremennogo kitayskogo yazyka' (Metaphorization of economic terms in the media discourse of the modern Chinese language), *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 11(879), pp. 104–110. (In Russ.)
 28. Carston, R & Wearing, C 2015, Hyperbolic language and its relation to metaphor and irony, *Journal of Pragmatics*, no. 79, pp. 79–92.

29. Schofer, P & Rice, D 1977, Metaphor, Metonymy, and Synecdoche Revis(it) ed, *Semiotica*, vol. 21, no. 1–2, pp. 121–150.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 15.02.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Научная статья

УДК 81.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-172-191>

МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА ПРЕССЫ

**Юлия Владимировна
Горохова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, gorokhova.j@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0564-3086>

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию миромоделирования англоязычного дискурса прессы в рамках синтезирования нескольких научных областей, а именно когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и дискурсологии. При этом изучение миромоделирования осуществляется на базе интеграции когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигм. Интегративный подход рассмотрения двух парадигм позволяет выявить не только их отличительные черты, но и созависимость друг от друга. Выявляются детерминанты когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигм. Определяется роль дискурса в исследовании и формулируется его дефиниция. Так, дискурс рассматривается дуально, что подчеркивает многогранный характер явления. Данный феномен определяется как ментальный и социальный контекст, обусловленный конкретными когнитивными процессами, происходящими в коллективном сознании, но при этом динамичность и открытость его системы позволяет трактовать его как квант речи. Особое внимание уделяется анализу миромоделирования как матрицы англоязычной действительности, базирующейся в рамках дискурса. Для реализации анализа предпринимается попытка разработать модель его изучения посредством воссоздания паттерна взаимодействия когнитивной и культурологической систем, отражающих взаимосвязанность и взаимообусловленность таких элементов как «мышление», «язык», «человек», «культура», «сознание», «знание», «концепт». Устанавливается иерархия взаимодействия понятий «знание», «сознание», «мышление» и «мысль», которая позволяет обозначить характерные черты каждого элемента. Выявляются особенности репрезентации миромоделирования англоязычного дискурса прессы. Отмечается, что англоязычный дискурс прессы обладает периферической системой и ядром. Периферическая система носит социальный характер, ей свойственна соотнесенность с настоящим и будущим временами. Ядро англоязычного дискурса прессы обладает философским и политическим характерами, отсутствует корреляция с конкретным временным промежутком. Создается эффект «вне времени». Одной из отличительных особенностей периферии и ядра англоязычного дискурса прессы заключается в содержательной составляющей. Периферия отражает идеологию и ценности, а ядро представляет собой квинтэссенцию универсального чувственно-образного кода, обладающим индивидуальной формой общественного сознания, характерным для конкретного общества.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивная парадигма, лингвокультурологическая парадигма, дискурс, концепт, концептуальная метафора, стереотип, миромоделирование.

Для цитирования: Горохова Ю. В. Миромоделирование англоязычного дискурса прессы // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 172–191. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-172-191>

Сведения об авторе: Ю. В. Горохова – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 81.2
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-172-191>

WORLD MODELING OF THE ENGLISH-LANGUAGE PRESS DISCOURSE

Yulia V. Gorokhova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, gorokhova.j@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0564-3086>

Abstract. This article studies the world modeling of the English-language press discourse within the framework of synthesizing such scientific fields as cognitive linguistics, linguacultural studies and discourse studies. At the same time, the study of world modeling is based on the integration of cognitive-discursive and linguistic-cultural paradigms. The integrative approach of the two paradigms allows us to identify not only distinctive features, but also their interdependence. The author reveals determinants of cognitive-discursive and linguistic-cultural paradigms, determines the role of discourse in the study and formulates its definition. Thus, the author considers discourse as a duality, which emphasizes the multifaceted nature of the phenomenon. Discourse is a mental and social context determined by specific cognitive processes occurring in the collective consciousness, but at the same time, the dynamism and openness of its system allows it to be interpreted as a quantum of speech. The author pays special attention to the analysis of world modeling as a matrix of English-language reality based within the framework of discourse. To implement the analysis, the author attempts to develop a model of its study by recreating the pattern of interaction between cognitive and cultural systems, reflecting the interconnectedness and interdependence of such elements as 'thinking', 'language', 'person', 'culture', 'consciousness', 'knowledge', 'concept'. The study shows the hierarchy of interaction between the concepts of 'knowledge', 'consciousness', 'thinking' and 'thought', which allows us to outline the characteristic features of each element. The author also identifies the peculiarities of the world-modelling representation of the English-language press discourse and notes that the English-language press discourse has a peripheral system and a core. The peripheral system is social in nature, and is characterized by correlation with the present and future tenses. The core of the English-language discourse of the press has philosophical and political characters, and there is no correlation with a specific time period. The effect is 'timeless'. One of the distinctive features of the periphery and core of the English-language press discourse is its meaningful component. The periphery reflects ideology and values, and the core is the quintessence of a universal sensory-imaginative code with an individual form of social consciousness characteristic of a particular society.

Keywords: cognitive-discursive paradigm, linguistic-cultural paradigm, discourse, concept, conceptual metaphor, stereotype, world modeling.

For citation: Gorokhova, YuV 2025, 'World Modeling of the English-Language Press Discourse', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 172–191, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-172-191> (in Russ.)

Information about the Author: Yulia V. Gorokhova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

В эпоху тотальной компьютеризации и развития искусственного интеллекта мир представляет собой многомерное информационное поле, состоящее из разных уровней, которые напрямую зависят от мыслительной деятельности личности, поскольку именно мышление предопределяет место и роль человека как в обществе, так и в мировой системе.

Исходя из вышесказанного, лингвистика как наука о языке также претерпевает изменения. В частности, меняются подходы к рассмотрению языка; интегрируются научные парадигмы, такие, как антропоцентрическая и когнитивно-дискурсивная; прогрессируют новые недостаточно изученные отрасли лингвистики, например, компьютерная лингвистика, дискурсивная лингвистика, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Несмотря на тот факт, что две последние научные отрасли (когнитивная лингвистика, лингвокультурология) зародились еще в 90-е годы XX в., в настоящее время они занимают передовые позиции в исследовании языка в связи с тем, что тесно связаны с когнитивными и культурными процессами, которые напрямую фиксируют особенности не только языковой личности, этнокультуры или нации сквозь призму репрезентаций ментальных единиц в языке, но и позволяют проанализировать мыслительные и языковые процессы как единый механизм, то есть как полностью взаимозависимую единую систему ментального и языкового сознаний с вкраплениями культурологических специфичных черт.

При этом необходимо отметить, что в последнее время вопрос о миромоделировании все больше занимает умы ученых, поскольку данное исследование позволяет изучить репрезентацию мира сквозь призму «5D-моделирования», которая состоит из корреляции таких элементов, как человек, язык, сознание, мышление, культура.

Возникает идея созависимости каждого языкового и ментального процесса, где любая деталь, а именно знание, играет ключевую роль в формировании информационного поля.

Таким образом, целесообразно предпринять попытку воссоздания миромоделирования англоязычного дискурса прессы сквозь призму интеграции когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигм.

Поставленная цель предопределяет выполнение следующих задач.

- Изучить особенности интеграции когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигм.
- Предпринять попытку создания модели миромоделирования англоязычного дискурса прессы в рамках интеграции когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологических парадигм.
- Проанализировать особенности миромоделирования англоязычного дискурса прессы.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели и задач необходимо использовать следующие методы исследования: концептуальный анализ, лингвостилистический анализ, филологический анализ, метод когнитивной интерпретации, модель концептуальной интеграции, контекстуальный анализ, анализ словарной дефиниции, лингвокультурологический анализ, дискурс-анализ.

Интеграция когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигм

Реализация первой поставленной задачи состоит в изучении интеграции когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигм. Для ее осуществле-

ния обратимся вначале к отличительным чертам когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Главными детерминантами когнитивно-дискурсивной парадигмы являются дискурс, язык и когнитивные процессы, реализующиеся в сознании языковой личности в ходе осуществления акта коммуникации. Следовательно, невозможно говорить об особенностях вышеупомянутой парадигмы без рассмотрения дискурсивной и когнитивной специфик в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Обращаясь к дискурсивной составляющей, следует выделить следующие.

➤ Связь с реальностью [5, с. 325].

Во-первых, данный аспект указывает на его социальную природу и на динамический характер, поскольку действительность постоянно изменяется под воздействием различных событий. Во-вторых, прослеживается связь с экстралингвистическими факторами (история, география, образование, политика и т. д.). Однако наиболее интересной видится возможность трактовать многогранность данного феномена за счет его непосредственной зависимости от действительности, вследствие чего дискурс представляется как ментальный, социальный контекст, обусловленный когнитивными процессами, происходящими в коллективном сознании общества, личности, этнокультуры, нации в целом.

➤ Преобладание значения над формой.

Этот аспект конкретизирует фокус анализа, где главная роль отводится не форме, то есть синтаксической структуре, а содержанию. Таким образом, анализ позволяет сконцентрироваться на особых механизмах функционирования сознания посредством их репрезентации в дискурсивном контексте.

➤ Коммуникативная направленность.

В данном случае необходимо заострить внимание на том, что сам дискурс можно рассматривать как квант речи, реализованный в *определенный* период времени, с *определенными* участниками с характерными для них чертами в *определенной* ситуации с *определенной* целью. При этом именно эта «определенность» детерминирует различные типы дискурса, а также содержит имплицитную информацию, в которой заключены смысловые коды сообщений.

➤ Когнитивная детерминированность.

Реализация дискурса невозможна без участников. В центре данного аспекта находятся когнитивные структуры языковых личностей, принимающих участие в коммуникативном акте.

➤ Языковая принадлежность.

Данный аспект построен на корреляции языка и дискурса. Оба феномена взаимозависимы друг от друга. Так, дискурс репрезентируется в языке, а язык не способен существовать без дискурса, поскольку дискурс представляет собой некую форму симбиоза языка и речи. Однако стоит сделать несколько важных ремарок, относящихся к языковому аспекту в контексте рассмотрения дискурса. Известно, что язык является зеркалом культуры [4, с. 13]. Таким образом, тот или иной язык является носителем определенных знаний о народе, следовательно, именно этот фактор, метафорически выражаясь, является барьером восприятия некоторых эквивалентов культуры для разных народов.

Вышеупомянутый аспект подводит нас к рассмотрению когнитивной составляющей когнитивно-дискурсивной парадигмы, так как под определенными знаниями подразумевалась когнитивная система, функционирующая в сознании в результате формирования «глобального знания» об окружающей действительности. Подчеркнем, что под глобальным знанием понимается мировоззрение личности, ее характер, культура, воспитание, образование, опыт, менталитет и многие другие

факторы, которые создают картину мира как одной личности, так и общества, нации в целом.

Реализация данного процесса не обходится без когниции. Данное понятие является ключевым в когнитивной лингвистике, так как отражает интеракцию мышления и знания, репрезентированную в языке. Однако в этом случае возникает вопрос, каким образом реализуется процесс взаимодействия мышления и знания, то есть когниция. Попытаемся проанализировать каждую деталь поэтапно.

Во-первых, известно, что существуют три основных вида мышления, развивающихся эволюционно. К ним относятся наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое. Исходя из вышеуказанных видов, можно выделить основные принципы их построения, а именно связь с действием, связь с речью, связь с восприятием. Эти принципы способствуют развитию умений анализировать, оперировать конкретными знаниями, формировать представление о тех или иных объектах, создавать образные ассоциации, делать логические выводы, излагать мысли, сравнивать, обобщать, соотносить информацию, систематизировать, категоризировать, концептуализировать. Однако характер мышления у каждого из нас разный. На это откладывают отпечаток культурологические особенности, языковые характеристики, психологические и многие другие.

Более того, три ранее перечисленных принципа также указывают на корреляцию мышления и сознания. Сознание предстает как форма и содержание, а мышление – как инструмент работы с содержанием сознания [1, с. 5].

Отдельно отметим мысль, что сознание – это форма и условие существования любого знания, в том числе и научного, в особенности психологического [1, с. 5]. Следовательно, можно построить следующую модель интеракции когнитивной системы, отобразив ее особенности на рисунке 1 (см. рис.1):

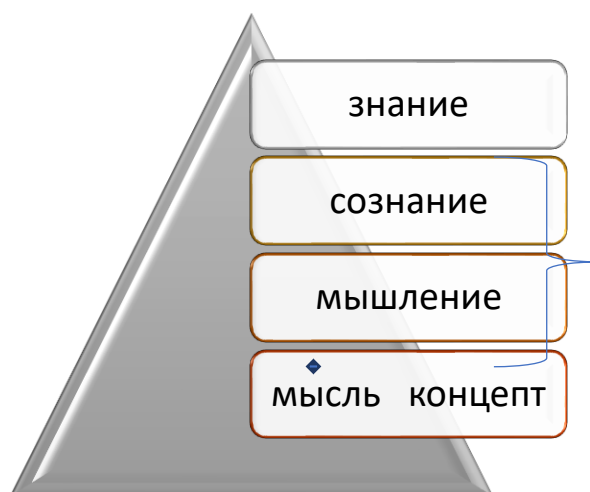

Рис. 1. Модель интеракции когнитивной системы

Таким образом, на самой первой ступени находится знание. Полагаем, что «знание» обладает несколькими важными характеристиками: универсальностью, разнородностью, многомерностью, отсутствием фиксированности (не имеет границ), многогранностью, гибкостью, разносторонностью. При этом «знание» одновременно представляет собой результат когнитивной деятельности в узком понимании, а в широком смысле знание является специфической единицей, имеющей начало, но не имеющей конца.

На второй ступени находится сознание. Другими словами, оно представляет собой некое вместилище для знаний.

Третью ступень занимает мышление. Мышление выступает в роли «функционала» сознания; процесса познавательной деятельности, а также в роли психологического процесса возникновения мыслей.

Четвертая ступень отводится мысли. Мысль является порождением нейронов в головном мозге, несет связь образа и его признака. Для нее характерна содержательность, эмоциональность, предметность, субъективность.

Таким образом, синергия сознания, мышления и мысли осуществляет процесс когнитии. При этом невозможно не упомянуть о взаимодействии концепта и мысли.

Однако не только ментальные элементы взаимодействуют, но и сам язык является отражением мысли [3, с. 160–161]. В связи с этим обозначим некоторые ключевые позиции в отношении языка.

➤ Язык репрезентирует процесс кодировки мысли в соответствии с культурологической, психологической, исторической детерминированностью. Другими словами, язык представляет собой «сущность» нации, представленную в виде знаковой системы с поликодовыми составляющими менталитета.

Отдельно отметим, что под поликодовыми составляющими подразумеваются вербальные, невербальные особенности, семиотическая специфика, в том числе культурные смыслы.

➤ Язык хранит и культурные смыслы, которые представлены в виде семиотической системы.

Данный аспект, безусловно, подводит к лингвокультурологической парадигме. Следующий этап исследования состоит в определении отличительных черт лингвокультурологической парадигмы.

Исходя из словообразования понятия «лингвокультурология», мы понимаем, что речь идет о процессе интеграции логоса (учения) о лингво (языке) и культуре. Следовательно, лингвокультурология как наука представляет собой симбиоз лингвистических и культурологических процессов.

Известно, что одним из базовых понятий в лингвокультурологии является культурный концепт, который подразумевает взаимодействие сознания и культуры. Под культурой понимается духовный и материальный (искусственно созданный людьми предметный мир) процессы развития человечества, отраженные в языке. Культура предстает открытой, самоорганизующейся, сложной, динамичной, аккумулирующей системой. А концепт является неким фракталом культурной системы.

Очевидно, что происходит интерференция двух парадигм в рамках интеграции понятий «человек» – «сознание» – «язык» и «человек» – «сознание» – «культура» – «язык».

Таким образом, появляется новая расширенная цепочка синергии, состоящая из следующих элементов – человек, сознание, культура, язык. Отобразим взаимодействие вышеупомянутых элементов на рисунке 2 (см. рис. 2).

Исходя из представленной модели (см. рис. 2), необходимо обозначить несколько ключевых моментов. Во-первых, человека можно сравнить с компьютером, поскольку он является вместилищем для языковой и культурной составляющих, а сознание уподобляется материнской плате.

На следующем этапе попытаемся предпринять попытку объединения двух моделей интеракции для визуализации полноценной картины их функционирования в едином пространстве в рамках синтезирования когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигм (см. рис. 3).

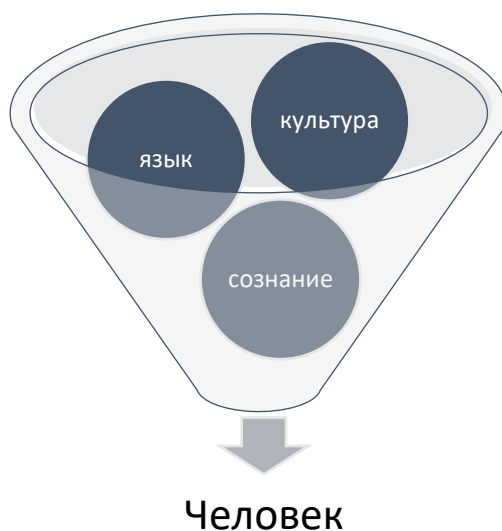

Рис. 2. Модель взаимодействия культуры, сознания, языка

Рис. 3. Модель взаимодействия когнитивной и культурологической систем в рамках синтезирования когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигм

Таким образом, знание занимает самую высокую позицию, поскольку является отдельной самостоятельной единицей любой картины мира. Отметим, что каждая единица представленной выше модели (см. рис. 3) направлена на реализацию определенного функционального спектра действий, позволяющих осуществлять взаимосвязь языкового и ментального сознаний. Язык и культура, в свою очередь, являются

как инструментами для декодирования особенностей менталитета, национальности, лингвокультуры и т. д., так и репрезентативными хранилищами накопленных знаний и опыта вербального и невербального характеров. Невозможно рассматривать язык вне культуры или культуру вне языка, поскольку такое исследование будет носить односторонний характер, не позволяя построить многомерную картину. Но при этом не брать в расчет и когнитивные процессы также является ошибкой, поскольку они непосредственно связаны с мыслительной деятельностью [2, с. 449–450].

Таким образом, интеграция когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигм играет первостепенную роль, поскольку это позволит сконструировать миромоделирование сквозь призму разных подходов.

Миромоделирование англоязычного дискурса прессы

Для реализации второй и третьей задач конкретизируем вектор нашего анализа. Исследование миромоделирования будет реализовываться на основе симбиоза лингвокогнитивного, лингвокультурологического и концептуального направлений.

Существует большое количество интерпретаций понятия «миромодерирование», однако мы попытаемся сформулировать собственную точку зрения в рамках интеграции вышеупомянутых направлений. Так, под миромоделированием понимается процесс формирования открытой, динамической системы, формирующей действительность в контексте конкретного дискурса с определенным ментальным языковым и культурологическим кодами. Следовательно, создается ментально-языковой продукт, содержащий ценностные тенденции общества, влияющие на дальнейшее поколение. Объектами исследования могут выступать образ мира, метафорическое моделирование, модели образной (когнитивной интерпретации), стереотипы, концепты. Каждый из вышеперечисленных элементов в рамках данного вектора анализа обладает схожими характерными чертами, заключающимися в репрезентации кода нации, который отражает ценностные, культурные, мировые и др. черты.

Любое миромоделирование осуществляется на конкретном материале, то есть в конкретном контексте в широком смысле этого слова.

Дискурс прессы же представляет собой лакмусовую бумажку, отражающую социокультурные, психологические, идеологические, политические, мировые и многие другие аспекты. Однако наиболее существенным преимуществом дискурса прессы является его открытая «живая» система, реагирующая на любое движение в мире, а также на каждое нововведение. Не менее значительным является возможность трактовать концептуальные модели национального мировидения. Вышесказанное позволяет говорить не только об актуальности дискурса в качестве базы для миромоделирования, но и о наличии у дискурса двух факторов – внешнего и внутреннего. Внутренний фактор напрямую связан с сознанием, а внешний фактор отражает культуру.

В связи с процветанием интернета дискурс прессы выходит за рамки обыденного. Все шаблоны и штампы стираются, на первый план выходит медиаобщение и реализация диалоговых тактик в коммуникации для обращения к чувствам и эмоциям, что позволяет осуществлять необходимые манипуляции аудиторией.

Современному англоязычному дискурсу прессы характерны такие черты, как реализация потока сознания (вербализация чувственно-эмоциональных переживаний от первого лица), экспрессивность, эмотивность, либерализация речевой культуры, склонность к смешению жанров и стилей, языковая эпатажность, отсутствие цензуры, субъективизм.

При этом немаловажно отметить несколько важных факторов, влияющих на реализацию и анализ дискурса. Во-первых, основной ментальной движущей силой англоязычного дискурса прессы является ассоциативное мышление участников.

Другими словами, способность к метафорическому осмыслению является ведущей стратегией в процессе коммуникации. Во-вторых, дискурс как коммуникативный процесс невозможен без участников (автора (говорящего / реализатора информации и слушателей (читателей)). Следовательно, авторская роль в дискурсе первостепенна, поскольку творчество автора провоцирует ассоциации, а также обращается к интеллекту и сознанию читателей (слушателей). В-третьих, от участников дискурса требуется высокая компетентность для осуществления корректного речевого взаимодействия, как активного, так и пассивного.

Обращаясь непосредственно к англоязычному дискурсу прессы, следует выделить несколько основных тематических репрезентаций.

➤ Мировые события (NEWS).

Эта тематическая категория освещает политические, финансовые и бизнес-события.

➤ Культура (CULTURE).

Данная тематическая категория репрезентируется достаточно широко. Освещаются различные кинематографические и театральные события, искусство, музыка, телевидение и радиопередачи, подкасты, обзоры, рецензии, туризм, вопросы здравоохранения, жизнедеятельность, образ жизни, психологические проблемы, спорт.

➤ Экология (ECOLOGY).

Вышеназванная тематическая категория освещает экологические проблемы, с которыми сталкивается человечество, в частности климатические изменения, такие, как глобальное потепление, таяние ледников.

➤ Наука (SCIENCE) .

Данная категория посвящена научным открытиям в каждой сфере. Тем не менее в этой категории наиболее актуальными темами являются вопросы искусственного интеллекта, генетические исследования, психология и медицина.

Вышеуказанные семантические репрезентации составляют основную смысловую нагрузку англоязычного дискурса прессы. Они отражают четыре главных направления, на которые концентрируется внимание аудитории. Однако следует подчеркнуть, что только две тематические категории, а именно культура и мировые события, репрезентируют характерные идеологические черты, поскольку в них четко проявляется как авторская позиция, так и национальная в целом. Остальные две носят больше просветительский характер с наименее выраженной авторской точкой зрения или национальной.

В связи с этим наибольший интерес представляют две категории “culture” и “news”, поскольку в них отражается идеологическая, культурологическая и ценностная составляющие.

Анализ миромоделирования англоязычного дискурса прессы состоит из нескольких этапов, задача каждого из которых в выделении идеологической и ценностной и культурной составляющих. На первом этапе рассматриваются языковые знаки, входящие в периферию концептуальной системы англоязычного дискурса прессы. На втором этапе выделяется ядро концептуальной системы миромоделирования. Понятийный аппарат анализа оперирует такими понятиями, как концепт, концептуальная метафора, стереотип.

На первом этапе анализа миромоделирования англоязычного дискурса прессы на периферическом уровне были выделены концепты согласно следующим понятиям составляющим.

1) Единицы, содержащие идеологию американского государства: patriotism (патриотизм), leadership (лидерство), national security (национальная безопасность).

2) Единицы, характеризующие черты американского гражданина: *loyalty* (верность), *courtesy* (вежливость), *intelligence* (умственные способности, интеллект), *combative* (воинственный).

3) Единицы, описывающие черты американского лидера: *seasoned* (опытный), *smart strong voice of interests of America* (умный, сильный голос, представляющий интересы Америки), *commendable* (достойный похвалы), *confident* (уверенный).

4) Единицы, указывающие на государственные интересы Америки: *national security* (национальная безопасность), *national intelligence* (национальная разведка), *leadership* (лидерство), *effective management* (эффективное управление), *ownership* (владение), *enforcement of justice* (осуществление правосудия) [6–30].

5) Единицы, связанные с государственными действиями Америки: *bypass laws* (обходить законы), *violate law* (нарушать закон), *sanction* (санкция), *control* (контроль), *endorsement* (поддержка), *shield* (защищать) [8–30].

6) Единицы, репрезентирующие проблемы американских граждан: *homeless population* (бездомное население), *lack of interaction* (нехватка взаимодействия), *lack of empathy* (нехватка эмпатии) [6–30], *abortion rise* (рост абортов) [8–30], *rancour* (злоба), *uncertainty* (неопределенность) [6–30], *division* (разделение), *dangers* (опасности), *virtual friends* (виртуальные друзья), *bad marriages* (неудачные браки), *compulsive eating and hoarding* (навязчивое переедание и патологическое накопительство).

7) Единицы, вербализующие мысли о будущем Америки: *unpredictability* (непредсказуемость) [6–30], *prohibitively expensive* (запрещено дорогой) [8–30], *digital* (цифровой), *era of wearables* (эра носимых устройств), *push up inflation* (рост инфляции), *topsy turvy* (шиворот-навыворот), *extreme weather* (экстремальная погода).

8) Единицы, репрезентирующие специфику культуры США: *treat culture* (культура маленьких радостей), *AI bubble* (фальшь искусственного интеллекта), *value for money* (ценность денег), *eccentric* (эксцентричный), *underground party* (подпольная вечеринка), *dedicated to the nightclub* (времяпровождение в ночном клубе), *extravagance* (экстравагантность), *women's football and rugby* (женский футбол и регби), *creepy and a sumptuously sensual* (жуткий и роскошно чувственный), *depression* (депрессия), *mordant humour* (язвительный юмор), *doomscrolling* (думскроллинг).

9) Единицы, характеризующие идеологию английского государства: *influence* (влияние), *rebuilding of the great nation* (восстановление великого государства).

10) Единицы, описывающие проблемы британского общества: *antisocial behaviour* (антисоциальное поведение), *smuggling* (контрабанда), *immigration* (иммиграция), *economic pain* (экономическая боль), *higher taxes* (завышенные налоги), *interest rates* (процентные ставки), *distorted market* (деформированный рынок), *homeless* (бездомный), *poverty* (бедность), *deprivation* (лишение), *emotional and physical toll* (эмоциональные и физические потери), *toxic masculinity* (токсичная брутальность), *violence* (жестокость), *mental illness* (ментальные заболевания) [6–30].

11) Единицы, вербализующие особенности культуры Великобритании: *treat culture* (культура маленьких радостей), *mental health* (ментальное здоровье), *cultural renaissance* (культурный ренессанс), *interaction between fashion and books* (взаимодействие моды и книг), *doomscrolling* (думскроллинг), *artificial intelligence* (искусственный интеллект), *garage influence* (урбанистическая электронная музыка) [6–30].

12) Единицы, отражающие надежды о будущем Великобритании: *rebuilding* (восстановление), *improvements to public services* (развитие государственной службы), *rediscovering the great nation* (новое открытие великой нации) [7–30].

13) Единицы, указывающие на задачи британского государства: peace (мир), prosperity (процветание), security of working people (безопасность рабочего класса), social cleansing (социальная чистка), racialised, coercive displacement (расовое принудительное перемещение).

14) Единицы, связанные с эмоциональным состоянием британских граждан и демонстрирующие их характерные черты: feeling isolated (чувство изолированности), vulnerable (ранимый), exposed to racism (подверженность расизму), unfair (несправедливый), merciless (беспощадный) [6–30], half-conscious (полусознательный).

При рассмотрении понятийной составляющей периферии англоязычного дискурса прессы следует отметить следующие ключевые аспекты.

1) В основе американской идеологии лежат два понятия – патриотизм и стремление к лидерству, то есть главенству, в то время как характерными чертами американского гражданина являются ум, учтивость, воинственность.

2) Английская же идеология заключается в распространении влияния государства и желании возродить «великую нацию». Таким образом, английская идеология строится на мыслях о прошлом величии страны, а американская идеология строится на патриотических мыслях и желании властвовать.

3) Культурная специфика Америки сосредоточена на нескольких моментах. Во-первых, существует тенденция на получение маленьких радостей. Другими словами, это своеобразный феномен компенсаторного потребления, когда человек тратит деньги, чтобы почувствовать кратковременное счастье или для повышения уровня самооценки. Происходит превалирование материальных ценностей над духовными, процветает культура ночной жизни (ночные клубы). Литература, кино, театр пронизаны язвительным юмором. Виртуальность преобладает над реальностью. Проявляется тенденция к депрессивному восприятию реальности. Одной из выявленных специфических черт американской культуры является тяга к думскроллингу, то есть склонность к чтению и просмотру плохих новостей.

4) Английская культура частично совпадает с американской. Так, ей характерен также феномен компенсаторного потребления. Вторая схожая черта заключается в превалировании виртуальности над реальностью. Искусственный интеллект проникает во все сферы жизнедеятельности, в том числе и культуру. Достаточно интересным аспектом является смешение модной и книжной индустрии.

5) Не менее важной темой англоязычного дискурса прессы являются проблемы американских и британских граждан. Проблемы британского общества можно разделить на две составляющие – экономические и ментальные. К экономическим относят бедность, высокие процентные ставки и налоги, деформированный рынок. К ментальным проблемам относятся рост ментальных заболеваний, антисоциальное поведение, токсичная мужская брутальность, эмоциональная и физическая усталость, жестокость. Отдельно подчеркиваются иммиграционные проблемы. Проблемы американского общества можно также разделить на несколько аспектов: экономика, здоровье, семья. Так, американцев беспокоит возрастающее количество бездомных людей, нехватка взаимодействия и эмпатии как в семье, так и в любой сфере, чувство злобы и неуверенности в будущем, социальное разделение на классы, разводы, преобладание виртуальной жизни над реальностью, аборты, переедание (ожирение).

6) Достаточно неординарно проявляется и видение будущего у американцев и британцев. При этом их восприятие будущего кардинально отличается. Говоря о будущем Америки, вербализуются такие концепты, как непредсказуемость, экономические проблемы, заключающиеся в экстремальном подорожании, росте инфляции. Данные концепты обладают негативной интерпретацией. Более того, присутствует такой концепт, как «шиворот-навыворот», что еще сильнее усугубляет

негативный контекст для будущего Америки. Затрагиваются вопросы ухудшения климатических условий в ближайшее время. Нейтральным тоном обладает концепт цифровой эпохи. Таким образом, прогнозируется крайне негативная картина мира для американцев, где четко обозначаются основные проблемы, с которыми столкнется американская страна. Восприятие будущего британцами носит положительный характер. Создается картина реабилитации страны, основной задачей которой является восстановление великой нации. Негативные контексты отсутствуют. Данная интерпретация выглядит неестественной и деформированной, поскольку абсолютно не коррелирует с концептами, связанными с эмоциональным состоянием британцев, которые отражают чувство изолированности, уязвимость, несправедливость. Таким образом, становится очевидно, что присутствуют фальшивые нотки. В прессе намеренно пытаются сгладить острые углы. Более того, концепты, входящие в информационное поле будущего британцев, находятся в интеракции с концептами, репрезентирующими задачи государства, а именно мир, процветание, стабильность. Следовательно, осуществляется посыл зависимости будущего британской нации от действий государства. Происходит манипуляция чувствами граждан, где им навязывается мысль о доверии британской власти.

7) Интерпретация государственных интересов и задач Америки находится в одной связке. Так, на первое место выходят концепты «защита» и «национальная безопасность». Второе место отводится лидерству и контролю, эффективному управлению. Отдельную роль играет и трактовка качеств американского лидера, которого американцы готовы поддерживать. Создается образ сильного, умного, уверенного и опытного лидера, способного стать единым голосом Америки, представляющим интересы своей любимой страны.

Таким образом, анализируя периферию англоязычного дискурса прессы, можно сделать следующие выводы.

1) Периферия англоязычного дискурса прессы отражает социальные, экономические и ментальные проблемы.

2) В основном в англоязычном дискурсе преобладают концепты, содержащие отрицательные информационный и образный компоненты.

3) Образная репрезентация англоязычного дискурса прессы визуализирует картину изолированности и озлобленности общества. Теряется коммуникация между людьми, люди уходят в виртуальный мир, заводят виртуальных друзей, пытаются избежать реальности. Семейный институт рушится.

Ядро англоязычного дискурса является своеобразным языком образов, репрезентированных посредством концептуальных метафор и стереотипов.

Обратим внимание на несколько концептуальных метафор, содержащих основные смысловые нагрузки англоязычного дискурса прессы.

1) Life is to imitate the art (Жизнь – это имитация искусства) [6–30].

Вначале построим модель концептуальной интеграции, которая позволит рассмотреть, каким образом концепт “life” уподобляется концепту “art” (см. таблицу 1).

В процессе анализа модели концептуальной интеграции (см. таблицу 1) необходимо отметить, что она не учитывает концепт “to imitate”, который является посредником между двумя вышеуказанными. Таким образом, ее данные не совсем корректны. Концепт “imitate” обладает следующим содержанием.

➤ To behave in a similar way to someone or something else, or to copy the speech or behaviour, etc. of someone or something (вести себя так же, как кто-то или что-то еще, копировать речь или поведение и т. д. кого-то или чего-то) [30].

Таблица 1

**Модель концептуальной интеграции
для концептуальной метафоры “Life is to imitate the art”**

Общее пространство	Первое исходное пространство	Второе исходное пространство	Смешанное пространство (бленд)
Участники, условия, язык, время	Чувства, эмоции, действия, цель, задачи, функции	Положительные и отрицательные, репрезентация культуры, поражение и успех, вдохновение и угнетение	Творчество, самореализация

Исходя из содержательной составляющей исследуемого концепта, становится понятно, что жизнь похожа на искусство. Оба компонента связаны с творческой деятельностью, возможностью что-то создать, реализовать. Можно сказать, что жизнь и культура являются зеркальным отражением друг друга, однако, как известно, зеркальное отражение обладает погрешностью. Следовательно, искусство является чем-то идеальным, в то время как в жизни встречаются ошибки, трудности. Таким образом, концепт “art” трактуется как нечто идеальное, едва ли постижимое, в то время как жизнь интерпретируется как попытка к перфекционизму; имитация чего-то идеального.

2) New era is a new generation of leaders (Новая эра – это новое поколение лидеров).

Репрезентация представленной выше концептуальной метафоры встречается в контексте трактовки американского видения мировых событий.

Модель концептуальной интеграции для анализируемой метафоры выглядит следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Модель концептуальной интеграции
для концептуальной метафоры “New era is a new generation of leaders”**

Общее пространство	Первое исходное пространство	Второе исходное пространство	Смешанное пространство
Определенный период времени, участники, история	Реализация конкретных действий, событий	Достижение результатов, прогресс, регресс	Система с определенным мировоззрением, организацией и структурой

Обращаясь к рассмотрению модели концептуальной интеграции (см. таблицу 2), следует отметить, что концепты “era” и “generation” характеризуются как некая система, существующая в определенный период времени, взаимодействующая с участниками конкретной возрастной структуры. Однако, как и в прошлом анализе, концептуальная метафора дополняется еще одним концептом. В данном случае этим концептом является “leaders”.

Содержательная составляющая концепта “leaders” трактуется следующим образом:

- a person in control of a group, country, or situation (человек, контролирующий группу, страну или ситуацию),
- a person who is in charge of a group, country, situation (человек, отвечающий за группу, страну, ситуацию)[28].

Таким образом, содержательная сторона концепта концентрируется на возможности осуществлять контроль и при этом обладает чувством ответственности. В связи с этим мы понимаем, что именно эти качества выходят на первый план в качестве связующего звена двух концептов “era” и “generation”. Следовательно, основную нагрузку несет идея о том, что именно лидеры составляют центр для новой эры и являются яркими представителями нового поколения. Мы вводим понятие «новый» (new), так как оно является одним из понятийных составляющих концептуальной метафоры. Более того, принимая во внимание контекст, в котором вербализуется концептуальная метафора, становится очевидно, что концепт “leaders” связан конкретно с главами государств, которые закладывают фундамент для дальнейшего формирования поколения и эры с новыми ценностями с новым видением мира.

3) “Election is a race in the battleground” (Выборы – это гонка на поле боя).

Для начала обратимся к информационному компоненту концепта “race”:

- a competition in which all the competitors try to be the fastest and to finish first (соревнование, в котором все участники стараются быть самыми быстрыми и финишировать первыми);
- an attempt to be the first to do or to get something (попытка быть первым, кто что-то сделает или получит);
- one of the main groups to which people are often considered to belong, based on physical characteristics that they are perceived to share such as skin colour, eye shape (одна из основных групп, к которой часто относят людей, основываясь на их физических характеристиках, таких, как цвет кожи, разрез глаз);
- a group of people who share the same language, history, characteristics (группа людей, которые говорят на одном языке, имеют общую историю, характерные черты) [29];
- a competition between people, animals, vehicles, etc., to determine which one is the fastest: a contest of speed (соревнование между людьми, животными, транспортными средствами и т. д., чтобы определить, кто из них самый быстрый: соревнование на скорость);
- a contest or competition in which different people, groups, or teams try to win something or to do something first (конкурс или состязание, в котором разные люди, группы или команды пытаются что-то выиграть или сделать первыми);
- a group of people sharing a common cultural, geographical, linguistic, or religious origin or background (группа людей, имеющих общее культурное, географическое, языковое или религиозное происхождение) [30].

При рассмотрении информационного компонента исследуемого нами концепта на первый план выходят две его содержательные составляющие. Первая связана с соревновательным процессом, а именно с гонкой, вторая отражает группу схожих людей согласно их биологической, культурной и др. классификаций.

Несмотря на дуализм информационного компонента концепта “race” его образный компонент сводится к монизму, так как преобладает только один план содержания, отражающий значение «соревнование» в широком смысле, а в узком – «гонка». Образный компонент включает следующие понятия: rally (ралли), keep fighting (продолжать борьбу), campaign pitch (рекламная кампания), fierce battle (жесточкая битва), cast ballots (голосовать), win (выигрывать), marathon (марафон), thinktank (аналитический центр). Вышеперечисленные понятия несут политический и спортивный характеры. Однако присутствуют и понятия военного характера

“battle”, “battleground”. Понятие “battle” сопровождается эпитетом “fierce”, вносящим особую колоритность и эмоциональность. Следовательно, выборы сравниваются не только с гонкой за победу, но и с битвой, которая определит единственного победителя.

Отдельно хочется выделить репрезентации концептуальных метафор философского характера [6–30].

- 1) Modernity is the enemy of identity (Современность – это враг идентичности).
- 2) Mankind as a unitary is a myth (Человечество как единство – это миф).
- 3) The past is a graveyard (Прошлое – это кладбище).
- 4) Localism is a solution to the problems (Локализм – это решение всех проблем).

Построим для каждой концептуальной метафоры модель концептуальной интеграции для извлечения конкретных идей, заложенных в них.

Таблица 3

**Модель концептуальной интеграции
для концептуальной метафоры “Modernity is the enemy of identity”**

Общее пространство	Первое исходное пространство	Второе исходное пространство	Смешанное пространство, бленд
Определенная система, период времени, участники	Культура, история, политика, ценность, мировоззрение	Негативное влияние, разрушение, дестабилизация, регресс	Личность, которая приносит вред, противостоит хорошему, желает зла

Прежде чем начать трактовать посыл концептуальной метафоры, необходимо отметить, что анализируемый нами феномен строится на олицетворении (см. таблицу 3). Так, концепт “modernity” в русском языке переводящийся как современность, приобретает черты одушевленной личности, а именно врага. Следовательно, современность выступает врагом, поскольку разрушает важные установки, понятия, ценности. Более того, концепт “enemy” дополняется понятием “identity”. Таким образом, угол рассмотрения концептуальной метафоры изменяется. Мы понимаем, что современность убивает идентичность личности, возможность осознавать себя человеком за счет конкретных установок. Под установками подразумеваются социальные, культурные, гендерные и многие другие особенности, которые постепенно в современном мире уничтожаются.

Таблица 4

**Модель концептуальной интеграции
для концептуальной метафоры “Mankind as a unitary is a myth”**

Общее пространство	Первое исходное пространство	Второе исходное пространство	Смешанное пространство, бленд
Совокупность участников, единое пространство	Цельность, сплоченность, общность	Мир, мировоззрение, ценности, культура	Иллюзия, выдумка, сказка

Построенная выше модель концептуальной интеграции (см. таблицу 4) позволяет говорить о невозможности реализации философского размышления о единстве, где каждый организм работает как единое целое и обладает одной целью и задачей. Отсутствие разнородности в мире отрицается, поскольку это мешает его развитию согласно западной точке зрения, исходя из контекстуального анализа. Единство мира иллюзорно, поскольку тогда теряется мысль об идентичности.

Таблица 5

**Модель концептуальной интеграции
для концептуальной метафоры “Localism is a solution to the problems”**

Общее пространство	Первое исходное пространство	Второе исходное пространство	Смешанное пространство, блэнд
Система, участники, действия	Правила, требования, задачи	Решение, осуществление мер	Достижение окончательного суждения, результат предпринимаемых мер и действий

Анализ модели концептуальной интеграции (см. таблицу 5) позволяет сделать вывод, что концепт “localism” обладает положительной коннотацией. Таким образом, локализм предстает в виде единственного адекватного и правильного решения политических проблем. В основе локализма лежит идея о формировании общества по принципу сообществ. Каждое сообщество обладает автономным правом. Таким образом, в западном сообществе все чаще звучит голос оппонентов глобализма.

The past is a graveyard.

Отметим, что данная концептуальная метафора является отсылкой к цитате из книги Э. Золя «Собрание сочинений в двадцати шести томах. Том 11: Творчество». Построим модель концептуальной интеграции для дальнейшей ее когнитивной интерпретации (см. таблицу 6).

Таблица 6

**Модель концептуальной интеграции
для концептуальной метафоры “The past is a graveyard”**

Общее пространство	Первое исходное пространство	Второе исходное пространство	Смешанное пространство, блэнд
Пространство, место	Характеристики: не имеющее ни настоящего, ни будущее; отсутствие чувств и эмоций, желаний и стремлений, целей и задач	Законченный период, конец	Иллюзия жизни

Принимая во внимание контекст, в котором вербализуется вышеупомянутая концептуальная метафора, мы понимаем, что речь идет о мире, который до сих пор живет прошлыми стандартами и иллюзиями, которые завели общество в тупик.

Прошлые антитрадиционные установки и позиции являются лишь иллюзией жизни, настоящим заблуждением, которое привело к ошибке, а в дальнейшем может нанести глобальный и непоправимый урон.

Невозможно не обратить внимание и на репрезентацию нескольких стереотипных образов, которые были выявлены в контексте ядра англоязычного дискурса. Первый образ связан со стереотипом, что американцы отличаются позитивным настроением (*Americanism positivism*). Второй образ связан с недоверием французов к богатым людям. Считается, что ни один француз не будет голосовать за миллионера, в то время как для американца деньги, наоборот, являются показателем успеха (*France it would be impossible for a wealthy man to be elected head of state. No one would vote for a millionaire. The idea would be repulsive. But in America if a candidate is a millionaire, it shows he is a success and has ability*).

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать несколько важных выводов о миромоделировании англоязычного дискурса прессы.

1) Периферия англоязычного дискурса прессы носит социальный характер. Она отражает идеологию англоязычного общества, его культуру, проблемы. Периферия англоязычного дискурса прессы репрезентирует определенный временной промежуток времени, а именно настоящее и будущее.

2) Ядро англоязычного дискурса прессы носит философский и политический характеры. Оно отражает мышление англоязычного общества и не связано с конкретным временным промежутком времени. Ядро англоязычного дискурса прессы обладает вневременным характером.

3) Периферия англоязычного дискурса прессы отвечает на вопросы «здесь и сейчас», в то время как ядро англоязычного дискурса прессы выглядит как монологическое высказывание, как поток сознания, где каждая вербализованная концептуальная метафора является своеобразным риторическим вопросом.

4) Ядро англоязычного дискурса прессы «трактует» свое видение жизни. Интерпретируется идея о мироустройстве, появляется критичное мнение о прошлом, реализуется взаимосвязь жизни и творчества, потому что центром двух понятий является мысль о творении.

Список источников и литературы

1. Карнов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: РАО, 2011. 1088 с.
2. Кушнерук С. Л. Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Т. 28, № 2. С. 439–465.
3. Песина С. А., Юсупова Л. Г. Язык и мышление как основное направление исследований в когнитивной лингвистике // *Достижение вузовской науки* 2014. № 9. С. 159–163.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 261 с.
5. *Beaugrande R.* New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication, and the Freedom of Access to Knowledge and Society. Norwood: Ablex, 1997. 670 p.
6. *Tait R.* Ex-FBI and CIA head urges Senate to reject Trump picks Patel and Gabbard // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/27/william-webster-kash-patel-tulsi-gabbard>. Date of publication: 27.12.2024.
7. *Smith D.* Democratic strategist calls for 'new generation of leaders' as party plots response to Trump's victory // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/27/democrats-leaders-trump>. Date of publication: 27.12.2024.
8. *Roth A.* Loyalty the key as impulsive Trump picks team for America First agenda // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/nov/13/trump-america-first-foreign-policy>. Date of publication: 13.11.2024.

9. *Gedeon J., Kirchgaessner S.* US violating law to fund Israel despite alleged human rights abuses, lawsuit says // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/17/palestine-israel-leahy-lawsuit>. Date of publication: 17.12.2024.
10. *Ittimani L.* US election updates: Cabinet picks, Biden meeting and winning the House cap busy day for Trump // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/nov/14/us-election-updates-donald-trump-biden-meeting-cabinet-picks-gaetz-gabbard-thune-musk>. Date of publication: 14.11.2024.
11. *Helmore E.* New York subway killing suspect charged with first-degree murder // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/27/woman-burned-death-new-york-subway>. Date of publication: 27.12.2024.
12. *Sherman C.* Why speech could be a target for the anti-abortion movement in 2025 // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/27/speech-anti-abortion-movement>. Date of publication: 27.12.2024.
13. *Smith D.* Jimmy Carter's death comes at a time when rancour and uncertainty prevail // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/29/jimmy-carter-death-trump-biden>. Date of publication: 30.12.2024.
14. From climate denial to gothic movies to 'treat culture' ... what to expect in 2025 / S. Tisdall [et al.] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2024/dec/29/from-climate-denial-to-gothic-movies-to-treat-culture-what-to-expect-in-2025>. Date of publication: 29.12.2024.
15. *Banfield-Nwachi M.* UK property will be a buyers' market in 2025, analysts predict // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2025/jan/01/uk-property-buyers-market-2025-analysts-predict>. Date of publication: 01.01.2025.
16. *Gecsoyler S.* English councils pay millions to move homeless families out of big cities // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/society/2024/dec/31/english-councils-pay-millions-to-move-homeless-families-out-of-big-cities>. Date of publication: 31.12.2024.
17. *Thomas T.* NHS error meant hundreds of parents did not know children's sickle cell status // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/jan/01/nhs-error-meant-hundreds-of-parents-did-not-know-childrens-sickle-cell-status>. Date of publication: 01.01.2025.
18. *Petridis A., Clements A.* Billie Eilish, Sex Pistols and Beethoven's skull: music to listen out for in 2025 // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/music/2025/jan/01/billie-eilish-sex-pistols-and-beethovens-skull-music-to-listen-out-for-in-2025>. Date of publication: 01.01.2025.
19. *Davies R.* Female artists' success helps arrest 20-year slide in UK sales of physical music // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2024/dec/31/female-artists-success-helps-arrest-20-year-slide-in-uk-sales-of-physical-music>. Date of publication: 31.12.2024.
20. *Stacey K.* Keir Starmer vows to rebuild Britain as Labour did after Second World War // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2024/dec/31/keir-starmer-vows-rebuild-britain-as-labour-did-after-second-world-war>. Date of publication: 31.12.2024.
21. *Smart J.* Lazarus Man by Richard Price review – hard times in Harlem // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2025/jan/01/lazarus-man-by-richard-price-review-hard-times-in-harlem>. Date of publication: 01.01.2025.
22. *Partlow J.* 'No one has a home': What fire took from one California neighborhood // Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/weather/2025/01/10/eaton-fire-altadena-los-angeles-destruction/?itid=hp-top-table-main_p001_fo02. Date of publication: 10.01.2025.
23. *Blake A.* The writing is on the wall for a big immigration bill // Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2025/01/08/dynamics-trending-toward-immigration-bill/>. Date of publication: 08.01.2025.
24. *Kennikot Ph.* 'The Brutalist' gets architecture wrong, but it gets genius right // Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/entertainment/movies/2025/01/10/brutalist-movie-architecture-genius/>. Date of publication: 08.01.2025.

25. Brodeur M. A. Robbie Williams biopic 'Better Man' feels like an evolution of the form // Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/entertainment/movies/2025/01/10/better-man-robbie-williams-movie-review/>. Date of publication: 10.01.2025.
26. "We Are at the End of Something" : A conversation with Alain de Benoist // The fourth political theory : website. URL: <https://www.4pt.su/en/content/we-are-end-something>. Date of publication: 22.11.2013.
27. Imitate // Cambridge dictionary (online). URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/imitate> (accessed: 25.01.2025).
28. Leader // Cambridge dictionary (online). URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/leader> (accessed: 25.01.2025).
29. Race // Cambridge dictionary (online). URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/race> (accessed: 25.01.2025).
30. Race // Merriam-Webster dictionary (online). URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/race> (accessed: 25.01.2025).

References

1. Karpov, AV 2011, *Psikhologiya soznaniya: Metasistemnyy podkhod* (Psychology of Consciousness: Metasystem Approach), RAO publ, Moscow. (In Russ.)
2. Kushneruk, SL 2024, 'Napravleniya issledovaniya miromodelirovaniya v rossiyskoy lingvistike: paradigmalnyye ramki i ponyatiynnyy apparat'(Trends in the research of world-modeling from the perspective of Russian linguistics: Paradigmatic framework and conceptual apparatus), *Russian Journal of Linguistics*, vol. 28, no. 2, pp. 439–465. (In Russ.)
3. Pesina, SA & Yusupova, LG 2014, 'Yazyk i myshleniye kak osnovnoye napravleniye issledovaniy v kognitivnoy lingvistike'(Language and thinking as the main research area in cognitive linguistics), *Dostizheniye vuzovskoy nauki*, no. 9, pp. 159–163, viewed 11 January 2025. (In Russ.)
4. Ter-Minasova, SG 2006, *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Language and Intercultural Communication), Slovo publ, Moscow. (In Russ.)
5. Beaugrande, R 1997, *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication, and the Freedom of Access to Knowledge and Society*, Ablex publ, Norwood.
6. Tait, R 2024, 'Ex-FBI and CIA head urges Senate to reject Trump picks Patel and Gabbard', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/27/william-webster-kash-patel-tulsi-gabbard>.
7. Smith, D 2024, 'Democratic strategist calls for 'new generation of leaders' as party plots response to Trump's victory', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/27/democrats-leaders-trump>.
8. Roth, A 2024, 'Loyalty the key as impulsive Trump picks team for America First agenda', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/us-news/2024/nov/13/trump-america-first-foreign-policy>.
9. Gedeon, J & Kirchgaessner, S 2024, 'US violating law to fund Israel despite alleged human rights abuses, lawsuit says', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/17/palestine-israel-leahy-lawsuit>.
10. Ittimani, L 2024, 'US election updates: Cabinet picks, Biden meeting and winning the House cap busy day for Trump', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/us-news/2024/nov/14/us-election-updates-donald-trump-biden-meeting-cabinet-picks-gaetz-gabbard-thune-musk>.
11. Helmore, E 2024, 'New York subway killing suspect charged with first-degree murder', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/27/woman-burned-death-new-york-subway>.
12. Sherman, C 2024, 'Why speech could be a target for the anti-abortion movement in 2025', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/27/speech-anti-abortion-movement>.

13. Smith, D 2024, 'Jimmy Carter's death comes at a time when rancour and uncertainty prevail', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/us-news/2024/dec/29/jimmy-carter-death-trump-biden>.
14. Tisdall, S 2024, 'From climate denial to gothic movies to 'treat culture' ... what to expect in 2025', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/artanddesign/2024/dec/29/from-climate-denial-to-gothic-movies-to-treat-culture-what-to-expect-in-2025>.
15. Banfield-Nwachi, M 2025, 'UK property will be a buyers' market in 2025, analysts predict', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/business/2025/jan/01/uk-property-buyers-market-2025-analysts-predict>.
16. Gecsoyler, S 2024, 'English councils pay millions to move homeless families out of big cities', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/society/2024/dec/31/english-councils-pay-millions-to-move-homeless-families-out-of-big-cities>.
17. Thomas, T 2025, 'NHS error meant hundreds of parents did not know children's sickle cell status', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/society/2025/jan/01/nhs-error-meant-hundreds-of-parents-did-not-know-childrens-sickle-cell-status>.
18. Petridis, A & Clements, A 2025, 'Billie Eilish, Sex Pistols and Beethoven's skull: music to listen out for in 2025', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/music/2025/jan/01/billie-eilish-sex-pistols-and-beethovens-skull-music-to-listen-out-for-in-2025>.
19. Davies, R 2024, 'Female artists' success helps arrest 20-year slide in UK sales of physical music', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/business/2024/dec/31/female-artists-success-helps-arrest-20-year-slide-in-uk-sales-of-physical-music>.
20. Stacey, K 2024, 'Keir Starmer vows to rebuild Britain as Labour did after Second World War', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/politics/2024/dec/31/keir-starmer-vows-rebuild-britain-as-labour-did-after-second-world-war>.
21. Smart, J 2025, 'Lazarus Man by Richard Price review – hard times in Harlem', *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/books/2025/jan/01/lazarus-man-by-richard-price-review-hard-times-in-harlem>.
22. Partlow, J 2025, 'No one has a home': What fire took from one California neighborhood', *Washington Post*, https://www.washingtonpost.com/weather/2025/01/10/eaton-fire-altadena-los-angeles-destruction/?itid=hp-top-table-main_p001_fo02.
23. Blake, A 2025, 'The writing is on the wall for a big immigration bill', *Washington Post*, <https://www.washingtonpost.com/politics/2025/01/08/dynamics-trending-toward-immigration-bill/>.
24. Kennikot, Ph 2025, 'The Brutalist' gets architecture wrong, but it gets genius right', *Washington Post*, <https://www.washingtonpost.com/entertainment/movies/2025/01/10/brutalist-movie-architecture-genius/>.
25. Brodeur, MA 2025, 'Robbie Williams biopic 'Better Man' feels like an evolution of the form', *Washington Post*, <https://www.washingtonpost.com/entertainment/movies/2025/01/10/better-man-robbie-williams-movie-review/>.
26. 'We Are at the End of Something' : A conversation with Alain de Benoist' 2013, *The fourth political theory*, <https://www.4pt.su/en/content/we-are-end-something>.
27. 'Imitate', *Cambridge dictionary (online)*, viewed 25 January 2025, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/imitate>.
28. 'Leader', *Cambridge dictionary (online)*, viewed 25 January 2025, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/leader>.
29. 'Race', *Cambridge dictionary (online)*, viewed 25 January 2025, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/race>.
30. 'Race', *Merriam-Webster dictionary (online)*, viewed 25 January 2025, <https://www.merriam-webster.com/dictionary/race>.

Статья поступила в редакцию: 13.01.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 13.01.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Научная статья

УДК 81.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-192-208>

ИЗУЧЕНИЕ РЕФЕРЕНЦИИ ИМЕННЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, ПОРТУГАЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ ПРИ ПОМОЩИ ПОСТПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

**Ирина Владимировна
Тимошенко**

Орловский государственный университет
им. И. С. Тургенева
Орел, Россия, timoshenko@outlook.com
<https://orcid.org/0000-0002-9337-3580>

Аннотация. В данной статье изложен опыт исследования способов указания на значение категории референции имен и именных выражений в артиклевых и безартиклевых языках методом межъязыкового контрастивного анализа параллельных текстов. Рассмотрены различные языковые средства для указания на тип референции существительных и номинативных групп, в частности, артикли и иные детерминативы. Выявлены общие и национально-специфические компоненты семантики для детерминативов. Предложена авторская описательная модель функционирования языковых единиц, используемых для маркирования референциального значения именных выражений. Нами выделены три возможных типа референции: «выделение из множества», «отнесение к множеству» и «именование множества», для каждого из которых выделены типовые языковые средства выражения. Проведен качественный и количественный анализ зафиксированных случаев указания на тип референции существительных и именных групп. Лексически различающиеся способы указания на один тип референции имени рассматриваются нами как носители общего семантического значения. Также в статье рассмотрены специфические компоненты системы референциальных указателей, характерные для отдельных языков, например, частичный артикль во французском. В качестве языкового материала при проведении исследования выбран роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его переводы на английский, французский и португальский языки (два перевода на каждый из исследуемых языков), выполненные носителями языка перевода. Данная статья является логическим продолжением цикла работ, посвященных изучению функционирования артиклей в неблизкородственных языках для указания на референциальное значение именных выражений и соотношению универсального и национального компонентов в семантике артикля.

Ключевые слова: референция именных выражений, детерминативы, семантика артикля, семантический инвариант, категория референции, референция существительного.

Для цитирования: Тимошенко И. В. Изучение референции именных выражений в английском, французском, португальском и русском языках при помощи постпереводческого анализа // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 192–208. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-192-208>

Сведения об авторе: И. В. Тимошенко – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 302026, Россия, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.

Scientific Article

UDC 81.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-192-208>

STUDYING THE REFERENCE OF NOUN PHRASES IN ENGLISH, FRENCH, PORTUGUESE AND RUSSIAN USING POST-TRANSLATION ANALYSIS

Irina V. Timoshenko

Orel State University

Orel, Russia, timoshenko@outlook.com

<https://orcid.org/0000-0002-9337-3580>

Abstract. This article presents the experience of studying the ways of expressing the category of noun reference in languages with articles and articleless ones using the method of interlingual contrastive analysis of parallel texts. The author considers various linguistic means for indicating the type of reference of nouns and nominative groups, in particular, articles and other determinatives. General and national-specific components of semantics for determinatives are revealed. The author's descriptive model of the functioning of linguistic units which are used to mark the referential meaning of nominal expressions is proposed. The author has identified three possible types of reference: "selection from the set", "attribution to the set" and "naming the set", for each of which typical linguistic means of expression are identified. The article analyses qualitatively and quantitatively the recorded cases of indicating the type of reference of nouns and noun groups. The author considers lexically differentiating ways of indicating one type of reference of a name as carriers of a common semantic meaning. The article also examines specific components of the referential index system that are characteristic of individual languages, such as the partial article in French. The author has chosen F. M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* and its translations into English, French and Portuguese (two translations in each of the languages under study) by native speakers of the target language for the study. This article is a logical continuation of a series of works devoted to the study of the functioning of articles in non-closely related languages to indicate the referential meaning of nominal expressions and the relationship between the universal and national components in the semantics of the article.

Keywords: reference of nominal expressions, determinatives, semantics of the article, semantic invariant, category of reference.

For citation: Timoshenko, IV 2025, 'Studying the Reference of Noun Phrases in English, French, Portuguese and Russian Using Post-Translation Analysis', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 192–208, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-192-208> (in Russ.)

Information about the Author: Irina V. Timoshenko – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Orel State University, 95, Komsomolskaya Str., Orel, 302026, Russia.

Введение

Проблема соотношения языковых категорий с действительностью и контрастивного изучения их функционирования является **одной из наиболее актуальных** в современном языкознании.

Сравнительно-сопоставительный анализ единиц, используемых для выражения той или иной категории в неблизкородственных языках, позволяет рассмотреть универсальный компонент в этой категории, присутствующий во всех языках, и выявить национальные особенности, т. е. характеристики, которые присутствуют в одних рассматриваемых языках и не входят в систему других.

В рамках проводимой нами серии исследований категории референции именных выражений предложен авторский способ изучения общего и специфического в семантике артикля и иных детерминативов, используемых для маркирования референциального значения существительных. В ранее опубликованных работах проведен анализ функционирования артиклей в английском и французском языках и сопоставление артикля с его аналогами в русском языке на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [3; 4; 5; 16], а также проверена гипотеза об универсальной применимости предлагаемой нами модели функционирования артиклей и соответствующих им единиц в безартиклевых языках на материале параллельных текстов переводов с русского на английский, французский и португальский языки [6].

Целью настоящей статьи является изложение результатов проведенного контрастивного анализа. Нами была изучена возможность принципиальной применимости предложенной нами описательной модели функционирования языковых единиц, используемых для указания на тип референции именных выражений, для любых текстов на анализируемых неблизкородственных языках.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1. изучение способов маркирования референциальной категории в английском, французском, португальском и русском языках;
2. соотношение выявленных языковых средств с семантическими инвариантами категории референции;
3. изучение сплошной выборки имен и именных групп в параллельных текстах и анализ функционирования детерминативов для указания на тип референции именных выражений в рассматриваемых языках.

Объектом исследования в настоящей статье является категория референции имени существительного. Предметом – способы выражения данной языковой категории в неблизкородственных языках.

Теоретическая значимость данной работы состоит в возможности использования результатов проведенной аналитической работы для дальнейших исследований в области теории референции. Кроме того, построенная нами описательная модель функционирования детерминативов для указания на референциальный компонент значения именного выражения может быть использована для обучения студентов по направлениям 45.03.02 «Лингвистика», 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» в рамках таких дисциплин, как «Основы теории первого (второго) иностранного языка», «Сравнительно-сопоставительное языкознание», «Теоретическая грамматика первого (второго) иностранного языка», «Практический курс перевода первого (второго) иностранного языка», а также для спецкурса «Теория референции», что составляет **практическую значимость** нашего исследования.

Материалы и методы

Основными методами, примененными в ходе нашего исследования, являются метод многоступенчатой и сплошной выборки, качественный анализ, количествен-

ный анализ, описательно-аналитический метод, метод актуализации и метод ретроспекции. При помощи метода многоступенчатой выборки определены конкретные текстовые массивы (художественные произведения), а также их фрагменты, с которыми проводилась дальнейшая работа. Методом сплошной выборки осуществлен первичный отбор языкового материала, соответствующего предварительно заданным критериям. Ретроспективный метод позволил изучить и систематизировать наиболее значимые ранее проведенные исследования по выбранной нами тематике. Описательно-аналитический метод и метод актуализации позволили произвести всестороннее рассмотрение способов указания на тип референции именных выражений. Качественный и количественный анализ применены для обработки результатов, полученных в ходе исследования.

Для рассмотрения особенностей передачи категории референции в английском, французском и португальском языках нами был проведен сравнительно-сопоставительный анализ параллельных текстов отдельных глав романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Отбор переводов осуществлялся по заранее определенным критериям: требования предъявляются как к тексту – выполнение перевода непосредственно с русского языка (что особенно актуально при работе с португальскими переводами, так как их большая часть выполнена с французского и английского), – так и к переводчикам. Автор текста перевода должен быть носителем языка перевода и иметь соответствующую квалификацию. Нами были выбраны переводы на английский язык, выполненные переводчиками Констанс К. Гарнетт (Constance Garnet) [11] и Майклом Р. Катцем (Michael R. Katz) [10], на французский язык – переводчиками Дуссей Эргаз (Doussia Ergaz) [12] и Элизабет Гертик (Élisabeth Guertik) [13]. Переводы на португальский язык выполнены с русского языка переводчиками Рубенсом Батистой Фигуэйреду (Rubens Batista Figueiredo) [14] и Пауло Азеведо Безерре (Paulo Azevedo Bezerra) [15].

Результаты

Построенная нами описательная модель функционирования языковых средств, используемых для указания на тип референции именных выражений, в своей основе имеет рассмотрение отношения оригинала и переводов. Исходный текст выстраивает референциальные связи с объектами реальности художественного произведения, в то время как каждый текст на переводящем языке в первую очередь соотносится с оригиналом (текстовой реальностью). Такая иерархия позволяет говорить о том, что основания для референциального выбора переводчик воспринимает, главным образом, не из реального мира и не из реальности романа, а из оригинального текста.

Всего в ходе контрастивного анализа 1428 микроконтекстов, содержащих имена и именные выражения, нами было выявлено две большие группы оснований для референциального выбора: указания, воспринятые из исходного текста на русском языке, и требования строя переводящего языка.

В общем случае именная фраза с детерминативом имеет вид Det + NP, где Det – детерминатив (местоимение или артикль), а NP – именная конструкция, которая может состоять из одиночного существительного, либо иметь более сложную структуру, включая в себя зависимые от данного существительного прилагательные и иные значимые слова. При проведении контрастивного анализа параллельных текстов нами была сделана сплошная выборка грамматических структур Det + NP в окружении необходимых для понимания референциального значения именных выражений микроконтекстов. Выявленные структуры были распределены в соответствии с предварительно составленной классификацией на две обширные группы – совпадения и несовпадения в указании на тип референции. Совпадения включают в себя как полные совпадения, при которых все переводчики использовали одинаково-

вый способ указания на референциальное значение именного выражения, так и совпадения по инварианту, когда конкретные языковые средства различаются, но все они являются способами указания на одно и то же инвариантное значение. Таким образом, например, применение определенного артикля и указательного местоимения рассматривается нами как совпадение по инварианту. Способ выражения, как правило, варьируется в связи с факторами, отличными от референциального типа имен и именных конструкций, и исследование природы таких расхождений лежит за пределами нашего научного интереса. Под несовпадениями нами понимается маркирование разных референциальных отношений в одном контексте. Переводчики ориентируются на референциальные значения, содержащиеся в оригинальном тексте на русском языке, однако, специфика исходного языка может создавать ситуации, в которых возможна двойственная интерпретация и, следовательно, восприятие различных инвариантных значений. Воспринятые значения передаются при помощи соответствующих языковых средств в переводе. Переводчик при этом волен выбрать любой способ указания на инвариантное значение при условии, что это указание не противоречит явно оригиналу и не нарушает норм переводящего языка. Несмотря на то, что мы используем слово «выбор» применительно к маркированию референциальных отношений, это не является выбором в классическом понимании этого. На наш взгляд, переводчик руководствуется условным языковым рефлексом и не осуществляет осознанного подбора конкретной единицы для реализации инвариантного значения. В центре нашего научного интереса лежит, прежде всего, восприятие вариантов со значением того или иного инварианта из исходного текста и передача этого инварианта средствами переводящего языка. Поскольку в английском, французском и португальском категория референции является эксплицитной, мы можем однозначно определить, какие референциальные отношения были восприняты и переданы переводчиком. Поскольку для указания на один инвариант референциального типа могут быть использованы разные языковые средства, мы рассматриваем как несовпадения только случаи принципиального несоответствия имен в параллельных текстовых фрагментах на уровне инварианта (переводчики восприняли из исходного текста различные указания на тип референции). Несовпадения такого порядка могут быть как внутриязыковыми, так и межъязыковыми. Межъязыковые несовпадения могут быть обусловлены исключительно спецификой грамматического строя конкретного языка. Внутриязыковые расхождения, в то же время, как правило, основаны именно на возможности неоднозначным образом истолковывать оригинальные текстовые фрагменты. Кроме того, несовпадения любого уровня (как межъязыковые, так и внутриязыковые) могут быть обусловлены тем, что ближайшим семантическим аналогом артиклей в русском языке являются местоименные определители, которые могут при переводе передаваться как местоимениями (прямыми аналогами), так и артиклевыми формами с соответствующим значением инварианта.

Совпадения в указаниях на тип референции именных выражений преобладают в выборке, подвергнутой сравнительному анализу. Это подтверждает существование общего для всех рассматриваемых языков инварианта категории референции – единого межъязыкового критерия, делающего принципиально возможным соотношение указаний на тип референции имен и именных групп в разных языках. Как правило, при полном совпадении, когда во всех пяти рассматриваемых переводах используется один и тот же маркер референции именного выражения, в оригинальном тексте есть эксплицитное, однозначное и единственное указание на соответствующее референциальное значение. Несовпадения, составляющие чуть более 1/3 от всех рассмотренных контекстов, демонстрируют как реализацию национальной специфики грамматического строя конкретного языка, так и пластичность языковой

нормы, которая определяется не жесткими правилами, а системой гибких параметров, которые допускают варьирование в тех пределах, в которых эти параметры соблюдаются.

Обсуждение результатов

Нами предлагается рассматривать артикли как особую часть речи, главной функцией которой является указание на категорию референции имени существительного. При этом широко применяющиеся термины «определенность» и «неопределенность» применительно к семантике артикля не являются полноценно отражающими значение и назначение этой грамматической категории. Термины «определенность» и «неопределенность» предполагают бинарное понимание соотношенности денотата и референта. То есть «определенность» – это наделение именного выражения соотношенностью с отдельным конкретным предметом языковой действительности, а «неопределенность» – указание на соотношенность с неким, любым, возможно, неизвестным объектом. Такой подход не позволяет объяснить феномен так называемой множественной референции, значимое отсутствие морфологически выраженных форм артикля, отличное от случаев неупотребления артиклевых форм, и наличие в грамматической системе языка иных артиклей, кроме неопределенного и определенного (например, частичного артикля во французском языке). Об этом пишет В. Г. Адмони, указывая, что артикль является многозначным и не используется исключительно для «выделения и обобщения определенных понятий» [8: S. 132–133].

При рассмотрении артикля с позиций исключительно категории определенности / неопределенности, кроме того, остается неразрешимой проблема несовпадения маркирования в близкородственных и неблизкородственных языках идентичных имен и именных групп. В частности, это касается употребления артиклей с именами собственными в параллельных текстах, а также употребления артиклей с различными детерминативами (иными частями речи, которые могут быть при необходимости употреблены для маркирования референции существительных, но не выполняют этого в качестве главной, обязательной или постоянной функции). Кроме того, сами термины «определенность» и «неопределенность» являются семантически неопределенными и не имеют однозначного толкования и понимания.

В настоящей статье изложен опыт рассмотрения функционирования детерминативов как средств указания на тип референции имен и именных групп на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его переводов. Рассмотрение иного фактического языкового материала (объектом изучения является роман, переведенный на иностранные языки специалистами, которые не переводили ранее рассмотренный роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») позволяет исключить влияние на выбор грамматических форм для маркирования референциальных значений именных выражений как особенностей оригинального произведения и авторского стиля, так и особенностей восприятия текстов на исходном языке и использования отдельных артиклевых форм в качестве способов указания на тип референции имен и именных групп конкретными переводчиками. Помимо ранее проведенного изучения особенностей функционирования артиклей для обозначения референциального значения именных выражений, нами также были проанализированы иные морфологически выраженные указания на соответствующий компонент значения имен для более полного рассмотрения феномена референции существительных.

Мы полагаем, что артиклевые формы и детерминативы являются носителями общего семантического значения, то есть лексическое значение артиклей и соответствующий ему аспект значения иных способов указания на тип референции имени имеют общий семантический инвариант. В артиклевых языках категория референ-

ции имени является эксплицитной, и для ее выражения существует специальная часть речи. Однако говорящий волен выбирать любую языковую единицу, соотносящуюся с заложенным в коммуникативную ситуацию инвариантом, не ограничиваясь исключительно артиклями. Так, для маркирования референциального значения могут быть использованы указательные, неопределенные и притяжательные местоимения. В безартиклевых языках референция имени относится к имплицитным категориям, не имеющим особой части речи для указания на ее значение, что, однако, не отменяет необходимости указания на соответствующий компонент значения для именных выражений. Всего нами выделено три возможных референциальных значения языковых единиц: «выделение из общего множества», «отнесение к множеству» и «именование множества».

Под выделением из общего счетного множества понимается соотнесение именного выражения с выделенным из целого класса потенциальных референтов подмножества, соотносящегося с объемом референта. При этом во внимание берутся не только неотъемлемые характеристики именуемого объекта, но и разделенное знание участников коммуникации об этом объекте. В случае, если коммуниканты не имеют такого знания, денотат для них не является известным, либо является известным не всем собеседникам. Таким образом, мы можем говорить о том, что референция вида «выделение из целого класса» подразумевает осведомленность о предмете речи.

В артиклевых языках, как правило, для маркирования выделенности подмножества из множества, в которое оно входит, используется морфологически выраженная форма определенного артикля. В исследуемых нами английском, французском и португальском языках для этого служит определенный артикль.

Инвариант референциального значения «отнесение к множеству» рассматривается нами как соотнесение имени или именной группы с невыделенным (неопределенно ограниченным) подмножеством в рамках класса потенциальных референтов. В этом случае можно говорить как об отсутствии разделенного знания у коммуникантов, так и о речевой ситуации, в которой отношения референции у именного выражения возникают с любым денотатом, обладающим необходимыми характеристиками. Неединственный характер элементов, входящих в подмножество, может рассматриваться как проявление экзистенциальности – для акта коммуникации при указании на референцию вида «отнесение к множеству» имеет значение принципиальная отнесенность денотата к счетному множеству всех элементов, входящих в него, а не установление референциальных отношений с конкретным объектом внеязыковой реальности.

Маркером соответствующего значения в рассматриваемых нами языках является неопределенный артикль. Однако, расхождения в грамматическом строе английского, португальского и французского указывают на различное восприятие носителями этих языков необходимости отмечать морфологически (то есть эксплицитно) отдельные случаи обращения к типу референции «отнесение к множеству». В португальском и французском языках существуют формы неопределенного артикля для употребления с существительными во множественном числе. В английском языке в этом случае морфологически выраженная артиклевая форма не употребляется и маркирование данного типа референциального значения происходит при помощи нулевой формы, также именуемой значимым отсутствием артикля.

Инвариант, соотносящийся с референцией типа «именование множества», в артиклевых языках выражен нулевым артиклем. Под нулевым знаком мы вслед за М. Я. Блохом [1: с. 74–82] и Ш. Балли [9: с. 22–23] понимаем значимое отсутствие морфологической формы, противопоставляемое полному отсутствию. Говорить об опущении, неупотреблении артиклей следует в случаях, когда указание на тип рефе-

ренции осуществляется способом, принципиально несовместимым с артиклем. Во всех остальных контекстах мы имеем дело с нулевым артиклем, который, не имея морфологического выражения, тем не менее, указывает на конкретный тип референции, а именно, соотносит именное выражение с цельным несчетным множеством, в рамках которого не представляется возможным выделить отдельные компоненты.

Употребление определенного артикля с абстрактным существительным, которое в норме неисчислимо, абстрактно, имеет при себе нулевой артикль и устанавливает референциальные отношения вида «именование множества», рассматривается нами как манифестация номината соответствующего существительного, что соответствует инвариантному значению «выделение из множества». Часто такая манифестация основывается на феномене метонимического переноса. Такое именование является стилистическим приемом и не вступает в логическое противоречие с положением о соотношении несчетных множеств с инвариантным значением именованного неделимого класса объектов.

Кроме того, система французского артикля включает в себя специфический национальный компонент, используемый для указания на параметр дискретности и недискретности. Дискретность множества передается при помощи форм неопределенного артикля, которые во французском языке есть как для единственного (*un, une*), так и для множественного числа (*des*). Частичный артикль, прямых аналогов которого в португальском и английском не имеется, указывает на недискретность множества, с которым у именного выражения выстраиваются отношения референции. Такой артикль употребляется только с неисчислимыми существительными, соотносящимися с такими множествами во внеязыковой реальности, в которых невозможно выделить единичные объекты, а только составные части цельного и неделимого множества. Иными словами, частичный артикль, что отражено в его названии, является указанием на некую неопределенную часть от целого, не состоящего из счетных элементов.

Помимо артиклей на референциальное значение именных выражений могут указывать и другие части речи — детерминативы. Под детерминативами нами понимается грамматический разряд языковых единиц, которые выступают в роли грамматических определителей существительного, в именную фразу при котором они входят. Для них маркирование референции не является основной задачей. Прежде всего, к детерминативам относятся местоименные выражения (например, указательные и неопределенные местоимения). Они соотносятся с теми же инвариантными значениями, что и артикли. Так, в английском языке есть указательные местоимения *this / these* и *that / those*, которые помимо выполнения дейктической функции — указания на близость или отдаленность предмета или на анафоричность либо катафоричность, также указывают на референцию типа «выделение из множества», поскольку реализация свойства непосредственно указывать на предмет возможна только в речевой ситуации, когда данный предмет находится в поле восприятия говорящего или слушающего.

Аналогичную роль играют французские указательные местоимения (простые и сложные формы). Простые указательные местоимения *celui / celle, ceux / celles* используются в составе более сложных синтаксических структур, играя роль заместителей для избегания повторов в речи, и не употребляются изолированно. После таких местоимений может следовать причастие, предложное дополнение, либо придаточное относительное предложение. Сложные формы данных местоимений, употребляющиеся самостоятельно, реализуют один из компонентов категории указательности (близость или удаленность). Формы, имеющие в составе элемент *ci*, противопоставлены формам, содержащим частицу *là*. Формы местоимений *celui-ci, celle-*

ci, seux-ci, celles-ci указывают на близость предмета, о котором идет речь (как в буквальном смысле, так и в смысле замены существительного, которое упоминалось последним). В то же время местоименные слова *celui-là*, *seux-là* и их формы для женского рода соотносятся либо с существительным, которое упоминалось ранее в отдаленном контексте, либо с объектом реального мира, который удален от коммуникантов на некоторое расстояние. И простые, и сложные формы указательных местоимений, помимо категории указательности, также выполняют дополнительно роль маркеров референции типа «выделение из класса». Система французских местоимений также включает в себя неизменяемые указательные местоимения (*ce*, *ceci*, *cela*, *ça*), дополнительной функцией которых является аналогичное указание на инвариант референции «выделение из класса».

В португальском языке существует три ряда неизменяемых местоимений для выражения категории указательности, различающихся по степени удалённости обозначаемого ими объекта от говорящего и / или слушающего. Местоимения первой группы *este* (м. р.), *esta* (ж. р.) указывают на предмет, близкий к говорящему, и имеют значение «этот». Местоимения второго ряда *esse* (м. р.), *essa* (ж. р.) также соотносятся с русским местоимением «этот», но обозначают предмет, который находится близко к слушателю. В третью группу указательных португальских местоимений входят *aquele* (м. р.), *aquela* (ж. р.) со значением удаленности и от говорящего, и от слушателя. Аналогичным образом функционируют изменяемые по числам местоимения *este / estes* (м.р.), *esta / estas* (ж.р.) со значением приближенности к говорящему, *esse / esses* (м.р.), *essa / essas* (ж.р.) со значением близости к слушателю и *aquele / aqueles* (м.р.), *aquela / aquelas* (ж.р.), указывающие на отдаленность от адресата и адресанта высказывания. Все эти местоимения указывают на тип референции «выделение из множества».

Для указания на инвариантное значение отнесения к классу в рассматриваемых языках могут использоваться неопределенные местоимения. К этому грамматическому разряду относятся местоименные слова, которые указывают на неоднозначность референта, то есть его неизвестность говорящему или слушателю, либо на обращение к обобщенному референту – любому объекту, обладающему необходимыми признаками. В английском к таким грамматическим единицам относятся местоимения *some*, *any*, *no*. Во французском языке соответствующий тип референции обозначается при помощи местоимений, несовместимых с артиклем, *aucun / aucune*, *chacun / chacune*, *quelque*, *quelconque*. Аналогично в португальском языке неопределенные местоимения *algum / alguns* (м.р.), *nenhum / nenhuns* (м.р.), *alguma / algumas* (ж.р.), *nenhuma / nenhuma* (ж.р.) помимо собственно местоименных функций также выполняют роль указателей на референцию вида «отнесение к множеству».

В случаях, когда неопределенные местоимения и омонимичные им местоименные слова (прилагательные), рассмотренные выше, употребляются в именных конструкциях с участием неисчисляемых (абстрактных или вещественных) существительных, они формируют референциальные отношения вида «именование множества», либо, в случаях метонимического переноса, указывают на отнесение к классу объектов без выделения конкретной области, содержащей именуемые объекты. Это положение в равной степени применимо ко всем рассматриваемым нами артиклевым языкам.

Притяжательные местоимения могут указывать не только на принадлежность объекта говорящему или иному лицу, но и на референциальное значение выделения из общего множества объектов, однако, необходимо отметить, что в этой грамматической категории наблюдается влияние национальной специфики. В системе английского языка притяжательные местоимения не совместимы с артиклем, самостоятельно указывая на тип референции именных выражений. Строй французского

языка предполагает обязательное использование артиклей с притяжательными местоимениями, так как для этого языка не характерно указание на референцию существительных при помощи притяжательных местоимений. Португальский язык допускает варьирование в использовании артиклей в конструкциях, включающих в себя притяжательные местоимения и существительные. Если из контекста (ближайшего или общего) понятно, о каком соотношении владения или принадлежности идёт речь, артикль или притяжательное местоимение могут опускаться, так как указывают на одни и те же притяжательные отношения. Если же притяжательное местоимение употребляется в функции прилагательного, то оно употребляется с артиклем и стоит непосредственно перед определяемым существительным. Таким образом, мы можем говорить об относительно свободном варьировании в выборе между использованием и опущением артикля и о решающей роли контекста при совершении этого выбора.

В безартиклевом русском языке, согласно концепции В. И. Томашпольского, указание на тип референции может осуществляться несколькими способами.

Прежде всего, говорящий может использовать для маркирования референциального значения именного выражения порядок слов. В таком случае маркером референции выступает актуальное членение предложения, а именно тема как показатель выделения из множества и рема как отнесение к множеству.

Также на характер референциальной соотнесенности именного выражения с внеязыковой реальностью могут указывать неопределенные и указательные местоимения. Функционирование местоимений и местоименных слов (*этот, тот, такой, такая, некий, какой-то, чей-то* и т. д.) осуществляется так же, как и в артиклевых языках, рассмотренных выше.

Еще одним способом указания на тип референции именных выражений является употребление местоименных прилагательных со значением неопределенности (*какой-нибудь, сколько-нибудь, где-нибудь, чей-то* и т. п.).

Помимо лексических и грамматических средств указания на референциальное значение в русском языке в роли соответствующего маркера могут выступать и просодические средства, например, фразовое ударение. Ударяемому слову, являющемуся ядерным центром фразы, придается референция типа выделения из класса.

Схожие идеи высказывает Х. Томмола, указывая на важность порядка слов для маркирования референциального значения существительных в русском языке. Помещая субъект в конечную позицию, говорящий наделяет его значением неопределенности. Расположение в тематической позиции, напротив, наделяет предмет речи значением идентифицированности и выделенности. В своих работах этот исследователь обращает особое внимание на выполнение словами «один» и «этот» функций, сходных с теми, что выполняют артикли в германских языках [7].

Однако, несмотря на существование явных референциальных маркеров в русском языке, основным средством идентификации референциальных отношений именных выражений с объектами внеязыковой реальности является контекст. Кроме того, основное бремя распознавания характера референциальной соотнесенности имени и объекта лежит на адресате текста. При этом в высказывании может быть более одного указания на тип референции имени, поскольку указывание на эту языковую категорию само по себе является для лексических и грамматических единиц в языке факультативным. Оно очевидно вторично на фоне основного значения каждой такой единицы.

При передаче референциального значения именных выражений, воспринятого из текста на безартиклевом языке, средствами артиклевых языков переводчик осуществляет рефлекторный, неосознаваемый выбор между способами маркирования типа референции, которые допускаются содержанием исходного текстового

фрагмента и особенностями переводящего языка. При этом возможно возникновение несовпадений, обусловленное особенностями выражения категории референции в русском языке и грамматическим строем английского, французского и португальского языков. Несовпадение в указании на референциальное значение одного исходного имени в разных переводах служит доказательством гибкости языковой системы, которая регулируется вариабельной нормой, а не фиксированными однозначными правилами.

Примером такого варьирования может служить следующий фрагмент главы 1, части 1 романа «Преступление и наказание»:

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, // On an exceptionally hot evening early in July // In the beginning of July, during an extremely hot spell, toward evening, // Par une soirée extrêmement chaude du début de juillet, // Au commencement de juillet, par un temps extrêmement chaud, // No início de julho, ao entardecer, sob um calor intenso, // Ao cair da tarde de um início de julho, calor extremo («Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский)

В данном микроконтексте зафиксировано три номинативных конструкции в оригинальном произведении на русском языке. При переводе первого из них – словосочетания вида Det + NP «в начале июля» переводческий выбор привел к возникновению внутриязыкового несовпадения. Существительное *июля* // *July* // *July* // *juillet* // *juillet* // *julho* // *julho* не имеет при себе указателя на тип референции имени, так как включено в состав составной номинативной конструкции, а также регулируется языковой нормой, согласно которой названия месяцев в английском, французском и португальском языках не имеют при себе артиклей в случаях, когда используются для обыденного маркирования временного периода без дополнительных смысловых и стилистических компонентов значения. В одном из переводов на английский язык для передачи значения исходной цельной именной группы переводчик использовал «в начале июля» альтернативную конструкцию *early in July*. В пяти переводах использованы конструкции с использованием артиклей: *в начале июля* // *In the beginning of July* // *du début de juillet* // *Au commencement de juillet* // *No início de julho* // *de um início de julho*. В одном переводе на английский язык, в двух переводах на французский язык и в одном переводе на португальский для маркирования референциального значения именной группы употреблены определенные артикли со значением выделения из общего множества. Грамматический строй французского и португальского языков обуславливает использование слитных артиклей с соответствующим значением. В одном переводе на португальский язык использован неопределенный артикль со значением «отнесение к классу», так как оригинальный текстовый фрагмент позволяет двойственную интерпретацию референциального значения рассматриваемой номинативной группы.

Рассмотрим второй случай, содержащийся в этом же микроконтексте, и проанализируем способы указания на тип референции Det + NP «в чрезвычайно жаркое время». В двух переводах – одном переводе на английский и одном переводе на французский язык – данный текстовый фрагмент опущен, а его смысловое значение передано при помощи приданных к другому существительному определений. В тетраде употреблений зафиксировано внутриязыковое несовпадение в переводах на португальский язык *an extremely hot spell* // *par un temps extrêmement chaud* // *sob um calor intenso* // *calor intenso*. В переводах на английский и на французский языки рассматриваемая именная группа имеет при себе неопределенный артикль со значением инварианта «отнесение к классу». В первом переводе на португальский язык использован неопределенный артикль, маркирующий тип референции «отнесение к множеству», поскольку переводчик рассматривает объект, соотносящийся с абстрактным существительным *um calor*, как обладающий не индивидуализирующим

свойством *intenso*. Во втором переводе на португальский отношения этого же объекта внеязыковой реальности выражены Det +NP, содержащим нулевой артикль со значением «отнесение к классу» на основании принадлежности имени *salor* к грамматическому классу абстрактных существительных. В рассматриваемом случае переводчики одно исходное указание на тип референции имени интерпретировали по-разному, поскольку оригинальный текстовый фрагмент допускает более одной трактовки.

Третье именное выражение, содержащееся в этом же текстовом фрагменте, содержит парное внутриязыковое несовпадение в гептаде *под вечер* // *on an extremely hot evening* // *toward evening* // *par um soiree extrêmement chaud* // *ver le soir* // *ao entardecer* // *ao cair*. В одном переводе на английский язык для указания на тип референции исходного существительного выбран неопределенный артикль, то есть детерминатив со значением «отнесение к общему множеству». Объект в этом случае рассматривается как типовой представитель класса аналогичных объектов, не имеющий при себе индивидуализирующих признаков, способных выделить его из общего множества аналогичных объектов. Во втором переводе на английский язык использован нулевой артикль, имеющий референциальное значение «именование множества», на основании абстрактного, нематериального характера именуемого объекта. Переводчик, таким образом, указывает на значимый параметр феномена внеязыковой реальности, не позволяющий выделить внутри именуемого класса входящие в него отдельные компоненты. В одном из переводов на французский язык референциальное значение именного выражения обозначено с помощью неопределенного артикля, соотносящегося с инвариантом «отнесение к множеству». Во втором переводе на французский язык и в двух переводах на португальский переводчики выбрали в качестве указателя на тип референции существительного определенный артикль со значением «выделение из множества». Такой выбор возможен благодаря наличию в более широком контексте лимитирующих параметров, позволяющих интерпретировать именное выражение «*под вечер*» как имеющее уникальные признаки – «*начало июля*» и «*чрезвычайно жаркое время*». Грамматические особенности португальского языка обуславливают употребление слитного артикля, что не влияет на маркирование типа референции имени. Все переводчики опирались на один и тот же исходный текст, допускающий неоднозначную интерпретацию референциального значения рассматриваемого имени. Это связано, главным образом, с особенностями указания на значение категории референции в русском языке: наличие одновременно нескольких оснований для выбора артикля при переводе позволяет переводчикам использовать любое из этих указаний. Это является проявлением свободного переводческого выбора, ограниченного исключительно требованием адекватности перевода, то есть отсутствием искажений исходного смысла. Переводчик в данном случае может использовать любое из имеющихся указаний на референциальное значение именного выражения, опираясь на собственное понимание текстового фрагмента, так как среди всех имеющихся в оригинальном микроконтексте указаний на тип референции существительного нет какого-либо одного доминирующего и однозначно указывающего на единственный верный вариант интерпретации.

Возникновение несовпадений также возможно в случаях, когда расхождения между употреблением артиклей и других детерминантов лежат в плоскости грамматических особенностей конкретного языка. Рассмотрим следующий микроконтекст:

Он был задавлен бедностью; // *He was crushed by poverty*, // *He was crushed by poverty*, // *La pauvreté l'écrasait*. // *Il était opprimé par sa pauvreté*, // *Vivia*

esmagado pela pobreza; // Estava esmagado pela pobreza («Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский)

При передаче референциального значения имени «бедность» возникло межъязыковое несовпадение. В двух переводах на английский язык при указании на тип референции существительного *poverty* использован нулевой артикль со значением инварианта «именование класса», так как грамматическая норма данного языка предполагает такую трактовку референциальных отношений абстрактных существительных, соотносящихся с нематериальными объектами, представляющими собой несчетные множества. Внутряязыковое совпадение позволяет сделать вывод о наличии в языке нормы употребления, которой следуют оба переводчика. В переводах на французский язык использованы разные способы указания на тип референции имени при сохранении совпадения по инварианту «выделение из множества» – *la pauvreté // sa pauvreté*. В переводах на португальский язык также выбраны артикли со значением «выделение из множества» – *pela pobreza*. Переводчики на французский и португальский языки рассматривают исходное существительное «бедность» как ограниченное контекстуально, то есть характеризующее конкретного человека и являющееся его значимым свойством. Такая трактовка позволяет рассматривать исходное существительное как обладающее уникальным лимитирующим компонентом значения. Использование в одном из переводов на французский язык притяжательного местоимения *sa* служит дополнительным подтверждением такой интерпретации оснований для выбора детерминантов, соответствующих инварианту «выделение из множества». А внутряязыковое совпадение по инварианту во французском языке и полное совпадение внутри переводов на португальский язык указывает на наличие языковой нормы, регулирующей способы указания на тип референции рассматриваемого именного выражения.

При однозначно выраженном указании на тип референции исходного имени все переводчики используют способы указания на этот тип референциального значения, что приводит к возникновению совпадений и одновременно говорит о том, что восприятие соответствующих компонентов значения из оригинального произведения не является чем-то произвольным. То есть при переводе происходит указание на тот инвариант категории референции, который содержится в исходном текстовом фрагменте. Рассмотрим именное выражение *один молодой человек // a young man // a young man // un jeune homme // un jeune homme // um jovem // um jovem* («Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский), содержащееся в начале главы I романа «Преступление и наказание».

В приведенном контексте исходное словосочетание включает в себя числительное *один* и передается в переводах при помощи Det + NP со значением инварианта «отнесение к множеству». Согласно В. Б. Кашкину [3], такие именные фразы в русском языке содержат в себе «формальный показатель значения неопределенности», соотносящийся с неопределенными артиклями в артиклевых языках. Относя языки, подобные английскому, французскому и португальскому, к «сильноартиклевому», автор указывает на то, что в безартиклевом языке в аналогичных контекстах смыслы, передаваемые неопределенным артиклем, сохраняются, однако, выражаются при помощи того языкового инвентаря, который имеется в языке. При рассмотрении параллельных текстов В. Б. Кашкин приходит к выводу, что артикль и его семантические эквиваленты как «формы выражения категории членения континуума». Это не противоречит идее соотношения артиклевых форм и детерминантов с компонентами категории референции имени, а рассматривает этот же феномен с другой стороны: основной акцент делается не на построении отношений с внеязыковыми объектами, а на внутренней организации текста, его нелинейных и линейных характеристик. При этом артикль предстает как «способ перевода нели-

нейной языковой ситуации в линейный текст», помогая выстраивать внутреннюю иерархию именных выражений в высказывании, что, по сути, и является реализацией референциального потенциала артикля либо его заместителей.

Числительное *один* в приведенном контексте имеет однозначно выраженное инвариантное значение «отнесение к общему множеству». Переводчики, опираясь на референциальные маркеры, содержащиеся в исходном тексте, выбирают идентичные способы указания на тип референции именной группы «молодой человек» – неопределенные артикли, которые имеют такое же референциальное значение, как и числительное в исходном текстовом фрагменте.

Помимо полных совпадений, аналогичных рассмотренному выше, при изучении функционирования детерминантов как способов указания на характер референциальной соотнесенности именного выражения с объектом внеязыковой реальности могут возникать несовпадения в формальных способах выражения одного и того же инвариантного значения. Такие грамматические несовпадения трактуются нами как совпадения по инварианту, поскольку системы рассматриваемых языков позволяет использовать для указания на тип референции именных выражений широкий спектр детерминативов, о чем говорилось выше. Так, например, в контексте с *своею хозяйкой* // *his landlady* // *his landlady* // *sa propriétaire* // *sa logeuse* // *sua senhoria* // *a senhoria* («Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский) один из переводчиков на португальский язык использовал определенный артикль для указания на тип референции «выделение из класса», в то время как в остальных пяти переводах для передачи этого же инвариантного значения использовано притяжательное местоимение, которое также позволяет выделить именуемый объект из общего множества подобных.

Аналогично совпадение по инварианту при использовании разных способов указания на тип референции именного выражения можно наблюдать в следующем микроконтексте:

довершили отвратительный и грустный колорит картины. // *completed the revolting misery of the picture.* // *completed the repulsive and grim scene.* // *achevaient ce mélancolique et horrible tableau.* // *mettaient la touche finale au repoussant et triste tableau.* // *rematavam o colorido triste e repulsivo do quadro.* // *completavam o colorido repugnante e triste do quadro.* («Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский)

Во всех параллельных текстах для указания на тип референции именной группы «отвратительный и грустный колорит картины» использованы детерминативы, соответствующие семантическому инварианту «выделение из множества». В переводах на английский язык для этого выбран определенный артикль: *the revolting misery of the picture* // *the repulsive and grim scene*. В переводах на португальский язык переводчики использовали определенный артикль: *o colorido triste e repulsivo do quadro* // *o colorido repugnante e triste do quadro*. В одном из переводов на французский язык также использован определенный артикль *la touche finale au repoussant et triste tableau*. А в другом переводе на французский сделан выбор в пользу указательного местоимения *ce*, которое соотносится с тем же инвариантом «выделение из класса», однако, помимо маркирования типа референции словосочетания имеет и другое назначение в языке, в то время как артикли исключительно передают референциальное значение именной группы.

Заключение

Подводя итоги, мы можем сказать, что при рассмотрении совпадений и несовпадений в выборе детерминантов для указания на тип референции именных выражений можно выделить несколько типовых факторов, влияющих на переводческий выбор. Наличие однозначного указания в исходном текстовом фрагменте обуслов-

ливают возникновение совпадений – полного совпадения, при котором все переводчики употребили одно и то же средство выражения референциального значения номинативной группы, и совпадения по инварианту, когда переводчики используют различающиеся языковые средства, соотносящиеся с одним инвариантом категории референции. При возникновении несовпадений решающую роль может играть различие в грамматическом строе языков, либо наличие более одного указания на референциальное значение именного выражения в исходном тексте, что допускается грамматикой безартиклевового русского языка. В случаях множественного указания на тип референции именной конструкции переводчики могут ориентироваться на более широкий контекст – контекст ситуации или контекст текста – и на наличие конкретных языковых структур, например, лимитирующих определений, которые обыкновенно трактуются реципиентами текста как придающие именной группе значение «выделение из множества». Кроме того, при переводе с безартиклевого языка переводчик может ориентироваться на актуальное членение предложения, поскольку обыкновенно тема содержит в себе известную или угадываемую по ситуации информацию, в то время как рема сообщает нечто новое.

В ходе проведенного нами межъязыкового контрастивного анализа подтвердилась гипотеза о существовании общего для всех рассматриваемых языков инварианта категории референции, с которым соотносятся конкретные способы выражения данной категории в артиклевых и безартиклевых языках. Для артиклевых языков рассмотрены различные способы указания на тип референции имени и установлено, что в пределах, которые допускает грамматический строй этих языков, может происходить варьирование в способах указания на референциальное значение именных выражений. В дальнейшем нами планируется проведение обширного исследования функционирования детерминантов в неблизкородственных артиклевых языках через призму безартиклевого языка для выявления скрытых языковых факторов и категорий, влияющих на выбор между артиклем и иным детерминантом при маркировании референции для одной и той же внеязыковой ситуации.

Список источников и литературы

1. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1983. 383 с.
2. Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. 255 с.
3. Тимошенко И. В. К проблеме соотнесения способов выражения категории референции в неблизкородственных языках // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 400–404.
4. Тимошенко И. В. Универсальное и специфическое в семантике артикля в неблизкородственных языках (на материале параллельных текстов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Тимошенко Ирина Владимировна. Орел, 2019. 173 с.
5. Тимошенко И. В. Функционирование артиклей в английском и французском языках в художественном дискурсе через призму русского языка (на материале переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, Вып. 7. С. 2221–2226. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20210334/fulltext> (дата обращения: 25.01.2025).
6. Тимошенко И. В. Общее и специфическое в функционировании артиклей в неблизкородственных языках как объект контрастивного анализа // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 3 (54). С. 243–258.
7. Томмола Х. Типологические соответствия в русском и финском синтаксисе // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1988. № 825: Системные и функциональные аспекты языка. С. 111–119.
8. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. М.: Prosvesenije, 1986. 334 s.

9. Bally Ch. La pensée et la langue // Bulletin de la Société linguistique de Paris. 1922. № 23. P. 22–23.
10. Dostoevsky F. Crime and Punishment: A New Translation / transl. Michael R. Katz. Liveright, 2019. 624 p.
11. Dostoevsky F. Crime and Punishment / transl. and annot. C. Garnett. (Unabridged). Mineola NY: Dover Publications Inc., 2018. 430 p.
12. Dostoïevski F. Crime et Châtiment / trad. D. Ergaz. Paris: Gallimard, 2009. 1276 p.
13. Dostoïevski F. Crime et Châtiment / trad. E. Guertyk. Paris: Le livre de poche, 2008. 700 p.
14. Dostoiévski F. Crime e Castigo (Portuguese Edition) / trad. de R. Figueiredo. Todavia, 2019. 825 p.
15. Dostoiévski F. Crime e castigo / trad. de P. Bezerra. São Paulo: Editora 34, 2001. 819 p.
16. Timoshenko I. V. Problem of translation of certain implicit grammatical categories // XLinguae. 2019. Vol. 12 (2). P. 152–162.

References

1. Blokh, MYa 1983, *Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazyka*. (Theoretical grammar of the English language), Vysshaya shkola publ, Moscow. (in Russ.)
2. Kashkin, VB 2001, *Funktsionalnaya tipologiya (neopredelennyy artikl)* (Functional typology (the indefinite article)), Izdatelstvo VGTU publ, Voronezh. (in Russ.)
3. Timoshenko, IV 2023, 'K probleme sootneseniya sposobov vyrazheniya kategorii referentsii v neblizkorodstvennykh yazykakh' (On the problem of matching the means of reference category expression in non-distant languages), *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no. 3 (100), pp. 400–404, viewed 30 January 2025, http://amko.ru/index.php/download_file/view/1003/82/ (in Russ.)
4. Timoshenko, IV 2019, *Universalnoye i spetsificheskoye v semantike artiklya v neblizkorodstvennykh yazykakh (na materiale parallelnykh tekstov)* (Universal and specific in semantics of the article in non-distant languages), PhD thesis, RUDN University, Moscow. (in Russ.)
5. Timoshenko, IV 2021, 'Funktsionirovaniye artikley v angliyskom i frantsuzskom yazykakh v khudozhestvennom diskurse cherez prizmu russkogo yazyka (na materiale perevodov romana F. M. Dostoyevskogo «Prestupleniye i nakazaniye»)' (Articles' functioning in English and French in fiction discourse viewed through the prism of the Russian language (on the material of translations of "Crime and Punishment", novel by F. Dostoevsky)), *Philology. Theory & Practice*, vol. 14, no. 7, pp. 221–226. (in Russ.)
6. Timoshenko, IV 2024, 'Obshcheye i spetsificheskoye v funktsionirovanii artikley v neblizkorodstvennykh yazykakh kak obyekt kontrastivnogo analiza' (General and specific in articles' functioning in non-distant languages as the object of contrastive analysis), *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 3(54), pp. 243–258. (in Russ.)
7. Tamm, H 1988, 'Tipologicheskiye sootvetstviya v russkom i finskom sintaksise' (Typological matches in Russian and Finnish syntax), *Tartu Riikliku Ülikooli toimetised*, no. 825, pp. 111–119. (in Russ.)
8. Admoni, W 1986, *Der deutsche Sprachbau* (Structure of the German language), Prosveshcheniye publ, Moscow. (in German)
9. Bally, Ch 1922, 'La pensée et la langue' (The thought and the language), *Bulletin de la Société linguistique de Paris*, no. 23, pp. 22–23. (in French)
10. Dostoevsky, F 2019, *Crime and Punishment: A New Translation*, trans. MR Katz, Liveright.
11. Dostoevsky, F 2018, *Crime and Punishment: Translated and Annotated by Constance Garnett (Unabridged)*, trans. C Garnett, Dover Publications Inc., Mineola, NY.
12. Dostoïevski, F 2009, *Crime et Châtiment*, trans. Ergaz, Gallimard, Paris. (in French)
13. Dostoïevski, F 2008, *Crime et Châtiment*, trans. Guertyk, Le livre de poche, Paris. (in French)
14. Dostoiévski, F 2019, *Crime e Castigo (Portuguese Edition)*, trans. Figueiredo, Todavia, São Paulo. (in Portuguese)
15. Dostoiévski, F 2001, *Crime e castigo*, trans. P Bezerra, Editora 34, São Paulo. (in Portuguese)

16. Timoshenko, IV 2019, 'Problem of translation of certain implicit grammatical categories', *XLinguae*, vol. 12 (2), pp. 152–162.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 20.02.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

Научная статья

УДК 81.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-209-220>

ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ МОРФОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЕРБСКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Вишня Вишневац

Восточно-Сараевский университет

Пале, Республика Сербская, Босния и Герцеговина

visnja.visnjevac@ff.ues.rs.ba

<https://orcid.org/0009-0004-0392-5890>

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются ошибки, возникающие при обучении морфологии русского языка как иностранного в сербскоязычной аудитории. Анализ проводится на материале экзаменов по Морфологии русского языка 1 и Морфологии русского языка 2 учащихся на втором курсе на Кафедре русистики Восточно Сараевского университета. Подчеркивая важность проведения анализа ошибок исходя из языкового уровня, в данной статье в центре внимания морфология, как центральная точка языка. В анализе выделяются части речи, в рамках которых засвидетельствованы ошибки, по Морфологии русского языка 1 – это имена существительные, имена прилагательные, местоимения и числительные, а по Морфологии русского языка 2 – это глаголы и причастия. В данном исследовании анализируются ошибки, задавая вопрос, почему именно такие неправильные формы образуются, по какой причине возникают? В результате анализа приходится к выводу, что одни ошибки возникают по аналогии с другими формами, другие из-за интерференции, учитывая тот факт, что русский и сербский являются родственными языками. Наконец, в одну группу ошибок входят примеры, в которых ошибки сделаны из-за несосредоточенности студентов. В исследовании подчеркивается важность регулярного проведения анализа ошибок, исходя из языкового уровня, а в цели предупреждения и устранения ошибок. Проведенный анализ может быть использован в практике обучения морфологии русского языка сербских учащихся. Особенно может влиять на обучение русскому языку как иностранному в системе школьного образования, с особым акцентом на средние школы, в программах которых ученики обучаются грамматике русского языка, чтобы избежать ошибки в дальнейшем обучении.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, сербскоязычная аудитория, ошибки, анализ, морфология, существительные, прилагательные, местоимения, числительные, глаголы, причастия.

Для цитирования: Вишневац В. Трудности, возникающие при обучении морфологии русского языка в сербскоязычной аудитории // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 209–220. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-209-220>

Сведения об авторе: В. Вишневац – кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики, Восточно-Сараевский университет, 71420, Республика Сербская, Босния и Герцеговина, г. Пале, ул. Алексы Шантича, 1.

Scientific Article

UDC 81.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-209-220>

DIFFICULTIES IN TEACHING RUSSIAN MORPHOLOGY TO A SERBIAN-SPEAKING AUDIENCE

Visnja Visnjevaca

University of East Sarajevo
Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina
visnja.visnjevaca@ff.ues.rs.ba
<https://orcid.org/0009-0004-0392-5890>

Abstract. This article examines mistakes that occur when teaching morphology of Russian as a foreign language to a Serbian-speaking audience. The material for the analysis is the examination papers in *Morphology of the Russian Language 1* and *Morphology of the Russian Language 2*, taken by second-year students at the Department of Russian Studies at the University of East Sarajevo. Emphasizing the importance of mistakes analysis based on language proficiency levels, this study focuses on morphology as a central aspect of language. The analysis highlights the parts of speech within which students make mistakes. In *Morphology of the Russian Language 1*, these are in nouns, adjectives, pronouns, and numerals, while in *Morphology of the Russian Language 2*, mistakes primarily occur in verbs and participles. The author analyses the mistakes and explores the reasons why these particular incorrect forms occur. As a result, the author concludes that the errors occur by analogy with other forms, as well as due to interference, given the fact that Russian and Serbian are related languages. Finally, a separate class of mistakes is those made as a result of students' lack of concentration. The research highlights the importance of regular mistakes analysis to prevent and correct mistakes based on language proficiency levels. The analyses conducted can be useful in the practice of teaching Russian morphology to Serbian learners. It is particularly relevant for teaching Russian as a foreign language in school education, with a special emphasis on secondary school, where students study Russian grammar, in order to avoid mistakes in further learning.

Keywords: Russian as a foreign language, Serbian-speaking audience, mistakes, analysis, morphology, nouns, adjectives, pronouns, numerals, verbs, participles.

For citation: Visnjevaca, V 2025, 'Difficulties in Teaching Russian Morphology to a Serbian-Speaking Audience', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 209–220, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-209-220> (in Russ.)

Information about the Author: Visnja Visnjevaca – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Russian Studies, University of East Sarajevo, 1, Alekse Santica Str., Pale, 71420, Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina.

© Visnjevaca V., 2025

Введение

Центральной темой данной статьи является морфология, поскольку, во-первых, в рамках грамматики возникает большое количество ошибок. В сербской среде существует представление о том, что грамматика русского языка очень сложна, что изучение падежей слишком трудно. Такое отношение к русскому языку на наш взгляд становится даже стереотипом, если имеем в виду, что грамматика сербского языка вообще не проста, а очень сложна. Во-вторых, грамматикой занимаются и преподаватели русского языка, особенно в средних школах, поэтому данная работа может иметь и практическое применение в процессе обучения русскому языку как иностранному. Если анализируются морфологические ошибки и затруднения на уровне университетского образования, это может влиять на обучение русскому языку в школах, поскольку обучающиеся могут продолжать ошибаться, т. е. анализ таких ошибок укажет на то, делают ли студенты такие же ошибки, как и на прежнем уровне обучения, в школах. Морфология является главным языковым уровнем, центральной точкой языка. От морфологии зависит синтаксис, поскольку без морфологии его невозможно изучать, а на морфологическом уровне проверяется фонетика русского языка.

При анализе морфологических ошибок должны учесть и факт близости языков. Русский и сербский языки — это два генетически близкородственных славянских языка, которые, тем не менее, имеют серьезные типологические отличия в фонологии, грамматике, лексике, стилистике [9, с. 190]. Поскольку сербский и русский языки родственные, т. е. принадлежат к группе славянских языков, с одной стороны, генетическая близость двух языков облегчает процесс обучения русскому языку как иностранному в сербскоязычной среде, с другой стороны, поскольку русский и сербский являются родственными языками, причиной возникновения ошибок в значительной мере является интерференция родного языка. Чем глубже и подробнее изучается русский язык, тем виднее, что системы русского и сербского языков в значительной мере отличаются. Русский язык был под южнославянскими влияниями, а сербский язык претерпел восточнославянские влияния [15, с. 14–15]. Особенно подчеркнем период эпохи славяносербского языка, которая, согласно исследованиям, продолжалась приблизительно от 1760 до 1840 года [6, с. 314]. Влияние русского языка видно на всех языковых уровнях, от фонетики до синтаксиса. Славяносербский язык является гибридной формой, смесью русского языка, рускославянского и сербского народного языка [4, с. 171].

Преимущества изучения русского языка в сербскоязычной аудитории связаны с возможностью составления грамматических форм русского языка с исходным языком-источником праславянским, а также старославянским. В этом отношении русский и сербский языки имеют много общего [15, с. 15]. Близость языковых систем является причиной стереотипного представления о том, что, владея одним славянским языком в качестве родного, второй выучить легко, но такое представление не находит своего подтверждения в практике [8, с. 16]. В процессе обучения морфологии русского языка обучающимся в сербскоязычной среде помогает то, что в сербском языке существуют морфологические категории, характеризующие и русский язык, например категории падежа, лица, числа, рода, глагольного вида и т. п. С другой стороны, в рамках этих категорий сербский и русский языки отличаются, и именно из-за данных различий возникают ошибки под влиянием родного, т. е. сербского языка, например в падежных формах, в предложно-падежных конструкциях, в глагольном управлении и т. п. На морфологическом уровне типологическое различие русского и сербского языков обусловлено изменениями, которые привели к разнице в осуществлении грамматических категорий (категории рода, числа, падежа,

одушевленности/неодушевленности, вида прилагательных, времени) и к некоторым различиям в системах частей речи [7, с. 50].

Поэтому можно сказать, что изучение родственного славянского языка в одних случаях делает этот процесс легче, но с другой стороны, интерференция вызывает различные затруднения из-за специфичности грамматических форм. Близкородственность языков не только требует, но даже и диктует своеобразные методологические подходы к изучению русского языка и методические приёмы обучения русскому языку в инославянском окружении [13, с. 17].

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили результаты десяти экзаменов по Морфологии русского языка 1 и десяти экзаменов по Морфологии русского языка двух студентов второго курса на кафедре русистики Восточно-Сараевского университета. В рамках Морфологии русского языка 1 изучаются имена существительные, имена прилагательные, местоимения и числительные, а в рамки Морфологии русского языка 2 входят глаголы, причастия, деепричастия, наречия, предикативы, частицы, союзы, предлоги, междометия. В ходе исследования применяются описательный и сопоставительный методы. Задача данного исследования — охарактеризовать и классифицировать ошибки, появляющиеся при обучении морфологии русского языка. В проведении анализа ошибок важно, на наш взгляд, опираться на языковые уровни, о чем уже говорили в наших исследованиях [2].

Результаты

В материале, послужившем для проведения анализа, засвидетельствованы различные случаи смешения падежных форм и возникновения ошибок в их употреблении. Как указывается в литературе, в сербской русистике существует давняя традиция применения сопоставительного метода в практике преподавания русского языка сербам как носителям родственного славянского языка. Сто лет назад Радован Кошутич, выдающийся сербский славист, предупреждал о высокой степени межъязыковой интерференции при конфронтации близкородственных языков. По мнению ученого, сербские студенты, изучающие русский язык, до 70% лексических и грамматических фактов воспринимают как знакомые и совпадающие с лексико-грамматическим строем родного языка, что приводит к ошибкам [10, с. 108]. Профессор Кошутич особое внимание уделял явлениям русского языка, специфическим с точки зрения носителей сербского языка [14, с. 66]. Интерференция родного языка затрудняет создание новой системы связей, необходимых для того, чтобы выражаться на иностранном языке [1, с. 65].

На экзамене по Морфологии русского языка 1 ошибки засвидетельствованы в именах существительных, именах прилагательных, местоимениях и числительных.

I *Имена существительные*. В рамках имен существительных выделяются родительный, творительный и предложный падежи.

а) родительный падеж:

1. Группа существительных первого склонения, у которых множественное число на *-ья*. В одну группу ошибок входят примеры с выпущенным мягким знаком в родительном падеже множественного числа: сколько *стулев* и употреблением мягкого знака: у *мужьей*. Другой тип ошибок относится к неправильным окончаниям под влиянием других типов склонения: сколько *стулей*; *стулов*.

Ошибки в употреблении мягкого знака засвидетельствованы и в следующих примерах: много *письем*; *писемь*; *письм*. Проблема с мягкими согласными в сербскоязычной аудитории возникает из-за того, что в сербском языке нет такой пары твердые-мягкие согласные, т. е. твердые согласные не имеют своих мягких вариантов. Особенно на это обращал внимание профессор Р. Кошутич [14, с. 66].

2. В рамках родительного падежа единственного числа ошибки возникают в смешении твердого и мягкого типов склонения: до главной *площады*.

3. Под влиянием существительных типа *стол*, ошибки возникают при употреблении родительного падежа множественного числа существительных с нулевым окончанием: сколько *солдатов*. Методисты подчеркивают то, что большое количество ошибок возникает под влиянием неправильной внутриязыковой аналогии [5, с. 86].

4. Родительный падеж множественного числа существительных на *-ие*, *-ия*: много *фотографии*. Данная ошибка, т. е. смешение родительного падежа множественного числа и предложного падежа единственного числа, является одной из типичных и самых частотных ошибок среди сербских учащихся. Ошибки в употреблении данных существительных касаются и неразличия единственного и множественного числа: пишут об интересных *событии*.

5. Родительный падеж множественного числа существительных на *-ня*: пять *деревнь*; пять *деревня*; несколько *деревен*; пять *деревней*. В последнем приведенном примере ошибка сделана под влиянием существительных мягкого склонения, типа *тетя*.

6. В родительном падеже существительных с беглым гласным ошибка сделана под влиянием существительных мужского рода твердого склонения, типа *стол*: десять *ножов*. В примерах десять *ножов*, *ложок* ошибки возникли под влиянием предыдущих примеров: десять *вилоч*.

7. Родительный падеж существительных женского рода третьего склонения: несколько *матери*.

8. Родительный падеж множественного числа существительных на *-мя*: семь *знамь*; семь *знамя*; семь *знами*. В последнем примере ошибка возникла из-за смешения с предложным падежом единственного числа существительных на *-ие*, *-ия*.

9. Ошибки, связанные со смешением окончаний родительного и предложного падежей во множественном числе возникают нередко: много *письмах*.

б) *творительный падеж*:

1. Творительный падеж существительных женского рода третьего склонения: На улице несколько матерей с *дочерами*; эти поля засеяны *ржами*; *рожеи*.

2. Творительный падеж существительных женского рода третьего склонения в конструкции с предлогами *над/под*: под *кровати*; *кроватей*; под *кроватью*; над *полки*; над *полке*.

в) *предложный падеж*:

1. Предложный падеж единственного числа существительных среднего рода на *-ие*: в *зданию*. Данная ошибка возникает под влиянием интерференции, поскольку в сербском языке в предложном падеже выступает окончание *-у*. Нарушение грамматических форм именных частей речи путем замены морфем иностранного языка морфемами родного языка входит в группу типичных ошибок, возникших под влиянием интерференции [12, с. 134]. Чтобы предупредить ошибки, вызванные интерференцией, важно найти причину их возникновения [11, с. 185].

II *Имена прилагательные*.

1. Смещение твердого и мягкого типа склонения прилагательных: несколько *прекрасних*; с твоими *двородними* сёстрами; много *пустих*; в *соседном*; над *верхной*.

2. Творительный падеж множественного числа: Мы поговорили с *двоюродных* (двоюродные сёстры).

3. Притяжательные прилагательные: Передай привет *тёте/тётей/тёти* соседу; Мы получили открытки от *дяди/дяды/дядей* друга; в *рыбачей* лодке.

4. Женские имена и отчества: Позвоните *Наталии/Наталии Борисовной* (имя собственное под влиянием существительных на *-ия*, причем написан и мягкий

знак, отчество под влиянием имен прилагательных); Позвоните *Григория Александровича* и *Наталью Борисовну*. В данном примере приведена типичная ошибка, под влиянием интерференции, поскольку в сербском языке употребляется винительный падеж (сравнить с примером *позвоним его*); Позвоните *Наталии Борисовны*; Позвоните *Наталие* Борисовне.

5. Простая сравнительная степень: *глубше*; *чистее*. Форма *чистее* возникает под влиянием форм на *-ее*, типа *красивее*.

6. Употребление суффикса *-айш-* после согласных *к, г, х* в форме превосходной степени: Мы разговаривали со *строжайшими* преподавателями. Данная ошибка возникает под влиянием примеров с суффиксом *-ейш-*, типа *чистейший*.

7. Падежные формы простой превосходной степени прилагательных: Они говорили о *талантливейший* участниках; Вы видели *высочайший* человека; Мама готовит *вкуснейший* пироги; Мария решила *труднейший* задачу.

8. Смешение простой сравнительной и простой превосходной степени: Вы видели *высочайше* человека?; Мы разговаривали со *строжайше* преподавателями.

9. Ошибки, возникающие при образовании кратких прилагательных: громкий – *громки*; короткий – *коротки*.

10. Смешение твердого и мягкого вариантов кратких прилагательных во множественном числе: *чисти*.

11. Смешение кратких прилагательных и наречий: громкий – *громко*; способный – *способно*; тонкий – *тонко*; короткий – *коротко*.

12. Падежные формы субстантивированных прилагательных: в узкой *переднии/переднее*.

13. Употребление беглого *е* в кратких прилагательных, в формах женского и среднего рода: *способена, способено*. Данные ошибки возникли под влиянием краткого прилагательного мужского рода *способен*. С другой стороны, засвидетельствованы примеры без беглого гласного: громкий – *громк*; тонкий – *тонк*.

III Местоимения.

В рамках местоимений ошибки засвидетельствованы в употреблении личных, притяжательных, неопределенных и вопросительно-относительных местоимений.

а) личные местоимения:

1. Дательный падеж единственного числа личного местоимения третьего лица. Одна из самых частотных ошибок среди сербских обучающихся — это употребление формы личного местоимения 3 лица с предлогами и без предлогов:

Давайте позвоним *нему*; Как ты относишься к *ему*; Давайте позвоним *ней*.

2. Ошибки в употреблении винительного падежа, возникшие из-за влияния интерференции: Давайте позвоним *его*.

3. Творительный падеж единственного и множественного числа: Я не хочу познакомиться с *их*; не хочу с *ими* говорить; я не хочу говорить с *их*; Какие отношения между тобой и *ней*; между *тебя* и *её*.

4. Предложный падеж единственного числа: Она постоянно думает о *нему*; Она постоянно думает о *ему*. Данные ошибки возникли под влиянием интерференции.

б) притяжательные местоимения:

1. Ошибки в форме творительного падежа: Мы поговорили с *твоих* (твои двоюродные сёстры).

в) неопределенные местоимения:

1. Местоимения с приставкой *не-* и *ни-*: Мне *ни* с кем посоветоваться (некого); Мне *некому* посоветоваться; Мне *некто* посоветоваться; Мне *не у кого* посоветоваться.

2. Неопределенные местоимения с постфиксом *то-/нибудь-*: Мне сегодня скучно, давай посмотрим *какой-то* фильм; Расскажи мне *что-то* интересное; Он взял книгу у *некого* коллеги; Сегодня у него день рождения и мы должны купить ему *какой-то* подарок; Мы должны купить ему *любой* подарок; Он взял книгу у *какой-нибудь* девушки; Наташа уехала с *каким-то* родственниками; Наташа уехала с *некоторыми* родственниками; Наташа уехала с *несколько* родственниками; В коридоре слышны *некоторые* голоса; Иван встретился с *некими* однокурсниками.

3. Вопросительно-относительное местоимение *чей, чья, чье, чьи*: о *чей* проблеме; о *чём* ответе; о *чем* ответе. В последнем примере ошибка возникла под влиянием интерференции.

IV Числительные. По результатам данного исследования, в рамках анализированных примеров на экзаменах, каждый студент сделал ошибку при употреблении числительных. Нередко случается, что одно числительное написано правильно, а другое, в том же падеже, написано неправильно.

а) *количественные числительные*: К *четыре*сто *семь*десят *пять*; В *три*сто *семь*десят *семь* зданиях; Они говорили о *четыре*хстах *девять*сто *шесть* динарах; с *четыре*мя тысячами *пять*стами; с *четыре*мя тысячами *пять*юста; более *сто* *восемь*десят *семь*; из *девять*сот *семь*десят *девять*; более *сто* *восемь*десят *семи*; с *четыре* тысячи *пять*юстами; с *восемь*десят *пять*ю; с *четыре*мя тысячей *пять*юстами; из *девять*ста *семидесяти* *девять*; с *четыре* тысячи *пять*сот.

б) *порядковые числительные*: П. И. Чайковский родился *седь*мого мая.

На экзамене по Морфологии русского языка 2 выделяются глаголы и причастия.

I Глаголы. В рамках глагольных форм в анализ вошли настоящее/простое будущее время и прошедшее время.

а) *настоящее/простое будущее время*:

1. *Неправильные формы*: Миша *на*лёт; Сейчас *откры*те все окна, чтобы воздух вошел; Завтра участники *плачу*сь за участие; Если вы *снёт*есь пальто, вам будет удобнее; Каждый день мы *возвращае*мся с работы часов в шесть. В некоторых примерах выпущен мягкий знак во втором лице единственного числа: Когда ты *зайдё*ш к Сергею, позвони мне; Когда ты *ложии*сь спать? В других примерах ошибки связаны с фонетическим уровнем: Они *обеспеч*ят все нужные условия; Они *даю*т мне книгу (дать); Обратите внимание на них, они *попадаю*т в беду (попасть). В последних двух примерах причиной возникновения ошибок является смешение глаголов *дать* и *попасть*, с одной стороны, с глаголами *давать* и *попадать*, с другой стороны.

2. *Неправильные глаголы*: После спектакля мы *седи*м в кафе и поговорим.

3. *Употребление сложного будущего вместо простого будущего времени*: Обратите внимание на них, они *будут* *попасть* в беду; Сейчас я *буду* *откры*ть все окна, чтобы вошел воздух;

4. *Употребление прошедшего вместо настоящего/простого будущего времени*: Андрей и Саша *привыкну*л (привыкать) к новым условиям. В данном примере несколько ошибок: ошибка в употреблении глагольной формы, в суффиксе *-ну-* (даже если было бы прошедшее время), в категории числа, т. е. единственное вместо множественного числа.

б) *прошедшее время*:

1. *Употребление настоящего вместо прошедшего времени*: Папа вчера *печёт* вкусные пироги; Сергей уже *привыкнет*ся к новым обстоятельствам.

2. *Неправильные формы прошедшего времени*: Ребенок *полез* по полу; В зале *погаснел* свет; У Наташи *замёрзну*ли руки. Нередко учащиеся ошибаются в употреблении возвратных глаголов: Иван не *позаботи*л о нас.

3. Употребление *ё* вместо *е*: Игорь *сёл* за стол; Сергей полчаса *ёл* суп.
в) глаголы движения:

1. Ошибки в употреблении русских глаголов движения в речи сербскоговорящих учащихся входят в группу самых частотных ошибок [3, с. 133]. На первом месте это примеры неразличия однонаправленного и разнонаправленного движения: Завтра утром будет хорошая погода и мы *ходим* в город. Нередко в одном примере засвидетельствованы две (или больше) ошибки. В примере: Когда мы *доездим* из города есть ошибка в понимании однонаправленного/разнонаправленного движения и в употреблении приставки.

2. В группу самых частотных ошибок входят и примеры, в которых учащиеся не отличают движение пешком от движения транспортом: По утрам спортсмены *бегут* по парку; Когда возвращаются с отдыха, родственники *зайду* к нам. В последнем примере ошибка и в категории лица и числа.

3. С предыдущим примером можно связать такую ошибку: Каждое утро мы *выхожу*: неправильно употреблена личная форма.

4. Приставочные глаголы движения: Когда вы *доидёте* до центра города, вы увидите памятник герою; Когда вы *дойдите* до центра города, вы увидите памятник герою; Когда мы *дойдём* из города, сразу начинаем есть; Андрей *обошол* машину; По утрам Игорь любит *додойти* в лесу. В последнем приведенном примере ошибка в удвоении приставки и в неправильном выборе приставочного глагола движения.

5. Инфинитив вместо настоящего времени: Андрей хорошо *возить* машину; Бабушка в будние *водит* детей в детский сад; По понедельникам папа *возить* сыновей на бассейн.

6. Ошибки возникают как результат неправильного спряжения глаголов: Завтра утром мы *ехам* на работу на такси. В некоторых примерах учащиеся добавляют глагол, не находящийся в группе предложенных глаголов: Наши соседи занимаются спортом и любят *плавать*.

II Причастия

а) Действительные причастия настоящего времени.

В одних примерах ошибки касаются существительных, к которым причастия относятся, в других касаются форм причастий, а в третьих ошибки сделаны при употреблении и существительных и причастий.

1. Падежные формы существительных и причастий: В воскресенье соседи ходили к знакомому, *занимающемся* физикой; Я не люблю *ученики, относящиеся* небрежно к работе; *спортсмены, участвовавшие* в соревновании, пишут в газетах. Ошибки, возникающие из-за смешения дательного и творительного падежа множественного числа нередко встречаются среди сербских учащихся: Почему вы не посоветуетесь с исследователями, *занимающимся* этой проблемой. Ивановы говорят о *детям, возвращающим* с экскурсии; В воскресенье соседи ходили к знакомому, *занимающемся* физикой. В последних двух примерах ошибка и в употреблении возвратных глаголов.

2. Неправильный суффикс: Летом родители побывали на *дачу, стоящую* на берегу реки; Позовите девушку, *стоящую* на улице; Вчера мы познакомились с учениками, *живущими* в соседнем городе; Дай мне книгу, *лежаю* на полу; Моя дочь, *учающаяся* в пединституте, скоро приедет на каникулы. В примере: Моя дочь, *учающая* в пединституте, скоро приедет на каникулы помимо неправильного суффикса, ошибка и в употреблении постфикса *-ся*, а в примере: На катке мы видели *ребяту, кататящую* ошибка и в падежной форме существительного. В некоторых примерах возникает несколько ошибок: Я не люблю *ученики, относящие* небрежно к работе. В данном примере употреблен неправильный суффикс, выпущен пост-

фикс -ся и употреблена неправильная падежная форма существительного и причастия.

3. Падежные формы существительных, к которым относятся причастия: Мы должны доехать до *деревне*, находящейся за лесом.

4. Род существительных: В воскресенье соседи ходили к *знакомой*, занимающейся физикой (знакомый).

б) Действительные причастия прошедшего времени.

1. Употребление возвратных глаголов, т. е. постфикса -ся: Мы посоветовались с коллегами, *вернувшись* из Азии; Наш дом стоял в парке, *спускавшем* к реке.

2. Неправильные падежные формы существительных и причастий: Мы посоветовались с коллегами, *вернувшись* из Азии; Все говорили о *студентами*, *выступавшими* на фестивале фильма; Вы видели *родственников*, *росшие* в Москве?; Все говорили о *студентов*, выступавших на фестивале фильма; Экспедиция двинулась дальше, несмотря на метель, *начавшись* утром; Мы вышли на поляну и увидели *охотники*, *сидевшие* вокруг костра; Мы долго готовились к экзамену, *начавшегося* сегодня утром; Они пообщались с *детьми*, выросшими на юге. В некоторых примерах ошибки касаются и постфикса -ся: Звонко раздавалась песня девушек, *возвращавшись* с поля; Звонко раздавалась песня *девушки*, *возвращавшие* с поля; Мы посоветовались с коллегами, *вернувших* из Азии; Ты обратил внимание на *актриса*, *игравшего* в новом фильме? В последнем примере ошибка и в категории рода существительного и причастия.

3. Единственное вместо множественного числа существительных и причастий: Арсеньевы жили в *здании*, *стоявшем* (здания) на окраине; Мы вышли на поляну и увидели *охотника*, *сидевшего* вокруг костра (охотники).

4. Страдательное причастие настоящего времени вместо действительного причастия прошедшего времени: Миша весь день проводил с детьми, *играемыми* в нашем дворе. В приведенном примере ошибка и в падежном окончании причастия.

5. Неправильный род существительных: Экспедиция двинулась дальше, несмотря на *начавший* метель. Здесь ошибка и в употреблении возвратного глагола, от которого причастие образуется.

6. Замена глаголами: Он обратился *стутеном*, *изучавшим* все задания (студенты, изучить). В данном примере ошибка и в употреблении существительного.

в) страдательные причастия настоящего времени:

1. Падежные формы существительных и причастий: Николай долго говорил о *писателя*, *любимого* всеми читателями; О *вопросом*, обсуждаемом аспирантами, мы долго говорили; Все говорили о *галей*, посещаемой туристами; К месту, *посещаемом* туристами, мы быстро подъехали; Я обращаюсь студентам, *сдаваемым* экзамен.

2. Страдательное причастие прошедшего вместо страдательного причастия настоящего времени: К месту, *посещённому* туристами, мы быстро подъехали; Ты услышал информацию, *передаванную* студентами; Ты услышал *информации* *передавательные* студентами. В последнем примере ошибка в форме причастия и в употреблении множественного числа существительного.

3. Действительное причастие прошедшего времени вместо страдательного причастия настоящего времени: Народ – это сила, *создавшая* все материальные ценности; Я обращаюсь *студентом*, *сдавшим* экзамен. В последнем приведенном примере ошибка в падежной форме существительного возникла из-за редукции безударного гласного *о* в творительном падеже единственного числа, т. е. смешения творительного падежа единственного числа и дательного падежа множественного числа.

4. Неправильный суффикс причастий: Все говорили о галерее, *посещанной* туристами.

г) страдательные причастия прошедшего времени.

1. Страдательное причастие настоящего вместо страдательного причастия прошедшего времени: Мама начала разговор с *разбудимыми* детьми.

2. Действительное причастие прошедшего вместо страдательного причастия прошедшего времени: Мама начала разговор с *разбудившими* детьми; Василий посмотрел на девушку, *изобразившую* на известной картине. В последнем примере в скобках приведен глагол *изобразить*, поэтому ошибка была бы, если бы употребляли действительное причастие прошедшего времени.

3. Неправильный род существительных: Анна стояла у *запертого* дверя.

4. Неправильный суффикс причастий: Мама начала разговор с *разбужёнными* детьми; Василий посмотрел на девушку, *изобразенну* на известной картине; На поле, *засеятом* пшеницей; Студенты нашей группы принимают участие во всех конференциях, *устроенных* университетом.

5. Неправильные падежные формы: Из дома, *построенном* в прошлом году, раздавались громкие звуки; В *задании*, *исправлённому* преподавательницей, я нашел три ошибки; В *заданиям*, *исправлённым* учительницей; Анна стояла у запертой *дверю*.

Заключение

В рамках экзамена Морфология русского языка 1 засвидетельствовано 224 ошибки: имена прилагательные 33,03 %, имена существительные 26,78 %, местоимения 23,66 %, числительные 16,51 %. На экзаменах по Морфологии русского языка 2 сделано 197 ошибок: глаголы 48,22 %, причастия 51,77 %. На основании анализа ошибок приходим к следующим выводам: одни ошибки сделаны посредством неправильной аналогии, т. е. под влиянием других форм, например употребление родительного падежа множественного числа *солдатов*, *ножок*, другие возникают из-за интерференции, т. е. под влиянием родного, в данном случае сербского языка, например ошибки в падежных формах *к женщины*, *о нему*, в глагольном управлении *позвоним его*. Сербские обучающиеся нередко ошибаются в употреблении существительных на *-ие*, *-ия*. Причиной некоторых ошибок можно считать несосредоточенность студентов, например употребление форм единственного вместо множественного числа или формы настоящего вместо прошедшего времени.

Результаты данного исследования подчеркивают важность регулярного проведения анализа типичных ошибок в сербскоязычной аудитории.

Список источников и литературы

1. Бранднер А. Проблема сопоставительного изучения иностранных языков, особенно русского, в чешской среде // Изучавање словенских језика, књижевности и култура као инословенских и страних. Белград: Славистическое общество Србији, 2008. С. 62–66.
2. Вишневац В. Трудности, возникающие при обучении русской орфографии в сербской аудитории. Опыт классификации // La Revue du Centre Européen d'Etudes Slaves. Numéro. 8. Liminalité dans le contexte linguistique et culturel des Slaves de l'Est. URL: <https://etudesslaves.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=1780> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Гусева Е. В., Попович Д. Изучение русских глаголов движения в сербской аудитории на разных этапах // Славистика. 2018. № 22 (2). С. 133–139.
4. Ивић П. Српски народ и његов језик. Београд: Српска књижевна задруга, 1971. 334 с.
5. Кончаревић К. Савремена настава руског језика. Садржаји, организација, облици. Београд: Славистичко друштво Србије, 2004. 440 с.

6. *Кречмер А.* Славеносрпска писменост и њено значење за историјску србистику // Шездесет година Института за српски језик САНУ : зборник радова / Институт за српски језик САНУ. Београд, 2007. С. 313–320.
7. *Маројевић Р.* Српски језик данас. Бања Лука: Романов, 2008. 218 с.
8. *Мочалова Т. С.* Учебник и специфика преподавания родственных языков // Мир педагогики и психологии. 2017. № 8 (13). С. 12–19.
9. *Ненезич Ю.* К вопросу о преподавании русского как инославянского на нефилологических факультетах в сербскоязычной среде // Русский язык как инославянский. Вып. 2: Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. Белград, 2010. С. 182–194.
10. *Просвирина О. А., Дегтева И. В.* О специфике преподавания славянских языков в инославянской аудитории // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Педагогика. 2020. № 4. С. 107–117.
11. *Radošević N.* Proučavanje pojava interferencije u nastavi ruskog jezika // Živi jezici: časopis za primenjenu lingvistiku. 1974. № 3. С. 185–188.
12. *Раичевић В.* Општа методика наставе словенских језика у инословенској средини. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2007. 303 с.
13. *Станковић Б.* О перспективах русистики в славянском мире // Русский язык как инославянский. Вып. 2: Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. Белград, 2010. С. 14–23.
14. *Терзич Б.* Лингвистические основы сопоставительного метода профессора Радована Кошутича // Русский язык за рубежом. 1972. № 1. С. 65–66.
15. *Ушакова А. П., Шишкина С. А.* Преподавание русского языка как иностранного носителям родственных славянских языков // Новое и традиционное в переводе и преподавании русского языка как иностранного. Баня-Лука: Панъевропейский университет «АПЕИРОН», 2021. С. 13–20.

References

1. Brandner, A 2008, 'Problema sopostavitelnogo izucheniya inostrannykh yazykov, osobenno russkogo, v cheshskoy srede' (The Issue of Comparative Study of Foreign Languages, Especially Russian, in the Czech Environment), *Izuchavanye slovenskih yezika i knyizhevnosti i kultura kao inoslovenskih i stranih*, (Study of Slavic languages, literatures and cultures as non-Slavic and foreign languages), Slavisticheskoye obshchestvo Srbije publ, Belgrade, pp. 62–66. (In Russ.)
2. Vishnevats, V 2023, 'Trudnosti, vznikayushchiye pri obuchenii russkoy orfografii v serbskoy auditorii. Opyt klassifikatsii' (Difficulties in Teaching Russian Orthography to a Serbian Audience: Experience in Classification), *Liminalité dans le contexte linguistique et culturel des Slaves de l'Est*, no.8, viewed 15 January 2025), <https://etudesslaves.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=1780>(In Russ.)
3. Guseva, EV & Popovich, D 2018, 'Izuchenije russkikh glagolov dvizheniya v serbskoy auditorii na raznykh etapakh'(Learning Russian Verbs of Motions in the Serbian Classroom at Different Levels), *Slavistika* (Slavic Studies), no. 22(2), pp. 133–139
4. Ivich, P 1971, *Srpski narod i nyegov yezik* (The Serbian People and Their Language), Srpska knyizhevna zadruga publ, Belgrade. (In Serb.)
5. Koncharevich, K 2004, *Savremena nastava ruskog yezika. Sadržaj, organizacija, oblici* (Contemporary Russian Language Teaching: Content, Organization, and Forms), Slavistichko drushtvo Srbije publ, Belgrade. (In Serb.)
6. Krechmer, A 2007, 'Slavenosrpska pismenost i nyeno znachenye za istorijsku srbistiku' (Slavenoserbian Literacy and Its Significance for Historical Serbian Studies), *Zbornik radova: Shezdeset godina Instituta za srpski yezik SANU*, ed. S.Tanasich, Institut za srpski yezik SANU publ, Belgrade, pp. 313–320. (In Serb.)
7. Maroyevich, R 2008, *Srpski yezik danas*, (The Serbian Language today), Banya Luka publ, Romanov. (In Serb.)

8. Mochalova, TS 2017, 'Uchebnik i spetsifika prepodavaniya rodstvennykh yazykov' (The Textbook and the Specificity of Teaching Related Languages), *Mir pedagogiki i psikhologii*, no. 8(13), pp. 12–19. (In Russ.)
9. Nenezich, Yu 2010, 'K voprosu o prepodavanii russkogo kak inoslavlyanskogo na nefilologicheskikh fakultetakh v serbskoyazychnoy srede' (On Teaching Russian as a Foreign Slavic Language in Non-Philological Faculties in a Serbian-Speaking Environment), *Sovremennoye izucheniye russkogo yazyka i russkoy kultury v inoslavlyanskom okruzenii* (Modern study of the Russian language and Russian culture in a non-Slavic environment), *Russkiy yazyk kak inoslavlyanskiy* (Russian as a non-Slavic language), no. 2, pp. 182–194. (In Russ.)
10. Prosvirina, OA & Degteva, IV 2020, 'O spetsifike prepodavaniya slavyanskikh yazykov v inoslavlyanskoy auditorii' (On some specific problems of teaching Slavic languages to native speakers of other Slavic languages), *Moscow Pedagogical Journal*, no. 4, pp. 107–117. (In Russ.)
11. Radoshevich, N 1974, 'Prouchavanye poyava interferenciye u nastavi ruskog yezika' (Studying Linguistic Interference in Russian Language Teaching), *Zhivi yezici chasopis za primenyenu lingvistiku*, no. 3, pp. 185–188. (In Serb.)
12. Raichevich, V 2007, *Opshta metodika nastave slovenskikh yezika u inoslovenskoy sredini* (General Methodology of Teaching Slavic Languages in Other Slavic Language Environment), Zavod za udzbenike i nastavna sredstva publ, Belgrade. (In Serb.)
13. Stankovich, B 2010, 'O perspektivakh rusistiki v slavyanskom mire' (On the prospects of Russistics in the Slavic world), *Sovremennoye izucheniye russkogo yazyka i russkoy kultury v inoslavlyanskom okruzenii* (Modern study of the Russian language and Russian culture in a non-Slavic environment), *Russkiy yazyk kak inoslavlyanskiy* (Russian as a non-Slavic language), no. 2, pp. 14–23. (In Russ.)
14. Terzich, B 1972, 'Lingvisticheskiye osnovy sopostavitelnogo metoda professora Radovana Koshuticha' (Linguistic Foundations of the Comparative Method by Professor Radovan Košutić), *Russkiy yazyk za rubezhom*, no. 1, pp. 65–66. (In Russ.)
15. Ushakova, AP & Shishkina, SA 2021, 'Prepodavaniye russkogo yazyka kak inostrannogo nositelyam slavyanskikh yazykov' (Teaching Russian as a Foreign Language to Native Speakers of Related Slavic Languages), *Novoye i traditsionnoye v perevodovedenii i prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* (New and traditional in translation studies and teaching Russian as a foreign language), pp. 13–20. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.02.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 03.02.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

РЕЦЕНЗИИ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 221–227.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 1 (21). P. 221–227.

Научная статья

УДК 94(470.3)1903/1917

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-221-227>

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ К. А. СИТНИКОВА «УЕЗДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ СТРАЖА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1903–1917 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)» (М.: ПРОСПЕКТ, 2024. 287 С.)

**Сергей Михайлович
Рязанов**

Пермский институт ФСИН России
Пермь, Россия, s_gyazanov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>

Аннотация. Целью данной работы является рассмотрение вклада монографии К. А. Ситникова «Уездная полицейская стража Российской империи в 1903–1917 гг. (на примере Воронежской губернии)» в историческую науку. В статье рассматривается историография темы и место в ней нового исследования. Отмечаются собственный вклад автора: построение коллективного портрета полицейского урядника Воронежской губернии в 1915–1916 гг. и составление периодизации деятельности губернской полицейской стражи в 1903–1917 гг. Особо отмечается деятельность автора и других исследователей из Воронежского института МВД России в изучении профессиональной подготовки полицейских стражников и урядников. В то же время рецензируемая монография содержит дискуссионные и спорные моменты. Весьма сомнительна возможность экстраполяции всех выводов, полученных на базе Воронежской губернии, на другие территории, по общему учреждению управляемые. Недостаточно аргументированно выглядят тезисы об использовании зарубежного опыта при создании полицейской стражи Российской империи, о превосходстве воронежского состава полицейских урядников над пермскими. Встречаются в монографии и очевидные ошибки автора в цифрах и терминах, которые, тем не менее, не умаляют достоинств исследования. Прделанная работа в целом заслуживает высокой оценки и формирует комплексное представление о полицейской страже в начале XX в. Отдельно стоит отметить вклад К. А. Ситникова в археографический фонд благодаря огромному количеству опубликованных в тексте таблиц и схем из исторических источников, также заслуживают внимания оригинальные иллюстративные материалы, которые значительно улучшают понимание текста монографии.

Ключевые слова: Европейская Россия, историография, просопография, полицейская реформа, право.

Для цитирования: Рязанов С. М. Взгляд историка: рецензия на монографию К. А. Ситникова «Уездная полицейская стража Российской империи в 1903–1917 гг. (на примере Воронежской губернии)» (М.: Проспект, 2024. 287 с.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 221–227. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-221-227>

Сведения об авторе: С. М. Рязанов – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Пермский институт ФСИН России, 614012, Россия, Пермский край, г. Пермь, ул. Карпинского, 125.

Scientific Article

UDC 94(470.3)1903/1917

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-221-227>

**THE HISTORIAN'S VIEW: A REVIEW OF THE MONOGRAPH BY
K. A. SITNIKOV 'UEZD POLICE GUARDS OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN 1903-1917 (ON THE EXAMPLE OF VORONEZH GOVERNORATE)'
(MOSCOW, PROSPEKT PUBL, 2024, 287 P.)**

Sergey M. Ryazanov

Perm Institute of the FPS of Russia
Perm, Russia, s_ryazanov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>

Abstract. The purpose of this paper is to consider the contribution of K. A. Sitnikov's monograph 'Uezd Police Guards of the Russian Empire in 1903–1917 (on the example of Voronezh Governorate)' to historical science. The article discusses the historiography of the subject and the place of the new study in it. The author's contribution is highlighted: the construction of a consolidated portrait of a constable of the Voronezh Province in 1915–1916, and the compilation of a periodisation of the activity of the provincial police guards in 1903–1917. The author and other researchers from the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia are particularly noted for their work in studying the professional training of police guards and constables. However, it should be noted that the peer-reviewed monograph does contain contentious and controversial points. The validity of extrapolating the conclusions drawn from the Voronezh province to other regions under the jurisdiction of the institution in question is highly questionable. The theses concerning the use of abroad experience in the creation of the police forces of the Russian Empire and the superiority of the Voronezh constables over the Perm ones do not seem to be sufficiently substantiated. Additionally, the monograph contains evident inaccuracies in figures and terminology, yet these do not detract from the study's merits. The work as a whole deserves high praise and provides a comprehensive picture of police guards in the early 20th century. It is important to acknowledge the significant contribution of K. A. Sitnikov to the archaeological fund, owing to the substantial number of tables and charts from historical sources that have been published in the text. Furthermore, the original illustrative materials are noteworthy, as they play a crucial role in enhancing the comprehensibility of the monograph.

Keywords: European Russia, historiography, prosopography, police reform, law.

For citation: Ryazanov, SM 2025, 'The Historian's View: a Review of the Monograph by K. A. Sitnikov 'Uezd Police Guards of the Russian Empire in 1903–1917 (on the Example of Voronezh Governorate)' (Moscow, Prospekt publ, 2024, 287 p.).', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 221–227, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-221-227> (in Russ.)

Information about the Author: *Sergey M. Ryazanov* – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Perm Institute of the FPS of Russia, 125, Karpinskogo Str., Perm, 614012, Russia.

© Ryazanov S. M., 2025

Стоит сразу оговориться, что К. А. Ситников ни в коем случае не позиционирует свою монографию «Уездная полицейская стража Российской империи в 1903–1917 гг. (на примере Воронежской губернии)» как историческое исследование, называя его историко-правовым. Среди рецензентов монографии и, разумеется, диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, на основе которой она написана, присутствуют исключительно юристы [11].

Однако, независимо от желания молодого ученого, данное исследование призвано закрыть важную лакуну в отечественной историографии. Дело в том, что, несмотря на серьезное изучение органов внутренних дел многих регионов Российской империи [3; 5; 6], о полиции Воронежской губернии крупных исторических работ не выходило. Хотя в Воронежской области существует вуз МВД России, а в последнее десятилетие именно ученые из ведомственных вузов проявляют наибольший интерес к истории полиции [9]. Еще более удивительно, что вплоть до прошлого года не выходило специальных монографических исследований, посвященных полицейской страже Российской империи. Хотя ее введение сыграло, на мой взгляд, в истории органов внутренних дел не меньшую роль, чем принятие «Временных правил» в 1862 г. или учреждение должностей урядников в 1878 г., которые уже успели обзавестись достаточно солидными обобщающими работами [2; 14].

Кроме того, не вдаваясь в дискуссию о разграничении предмета исторической и историко-правовой науки, стоит отметить, что такие затронутые в монографии темы, как социальный состав полицейской стражи, отношение к ней местного населения, ее участие в подавлении аграрных беспорядков в Воронежской губернии, имеют для исторической науки не меньшее, а, наверное, даже большее значение, чем для науки историко-правовой. А вот фундаментального исторического образования для разработки подобных тем автору, к сожалению, не достает, причем, скорее, не исторических, а источниковедческих знаний. Так, во Введении К. А. Ситников относит послужные списки стражников и урядников к учетной документации [12, с. 18]. Подобные ошибки носят единичный характер, но портят впечатление от работы. Претензия здесь, скорее, не к начинающему ученому-юристу К. А. Ситникову, а к отсутствию у монографии научного редактора.

Встречаются в тексте и другие неточности. Так, К. А. Ситников уверяет, что на военную службу в 1914 г. было призвано 18 478 жителей Воронежской губернии, или «23,5 % от общей численности населения мужского пола» [12, с. 213]. Однако 23,5 % мужского населения губернии – это 425 820 человек [13, с. 35], что, к слову, больше, чем число призванных из региона за всю Первую мировую войну [7, с. 264]. Подобные недочеты, впрочем, принципиально не влияют на выводы исследователя и даже к самой полицейской страже имеют, как и в вышеприведенном случае, весьма косвенное отношение, почему далее я на них останавливаться не буду, сосредоточившись исключительно на принципиально важных моментах.

Автор преимущественно применяет в исследовании традиционные методы исторической и историко-правовой науки. В то же время К. А. Ситников декларирует во Введении, что использовал в монографии контент-анализ для текстов «Воронежских губернских ведомостей» и «Вестника полиции», а также хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение для сопоставления полицейской стражи и войск национальной гвардии [12, с. 17]. Однако в основном тексте работы результатов использования этих методов мной обнаружено не было.

В то же время автор лишь вскользь упоминает в разделе по методологии о «статическом анализе данных формулярных и послужных списков» [12, с. 16]. В действительности К. А. Ситниковым было проведено масштабное просопографическое исследование 267 полицейских урядников Воронежской губернии, служивших в 1915–1916 гг. Учитывая, что по данным на декабрь 1915 г. на службе числилось 248

полицейских урядников, а текучесть кадров среди них в годы войны была минимальной, выборку можно считать вполне репрезентативной, а построенный на основе исследования коллективный портрет имеет большое значение для понимания социальной сущности этой категории полицейских [12, с. 129–145]. Просопографическое исследование социального облика полицейских стражников не столь масштабное [12, с. 128], но даже более значимое, так как в отличие от урядников их социальный облик ранее рассматривался лишь на примере Пермского уезда одноименной губернии [10, с. 255–257].

Большим достоинством работы является ее вклад в археографический фонд Российской Федерации. В основном опубликованные в тексте монографии источники представлены в виде таблиц и схем, но есть несколько факсимиле [12, с. 96, 97, 115, 198]. Все эти документы будут полезны для региональных исследователей полиции, которым доступ в архивы Воронежской области и г. Москвы затруднен. Они могут легко сравнить источники о воронежской полицейской страже с аналогичными материалами, хранящимися в фондах местных архивных учреждений. Небесполезны и авторские схемы, таблицы, диаграммы. Они сильно упрощают восприятие материала монографии, особенно многочисленных количественных данных.

В целом автором изучен огромный массив неопубликованных источников из фондов Департамента полиции (ГАРФ. Ф. 102), Штаба отдельного корпуса жандармов, проводившего ревизии владимирской стражи (Ф. 110), Воронежского губернского жандармского управления, ведавшего ее строевой частью (ГАВО. Ф. И-1), Воронежского губернского правления (Ф. И-2), Канцелярии воронежского губернатора (Ф. И-6) и ряда менее значимых для исследования фондов, в том числе из других региональных архивов.

Во введении автор предполагает, что полученные в ходе исследования выводы, несмотря на достаточно скромные территориальные границы, можно экстраполировать на всю Европейскую Россию. При этом приведенный в качестве аргумента перечень характеристик Воронежской губернии, в котором преобладают ее отличия от других регионов, нежели сходства с ними, скорее, опровергает такую возможность [12, с. 15]. В действительности все не так однозначно. Например, автором разработано несколько периодизаций развития полицейской стражи [12, с. 124, 125, 151, 152]. В силу того, что все ключевые изменения происходили под влиянием циркуляров МВД и общероссийских событий, их действительно можно использовать по отношению ко всей полицейской страже, введенной по закону от 5 мая 1903 г., а не только воронежской. В то же время организация профессиональной подготовки в Воронежской губернии имела очевидные отличия в лучшую сторону от большей части Российской империи, а потому ее развитие носило более самобытный характер.

В Воронежском институте МВД России давно сложилась сильная научная школа по изучению становления и развития профессиональной подготовки полицейских (милиционеров) в России (СССР) [4; 8], а потому ожидаемо, что один из лучших параграфов монографии посвящен различным формам профессиональной подготовки полицейской стражи. Однако очевидно, что заслуга в формулировании таких глубоких представлений о формах, этапах и особенностях обучения полицейской стражи принадлежит не только автору настоящей монографии, но и его предшественникам, прежде всего, воронежским ученым А. В. Кирносу, В. А. Колесникову и А. П. Нахимову [8].

Если представленные периодизации развития полицейской стражи Воронежской губернии, типологии ее структуры и функций, выявленные особенности ее подготовки и функционирования сомнений не вызывают, ряд выводов выглядит недостаточно аргументированным. В частности, автор предполагает, что при создании закона об уездной полицейской страже 1903 г. широко использовался европейский

опыт [12, с. 265]. Прообраз отечественной полицейской стражи он видит в жандармских подразделениях Пруссии и Австро-Венгрии [12, с. 48–49]. Тем не менее никаких ссылок на источники, в которых бы говорилось, что при подготовке майского проекта или более ранних попыток введения полицейской стражи этот опыт рассматривался, К. А. Ситников не приводит. Во-первых, отечественная стража формировалась не в рамках жандармских подразделений, как приведенные примеры, а общей полиции. Во-вторых, схожие жандармские подразделения – дивизионы и команды в Российской империи к началу XX в. уже давно существовали и именно потому, что они не справлялись с поставленными задачами, и была создана полицейская стража. Однако, воспользовавшись проблемами, с которыми столкнулся новый институт в 1905 г., жандармерия взяла его под частичный контроль [1]. Таким образом, двойное подчинение полицейской стражи было скорее результатом межведомственной борьбы, чем «использования передового европейского опыта».

Нельзя согласиться и с некоторыми частными выводами автора, например, о том, что полицейские урядники Пермского уезда отличались значительно меньшей стабильностью кадров, чем воронежские [12, с. 136]. Сравнение это в целом представляется не вполне корректным как из-за разницы в количестве сохранившихся формулярных списков, так и из-за того, что полицейская стража по новому закону была введена в Пермской губернии на три года позже [10, с. 43, 87].

Таким образом, исследование К. А. Ситникова является значимым шагом в развитии истории – как полиции Воронежской губернии, так и полицейской стражи Российской империи в целом. Полицейская стража показана здесь в широком контексте общих преобразований полиции и социально-политических сдвигов конца XIX – начала XX в., происходящих как в губернии, так и в России и даже за ее пределами. Рассматриваемая монография является достойным академическим исследованием, которое вышло за рамки – как исключительно историко-правовые, так и локально-исторические, обобщив значительный материал и дополнив его личными наработками автора на основе глубокого анализа значительного количества неопубликованных архивных материалов. Остается только пожелать К. А. Ситникову дальнейших творческих успехов.

Список источников и литературы

1. *Ананьева Е. С.* Жандармские дивизионы в системе Отдельного корпуса жандармов: XIX – начало XX века // Политическая история России: прошлое и современность : ист. чтения. Вып. 18. СПб.: Норма, 2021. С. 8–19.
2. *Ахмедов Ч. Н.* Институт полицейских урядников: профессиональная подготовка и социально-материальное обеспечение его деятельности (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2018. 223 с.
3. *Васильев А. В.* Организационно-правовые основы деятельности полиции по борьбе с преступностью в Казанской губернии (1862–1917 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Васильев Александр Владимирович. М., 2008. 218 с.
4. *Кирнос А. В., Колесников В. А.* Некоторые вопросы рационализации ведомственного образования на совещании начальников милицейских школ 1928 г. // Вопросы государства и права : сб. науч. ст. Всерос. круглого стола / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швеиц, Е. А. Пушкарев [и др.]. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2022. С. 159–167.
5. *Кокшаров А. В.* Полиция Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : [к 150-летию реформы полиции России]. 2-е изд. Иваново: Спринт, 2012. 158 с.
6. *Лобанов А. В., Кузнецов О. В.* История полиции Саратовской губернии. Саратов: Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2010. 204 с.

7. Нагматов В. В. Эволюция сознания населения Воронежской губернии и взаимоотношения с властью в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 12 (92). С. 263–268.
8. Нахимов А. П., Кирос А. В., Колесников В. А. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века : моногр. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России, 2018. 685 с.
9. Нижник Н. С., Сидоренко Н. С. Полицейская деятельность: три века служения полиции Отечеству // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 1–51.
10. Рязанов С. М. Полицейские Урала (1862–1917): нормативные основы деятельности, социальный облик : моногр. Пермь: Перм. ин-т ФСИН России, 2020. 351 с.
11. Ситников К. А. Институт уездной полицейской стражи Российской империи в 1903–1917 гг. (на примере Воронежской губернии): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.1 / Ситников Кирилл Алексеевич. Воронеж, 2023. 296 с.
12. Ситников К. А. Уездная полицейская стража Российской империи в 1903–1917 гг. (на примере Воронежской губернии) : моногр. М.: Проспект, 2024. 288 с.
13. Статистический ежегодник России. 1914 г. (Год одиннадцатый). СПб.: Тип. Штаба Петрогр. воен. округа, 1915. 702 с.
14. Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке : дис. ... д-ра юрид. наук : 07.00.02 / Тот Юрий Викторович. СПб., 489 с.

References

1. Ananyeva, ES 2021, 'Zhandarmskiye diviziony v sisteme Otdelnogo korpusa zhandarmov: XIX – nachalo XX veka' (Gendarme divisions in the system of the Separate Gendarme Corps: 19th – early 20th centuries), *Politicheskaya istoriya Rossii: proshloe i sovremennost': ist. chteniya* (Political history of Russia: past and present: historical readings), iss. 18, Norma publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. Akhmedov, ChN 2018, *Institut politseyskikh uryadnikov: professionalnaya podgotovka i soystialno-materialnoye obespecheniye ego deyatel'nosti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* (Institute of the police constables: professional training and social and material support of its activities (second half of the 19th – early 20th centuries)), Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Vasiliev, AV 2008, *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti politzii po borbe s prestupnostyu v Kazanskoy gubernii (1862–1917 gg.)* (Organizational and legal foundations of police activities in combating crime in the Kazan province (1862–1917)), PhD thesis, Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow. (In Russ.)
4. Kirnos, AV & Kolesnikov, VA 2022, 'Nekotorye voprosy ratsionalizatsii vedomstvennogo obrazovaniya na soveshchanii nachalnikov militseyskikh shkol 1928 g.' (Some issues of rationalization of departmental education at the meeting of the heads of police schools in 1928), *Voprosy gosudarstva i prava* (Issues of state and law): collection of scientific articles of the All-Russian circle table, Krasnodarskiy universitet MVD Rossii publ, Krasnodar. (In Russ.)
5. Koksharov, AV 2012, *Politsiya Vladimirskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* (Police of the Vladimir province in the second half of the 19th – early 20th centuries), Sprint publ, Ivanovo. (In Russ.)
6. Lobanov, AV & Kuznetsov, OV 2010, *Istoriya politzii Saratovskoy gubernii* (History of the Police of the Saratov Province). Saratovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii publ, Saratov. (In Russ.)
7. Nagmatov, VV 2010, *Evolutsiya soznaniya naseleniya Voronezhskoy gubernii i vzaimootnosheniya s vlastyu v gody Pervoy mirovoy voyny* (Evolution of Consciousness of the Population of the Voronezh Province and Relations with the Authorities during the First World War), *Vestnik TGU* (Herald of TSU), issue 12 (92), pp. 263–268. (In Russ.)
8. Nakhimov, AP, Kirnos, AV & Kolesnikov, VA 2018, *Professionalnaya podgotovka nizhnikh chinov uездной politzii v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka* (Professional training of lower ranks of the district police in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries), Voronezhskiy institut MVD Rossii publ. Voronezh. (In Russ.)

9. Nizhnik, NS & Sidorenko, NS 2018, 'Politseyskaya deyatelnost: tri veka sluzheniya politsii Otechestvu' (Policing: three centuries of service of the police to the Fatherland), *Politseyyskaya deyatelnost* (Policing), no. 5. pp. 1–51. (In Russ.)
10. Ryazanov, SM 2020. *Politseyskiye Urala (1862–1917): normativnye osnovy deyatelnosti, sotsialnyy oblik* (Police of the Urals (1862–1917): regulatory framework for their activities, social image: monograph). Permskiy institut FSIN Rossii publ, Perm. (In Russ.)
11. Sitnikov, KA 2023, Institut uezdnoy politseyskoy strazhi Rossiyskoy imperii v 1903–1917 gg. (na primere Voronezhskoy gubernii): istoriko-pravovoye issledovaniye (Institute of uezd police guards of the Russian Empire in 1903–1917 (using Voronezh Governorate as an example): historical and legal research), PhD thesis, Southwestern State University, Voronezh. (In Russ.)
12. Sitnikov, KA 2024. *Uezdnyaya politseyskaya strazha Rossiyskoy imperii v 1903–1917 gg. (na primere Voronezhskoy gubernii)* (Uezd Police Guards of the Russian Empire in 1903–1917 (on the example of Voronezh Governorate): monograph), Prospekt publ, Moscow. (In Russ.)
13. *Statisticheskii ezhegodnik Rossii. 1914 g.* (Statistical Yearbook of Russia. 1914) 1915, Tipografiya Shtaba Petrogradskigo voennogo okruga publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Tot, YuV 2003. *Reforma uezdnoy politsii v pravitelstvennoy politike Rossii v XIX veke* (Reform of the uezd police in the government policy of Russia in the 19th century), PhD thesis, St. Petersburg State University, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 31.01.2025
Одобрена после рецензирования: 27.02.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 31.01.2025
Approved after reviewing: 27.02.2025
Accepted for publication: 10.03.2025